

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№1 (100)
ФЕВРАЛЬ
2023

№100

Индекс ПА041

«Почта России» объявила досрочную подписку на II полугодие 2023 г.

Цена подписки:

1 номер – 239,55 руб.

3 номера – 718,65 руб.

Стоимость подписки в редакции:

1 номер – 154 руб.

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции 41-04-32

Подписано в печать 15.02.2023 г.
Дата выхода 22.02.2023 г.
Тираж 1300 экз. Заказ №35

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, тел. (8422) 29-70-19, e-mail: ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №1 (100), 2023

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Зимняя рябина. Фото Ирины Морозовой.
На обороте обложки: Февраль. Фото Татьяны Богдан.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на II полугодие 2023 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Сети интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №1 (100), февраль 2023

Содержание

Слово редактора. Первый – сотый.....	3
Глубинка Нина Орлова-Маркграф. Братка. Рассказ.....	4
Литературное наследие Евгений Попов, Михаил Гундарин. Шукшин и его мать.....	11
Страна поэзия Валерий Кузнецов. Ступени. Стихи.....	20
Николай Алешков. Сокровенное слово. Стихи.....	24
Александр Балтин. Русская глубина Николая Алешкова.....	27
Ветер странствий Тихон Синицын. Музыка для путешествия. Стихи.....	28
Река воспоминаний Татьяна Алисевич. Письма больше, чем воспоминания.....	30
Гость Евгений Юшин. Душа рождает слово. Стихи.....	36
С любовью ко всему родному Мой Ульяновск, мой город родной. Фотографии Дмитрия Яшнова.....	42
Аквадели Константина Ванзова.....	46
Валентина Костягина. Дорогой мой земляк, ровесник и товарищ по кисти. (Д.И. Архангельский и К.А. Ванзов).....	49
День памяти А.С. Пушкина.....	56
Николай Марьянин. Россия новым Ноевым ковчегом плывет по океану бытия. Стихи.....	58
Ольга Клопкива. Читай не только для себя.....	62
Книжная полка Алексей Захаров. Большие надежды.....	64
Молодые голоса Алина Осокина. Высший балл Совету молодых литераторов.....	67
Итоги литературного конкурса «Пиши не в стол».....	69
«И хочется творить добро». Стихи участников конкурса.....	70
Елена Кутузова. История одной игрушки.....	71
Ангелина Угасина. Не потерять слово.....	73
Полина Смородина. Мангуста.....	74
Пульс времени Евгений Харитонов. России верные сыны.....	77
Здесь каждый герой. Стихи литераторов из г. Лутугина, ЛНР (В. Удовкина, Е. Санько, С. Казьминой, С. Серебрякова, М. Лысенко).....	79
Сергей Лысенко. Рассказы.....	82
Пишу в «Симбирскъ» Елена Шишкина. История одного стихотворения.....	85
Светлана Гужева. Живой нерв души.....	85
Нина Коваленко. Спасибо журналу.....	86
Народное творчество Маргарита Смирнова. Таков Владимир Мионов!.....	87
И снова февраль. Фотопейзажи.....	92
Николина гора.....	95
Черемшан Белая книга зимы. Стихи димитровградских поэтов.....	97
Память сердца Раиса Кашкирова. Памяти Александры Беловой.....	102
Александра Белова. Люби и помни. Стихи.....	105
И теплый доброты порыв сердечный. Александре Беловой посвящается.....	110
Житейские истории Виктор Бирюлин. Старая фотография. Рассказы.....	112
Юлия Кузенкова. Вечные ценности. Рассказ.....	118
Под сенью дружных муз Людмила Дягилева. Пожалуйста, оставьте автограф.....	123
Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО	127
Юбилейный календарь	130

ПЕРВЫЙ – СОТЫЙ!

Новый номер «Симбирска» – первый в 2023 году и сотый по счету.

Это повод обратиться к нашей истории. С 1990 года в Ульяновске издавался литературно-художественный альманах «Симбирскъ». Первым редактором издания был Лев Александрович Бурдин (1934–1992). Многие известные сегодня ульяновские писатели начинали с публикаций в этом журнале. После выхода первых номеров был долгий перерыв, несколько лет альманах не издавался.

В 2013 году (десять лет назад) вышел первый номер возрожденного литературного журнала «Симбирскъ». Так начался отсчет нового времени для «Симбирска». За эти годы сформировался круг авторов (и он постоянно расширяется), сложился и круг читателей, тех, кто ждет выхода каждого нового номера, тех, кто присылает свои отклики о прочитанном. По отзывам, большой интерес у читателей вызывает раздел «Юбилейный календарь» (ведущий рубрики – Николай Марянин), где публикуются литературные даты, связанные с писателями прошлого и с современными авторами.

Неизменным вниманием пользуются рубрики «Литературное наследие», «Река воспоминаний», «Память сердца», «С любовью ко всему родному» и другие.

«Симбирскъ» объединяет все творческие литературные силы нашего края. Журнал публикует стихи и прозу известных писателей, публикует страницы хроники культурных событий, предоставляет молодым литераторам площадку для дебюта.

Так, в новом номере журнала мы публикуем итоги студенческого конкурса «Пиши не в стол». Приведем цитату из эссе лауреата конкурса Ангелины Угасиной: «Щедра русская речь на слово! Попробуй убрать хотя бы одно из обихода – глядь, а без него уже и жить невозможно. Потеряем ли мы что-нибудь, если не сохраним слово? Конечно. Но потерять слово – значит потерять то, что составляло содержание жизни миллионов твоих земляков в течение многих столетий. А это живые корни родного языка, его неоценимое богатство, своеобразная летопись духовной жизни народа, его память. Невозможно отказаться от памяти, как и невозможно ее потерять...» Отрадно, что об этом пишет молодой автор.

«Симбирскъ» – объединяющее название. Это наш родной город, наша история, наши традиции.

Недаром еще в XIX веке в стихотворении «Симбирск» Пётр Александров назвал наш край «отчиной поэтов».

«Край – Отчизна поэтов! / Здесь всюду жива / Память их, населением чтимая...»

Мы и сегодня утверждаем, что это так!

В каждом номере журнала мы публикуем поэтические страницы. И у нас есть основания утверждать, что вопреки бытующему мнению число ценителей поэзии не уменьшается.

В новом выпуске представлены стихи нескольких авторов. Прочитируем отдельные строки, услышим поэтическую перекличку.

Николай Алешков в стихотворении о Хлебникове полагает, что язык поэта мог бы научить нас «разговаривать с птицами, / с шелестом берёзовой листвы, / с ветром и облаками».

Валерий Кузнецов пишет: «...Но я сейчас слова не буду славить: / Ведь память – образы, а я и есть лишь память. / Река, стрекозы, облака, трава».

А в стихах недавно ушедшей от нас Александры Беловой живет надежда:

«В поэзию можно не верить. / Но травы шумят / и звёзды на небе горят / в преддверии утра. / Усталость уходит, и вновь / есть силы нести / свой крест, как бы ни был тяжёл, / надеждами полнясь...»

И как радостно она восклицает: «О! Есть ещё божественный огонь... А солнце и весна не за горами!»

И наш «Симбирскъ», который в сотый раз приходит к своим читателям, раскрывает свои страницы в предощущении теплых солнечных лучей, пронзительной прозы, новых стихов.

Мы любим наш родной град Симбирск и с искренним старанием собираем каждый номер одноименного журнала.

Высокий чувствуя настрой,
гляжу я вдаль в немом восторге
и слышу где-то под горой,
как гулко бьётся сердце Волги.
...Реки аорта, птичий грай
и дар левши в простом умельце:
на том стоит Симбирский край –
живой и трепетный, как сердце.

(Николай Марянин)

Слушаем живое сердце Симбирска.

Елена КУВШИННИКОВА

ГЛУБИНКА

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ, поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей России. Лауреат премии им. святого благоверного князя Александра Невского, лауреат премии им. С.В. Михалкова.

БРАТКА

Рассказ

Андрею нравилось в армии. И служить ему было нетрудно. Подъем в шесть часов? А в колхозе-то он во сколько поднимался? На сенокос в четыре утра выезжали, чтобы до росы успеть.

Он, рождённый перед самой войной в сибирской деревне, хлеба впервые до отвала наелся, когда ему лет восемь было. А тут в обед и суп тебе, и второе, и компот, большой стакан сладковатого отвара со вкусом сухофруктов, а на дне – разбухшие полумесяцы яблок, ниточки и охлопья урюка, и даже изюм.

Воинская часть, в которую Андрей попал, была маленькой, дорога долго и круто поднималась к холму, верх которого был начисто срыт. На плоском забетонированном темени его и располагалась часть. Андрей прибыл на место службы в начале мая. Первое, что он увидел, глянув с холма вдаль, была бескрайняя вода Волжского моря, большая, ярко-синяя, вся в блестках.

Широкой полосой вдоль берега располагалась окраина районного городка. Взбитая пена цветущих

вишен и яблонь укрывала дома, лишь кое-где видны были жестяные крыши, Андрей изумился густому бордовому цвету жести, красиво как.

Взвод стройбатников, если не было учений, работал на стройке: копали котлованы, таскали кирпичи, брёвна, стальные балки. Не тяжелей мешков с пшеницей, какие носил он подростком в колхозе, или мешков с выкопанной картошкой, сколько он перетаскал их на горбу с огорода под крышу двора, а потом, когда подсохнет – в домашний голбец. В мешок входило около пяти ведер. Твердые картофелины, битком набитые в мешковину, упирались, больно врезались в спину, будто хотели продавить ее насквозь. Андрейка шел, пошатываясь от тяжести, чувствуя, как начинает жечь шею, сводить плечи, тянуть кишки. Бывало, снимет мешок, а высыпать в погреб не получается: руки горят, дрожат и не слушаются.

Андрею очень нравилось, что у него в казарме своя кровать, дома он спал или на печке, или на полу.

Армейская кровать должна быть заправлена строго по линейке. Андрей одеяло натягивает как струну, края так выравнивает, так подгибает, что о них порезаться можно. А около кровати его личная тумбочка. С наслаждением, тщательно наводит он в ней порядок.

И сослуживцы – ребята хорошие. В начале старики, конечно, подшутили над салагой. Присягу придумали. Сержант Аннушкин усадил Андрея на стул задом наперёд и приказал проскакать круг. Повторяй, говорит, за мной клятву:

Я, салага серый гусь,
Я торжественно клянусь
Дедов крепко уважать,
С почестями провожать.
И во славу их трудиться,
Это скоро пригодится,
в чем торжественно клянусь
я, салага серый гусь.

Андрей уселся, как на гнедую лошадь, на высокий, покрытый коричневой олифой стул с гнутыми стройными ножками, который взяли для этого случая из дежурки, и поскакал вперед, потряхивая головой и кося глазами: торс в наклоне, крупные колени подогнутых ног торчат по обеим сторонам стула. Он скорее был похож на лошадь, которая присела, подняв круп и широко расшеперив ноги, чем на седока. Заглушая грохот движущегося стула, Андрей громко гундосил:

Я – салага серый гусь,
Я торжественно клянусь...

При словах «дедов крепко уважать», Андрей вдруг представил себе трёх самых старых дедков из своей деревни: младшему, деду Мамону, местному знахарю и лекарю, который унимал зубную боль и правил грыжу, было восемьдесят восемь лет; кержаку Кондрату Ивановичу, здоровому, с круглым красным лицом, с длинной бородой, уложенной волнистыми косицами, исполнилось девяносто. Андрей помнил себя лет с четырех, и с этого же времени помнил Кондрата Ивановича, летом целый день сидевшего на завалинке с лестовкой. Третьему деду, Николе, ещё выходявшему за ворота, в старой казачьей фуражке, было и того больше. На праздник дед Никола не отказывался от рюмочки, а выпив, долго-долго пел казацкие песни, и слезы текли у него по лицу.

...Андрей, упираясь в пол носками и держась за спинку стула, шел по кругу. Армейские «деды», сгрудившись позади, беззлобно хохотали, и он смеялся. Нет, сержант не причинил ему боли, заставив нелепо и по-дурацки выглядеть перед другими бойцами. Простодушие, как невидимый щит, защищало Андрея в первые месяцы службы. Он не чувствовал в придирах или приказах какого-нибудь вальяжно разлегшегося на кровати дембеля ничего унижающего: вымыть шваброй взлётку, почистить картошку, подшить подворотничок. Перед самым дембелем «деды» начинают чудачить. Один, например Влад по фамилии Хвостенко из Ростова-на-Дону, захотел, чтобы салага ему на подворотничок цифру 61 вышил. Черными нитками. Столько ему до приказа об увольнении из армии осталось. Андрей взял нитку потолще и вышил на «подшиве» заветные

цифры. На следующий день Андрея отправили дежурить на кухню. Хвостенко менять подшиву поленился, так и остался с вышивкой «61». Командир роты увидел и говорит: «Пойдем тебе навстречу, рядовой Хвостенко. Будет у тебя всегда шестьдесят один день до дембеля». Пошутил. Хвостенко от этой шутки чуть руки на себя не наложил.

Вообще, всё на службе у Андрея было хорошо. Но только сильно скучал он по старшему брату Митрию, которого с детства называл «братка». Сильно скучал. Иногда до такой степени, что хоть перемаживай через забор части и беги. Ему много-то и не надо, хоть бы пять минут посидеть с браткой рядом, лицо увидеть, поговорить маленько. «А что, если не дождётся он меня и умрет?» Андрей пугался этих хоть и про себя сказанных слов.

Братка уже несколько лет болел легкими. Он сильно похудел и ослаб и в последний год почти не выходил из избы. Сидел на топчане, прислонясь к печи.

Андрей замечал, как изменилось лицо Мити: обрезалось, исхудало. На бледной, тронутой желтизной коже, вдруг пятнами проступала краснота. И все тело его, такое раньше торопливое, стремительное, стало впалым, почти исчезнувшим, словно вычерпала его болезнь до дна, только глаза блестели таким же острым, ласково-насмешливым огоньком, как раньше. Только глаза и остались. Братка приступообразно кашлял, отчаянно стараясь высвободить залепленные мокротой бронхи и, когда это удавалось, вытирал пот со лба, откидывался на подушку и закрывал глаза. Отдыхал.

Зимним днем стоя в карауле, Андрей с трудом вдыхал непривычный ему сырой, смешанный с изморозью воздух, которым невозможно было легко и вольно дышать. То и дело покашливая, думал про братку. Мать в каждом письме пишет одно и то же. «Митя тает ... боюсь, что...» И Тонечка, их соседка-школьница, в последнем письме прямо написала, что плох совсем братка. Когда Митя заболел и часто вынужден был отлеживаться дома, шестилетняя Тося, смышленная и очень потешная, каждый день прибежала навестить его. Она развлекала братку. Митя звал ее Тосячок. Он научил ее играть на гармошке частушку. Сидя на топчане рядом с браткой, Тосячок держала гармошку на коленях, уверенно нажимала на кнопки пальчиками, играла и что есть сил выпевала частушку, которая сильно ей нравилась:

Я сидела на рябине,
меня кошки теребили.
маленьки котяточки
царапали за пяточки!

Митя рассказывал ей всякие истории-небылицы, от которых крапинки тоськиных глаз начинали сверкать и словно бы сыпаться, как искры на круглом точиле, а рот надолго оставался открытым. Она верила каждому слову и забывая, что это Митя рассказал ей небылицу, тут же начинала ему пересказывать эту фантастическую историю как свою. В это время у Тоси чуть не каждый день выпадали молочные зубы. Рот ее обмяк и провалился, дела

крутлую щекастую мордочку уморительной – детской и старушечьей одновременно. Митя строго спрашивал Тонечку:

– Опять ты, Тосячок, к Зубаревым хлеб таскала? Тонька отрицала.

– Таскала. Зубы-то где?

– Не таскала.

– Таскала, таскала.

– Нет! – кричала Тонька, не выносившая несправедливости. Гневные слезы капали из ее глаз, и она убежала от братки домой. Но минут через двадцать возвращалась.

Теперь Тонечка училась в пятом классе и писала Андрею в армию нежные девичьи письма.

«Господи Боже, если ты есть, сделай, чтобы я увидел ещё хоть раз своего брата, ничего больше не прошу у тебя и просить не буду!» – молил Андрей, думая, что у Бога так же, как и у людей, часто просить нехорошо. Он обратился к Богу в виде исключения. Андрей был комсомольцем и значок носил, но когда тоска и страх раздирают душу, куда тут деваться – не комсомол же просить, чтобы не умер брат. В этом деле комсомол не помощник.

Братка, сколько помнил Андрей, всегда был рядом с ним. Отец ушёл на войну осенью сорок первого и через полгода погиб, а мать, измученная работой и ранним вдовством, стала крикливой, слезливой и скорой на расправу, лупила за каждую мелочь. Митя был старше его на двенадцать лет, считал себя взрослым и сильно жалел маленького Андрея, он прозвал его Мизинчик. Выпрашиваясь у матери сходить с ребятами на Дальнее озеро в двух километрах от села, братка брал с собой Андрейку и большую часть дороги нёс на горбушке. Они шли позади всей мальчишеской компании, и Андрейка виновато спрашивал:

– Братка, тебе, поди, тяжело?

– Тяжело, семь кило. Своя ноша не тянет! – смеялся Митя и бежал догонять ребят. Андрейка подпрыгивал, визжал, благодарно утыкаясь головой в братку.

Начиная с сорок третьего года Митя работал в колхозе. Зимой и за дровами, и за соломой посылал его председатель, и скотный двор чистить, и назём, впрягшись в сани, вывозить. Даже и на третьем году войны в колхозе еще оставалась небольшая свиноферма, располагавшаяся за деревней неподалеку от большака. Летом председатель Андрей Каспарыч дал Мите старого коня по кличке Гром и телегу к нему, чтобы возил он на ферму бочки с водой для поила. А совсем в другой стороне, за рекой, паслись коровы, сильно изголодавшиеся за зиму. Все лето держали их на пастбище, на ночь загоняя в огороженные жердями денники. Митя возил на телеге утром и вечером через брод за реку доярок, подвозил воду и лизунец*. Андрейка каждое утро начинал плакать и не отлипал от Мити, пока тот не соглашался взять его с собой на телегу. Андрейка ехал с ним до края села, а потом братка снимал его с брички и говорил заботливо, по-отцовски:

– Ну, Мизинчик, беги теперя. Вечером привезу тебе гостинца.

Вечером после захода солнца четырехлетний Андрейка босой, в одних трусах мчался на край

деревни, садился посреди дороги в песок, который забивался в цыпки на ногах, комары укрывали плотным черным слоем голяшки, но он сидел и ждал, когда же появится Гром, тяжело ступающий, умученный, нетерпеливо погоняемый Митей. Завидев братку, Андрейка вскакивал и несся к нему. Тот степенно останавливался и, наклонившись, подхватывал с дороги мальчонку. Андрейка усаживался к брату на колени.

– Пошел! – приказывал Митя коняге, слабенько хлестнув его вожжой, доставал из кармана кусочек хлеба.

– На вот тебе лисичкиного хлеба.

Андрейка брал пропахший бором и полем хлеб, нисколько не сомневаясь, что он от лисички, и моментально проглатывал его.

– Будешь править? – спрашивал Митя.

Андрейка брал вожжи, правил, время от времени грозно покрикивая на Грома:

– Но! Но, Глом!

Мать всегда давала утром братке *собоечку*: узелок, в который клала вареную картофелину и бутылку молока. А хлеб только изредка.

«А он и этот, редкий кусок оставлял мне», – думал Андрей, стоя на посту.

Тосковал Андрей, сильно тосковал по братке.

На втором году службы ему, как дисциплинированному бойцу, положен был отпуск, он и рапорт уже написал. Но когда прямо с поста, где он дежурил, ему было приказано явиться к дежурному по части, Андрей сильно встревожился.

Войдя в дежурку, он увидел старшего лейтенанта Чекмарева. Как только Андрей, вытянувшись и отдав честь, доложил о своем прибытии, Чекмарев торопливо, не по-уставному сказал:

– Устьянцев, ты идешь в отпуск!

И сочувственно посмотрев на Андрея, мягко добавил:

– Телеграмма тебе.

Чекмарев держал в руке зеленоватый, сложенный вдвое бланк. Андрей взял телеграмму и не прочел, а вдохнул с бланка жесткие, схватывающие горло слова: «Умер братка. Выезжай».

– Зайди в штаб. Твой отпускной билет готов. Деньги получишь. Время не тяни.

Чекмарев говорил медленно и четко, что подходило к его обстоятельной уважительной фигуре и лицу, на котором все было крупным, но аккуратным и внушительным.

– До Петрова Вала на автобусе доедешь. Билет на поезд получишь, неважно, есть у них места или нет, а тебе дадут. По телеграмме. До Новосибирска на поезде тебе ехать трое суток.

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант, – наконец выговорил Андрей.

– Да ещё пока до своей деревни доберешься. Сколько там езды?

– День, считай, уйдет, товарищ старший лейтенант!

– Тьма тараканная!

Чекмарев вздохнул.

– Попрощаться не успеешь. Закопают уже.

– Попрощаюсь, – сказал Андрей. – Откопаем. Я на братку обязательно посмотреть должен.

Старший лейтенант был родом из Москвы и не

слыхивал о таком, чтобы покойников откапывать да на них глядеть. Но в сибирских деревнях зимой, в метели и морозы, бывало, захороненных откапывали, открывали гроб, чтобы трудно добравшийся и опоздавший на похороны мог поглядеть в последний раз на кровного своего усопшего родственника.

* * *

В поезде Андрей лежал на верхней полке, думал о братке. То верил, то не верил в случившееся. Фигуры пассажиров, по трое и четверо сидевших на нижних плацкартных полках, виделись ему словно издалека: черно-белыми расплывчатыми контурами.

Только старичка, подсевшего к нему в Саратове на нижнюю полку, сразу воспринял он как настоящего. Старичок тут же доложил, что едет он от дочери, выходит под Омском, и выпытал, куда и зачем едет солдатик. Старичка тоже звали Андреем. В обед дед Андрей достал завернутые в газетку крутые яйца, белый хлеб и порезанное на тонкие пластики соленое сало.

– Посолонкуй со мной, сынок, – позвал он Андрея, тронув его за плечо. – Давай, спускайся с небес своих.

– Не хочу, дед, – отказался Андрей.

– А ты через не хочу, – глаза старичка глядели на Андрея бодро и спокойно, от лица, наморщенного лба, серебристой бородки и от фигуры – легкой, сухой – веяло, именно веяло, покоем.

– Раньше времени маешься, сынок. Умер, говоришь? А кто тебе сказал? Почему тебе знать, кто жив, кто мертв?

Андрей непонимающими глазами глядел на стоявшего у полки деда Андрея.

– Тебе сейчас главное добраться туда, солдат.

Голос старичка, ласково-насмешливый, спокойный, был похож на Митин, и Андрей потянулся на него. Он поднялся со своего лежбища, слез вниз и присел напротив старичка.

– Силы береги, чтобы доехать, – сказал старичок, укладывая на широкий хлеб два пластика сала, а сверху серпик разрезанного яичка.

– Съешь, Андрейка.

Андрей послушно взял хлеб и все, что прилагалось к нему, и быстро съел.

– А если метель? Еще и пешком идти придется, – бормотал старичок, налаживая второй бутерброд с салом и яйцом. – Съешь еще.

Андрей, сам себе удивляясь, съел и второй хлеб. Ему казалось, что вместе с хлебом старика он принял внутрь крупницы снадобья, родившего в душе надежду: вдруг телеграмма – это шутка или в ней что-то напутано? Вдруг братка просто крепко спал, а мать решила, что он умер?

– Спасибо, дедко, хороший ты человек, – поблагодарил Андрей старичка, когда съел угощение и выпил чай.

– Все мы хорошие! – глаза старичка на миг затуманились. – Бородка Минина, а совесть глиняна. Ну теперь отдыхай, солдат.

Андрей забрался на верхнюю полку и заснул долгим бесчувственным сном. Он проспал сутки и, когда проснулся, нижнее место, где сидел старичок было пустым. Дед Андрей вышел на своей станции под Омском.

На четвертые сутки морозным полднем шел

Андрей от большака к деревне, куда подвез его попутный бензовоз. От стремительной ходьбы ему стало жарко до пота, и он расстегнул шинель. Проселочная дорога ершилась снегом, но внизу был натоптанный наст. Войдя в деревню, он пошел через улицу, начинавшуюся от дороги, пройдя ее, повернул вправо и увидел свою. Она была крайней, за огородами начинались большое займище и большой чоккарник.

Их изба стояла напротив длинного порядка домов, одна, сама по себе на пригорке. Узкая тропка посреди снежных наметов вела к нему. Андрей жадно ступил на нее, нещадно давя пищащий под сапогами снег, быстро прошел по ней к калитке. На дворе неубранный снег лежал толстым плотным слоем. В школьном детстве, в зимние каникулы, Андрей вырубал лопаткой или мастерком большие ровные кирпичики и строил снежную крепость, а Митя делал украшения: устанавливал поверху зубчатые башенки. На ночь они с браткой обливали их водой, и утром башни становились ледяными, почти прозрачными.

Андрей искал взглядом на снегу двора остатки сосновых веток или хотя бы рассыпанные по снегу темно-зеленые иглы – по обычаю их бросали в знак прощания, когда выносили из дома гроб. Но снег был чист. Он вбежал на веранду, устроенную перед сенями. Мгновенно подумал, что крышка от гроба должна стоять здесь, но ее не было. Значит, похоронили.

Перешагнул в сени, открыл дверь в прихожую.

– Андрейка! – мать, склонившаяся над большой кастрюлей, в которой она обычно заваривала корм поросенку, выпрямилась. Подхватила и пошла навстречу. Упала в распахнутую на груди шинель, прижалась, заплакала. Маленькая, в ветхой шерстяной кофте с прозрачными пуговичками, которыми маленький Андрейка любил трогать и разглядывать, а мать шлепала ему по рукам:

– Оторвешь!

И не сосчитать, сколько лет она носит эту кофту, всю в починках. Мать подняла лицо, запавшее, морщинистое, с большими коричневыми пятнами на щеках. Лицо старушки. Или он не замечал раньше, или так состарилась она за последний год?

– Мам! Я его откапаю. Я его увидеть хочу, – решительно сказал Андрей.

– Мать отпрянула от него.

– Кого откапашь?

– Братку.

– Что ты, сынок!

Это слово – «сынок» – чуть не разорвало сердце Андрея. За все детство он помнил только один случай, когда мать назвала его так вот: сынок. Он тогда сильно заболел воспалением легких, на ладан дышал. Мать, жалкая и виноватая, давала ему тепленькое барсучье сало с ложки, а он не хотел и не мог его проглотить.

– Прошу тебя, сынок!

А он отвернулся к стенке и не стал пить. Он слышал, что мать заплакала, но ему не было ее жалко.

И вот теперь точно так же – нежно и виновато прозвучало это «сынок!»

Андрей смятенно глядел на мать.

– Мама, я телеграмму получил...

– Жив братка твой, – тихонько сказала мать, –

но плохой. Совсем плохой, – повторила она. – На той неделе ему стало лучше, он даже вон стул мне подправил, подколотил, а то разваливался весь.

Мать с одобрением указала на самодельный стул, вернее, большой некрашенный табурет с отполированным сиденьем.

– А потом, – она кивнула на вешалку у двери прихожей, – надел полушубок, шапку да и пошел на улку. «Прогуляюсь», говорит. Я вышла потом, встала с той стороны, где у нас баня, сердце трепещет, гляжу, а он идет вверх по дороге, берегом, как раньше, да легко так, будто и не болел никогда.

Мать заплакала.

Андрей не понимал, что происходит. Не то он все ещё в поезде спит на своей полке и видит сон – дом, чистый снег, тропа, мать и это чуть не разорвавшее ему сердце «сын»». И Митя жив. Или он все же приехал домой, но мать его сошла с ума от горя?

Топчан у печи был пуст. Так и не сняв шинель, Андрей перешагнул через маленькое пространство прихожей, открыл дверь в горницу и вошел туда.

– Мы Митю сюда перевели, – с виноватой суетливостью следуя за ним, говорила мать. – Здесь я голландку два раза топлю, Митя у меня всегда в тепле. И спокойнее в горнице.

Братка полулежал на железной панцирной кровати-полуторке, раньше на ней спала мать. Под спину были подложены две большие подушки. Он часто, прерывисто дышал, сейчас, когда Андрей подошел к нему, дыхание прервал кашель.

– Мизинчик! Приехал... – проговорил Митя, как только смог.

– Братка!

В горячечной радости Андрей напрочь забыл обо всем – о телеграмме, и о мучительной дороге, и о матери, стоящей на пороге горницы. Он обнял братку, прилег с края койки, прижался лицом к одеялу, которое лежало плоско и ровно, словно под ним никого не было, смотрел на любимое лицо, заострившееся, но все-таки узнаваемое, родное.

– Дождался я тебя...

– Митя, ты сто лет жить будешь!

– А то ли нет. И сто, и двести, и во веки веков.

Синие глаза братки из глубины глазниц смотрели живо и спокойно.

– Рассказывай, Мизинчик.

Андрей, то и дело пожимая прохладную влажную ладонь брата, стал рассказывать, как он ехал, какой чудной попался ему попутчик, дед Андрей, угощавший хлебом и сальцем, и как он сказал: «Откуда мы знаем, кто жив, а кто мертв».

Митя приподнял голову и с удовольствием повторил слова старичка:

– «Умер? Кто тебе сказал?» А ведь и правда. Мы ведь не знаем, как оно есть на самом деле. Почему нам знать?

Андрей не совсем понимал, в чем правда этих слов и почему они так понравились Мите, но главное, что они понравились брату. Что братка доволен.

Митя снова сильно закашлялся.

Он вытащил из-под подушки чистую прокипяченную тряпочку и, прикрыв ей рот, долго сидел в вынужденной позе, сжав плечи и наклонившись вперед. Наконец, кашель стих и братка словно

задремал, только дыхание оставалось тяжелым, шумным. Оно было похоже на осенний ветер, натужный, надсадно свистящий, а то хрипящий, всхлипывающий. Было около трёх часов дня. Лучи зимнего солнца по кривой проникали в правое окно горницы через мелкий узор оконных задергушек, тонкой солнечной паутинкой ложились на братнино лицо. Утомлённый дорогой, убитый горем, потрясённый нечаянной радостью, Андрей сделался весь каким-то соловым и обмякшим. Он сел теперь поперек койки, спиной к стене. Приоткрыв рот, жадно и неподвижно, словно про запас, глядел на братку.

– И как это получилось, а, Митя? – сказал он. – С телеграммой-то?

Братка приподнялся, шутливо хлопнул его по плечу:

– Хитрый Митрий помер и глядит.

Андрей рассмеялся:

– На все у тебя есть пословица, братка.

Ему вдруг показалось, что они сидят за столом. Раннее утро, на столе стоит чугунок с картошкой в мундире и большая деревянная солонка. Митя, быстро снимая шкурку с картофелины, режет ее на дольки, смазывает подсолнечным маслом и солит крупной солью. Тепло и уютно.

Андрейка отодвигает от себя картофельные дольки. Он не хочет картошку, а просит хлеба.

– На-ка вот тебе, – протягивает ему что-то братка.

Андрей с удивлением видит хлебную горбушку – запывлённую и пахнущую полев и сосновым бором и прошептав: «лисичкин хлеб!», с жадностью ест.

«Пошёл я, Андрейка,» – говорит братка.

В руке у него хозяйственная сумка, какую всегда брал он с собой на бригаду. Братка накидывает полушубок.

– Хоть бутылочку молока с собой возьми, – слышит Андрей голос матери из прихожей.

Братка куда-то уходит!

Босой, в длинной домашней рубашке, Андрейка бежит за ним к дверям и кричит что есть силы:

– Братка, я с тобой!

...Вздвогнув и проснувшись от собственного крика, Андрей открыл глаза. В горнице было темно и тихо.

Шумное, надсадное, как осенний ветер, дыхание брата остановилось.

Андрей вынул одну подушку из-под спины братки, удобно положил его и остаток ночи просидел с ним.

Назавтра у него было много хлопот, которые отвлекали, заставляли не думать о том, что братка умер. Утром он ушел из дома, предоставив омыть и одеть покойника матери и двум соседкам-старухам. Вместе с плотником Николаем, другом Мити, обтесывал он доски, сколачивал гроб. Забывался и спрашивал себя: «Для кого мы его колотим?» Потом спохватывался. Принес готовую домовину и опять ушел. Взяв большую лопату, отправился на могилки, так в деревне называли кладбище. Дорогу недавно прочистил трактор, но на самом кладбище снег лежал вольно и глубоко. Пробираясь через него, проваливаясь и выбираваясь в поисках твердого наста,

вытаптывая тропу и подчищая лопаткой, дошел он до их, Устьянцевых, места. Растресканное дерево старых крестов, занесенных почти до верха, – здесь лежат прадед и прабабка. Металлический сваренный из труб крест с наплывами швов в местах соединения крестовин – это могила бабушки Оли. Деревянный памятник, похожий на домик, братка сам делал, с резной рамкой посередине, годы жизни: 1872–1940 – это деда Петра. Хорошо, что дед перед войной умер и не узнал, что сын его, Александр Устьянцев, через два года погиб на войне. Меж бабушкой и дедом – маленькая, почти плоская могила – там покоится старшая сестричка Андрея Нюточка, которая умерла раньше, чем он родился.

Полдень был тихий, с сухим морозом, но здесь в открытой степи все же сквозил через узкие перелучки и меж могилами торопливый ветер, и Андрею вдруг послышался тоненький голос Пелагеи, деревенской плакальщицы, которую слышал он в детстве, как причитала она, когда умерла бабушка Оля. И сейчас, услышав ее тоненький голос, Андрей вспомнил себя пятилетним мальчиком, сидящим у братки на руках, и ощутил, как ему стало спокойно и тепло. Он вычистил от сугробов участки, где будут завтра копать яму, и вернулся, чтобы посидеть у гроба брата.

Вернувшись, Андрей сел у гроба, спокойный, с умягченным сердцем и тихонько заговорил с браткой:

– Сходил на кладбище, снег на участке почистил. Земля сильно промерзла, железная прямо. Но ничего. Ночью костер запылал, подтает. Мужиков уже набрал, кто копать будет: Ленья Леготин, Сашка Мерц, дядя Петя Плотников и соседка наш, Ефим Петрович, у него пила хорошая, пригодится.

2

После похорон Андрей двое суток до отъезда выяснял, кто же послал ему в армию телеграмму. Сначала он думал, что это Тоня. На похоронах она плакала сильнее и громче всех. Деревенские удивлялись и, перешептываясь, говорили: «Ты смотри, как Тонька убивается. Ровно по родному!»

Тоня старательно помогала его матери приготовить кутью и молочную лапшу на поминки, милое лицо ее выглядело грустным и растерянным. Андрей подошел к ней, обнял за плечики и сказал: «Спасибо тебе, Тонечка, за телеграмму. Вовремя вызвала». Но Тонька, всхлипывая, продрогшим голосом проговорила: «Я не посылала, Андрюша». Не посылал и Митин друг, Николай. «Какая теперь разница, кто послал? – с досадой сказал он. – Брось ты это знание, Андрейка!»

Андрей шел вдоль замерзшей реки, укрытой у берегов пухлыми белыми наметами, посередине – снежными гребнями и россыпью льда у рыбацких лунок. Вся его жизнь была связана с рекой. Он будто родился в ней. Андрей не помнил, чтобы когда-нибудь не умел плавать, Митя говорил, что он уже в три года плавал. У них была на берегу своя мостушка в три широкие доски. Еще отец сколотил ее. С мостушки набирали воду, мать полоскала белье, драила песком и промывала посуду. Маленьким Андрейка купался у мостушки, подныривал под доски, выплывая с другого бока. Река казалась ему живой и понимающей, как человек. Она любила Андрейку,

теплая мягкая вода обмывала ему шею и спину, щеколала струйками, стекая с волос по лбу и щекам, играла с ним. А когда он, пятилетний, вечно голодный, ловил пескарей банкой, накрытой воронкой из толя, она посылала, подсовывала ему целые косяки рыб и радовалась вместе с ним, искрясь на свету июльского солнца. Так думал он, маленький.

Андрей шагнул с дороги к самому краю высокого речного берега. Он смотрел вниз, будто надеясь, что вдруг сбросит река с себя ледяную крышку и оживет, выйдет из домовины, потечет, позовет к себе в свою теплую мягкую воду. «Ну и упряталась ты. Не видать, не слышать. Знала бы, как я по тебе соскучился» – про себя произнес он, и словно ощутил, как теплые мягкие струи прикоснулись к его голой шее, потекли по спине, обняли его всего.

– И почему братка не может вот так, как река? Выйти из ледяной домовины? Или... может? Как это старичок сказал: «Умер, говоришь? А кто тебе сказал? Почем тебе знать, кто жив, кто мертв?» И Митя на это сказал: «А ведь и правда».

И вдруг Андрей со всей силой своего простодушия поверил, что Митя не умер навсегда. Братка, такой веселый, насмешливый, ласковый мастеровой, такой нужный, не мог исчезнуть навсегда. Не мог и всё. Андрей шел и ощущал рядом с собой его родное и нетленное тепло.

Он пошел прибрежной улицей, которая поднималась вверх, потом пересек ее и вышел к почте, большому бревенчатому дому, принадлежавшему когда-то сибирской купчихе. Высокое крыльцо вывело на квадратную галерею, которую огораживали фигурные столбцы. Андрей поднялся и вошел в почтовое отделение.

За высокой загородкой сидела единственная ее работница тетя Маша, она работала здесь с того дня, как почта открылась. А произошло это в сорок седьмом году. Тетя Маша сидела за столом и считала на больших бухгалтерских счетах. Тут же на столе с одного бока стояла банка с сургучом, лежали моток шпагата и большие ножницы. На широком постаменте с обратной стороны загородки стояла чернильница и две деревянные ярко-желтого цвета ручки, которые опирались перышками на ее круглые края.

Тете Маше было уже лет сорок, но выглядела она как молодая. Она не повязывала, как другие деревенские женщины голову платком. Темные, без седины волосы всегда были по-городскому уложены сзади аккуратным валиком, а впереди у лба и висков они кучерявились, лицо у тети Маши было как у городских, белое, нежное. Мать рассказывала им с Митей, что тетя Маша была приемной дочкой зажиточной семьи, и, когда семью раскулачивали, главный коммунист Павел Костров решил, что раз Маша не родная дочь этих кулаков, то можно не отправлять ее вместе с ними в ссылку. Он поселил ее у своих родственников, а потом, когда Маша подросла, женился на ней.

Андрей знал, что братка выделял тетю Машу из всех деревенских женщин, очень уважал ее за особую красоту и умный нрав, и всегда говорил Андрею: «Вот какой должна быть женщина!»

Тетя Маша носила на шее не стареющий ярко-зеленый, всегда отглаженный платочек, кончики которого свисали ей на грудь острыми свежими листочками.

– Андрейка!

Пальцы тети Маши ласково замерли на косточках счет: – А у меня бухчет: бух да бух по голове.

Андрей поздоровался, облокотился на поставец и не церемонясь спросил:

– Теть Маш, это ты мне телеграмму отправила? Что братка умер?

– Наш Демид прямо глядит, – ответила тетя Маша пословицей, которую и Митя часто говорил. – Сильно сердиться?

– Нет, я благодарен тебе, спасибо, тетя Маш! Иначе не увидел бы братку живого.

– Не посылала я.

– Так некому больше.

– Ей – Богу. Вот хоть честное ленинское, как ты комсомолец, – спохватилась тетя Маша и прижала руку к сердцу.

– Еще можно сказать: «Мамой клянусь», – посоветовал Андрей. – У нас сержант Хвостенко всегда так говорил, когда врал.

Тетя Маша глянула на него, села на свое место и пододвинула к себе счеты.

– Андрей! Такие телеграммы в больнице круглой печатью заверяют.

– Эта не заверенная была, – сказал Андрей и хлопнул ладонью по поставцу. – Никто из родни телеграммы не отправлял, Тонька не отправляла, и ты отказываешься. Теть Маш, ты тут одна работаешь. Кто ж послал?

– Никто отсюда не посылал, – медленно, с нажимом на каждое слово произнесла тетя Маша. Будто поставила большую и жирную точку в разговоре.

– С неба, что ли, она мне в армию упала?

– А так и думай, что с неба, – обрадовалась тетя Маша. – Небесный телеграф послал.

– А такой бывает?

– Сам видишь.

– До свиданья, тетя Маш, – сказал Андрей.

– Вернись в деревню после армии?

– Вернусь.

– А братка тебя ждать будет, – тетя Маша пыталась не дать ходу неудержимым слезам, но они все же излились. Она промокала щеки концами платка, и зеленый цвет их становился ярким, влажным, как трава после дождя. – Царствие Небесное Мите.

3

Сидя в поезде, видел Андрей заснеженную землю, схваченную звериной хваткой мороза, и ему казалось, что вся она прячет, держит и хранит его братку. Он вспоминал, как всю ночь жег костер, нагревал мерзлоту, как утром, сняв верхние оттаявшие слои земли, отбойным молотком отбивал куски мерзлой, пробивал и ломал ее железным ломом, вырубал на глубине куски топором, рвал и резал лопатой, чтобы выкопать яму. Чтобы мягче и теплее лежалось Мите. Подошли односельчане с лопатами, он договорился с ними еще накануне: друзья детства Мити Ляня Леготин и Сашка Мерц, дядя Петя Плотников и сосед Ефим Петрович со своей знаменитой пилой, что и железо резала, как бумагу. Молча взялись за дело.

И вот вынесли они гроб с Митей за ворота, поставили на табуретки. Обступили его сельчане, а мать захлебываясь, истерично кричала: «В одном костюме! Ему же холодно! Митенька, тебе же холодно!» И пыталась снять с себя Митин полушубок, в котором ездил он, бывало, в морозы на заготовки

дров. И старые сестры матери, приехавшие из дальних сел, с обеих сторон держали ее за руки. Андрей кивком здоровался с деревенскими, некоторые подходили, молча обнимались с ним. Соскучились.

И вот уже подняли гроб и понесли братку по улице, за дальний поворот, где начиналась дорога на кладбище.

...Весь обратный путь в поезде Андрей почти не спал и не ел, но был бодрым. Когда проводница, зашпанный и скукоженный, в четыре утра пришла будить его, он одетый с вещмешком за спиной уже стоял в тамбуре.

В военной части все казалось Андрею новым. Словно годы прошли с того утра, как вышел он через КПП и побежал с холма вниз, в город, к автобусной остановке, чтобы доехать до станции. Силикатный кирпич одноэтажной казармы был на четверть стены укрыт новым красным плакатом, перед казармой два голых осокоря, так назывались здесь тополя, блестели ледяными гроздьями, свисающими с ветвей. Расчищенный плац, разделенный белыми линиями на строевые площадки, был красив и торжествен. Все за оградой части казалось строгим, важным, серьезным и это восхищало Андрея. Четкие дорожки расходились от пропускного пункта в разные стороны: к казарме, дежурке, столовой. Он шел к дежурному по части, доложить о прибытии. Дверь в нее была открыта, и Андрей, еще не заходя, увидел стоящего посреди дежурки старшего лейтенанта Чекмарева. Он, как видно, опять был дежурным. Андрей строевым шагом подошел к Чекмареву. Вытянулся:

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться!

– Вольно. Прибыл, значит.

– Так точно, товарищ старший лейтенант Чекмарев!

Фамилию Андрей сказал нечаянно и смутился

– Зарапортовался маленько, – усмехнулся дежурный. И, понизив голос, спросил:

– Ну что, откапывали?

– Нет. Успел.

– Успел? Как же?

Андрей машинально тронул карман шинели, где лежал сложенный вчетверо бланк телеграммы:

– Чудо, старший лейтенант. Небесный телеграф.

Чекмарев сочувственно взглянул на отпускника, который, видать, еще находился в состоянии аффекта.

– Чудо, если в столовой еда осталась и ты перед марш-броском позавтракать успеешь, – сказал он. – В столовую бегом марш!

Андрей, отдав честь и повернувшись, вышел из дежурки, широко пошагал, а потом побежал, стуча сапогами по кирпичу расчищенной дорожки, снова ощущая рядом с собой Митю, его родное и нетленное тепло.

Шел девятый день со дня кончины братки.

**Лизунец – каменная соль, идеальный источник минеральных веществ и хорошая добавка к ежедневному рациону животных.*

Евгений ПОПОВ, Михаил ГУНДАРИН

ШУКШИН И ЕГО МАТЬ

Мы предлагаем вашему вниманию фрагмент из биографии кинорежиссёра, сценариста, писателя Василия Макаровича Шукшина (1929-1974), написанной известным прозаиком Евгением Поповым (когда-то он общался с Шукшиным лично) и критиком Михаилом Гундариным. Особенность книги в том, что она написана в форме диалога: Попов и Гундарин обсуждают факты из жизни своего героя и их интерпретацию современниками и исследователями. Предыдущая их совместная работа – биография Фазиля Искандера, написанная в том же диалогическом формате, – вышла в 2022 году.

В публикуемой главе речь идет о самом важном, может быть, для Василия Макаровича человеке – его матери (а также о другой родне: отце, отчине и сестре).

Е.П.: Я считаю – самое главное, что надо знать о матери Шукшина: она его очень любила. И он ее любил. Всё.

М.Г.: Причем это была в высшей степени деятельная любовь. Мать, например, помогла ему выправить паспорт – что было в это время почти невозможно, величайшей сложностью. Молодежь, пожалуй, и не поверит нам, что паспорта крестьяне получили только в 1974 году. Вот из Постановления Совета министров СССР от 28 августа 1974 г. №677.

МОСКВА, КРЕМЛЬ: «Совет Министров СССР постановляет: ... Гражданам, проживающим в сельской местности, которым РАНЕЕ ПАСПОРТА НЕ ВЫДАВАЛИСЬ (выделено мной – М.Г.), при выезде в другую местность на продолжительный срок выдаются паспорта, а при выезде на срок до полутора месяцев, а также в санатории, дома отдыха, на совещания, в командировки или при временном привлечении их на посевные, уборочные и другие работы выдаются исполнительными комитетами сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся справки, удостоверяющие их личность и цель выезда». То есть официального разрешения на то, чтобы покинуть Сростки, Василию Макаровичу пришлось бы ждать до конца жизни.

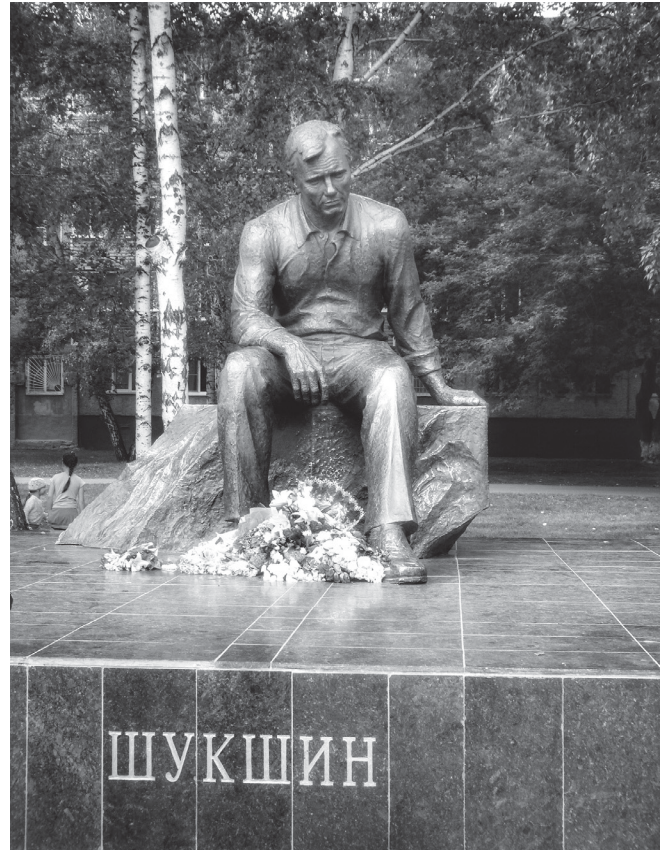
Тут, конечно, существовало множество лазеек, легальных, полулегальных и нелегальных вовсе. Было бы желание рискнуть. И поэтому дело было прежде всего в том, что мать поддержала Василия в намерении уехать из деревни. И помогла ему решить вопрос с документами.

Бывало и иначе. Сюжет повести Бориса Можаева «Из жизни Федора Кузькина» именно о том, что мужику не дают паспорт, чтобы он вышел из колхозников и устроился на любую работу, лишь бы прокормить многодетную семью. На так называемые «трудодни», которые колхозники называли «палочками», ему выдали столько муки, что впору было помереть с голоду. Спектакль, который в Театре на Таганке поставил по этой «деревенской прозе» космополит и модернист Юрий Петрович Любимов, тут же запретили за «антисоветчину».

Е.П.: ПОСТАНОВЛЯЕТ ЭТОТ СОВЕТ! РАЗРЕШИЛИ, БЛАГОДЕТЕЛИ! И то – как-то весьма странно вато, если вчитаться. Да, широка была советская власть, и это неудивительно. Удивительно, что Мария Сергеевна, мать Шукшина, что-то такое необыкновенное сразу же в сыне почувствовала. Ведь какая мать не хочет, чтобы ее отрок находился при ней? Но она, похоже, с его самого раннего детства поняла, что Васю ждет большой путь, и на этот путь постоянно сына направляла. Дочь – это другое. Ее место около матери, такова крестьянская психология, поэтому сестра Василия Макаровича Наталья и прожила много лет в Сростках, рано потеряв мужа (потом переедет в недалёкий Бийск, да и мать увезет). Дочке надо осторожно ходить по земле-кормилице. А сыну надо лететь, как в сказке, за леса, за моря. Звучит, пожалуй, как-то чересчур сентиментально, но сентиментальной Мария Сергеевна точно не была. Иначе не выжила бы в сибирской деревне с двумя детьми. И у нас не было бы того Шукшина, каким его знает сейчас каждый житель России.

М.Г.: Дадим слово ей самой: «Всю жизнь и пласталась, чтобы только детей до ума довести. Меня за это иногда сестры осуждали. А я каждый день хотела скорее к детям прийти, рассказать им что-нибудь доброе, хорошее. Еще когда Вася маленький был, то дед, Сергей Федорович, бывало, говорил мне: «Береги детей, Мария, а особенно Васю. Он у тебя шибко ноне умный, не по годам»¹. Угадал старик – если учесть, что в Сибири, да, наверное, и везде, когда говорят в таком смысле об уме, имеют в виду и собственно сообразительность, и талант. Ишь какой умный: вырастет – художником станет. Или – умный он у тебя, в прокуроры пойдет. Между прочим, она сама вспоминала, что многочисленные тетки Васи и Наташи даже упрекали сестру – зачем, мол, так уж сильно ради деток надрываешься?

Е.П.: В прокуроры, говорите? «Поэт в России больше, чем поэт», как мы знаем от Евгения Евтушенко. А писатель, пожалуй, на Руси поважнее будет и министра, и прокурора. Хотя для деревни прокурор ближе, но министр понятнее. ШИШКА! Шукшин писал матери из ВГИКа: «Недавно у нас на

Памятник В.М. Шукшину. г. Барнаул

курсе был опрос, кто у кого родители... У всех почти писатели, артисты, ответственные работники и т.д., доходит очередь до меня. Спрашивают: кто из родителей есть? Отвечаю: мать. Образование у нее какое? Два класса, отвечаю. Но понимает она у меня не менее министра». Ну да, и в то время, и сейчас такие министры встречаются, что малограмотные формально, но знающие настоящую жизнь люди им сто очков вперед дадут. Народ – это вовсе не пустое слово. Вот взять мою красноярскую тетю Иру, которая всю жизнь работала то уборщицей, то санитаркой в больнице и тоже, по-моему, класса два всего закончила. С ней можно было говорить на любую тему, и глупостей я от нее никогда не слышал. Дожила почти до девяноста и все работала, работала, хотя уже давным-давно числилась пенсионеркой. Сухонькая, маленькая, постаревшая сибирская красавица, она участвовала в застольных беседах моих друзей и сверстников, художников, актеров, начинающих литераторов – сибирской богемы конца 60-х – начала 70-х. На всё имела свой взгляд, не чуралась острого словца. Мужа она лишилась сразу же после Отечественной войны...

М.Г.: Интересно, правда такой опрос был, про родителей, или Шукшин просто хотел сделать матери приятное? Я вот совершенно уверен во втором. Как увидим дальше, Василий Макарович был склонен рассказывать о себе и своих делах настоящие легенды.

¹ Воспоминания всех, кто знал Шукшина – начиная от родственников, односельчан и заканчивая звездами кино, – заботливо собраны энтузиастами на сайте <http://www.host2k.ru/>. Если особо не оговорено, мы берем высказывания современников Василия Макаровича оттуда.

Алтай. Сростки

Е.П.: Ну, если верить его словам, сочинять – и рассказы, и, предположим, легенды – он как раз и научился у матери. Ведь выше этого признания для писателя, кажется, нет ничего... Шукшин писал очень трогательные письма матери всю жизнь. Как правило, приукрашивал положение дел, выбирал слова (чтобы понятнее были), вообще, острожничал. Но в этом обидного для матери ничего нет. Взрослые дети вообще о многом умалчивают, сглаживая острые углы, когда общаются с родителями, и это, наверное, правильно, если они и вправду взрослые и не канючат, мучая престарелых родителей жалобами. Шукшин был не из таких.

М.Г.: Биографии его матери вкратце такова. Мария Сергеевна была сибирячкой в первом поколении. Она родилась в 1909 году уже в Сростках, и было их, детей, в семье семеро. Она – седьмая. Ходила в начальную школу, два там было класса или целых четыре, это теперь уже неважно. По обычаю вышла замуж до двадцати, а в двадцать два Мария – уже мать Василия и Натальи (первенец родился в 1929-м, дочь на два года позже). Дважды овдовела – в 22 года и в 31. Проводила сына из дома в тридцать восемь, с тех пор виделась с ним не так чтобы часто (пусть и регулярно). По признанию всех, кто с ней общался, была, что называется, сильной натурой. Хохотушкой и даже улыбчивой назвать ее было нельзя. На взгляд городских, Мария Сергеевна, наоборот, казалось мрачноватой и, чего уж тут греха таить, грубоватой.

Е.П.: Да, это взгляд городских, вроде нас с вами, что бы мы понимали в деревенских типах и характерах? Но вот что интересно. Сильной натурой был и сам Шукшин. Надо полагать, что совсем уж идиллическими его отношения с матерью не были. И вот здесь тону его писем доверять нельзя: письма ведь это литература, а жизнь – совсем другое. Мы увидим, что Василий Макарович одно с другим не путал. В смысле взаимоотношений с матерью ранний его отъезд и нечастые визиты, возможно, предотвращали большие ссоры... Родной отец Василия Макаровича ангелом тоже не был. Кстати, перечитав «Любавиных», я вспомнил, что там почти все персонажи, а многие из них списаны Шукшиным, что называется, с натуры, были оторви да брось. Такая жизнь!

М.Г.: Шукшин писал: «Мать любит свое дитя, уважает, ревнует, хочет ему добра – много всякого, но неизменно, всю жизнь – жалеет». Жалость, простая, бескорыстная, всегда на Руси рифмующаяся с любовью, – вот что, думаю, было самым главным для Василия Макаровича. И чего он ни в ком другом не мог бы найти никогда. Интеллектуальное участие, глубокое понимание, общность творческих интересов и так далее – этого хоть отбавляй. Женского внимания ему тоже хватало. А вот жалость к знаменитому писателю, артисту и киношнику была только у матери. Как этого не ценить! Хотя ничего специально, думаю, от матери он не скрывал. О главном она знала, и это тоже показатель большого взаимного доверия. Из дневника врача Людмилы Сергеевны Форнель, много лет лечившей Марию Сергеевну, узнаем такой интересный эпизод. Самое первое знакомство, 1966 год: «Во время обходов она как-то неназойливо рассказывала о своем сыне. Так я узнала, что Василий Макарович не только писатель и актёр, но и режиссер. А заветной его мечтой является постановка фильма о Степане Разине, где он будет играть главную роль».

Е.П.: Жалость. Да. Помните тот бродячий народный сюжет, где пьяный сын бежит за матерью с горящей головней. А она все причитает: «Смотри, сынок, руки не обожги»? Или вот рассказ «Материнское сердце», где мать пытается выволить сына из тюрьмы – «Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже очень их жалко, но тут какая-то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится...» Я вот подумал – она схоронила обоих мужей, отношения с которыми, как свидетельствуют многочисленные источники, были не самыми идеальными. Осталась одна. После войны это вообще была не редкость. Не сделал ли Шукшин матери поистине царский подарок в романе «Любавины»? Там есть Мария Сергеевна Попова (девичья фамилия матери, её имя и отчество полностью). Она в романе прямо идеальна, красива. Внешне и внутренне. И она любима! Сразу трое мужчин, и каких, ее любят – «природный пахарь» Егор Любавин, коммунист Кузьма Родионов, простодушный силач Федя Байкалов – каждый по-своему. Чего, возможно, не хватало ей в жизни, Мария Сергеевна получила в книге сына...

М.Г.: Еще один штрих к портрету матери Шукшина: она была визионером, видела странные, яркие сны, в том числе и про тот свет! Об этом рассказ «Сны матери». Приведем по нему один из снов, приснившийся Марии Сергеевне в детстве: «Я была ишо маленькая, годов семь так, восемь было. Может, маленько больше. Вижу сон. Вышла я вроде из дома – в тятином дому-то, – а в ограде у нас на ослике сидит святой с бородкой. Маленький такой старичок, весь белый: бородка белая, волосы белые. «Поводи, говорит, меня, девочка, по оградке-то, поводи». Я – вроде так и надо – начала его водить. Взяла ослика-то за уздечку да вожу. Осликов-то сроду не видела, а вот приснилось же. Вожу, а сама возьми да подумай: «Дай-ка я у него спрошу, што мне на том свете будет?» Да взяла да спросила. Старичок засмеялся, достал откуда-то из-под полы бумажку и подает мне. «Вот, говорит, чего тебе будет». Я взяла бумажку-то, смотрю: она вся-вся исписана. А читать-то я уж умела. Вижу, буквы все наши, а разобрать сразу как-то не могу. Ладно, думаю, я его ишо маленько покатаю, а потом пойду в избу да прочитаю ладом. А сердце так вот волнуется!.. Шибко уж я рада, што узнаю про себя. Вожу вроде ослика-то, а сама – нетнет да загляну в бумажку. Не читаю, а так. Радуюсь. Даже и про старичка забыла. Радовалась я, радовалась – и проснулась. Так обидно, так обидно было, даже заплакала. Маме утром рассказываю, она мне говорит: «Глупенькая ты, глупенькая, кто же тебе здесь скажет, чо на том свете будет? Никто не скажет». А я вот все думаю: не проснись я раньше времени, может, и успела бы прочитать хоть словечка два. Главню, ведь торопилась же я в избу-то!.. И вот – на тебе! – проснулась. Видно, и правда: не дано нам здесь знать про это, не дано».

Е.П.: Замечательная проза. И ведь образы явно не Шукшиным выдуманы, это действительно сны его матери, хоть и литературно обработанные! Видно, что мать Василия Макаровича была из этой породы русских людей – внешне, может быть, не слишком располагающих к общению, но задумывающихся о самом главном, не имеющем отношения к их нелегкой жизни. При этом никакого презрения

к бытовой стороне жизни, наоборот – энергичность и деловитость. Тут Шукшин пошел в нее...

М.Г.: Во все времена тяжесть жизни как-то умевается домашним счастьем. Тут, к сожалению, Марии Сергеевне не слишком повезло. С отцом Василия и Натальи жизнь ее была непростой, да вдобавок еще и очень-очень краткой. То есть все началось романтично – она сбежала от семьи, не одобрявшей союза с Шукшиными (бывшие земляки и даже, вероятно, хорошие друзья, семьи Шукшиных и Поповых, к 20-м годам двадцатого века основательно рассорились). Собственно, не в восторге была и семья Шукшиных. Но сказано – сделано. Их брак скрепя сердце признали и те и эти.

Е.П.: «ЛЮБАВИНЫ»: «Была Марья из многолетней семьи вечно бедняка Сергея Федорыча Попова. Давным-давным-давно пришел в Баклань веселый и нищий парень Сергунька. Откуда – никто не знал. Был он балалаечник и плясун. Девкам приушелся по душе. Плясал он, плясал и выплясал самую красивую девку в деревне...» – это про гипотетического деда Шукшина, отца его матери. «Стали Поповы жить. Поставили небольшую избенку, наплодили детей кучу... И так и остались в постоянной бедности».

М.Г.: Что интересно: Макар Леонтьевич Шукшин, будучи женихом, скрывал от нее свой возраст, был моложе невесты на четыре года. Боялся, что взрослая девушка не согласится выйти за него, почти подростка. Мария Сергеевна говорила, что Макар Леонтьевич был хорошо развит физически, поэтому выглядел старше своих лет. Ну вот, уговорил...

Шукшин писал об этом так:

«А потом жили неважно.

Отец был на редкость неразговорчивый. Он молчал целыми днями. И неласковый был, не ласкал жену. Другие ласкали, а он нет. Мама плакала. Я, когда подрос и начитался книг, один раз хотел доказать ей, что не в этом же дело – не в ласках. Она рассердилась:

Алтайский край. Шукшинские места

– Такой же, наверное, будешь... Не из породы, а в породушку...

Работать отец умел и любил. По-моему, он только этим и жил – работой. Уезжал на пашню и жил там неделями безвыездно. А когда к нему приезжала мама, он был недоволен.

– Макар, вон баба твоя едет, – говорили ему.

– Ну и что теперь?

«Я ехала к нему как к доброму, – рассказывала мама. – Все едут, и я еду – жена ведь, не кто-нибудь. А он увидит меня, возьмет топор и пойдет в согру дрова рубить. Разве не обидно? Дура была молодая: надо было уйти от него».

При этом он очень любил детей и на жену руки не поднимал. Был, по воспоминаниям, высоким, красивым, медлительным... Похоже, по темпераменту Шукшин пошел все же в мать.

В реальности семейная жизнь Марии Шукшиной кончается так: Макара ночью уводят чекисты. В «Любавиных» другой, жуткий сюжет. Красавицу Марью Сергеевну убивает из дикой ревности ее муж, Егор. «Егор сел на сырую землю. Закурил. Курнул несколько раз, бросил папироску. Хотелось заплакать от слабости, пожаловаться кому-нибудь на жизнь и на коня. О Марье не думал. Марья живой для него не было. В мутном сознании своем Егор перешагнул какую-то грань и не злился больше – только тяжело было. Муторно было. И жалко кого-то. И себя тоже жалко».

Е.П.: Что они там прожили, бедные, года три... Не успели, поди, притереться друг к другу. А потом все кончилось. Макар был расстрелян. Пишут, что ни за что. Всего 22 года ему было... Между прочим, таинственная история. В 1933 году до начала большого террора было еще все-таки далековато. Это, скорее, отголоски Гражданской войны, закончившейся всего-то лет десять назад. А шла она в Сибири с таким же ожесточением, как и по всей стране. Если не круче – варнаков и башибузуков здесь было больше, чем в Европейской России. Оружие практически у всех было, хотя бы охотничье. Граница с Монголией, считайте, открытая. Плюс горы близко. Есть куда уйти в случае чего!

Вот почему я и считаю, что история гибели Макара Шукшина – непростая, только всей правды мы никогда не узнаем. Я вспоминаю роман Битова «Пушкинский дом», где внучек, будущий шестидесятник, сочувственно говорит деду, вернувшемуся из лагерей: «Как это несправедливо, что столько людей сидели ни за что». – «Это я-то сидел ни за что? – вскипает старый зэк. – Я за дело сидел. Я ненавидел советскую власть и все делал, чтоб она скорей сдохла». Вот я и думаю, снова начитавшись «Любавиных», – может, и с Макаром Шукшиным вышла аналогичная история.

Уж больно тогда коммунисты надоели сибирякам – продрозвестку заменили продналогом, а хлеб все равно дочиста отбирают. И в колхозы велят записываться. Почему бы не пальнуть одного-другого коммуниста, поджечь им чего-нибудь, – думает лихой «темный» сибиряк. Намеками на это полны «Любавины». Уж больно хорошо, до подробностей писатель знает быт мужиков, подавленных бандиты.

М.Г.: Да, нам известно со слов Марии Сергеевны, как все это было на уровне семьи. «Ночью зашли, он выскочил в сенцы, ну а в сенцах на него трое и навалились. Ребята перепугались. Наталья дрожит вся, а Василий губу прикусил аж до крови: мама, куда это батю? А самого как лихоманка бьет...»

Шукшин писал «А когда взяли отца, она сама же плакала. Всё ждала: отпустят. Не отпустили. Перегнали в Барнаул. Тогда мать и еще одна молодая баба поехали в Барнаул. Ехали в каких-то товарных вагонах, двое суток ехали. Доехали. Пошли в тюрьму. Передачу приняли.

– Мне ее надо было сразу уж всю отдать, а я на два раза разделила, думаю: пусть знает, что я еще здесь, все, может, легче будет, – рассказывает мать. – А пришла на другой день – не берут. Нет, говорят, такого».

С самого начала Марию Сергеевну преследовали дурные предчувствия. Вот еще один сон, приснившийся Марии Сергеевне после ареста Макара Шукшина. Тут характерны и ощущения молодой женщины, оставшейся с двумя маленькими детьми: «Только-только его забрали. Весной. Я боялась ночами-то, ох боялась. Залезу с вами на печку и лежу, глазею. А вы – спи-ите себе, только губенки оттопыриваются. Так я, грешным делом, нарочно будила вас да разговаривала – все не так страшно. А кого вам было-то!.. Таля, та вовсе грудная была. Ну. А тут – заснула. И слышу, вроде с улицы кто-то постучался. И вижу сама себя: вроде я на печке, с вами лежу – все как есть. Но уж будто я и не боюсь ничегошеньки, слазюю, открыла избную дверь, спрашиваю: «Кто?» А там ишо сеничная дверь, в нее постучались-то. Мне оттуда: «Это мы, отроки. С того света мы». «А чего вы ко мне-то? – это я-то им. – Идите вон к Николаю Погодину, он мужик, ему не так страшно». – «Нет, нам к тебе надо. Ты нас не бойся». Я открыла... Зашли два мальчика в сутаночках. Меня всю так и опахнуло духом каким-то. Приятным. Даже вот не могу назвать, што за дух такой, на што похожий. Сяли они на лавочку и говорят: «У тебя есть сестра, у нее померли две девочки от скарлатины...» – «Ну, есть, говорю. И девочки померли – Валя и Нюра». – «Она плачет об их, горюет?» – «Плачет, говорю. Жалко, как же». – «Вот скажи ей, штоб не плакала, а то девочкам от этого хуже. Не надо плакать». – «Ладно, мол, скажу. А почему же хуже-то от этого?» Они мне ничего не сказали, ушли. Я Авдотье-то на другой день рассказала, она заплакала: «Милые мои-то, крошечки мои родные, как же мне не плакать об вас?...» Да и наревелись обои с ей досыта. Как же не плакать – маленькие такие, говорить только начали, таких-то ишо жалчее». Возможно, это была весточка и от Макара». Конец цитаты.

Тут нюанс в чем: о смерти мужа Мария Сергеевна не знала. Сообщили ей об этом только в 1956-м. Сердцем чувствовала, что Макара в живых нет, а подтверждения не имела. Как увидим, поверила она сердцу и была права.

Е.П.: Жалко Макара. Хороший был парень, судя по всему, хоть и с Марией не ладил. Но! Мы не отвергаем ни одну из версий. Поэтому приведем здесь легенду о якобы настоящем отце Василии Шукшине. Это видный большевик Георгий Фельдман, якобы

побывавший в конце 20-х на курорте Чемал, путь к которому лежал через Сростки... Понимаете, к чему клоню? С женой Фельдмана, Ольгой Румянцевой, заведующей отделом прозы журнала «Октябрь», Шукшин тесно общался в 60-х. Василий Макарович именовал Ольгу Михайловну «второй мамой» и даже, возможно, именно в честь неё младшую дочь назвал Ольгой. Якобы Шукшин и Фельдман схожи внешне, но я, честно говоря, ничего такого сильно сходного не вижу.

М.Г.: Да уж, только видных большевиков и Фельдманов родословной Шукшина и не хватало... Впрочем, Фельдман повторил в 1936 году судьбу Макара Шукшина. 20 декабря 1936 года обвинили в подготовке теракта и в участии в контрреволюционной террористической организации, в тот же день расстреляли. Так что Бог с ним и с этой весьма странной легендой. Таких вокруг Шукшина было и остается немало, и пренебрегать мы ими не будем. Но и доверять – тоже.

Е.П.: А я вспомнил песню, сложенную вроде как раз в то время. В каждом регионе менялись слова. Пелось и про Красноярск, например. Шукшин попросил спеть эту песню стариков, когда приехал на съемки фильма «Печки-лавочки».

В Барнауле (а также Красноярске, Томске, Омске... – Е.П.)

*тюрьма большая,
Народу в ней не перечеть.
Ограда каменная высока,
Через нее не перелезть.*

*И вот заходит тюрьмы начальник
И начинает выкликать:
«Рецидивисты, все собирайтесь,
Пора вас в лагерь отправлять».*

*Рецидивисты все собрались,
Сложили вещи подле ног,
А чья-то, чья-то мать-старушка
Стоит и плачет у ворот.*

*А сын заметил, сам заплакал
И вытер слезы рукавом,
Сестренка тоже вытирала
Своим батистовым платком.*

*Вот поезд тронулся, помчался,
Помчался прямо на восток,
И до лихого Магадана
Остановиться он не мог.*

Возможны варианты, как говорится, но смысл именно такой...

Ну, помянули Макара, идем дальше. Отцом Василий Макарович мог бы, как такое часто бывало, называть отчима, Павла Куксина, но этого как-то не случилось. Вернее, так: он называл его отцом в официальных автобиографиях. Тем самым вопрос о репрессированном настоящем отце как бы снимался сам собой... Но вообще, родительская семья для Шукшина – это мать, сестра, и только.

М.Г.: Хотя позже он утверждал, что Куксин был хороший человек, но в детстве Василий отчима не признавал, сердился на мать за ее замужество. Отца арестовали в 33-м, Мария Сергеевна вышла замуж через три года, 11 марта 1936 года за мужика из соседнего села. Павлу Николаевичу Куксину было 35 лет, и был он – что удивительно для деревенского жителя – холостяком. При этом, судя по фото, не парень уже – мужик симпатичный, чем-то похожий на Макара.

Е.П.: Тут надо понять, в каких кошмарных обстоятельствах оказалась после ареста Макара мать Шукшина. Это касалось и материального положения, и отношения односельчан. «Сибулонки» (от Сибирского лагеря особого назначения) – так называли «добрые» сибирские крестьяне бывших и нынешних заключенных да и членов их семей, жен. Деревенский мир «сибулонок» сторонился. Кто-то, конечно, помогал, но в целом семьи посаженных становились изгоями. Терпеть такое было не в правилах Марии Сергеевны. Она поменяла в документах фамилию детей на свою, Попова. Вася Шукшин стал Васей Поповым. А как Василий Попов снова стал Шукшиным – отдельная история. Но что фамилия, фамилия ведь не кормит, а детям кушать надо. Тогда она взяла да и развелась с Макаром, который мог бы еще быть жив, несмотря на все ее предчувствия и «голос сердца». Но даже живым помочь ни ей, ни детям он не мог в любом случае. Это, думаю, и стало решающим фактором. Кто-то такое мог бы назвать и предательством... Думаю, и называли, особенно семья Макара – родня Василия по отцу. Но мы знаем: это был вопрос выживания. Выйти замуж – едва ли не единственное, что она могла сделать для этого.

М.Г.: Скарлетт О`Хара из «Унесенных ветром» Маргарет Митчелл выходила замуж, чтобы сохранить свое поместье, матери Шукшина нужно было совершить куда большее – сохранить и вывести в люди своих детей.

Е.П.: Да и самой уцелеть. Вот несколько свидетельств самого Шукшина и его сестры. Василий Макарович вспоминал рассказ матери о том, что случилось после ареста Макара: «Пришли двое: «Вытряхивайтесь». Мария Сергеевна вытряхиваться отказалась. Тогда один из пришедших достал наган. Мать взяла в руки что потяжелее – безмен и встала на пороге своего дома: «Иди, иди. Как дам безменом по башке – куда твой наган девается!» «А я знала, что он не будет стрелять. Что он – дурак, что ли?» – говорила потом Мария Сергеевна. А мог бы ведь и стрельнуть дуру.

Шустрил местный активист Яша Горячий (Прохоров), «страшный маленький человек с рыжей бородой» (характеристика Шукшина). Василий Макарович гораздо позже вспоминал, как Яша нашел у них в доме на полотах березовые чурки из березняка рядом с селом, который было запрещено рубить, а мать говорила: «Ну смотри, Яша. Не доактивничать бы тебе...» Яша ее не тронул. А вот Екатерину Кондратенко, которая отказывалась отдать ему костюм только что арестованного мужа, избил. Опять вспоминаются соответствующие эпизоды из «Любавиных».

При этом Мария Сергеевна постоянно ждала, что придут и за ней. «После того как забрали отца, мама все время ждала прихода тех же людей с той же целью. В мешок были уложены все наши нехитрые пожитки. Сверху в этом мешке всегда лежала чугуночка. В этой чугуночке мама варила кашу или затируху (вкрутую замешанное или растертое в крошки тесто). Помню, сварит мама затируху, выложит в чашку, а чугуночку вымоет и снова уложит в мешок, который всегда стоял в сенцах у двери. Жили всегда в страхе и всегда были готовы к ночному стуку и слову «собирайтесь», – вспоминала сестра Наталья.

М.Г.: И опять Мария Сергеевна пошла против мнения семьи будущего мужа. Куксины рассуждали просто – столько девок кругом, а Павел, видный жених, выбрал «сидулонку» с двумя детьми! Видимо, поэтому семья и переехала из Сросток в райцентр. Потом вернулась. Потом опять уехали – на этот раз в Бийск. Кстати, во многом по инициативе энергичной Марии Сергеевны. Во-первых, как писала ее дочь Наталья, «мама узнала, что в Бийске есть годичные курсы кройки и шитья, и ей очень захотелось научиться шить». Куксин согласился. Ну а во-вторых, в Сростках ей, вероятно, было не вполне комфортно – та же семья Шукшиных ей так до конца и не простила отказа от родного мужа Макара Шукшина (как это было расценено ими). Повторим, что о гибели мужа Мария Сергеевна узнала только в 1956-м.

Потом, перед войной, вернулись в Сростки. Отсюда Куксин ушел на фронт в 1941-м.

Как жили между собой Мария и Павел? По деревенским меркам, наверное, хорошо, шумных скандалов вроде наблюдалось. К детям Павел Куксин относился ровно, казалось бы, чего еще ей надо... Но, видимо, чего-то все же было надо. Барнаульский журналист и писатель-краевед, автор книги о Шукшине Сергей Тепляков приводит оценку местных жителей. Софья Матвеевна Пономарева, соседка Шукшиных, рассказывала, что Мария Сергеевна ревновала мужа, которому по работе (он был заготовителем кож) часто приходилось ездить по округе, устраивала сцены. «Приедет он назад. Она начинает его и начинат. Мария Сергеевна: ты там у женщин был. Она ревниста была. Хуу, чо делала: «Собирайся и уходи». Он счас соберется, к родителям уйдет, Павел. Ночует там ночь, она пойдет к нему: «Пойдем, Павел, пойдем». Опять дружно с ей живут».

Обратите внимание: жена выгоняла мужа из дома к его родителям! Не очень типичная для деревни ситуация.

Однажды Мария Сергеевна, придя с работы домой и застав мужа выпивающим с гостем, другим заготовителем, смела со стола всю посуду. «Она характерна была», – вспоминала Софья Матвеевна. Хорошее определение, очень подходящее шукшинской матери! Думаю, такое ее поведение пришлось бы по душе нынешним феминисткам!

При этом Куксин о детях не забывал, в том числе о ершистом пасынке. «Всегда привозил нам сладости. Больше всего мне нравились баночки с

леденцами», – вспоминала Наталья. Причем Василий отказывался от подарков из принципа, так что обе баночки доставались сестре. Но дети были все же детьми: «Когда мы оставались одни, Вася изображал такую просящую мину, что мне становилось его жаль, и я делилась с ним леденцами», – рассказывала она².

Е.П.: Да, Павел, видно по всему, тоже хороший мужик был, не хуже Макара... Ушел на фронт в числе первых, в июле 1941-го. Сколько из них уцелело! Пропал без вести под Москвой...

М.Г.: А вот сон, приснившийся Марии Сергеевне перед отправкой отчима Шукшина на фронт: «Как забрали наших мужиков, то их сперва здесь держали, а потом в Бийск вон всех отвезли – в шалоны (эшелоны – М.Г.) сажать. Сопнали их туда – видимо-невидимо! Ну, пока их отправляли партиями, мы там с имя жили – прямо на площади, перед вокзалом-то, больша-ая была площадь. Дня три мы там жили. Лето было, чего же. И вот раз – днем! – прикорнула я, сижмя прямо, на мешок на какой-то голову склонила да и задремала. А он рядом сидел, отчим твой, Павел-то. И только я задремала, вижу сон. Будто бы мы с им на покосе. А покос вроде не колхозный, а свой, единоличный. Балаган такой стоит, таганок возле балагана... Сварила я похлебку да даю ему попробовать: «На-ко, мол, опробуй, а то тебе все недосол кажется». Он взял ложку-то, хлебнул да как бросит ложку-то и даже заматерился, сердешный. Он редко матерился, покойничек, а тут даже заматерился – обжегся. И я сразу и проснулась. Проснулась, рассказываю ему какой сон видела. Он послушал-послушал да загрустил... Аж с лица изменился, помутнел (побледнел). Говорит печально: «Все, Маня... Неспроста этот сон: обожгусь я там». И – обжегся: полгода всего и пожил-то после этого – убило».

Конечно, Мария Сергеевна горевала – но надо было жить дальше, такое коснулось на этот раз очень многих, и хотя бы в психологическом плане она с детьми себя изгоем не чувствовала. Вдова фронтовика. Таких много. На фронт из села ушло 466 человек, а вернулось 230, неполная половина. Хотя то, что сообщили о Павле – пропал без вести – все же не было однозначным, иногда такие люди возвращались...

Е.П.: Так и из тюрем возвращались. Но надеяться на это Мария Сергеевна не могла. Я вспомнил, что отец замечательного сибирского писателя Эдуарда Русакова, пропал без вести еще до его рождения. Так мама своего сына выкормила и выучила самостоятельно. За пропавшего без вести даже пенсии не полагалось. А вдруг он в плену или у Власова? Курсы кройки и шитья Марии Сергеевне явно пригодились. Нелегко пришлось в военные годы жителям сибирской деревни! Вот штрих к тем временам: «Ранним утром наши мамы выходили на улицу, смотрели, где идет дымок из трубы, и шли туда с шуфелем (совком) за горящим кизяком, чтобы разжечь свою печь. Ведь спичек-то не было». Кройкой и шитьем можно было хоть кое-что добыть.

² Тепляков С.А. Шукшин. Честная биография / С.А. Тепляков / URL: <http://www.host2k.ru/library/shukshin-chestnaya-biografiya.html>

Что интересно – даже в пору, когда одиноких женщин было куда больше, чем мужиков, к Марии Сергеевне снова приходили сваты! Однако в третий раз замуж она так и не пошла. «Раз, говорит, мне бог дал вдовой жить, буду вдовой. Одна буду растить детей», – вспоминала ее сестра Анна Сергеевна Козлова. Исследователи находят эхо этого сватовства в рассказе «Племянник главбуха»: Витька, тринадцатилетний мальчишка, вдруг узнал, что мать собралась замуж, приехал к ней, спросил. Она сначала все отрицала, а потом «села к столу и заплакала. Плакала, и сама не понимала отчего: от радости ли, что сын помаленьку становится мужчиной, от горя ли, что жизнь, кажется, так и пройдет... Так и пройдет». Так и прошла. А еще вспомните великолепный фильм Германа Лаврова и Станислава Любшина «Позови меня в даль светлую» («Мосфильм» 1977) по рассказу Шукшина, где Любшин замечательно играет богатенького провинциального зануду-алкаша, сватающегося к вдове (Лидия Федосеева). А ее сын, которого эта жалкая личность пытается по-отцовски учить уму-разуму, чинит ему всякие пакости.

М.Г.: Но все-таки Мария Сергеевна, при всей своей энергичности и стойкости, конечно, была живым, подверженным и настроениям, и страхам, и суевериям человеком. Сама признавалась много-много лет спустя: в момент отчаяния, когда осталась одна, без Макара, хотела свести счеты с жизнью, отравившись угарным газом. И еще – не стала сохранять ребенка от Кукулина, поддалась уговорам и наговорам – мол, своего он будет больше любить, чем твоих. Потом в старости жалела.

Е.П.: Судить ее не нам. Для всех нас однозначно понятно, что она совершила свой личный подвиг – сберегла и воспитала для России такого человека, как Василий Шукшин. Старшая дочь Шукшина, Екатерина, волею судеб родная внучка знатного советского писателя, партийного функционера Анатолия Софронова, как-то сказала про отца – грубовато, но в общем по делу: «главной женщиной для Василия Макаровича была его мать... Их всю жизнь связывала пуповина толщиной в руку. Если посмотреть фотографии, камень заплачет, с какой надрывностью они друг друга любили. Жизнь врозь была для него мучением». Я когда это прочитал, невольно подумал, что все жены Шукшина мастью были, пожалуй, в его мать.

М.Г.: Но стоит сказать и о другой женщине из родной семьи Шукшина – младшей сестре Наталье. Тале из его рассказов о детстве. Очень достойном человеке. В раннем детстве она была «баловливая», он, как старший, ее сдерживал. Воспитывал. Талья в отличие от брата, любила отчима. И, как мы уже говорили, в отличие от брата, всю жизнь провела недалеко от матери. Окончила Новосибирский физмат. Работала учителем в школе, в последние годы много сделала для поддержания памяти о Василии Макаровиче.

Е.П.: Что характерно: Мария Сергеевна так воспитала сына, что о сестре он всегда помнил и

заботился о ней. Это тоже ведь одна из тревог любовью матери: чтобы дети держались друг друга.

М.Г.: Да, она с вполне законной гордостью рассказывала своему врачу, Людмиле Формель: «Сызмальства сестрѣнку баловал, опекал. Когда у Наташи муж умер, всё бросил и на похороны прилетел. А потом завалил письмами, в которых её постоянно успокаивал. Как-то организовал ей и племянникам отдых на Чёрном море, где он и сам по работе находился. Дорогу оплатил и всем знакомым, друзьям наказал на пересадках их встречать и всячески помогать. Очень сильно любит крестников Серёжу и Надю, он им вместо отца родного. Только племянникам позволяет «мешать» во время работы: отставляет все свои дела и с удовольствием выполняет их прихоти. Добрые, ласковые письма пишет, посылки шлѣт, с праздниками завсегда поздравляет. Он и сейчас Наташу поддерживает: деньги на первый взнос за кооперативную квартиру дал».

Е.П.: Наталья оставила интересные воспоминания о Василии Макаровиче, очень искренние. Ими все без исключения биографы активно пользуются. Ну и мы тоже. Первоисточник во всех смыслах надежнейший. Но вот что интересно: в 1961 году любящий брат писал ей «Таленька, я люблю в тебе маму – ты от неё много взяла и сама этого не замечашь. Я люблю в тебе, что ты русская. Что ближе тебя у меня на земле никого нет». То есть, и сестру он оценивал как будто через мать. Имевшую поистине русский характер – в который по любым меркам входит способность в критические моменты показывать настоящие чудеса. Здесь, наверное, уместно вспомнить и другой «русский характер» – Лидию Николаевну Федосееву-Шукшину, актрису, многолетнюю спутницу Василия Макаровича, которая стала самым близким ему человеком еще в 1964 году, когда его будущее было для многих весьма туманным.

М.Г.: Увы, Наталья в чем-то повторила личную судьбу матери – овдовела в 30 лет (муж скоропостижно скончался прямо в ее день рождения), осталась с двумя детьми. Слава Богу, времена были совсем другие, да и Василий имел возможность помогать и помогал всем, чем мог.

Но, по всем отзывам, Наталья была все же куда мягче матери, хотя (все находили) очень на нее походила внешне. Вот воспоминания ученицы Натальи Макаровны, Надежды Князевой, много лет возглавлявшей библиотеку в Сростках (конечно, имени Шукшина). Интересные сами по себе, и о сестре Шукшина говорящие много: «Наталья Макаровна пришла к нам в седьмом классе, сразу нам всем понравилась: красивая, обаятельная, милая молодая женщина. Как учитель была замечательная, объясняла доступно, старалась, чтобы до каждого дошло. Очень эмоциональная, не так, как другие, лишь бы рассказать...»⁵

Е.П.: Не отсюда ли возникла в «Любавиных» душевная учительница Галина Петровна Кравченко?

М.Г.: Продолжаю. «Относилась к нам ко всем одинаково, никого не выделяла, справедливая.

⁵ О сестре Шукшина см. интересную краеведческую работу, которую мы здесь и далее цитируем: Ульянова Г. Таленька, родной мой единственный человек! / Ульянова Г. / Алтай. – 2021, №4. С.185.

Памятник В.М. Шукшину на горе Пикет.
Установлен в 2004 году. Скульптор В. Клыков

Душой болела за каждого ученика. Двоих мальчиков, которые жили в интернате, она поселила на квартиру к Марии Сергеевне, чтобы они могли лучше готовиться к экзаменам.

Ещё некоторые моменты запомнились. Один раз к нам на классный час приходил Василий Макарович, и мы с раскрытыми ртами слушали о съёмках в кино, о работе режиссёра. Это было уже в восьмом классе. Потом он с нами на выпускном вечере ходил на гору. Поднялись от кладбища, прошли через всю гору к Катуню, над Бакланью. Там пели песни, играли, веселились, и он с нами, и Наталья Макаровна во всех играх принимала участие. А потом он нас всех до дому проводил, каждого.

Тогда же пообещал показать, как делают фильм. Потом, в конце июня, а может, в начале июля за

нами пришёл автобус киностудии имени Горького, мы сели и поехали в Манжерок, где снимался фильм «Ваш сын и брат». Жили мы в палатке на берегу Катуня, а съёмочная группа – в школе. Целую неделю мы наблюдали за съёмками. К нам часто приходил актёр Ванин, тогда ещё молодой и сильный. Василий Макарович тоже бывал, снабжал нас продуктами... Я до сих пор это всё помню. После школы мы часто встречались с Натальей Макаровой, она всегда расспрашивала о жизни, о работе, о детях... Очень душевный человек...»

И эмоциональный при этом. Вот еще воспоминания. Дочери Натальи Макаровны, то есть племянницы автора «Калины красной»: «Она была истинно женщиной, и эмоции захлёстывали её. Если горе – то через сердце, с глубокими шрамами на всю оставшуюся жизнь, если радость – то до детского хлопанья в ладоши и приплясывания. Умела в любой ситуации оставаться сама собой, с чувством юмора, оптимизмом, добродушием...» Кстати, писала в юности стихи, чем очень заинтересовала брата. Посещала православную церковь.

Е.П.: Между прочим, сестра не одобрила установку грандиозного памятника Шукшину на Пикете. Знаменитая чуть ли не на весь мир бронзовая скульптура Вячеслава Клыкова высотой вместе с постаментом около пяти метров, весом свыше двадцати тонн. Место роскошное – вершина горы, видно все на много километров. Не понравился пафос. Говорила так: «Зачем его подняли и закрыли от людей? Ведь он с людьми должен быть. Зачем ему эта высота? Он уже на такой высоте, на которую нам не подняться... С любой точки села, с любого места я его вижу. Это невыносимо. Моё сердце просто этого не выдержит...» Кстати, в 2002 году Наталья Макаровна побывала на их с братом исторической родине, куда Василий Макарович так и не добрался. Посетила Сорочинский район и село Толкаевку, подарила книги Шукшина и с большим интересом общалась с земляками предков. Они вспоминают об этом визите до сих пор.

М.Г.: Наталья Макаровна умерла в 2005 году, ей было 73. Похоронена на сельском кладбище в Сростках, рядом с матерью.

Фото Анисии Матлиной

Об авторах:

Евгений Анатольевич Попов, русский писатель, эссеист, драматург. Лауреат премий «Триумф» и «Большая книга».

Михаил Вячеславович Гундарин, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей, кандидат философских наук.

*Валерий КУЗНЕЦОВ, поэт, член Союза писателей России,
доктор исторических наук.*

СТУПЕНИ

На секунду замер. Словно горы,
Вдалеке клубились облака.
Словно я – другой я (но который?)
На меня взглянул издалика.

И живя вот в этой котловине,
Словно к колыбели в ней живя,
Наконец-то чист и неповинен
Как младенец становился я.

Сколько там оттенков было цвета
В этой тёмной облачной гряде!
Я всё это словно видел где-то.
«Где-то» я сказал? Верней, «нигде».

Поднимаясь медленно по круче,
Мне б открылся там другой простор,
И быть может я, но тот, что лучше,
На меня глядел бы до сих пор.

СТУПЕНИ

1
Пурпурный цвет воды менялся,
Переливаясь, как вино,
Что выливалось конграталсом
Опять в кувшин, туда, на дно.
И множество крупинок Солнца,
Что он на миг сейчас собрал,
Прибой выплёскивал до донца,
Словно недопитый бокал.
Всё выглядело по-другому,
Так после пира и хмельной
Вдруг не нашёл дорогу к дому
Ты в час безмолвный, в час ночной.
А был ли дом? Шуршала галька,
Передавая ритм волны,
И было всё бутылкой валкой
С вином настоящей вины.

А в небесах кричали птицы,
 Но были крики их как зов
 В страну заката, в путь, что длится
 Без счёта множество веков.
 И надо вот сейчас решаться:
 Сейчас, а после никогда!
 Последний свет иллюминаций
 Уже растаял без следа,
 И стало вдруг так жалко света,
 Как будто он навек погас,
 Как будто всех страшней он – этот
 Заката похоронный час.
 И оглянуться б – но без толку,
 И побежать бы – но куда?
 И сразу сыро так и колко
 Внезапно сделалось тогда.
 А там, внизу, шипела пена
 И камни двигала волна –
 Простейшая модель Вселенной.
 А дальше? Дальше тишина?
 И ночь, казалось, длилась вечно,
 Весь этот мир заполонив,
 Который, как мешок заплечный
 Бог бросил средь небесных нив.
 И потому всё было странно:
 Без дна и края океан,
 Звезда, что вспыхнула нежданно,
 И осветила сотню стран,
 Гром, доносившейся из бездны,
 И то ли явь, а то ли сны –
 Огромный мир, ещё безвестный,
 Где они были сплетены.
 Распад пространства на фрагменты
 И времени на времена:
 Первооснова, элементы,
 Гудящая в ночи струна.
 И кто бы мог смотреть спокойно
 На изменение всего,
 Когда (страшней, чем мор и войны)
 Всё устремилось в ничего.

2

Но статуя одна стояла –
 Был в мраморе изображён
 На щит опершийся устало
 Герой мифических времён.
 Давно-давно всё это было...
 И также вот давным-давно
 Людская память позабыла
 Его. Кто он? Не всё ль равно.
 Ни надписи, ни даже знака...
 Но он один глядел вперёд,
 Туда, где знаки зодиака
 Вели безумный хоровод.
 Там мчались звери в испуге,
 И люди голосили так,
 Как без надежды на прощенье
 Убийцы, вдруг узревши мрак.
 Но из кружения рождалось
 Невиданное существо,
 И расширялось, и сжималось,
 Как космос, сердце у него.
 Оно внимательно глядело,
 И вот средь мириад миров
 Узрело мраморное тело,
 Иль мрамор – это лишь покров?

Последний образ человека,
 Или последний человек!
 Понять вот это – как с разбега
 Нырнуть в исток всех тёмных рек.
 Страшны, страшны они – те реки,
 Но сила их откуда та,
 Чтоб душу взяли в плен навеки
 Беспмятство и темнота?
 ...Есть где-то малая планета,
 Плоха она иль хороша, –
 Там сказка сложена про это:
 Харон и лодка, и душа...
 Но мрамору – что все рассказы?
 Он в них не верил, он был стар,
 И потому он принял сразу
 Его разбивший в прах удар.
 Казалось, бы, ну что такого?
 Но он был более чем он –
 Хранитель смыслов, он был слово,
 Он мыслью был живой рождён.
 Его творец ваял когда-то,
 И он его частицей стал,
 И вот лишь ветер виновато
 Его останки обдувал.
 И сразу молния пробилась
 Все варианты бытия,
 И существо глаза закрыло,
 В свои пространства уходя.
 ...Уничтожение Вселенной –
 Достаточно лишить её
 Пусть кратковременной, пусть тленной,
 Той мысли, что горит огнём.
 И некому всё это стало
 Воспринимать. Пришло ничто.

3

Ночь завершилась. Рассветало.
 И этой истиной простой
 Уже отогревалось сердце.
 Оранжев, после золотой
 Диск солнца нам давал согреться
 Рассветной летней теплотой.
 И море цвет свой поменяло,
 И воздух стал совсем другой,
 И начиналось всё сначала,
 И жизни вечный непокой
 Торжествовал в минуты эти.
 Как много было впереди!
 А счастье, ты его заметил?
 Ну так иди ж к нему, иди!

* * *

Забыл: он Чехов или Лев Толстой,
 Иван Ильич иль всё же дядя Ваня?
 На Сахалин, на всё махнув рукой,
 Иль из Поляны Ясной утром ранним?

В руке перо. Так что же он не рад?
 Лежат листы. Так медлит он чего же?
 «Война и мир» или «Вишнёвый сад»?
 Иль совместить? И это можно тоже.

И пишет пьесу он – «Война и мир».
 Четыре действия. Комедия. Но грустно.
 Андрей Болконский как персидский Кир.
 Любовь Раневская, раба слепого чувства.

Всё хорошо. Вот только – отчего
Здесь Павел Чичиков явился вдруг украдкой?
Зачем сюда он, автор, ввёл его?
Он что же, Гоголь? Вот она, разгадка!

Ну здравствуй же, Поприщин дорогой.
Садись в коляску и катись по свету!
...«Под небом голубым страны своей родной!» –
Что это? Нет! Что хочешь, но не это!

Неинтересно. Или известно,
Или и знать не хочу.
Да, если честно, всё бесполезно,
Как барабан скрипачу.

Это я знаю. И это я знаю.
И это я знаю давно.
А вот ещё что-то припоминаю.
Припомнил? Не всё ли равно?

А что бы хотел я узнать – вот об этом
Мне знаний, увы, не найти.
А я бы с заплечным мешком за ответом
Готов был пройти все пути.

Далёкие страны. Пески и барханы.
Пульсары, квазары, беда.
Уже слишком поздно? А может быть, рано?
Но делать-то что же тогда?

ВРЕМЯ

1
Конечно же, читал он Августина...
«Конечно, Августина я читал».
Дома. Каналы. Странно... Запах тмина.
Откуда тмин? Ведь здесь вода, канал?
«Он эмоционален был чрезмерно,
Блаженный Августин, и потому
Смешал он то, что верно, что неверно.
...Нет, время всё же не далось ему.
Но он хотя бы кое-что и понял,
Что прошлого и будущего нет,
Лишь настоящее, что время не погоня
Из прошлого. Куда? В ничто – ответ;
И тут же он, себе противореча,
Что время объективно, пишет нам.
«Герр ратман, рад вас видеть, что за встреча!
«Да вот гуляю. Строго по часам».
Он чуть склонился, снявши треуголку.
Пустые фразы. Время мчит без толку.
Лишь мыслит он когда – тогда живёт.
«Прав был Декарт. Ну вот, болит живот.
То голова, то зубы. Что за тело!
Но он ему не должен потакать!
Идти. Гулять. И думать – делать дело.
Нельзя поблажки дать. Нельзя в кровать.
Ведь следующим ложем будет... Что же –
Сейчас о времени... О фройляйн! Да пишу.
Сейчас гуляю. Нет, я не спешу»,
Но с ней он быстро распростился тоже.
Действительно, он книгу пишет. В ней
В одной из первых глав он и напишет
О времени: всех чётче, всех ясней,
Всех истинней... Темнеет. Стало тише.

Повозок, лодок меньше и карет.
Прохладной стало. Он легко одет.
Пора домой. Он помнит хорошо,
Как эта мысль к нему явилась. Было
Уж ближе к ночи. Было так уныло.
Так часто было. Он сникал душой.
(Зовётся ипохондрией болезнь,
Что исполняет траурную песнь).
И понял он, что чистый разум, тот,
До опыта, уже имеет нечто
(Как просто всё. Любой это поймёт):
Пространство с временем.

Конечно же, конечно!

Наш мозг во времени воспринимает всё,
Наш разум так устроен. Всё понятно.
Он ровным шагом движется обратно.
Вот дом. Вот дверь. Слуга. Слуга несёт
Ему халат домашний. Скоро спать.
Но сон не дарит забытьё опять.
Ему всё снятся песни и считалки,
А он совсем не хочет слушать их.
Кричат вороны. Суеются галки.
Но это сон. Но стон под утро стих.

2

И, в общем-то, недалеко оттуда,
Не то чтоб рядом, но недалеко
Писал стихи поэт. Ему не трудно,
Хотя, порой, совсем и не легко.
Они рождались сами, успевай лишь
Их записать, давай, макай перо.
И непонятно: ты ль их людям даришь,
Или они тебя, наоборот.
Так вот, стихи. Октябрь начинался,
Деревья в золоте, а по утрам туман.
И тишина. И новый мир рождался
Не здесь, не здесь. А где же? Где же? Там.
И в этом мире вылез карлик тихо
И маятник он стал держать рукой.
И мир настал не видан и не слыхан.
Без времени. Возможен и такой.
Вначале кажется, что просто всё застыло.
Но что застыло? В этом и вопрос.
Единым стало, что в разбивку было.
Зачем ты, карлик, нам тот мир принёс?
И выглядело это очень странно.
Точней, пугающе. И трудно описать.
Но спал ребёнок в пеленах тумана.
Ребёнок спал. Ему ведь надо спать.
И ты прошла. А кто, скажи, была ты?
Мать. А ещё? Любовница, жена?
И почему ты в этот час утраты
Была с ребёнком маленьким одна?
И тишина. И мир без изменений.
Всё навсегда – с начала до конца.
Одно из тех пугающих прозрений,
Что долго тенью не сойдут с лица.
Но «Сарабанды» Генделя звучанье
Поэт услышал. Мерный ре-минор.
Всё будет хорошо, и расставанье –
Оно закончится. И ты сомкни свой взор.
Сон – это сон. Не более. И будет
Отпущен маятник, и станет всё собой,
И солнца луч твоё дитя разбудит
Вот в этой спаленке – далёкой, голубой.

ТУЧИ

Тучи медленно надвигались,
Да и были вначале – так,
И едва ли не всем казались
Они словно какой-то пустяк.

И тогда очень мало кто слушал,
Тех, кричавших нам: «Берегись!»
Закрывали глаза и уши
И беспечно смотрели ввысь.

«Берегись и борись!» А тучи
Шаг за шагом давили нас,
Вот и солнца радостный лучик
Очень редко стал радовать глаз.

Вот и стало дышать труднее,
И всё больше для нас «нельзя»,
Ну а молнии – всё грознее,
И грохочут грома, грозя.

Выйти боязно стало в поле,
Или к речке, иль просто так.
Тучи власть захватили, что ли?
Что не ясно тебе, простак?

ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

На Сахалин? На Сахалин!
Не зря на карте он отмечен,
Он, может быть, такой один,
Он, может быть, как вечность вечен.
Не зря стекаются к нему
Дороги неисповедимы,
Не зря к нему лишь одному
Идут незримо пилигримы.
Но там ведь каторга? Так что ж,
Через неё идёт дорога,
И лишь пройдя её, поймёшь
Пусть и не всё, но хоть немного.
На Сахалин? На Сахалин!
На карты нанесён когда-то
Он, может быть, такой один.
Так в путь? Но какова же плата?
А плата, может быть, года
Уже не прожитые вовсе,
Ты это знал? Ну так тогда
Живи и к подвигу готовься.
Как схимник, принявший обет,
Меняет жизнь свою – ты тоже,
Остановив движение лет,
В небесный чин рукоположен.
На Сахалин! Но лишь один.
Не может столпник быть среди прочих.
Каких неведомых вершин
Достигнуть он ещё захочет?

На Сахалин! Там горы ввысь
Устремлены туда, где звёзды,
Там птицы рая собрались,
Там молодость дающий воздух.
Собраться только б вот туда,
Решиться, чтоб не отступиться,
Чтоб не оставить и следа,
Чтобы тенью в свете раствориться.

МУРАВЕЙ

Время муравья. Бремя муравья.
Жалко – не жалко: раздавлен.
Время моё. Бремя моё. Я
Ползать ещё оставлен.

Дорога муравья. Тревога муравья.
Что нам те дорога, тревога?
Да, эта дорога только моя.
Это только моя тревога.

Это время было и будет только моё.
Это только моё было и есть бремя.
Губили холодом и огнём,
Не одного, заодно со всеми.

Вольно муравью. Больно муравью.
Ужас муравья, каков он?
Вот хлеба кусок я тебе даю,
Ну и что с того, что он слишком солон?

Мы говорим привычные слова,
Не вдумываясь вовсе в их значенье.
А что такого, вот трава забвенья.
А что такого, вот пора цветенья.
Здесь бирюза, а выше синева.

Не уследить за каждым словом, и
Оно живёт, значенья выбирая.
Вот край земли. Да, ты дошёл до края.
Не веришь? Что ж, вот истина вторая:
Нет ни тебя, ни края, ни земли.

Летает пух июньским тёплым днём,
И мы идём вдвоём совсем без цели.
А что потом? Мы этого хотели?
Вот в этой смеси хохломы и гжели
Не мы ли переходим окоём?

В мгновенье то забылись все слова.
Потом я всё же вспомнил – есть слова ведь,
Но я сейчас слова не буду славить:
Ведь память – образы, а я и есть лишь память.
Река, стрекозы, облака, трава.

Николай АЛЕШКОВ, член Союза писателей России, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

Николай Петрович Алешков родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком и битумоваром. Основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. Через год после окончания средней школы был принят литсотрудником в редакцию районной газеты «Знамя коммунизма». Три года служил в Советской армии (1964–1967). После службы учился на истфилфаке Казанского университета (отделение журналистики), но бросил его, ибо началась пора странствий. Работал корреспондентом различных газет Казани и Южного Урала (г. Новотроицк), затем оказался в Москве и был принят в редакцию газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», в которой публиковался как военкор ещё во время службы. В 1972 году вернулся в Набережные Челны, где развернулась едва ли не последняя грандиозная советская стройка КамАЗа и нового города. Восемь лет работал диспетчером домостроительного комбината ПО «Камгэ-сэнергострой», одновременно заочно учился в Литературном институте имени А.М. Горького, который окончил в 1982 году. В 1983 году выпустил первую книжку стихов «Запомни меня счастливым». В 1984 году был принят в Союз писателей СССР. Ныне автор четырнадцати книг стихотворений и поэм, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Набережных Челнах.

Живёт в Набережных Челнах. Лауреат литературных премий имени Г.Р. Державина, Марины Цветаевой и других. В 2018 году стал обладателем Серебряного витязя на Международном славянском литературном форуме «Золотой витязь» (г. Пятигорск).

Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

Я проснулся, как будто из плавannya
Возвратился, и вижу – река...
Ветерок над закамскими плавнями
Чуть шевелит листву тальника.
Вижу – катится в небушко чистое
Солнце круглое, как колесо.
Пахнет рыбой и илом на пристани,
Словно брызнуло детство в лицо...

В это утро солнечное, летнее
Думать, далеко ли до черты,
Просто лень. И помыслы чисты.
Радуюсь, что лето не последнее
На моём веку... И всё мне нравится
На речной прибрежной полосе.
Яблони цветут, жена-красавица
Босиком ступает по росе!
Луч небесный ласково вплетается
В волосы роскошные её.
А скворцам над крышами летается –
И у них всё складно, ё-моё!
Над рекою облако склонённое
И берёзка – белая, зелёная...
Буду рифмовать, пока живой,
Родину с небесной синевою.

Человек – невысокого роста,
А деревья – как тянутся вверх!..
Полагаю, что это непросто
Между Богом расставленных вех.
И не зря в честь рождения сына
Я семейным корням угодил –
Возле речки Челнинки рябину
И берёзу в саду посадил.
Мы все вместе – славянская проба:
И порода одна, и родня.
Вот и выросли деревья оба
Выше сына и выше меня.
Общей почвой и общию кровью
Нас связала небесная власть,
Чтоб тянулись с деревьями вровень
К небу, вместе смиренью учась...

МАЛЬЧИШНИК

Хлеба горбушку да сала шматок
С кружкой холодного кваса –
Лучшей воды и не будет, браток,
Вплоть до последнего часа.
Кто-то добавит зелёный лучок
И огурец малосольный
Рядом с картошкой. Про водку – молчок
В нашей беседе застойной.
Лучше не дома, а возле реки,
Ласточки чтобы кружили.

Али не русские мы мужики,
Али друг другу чужие?
Песню старинную вспомним – споём.
Годы как быстрые реки...
Вовсе не страшно, что скоро уйдём
Все, друг за дружкой, навеки.
Витька, да Сашка, да тёзка Колян,
Васька, приехавший в гости.
Песня не ладится? Бросьте баян,
Просто обнимемся – бросьте!
Детство ли вспомним – герань у окна,
Складки отцовской шинели.
Послевоенная рвань и шпана,
что же вы так поседели?
Живы покуда! И память остра –
Вплоть до последнего часа.
Ну-ка, старшой, разливай у костра
Из фронтowego запаса!

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ

– Из Америки Вам письмецо!
Удивляюсь – чего это ради?..
Как знакомо на фото лицо!
Ты ли это, красавица Надя?
Далеко же тебя занесло...
Да, женат. Ты осталась без мужа?
Знаешь, наше родное село
Стало городом ныне. К тому же
Мы с тобою давно старики –
Память юности слишком капризна.
Но ромашки в траве у реки
Так же пахнут. И вечна отчизна.
Как живётся в чужой стороне?
Помнишь ли поцелуи у прясла?
Или память твоя обо мне
Ярко вспыхнула, тут же погасла?
Приезжай – познакомлю с женой!
Возвращайся – и город покажем.
Может, вместе в сторонке родной
В ту же землю когда-нибудь ляжем.

* * *

Солдатам воевать, а пацифистам злиться –
Мы ко всему привыкли на Руси.
Воюют наши – нам за них молиться.
И ждать. И верить. Господи, спаси!

МУЖИК

Кто воюет? Украина
И Россия? Горе – мне...
У меня убили сына
На гражданской сей войне.
Мне слезами боль не вылить,
Рукавом не утереть.
Сколько надо водки выпить,
Чтобы сразу умереть?
Мистер Байден, пан Зеленский
Не ответят мужику.
Все в округе деревенской
Горько смотрят за реку.
Что ж так долго на распутье
Ждали мы, едрёна вошь?
Вот за всех ответил Путин,
Ныне наш верховный вождь...
К мужику придут соседи.

По пятёрке принесут,
Всем селом солдата Федю
В Божьем храме отпоют.
Донесут и до погоста
Парня в цинковом гробу.
Всё обыденно и просто –
Не пенять же на судьбу.
– Не блажи, Андрюха, – скажут, –
На жену-то посмотри:
Ей тяжельше, будь на страже,
Время лечит, в корень зри!
Горе матери безмерно.
Ей двоих ещё растить.
Он вздохнёт:
– Вот это верно!
А отцу за сына мстить...
Пусть ещё не пролетели
Сорок траурных деньков,
Но мужик восстал с постели –
Он и к подвигу готов.
Он сказал в военкомате:
– Мне – полсотни. В самый раз,
Помолясь на Богоматерь,
Ехать, люди, на Донбасс.
Злая тётка Украина,
Посчитайся и со мной!

Он воюет там за сына.
И за нас, читатель мой...

* * *

Внучка носит мои свитера –
У тинейджеров мода такая.
Любопытно, конечно... Вчера
Предложил ей, во всём потакая:
– «Капитанскую дочку» прочти!
Отвернулась и сморщила губы.
– Пригодится на долгом пути!..
Внукам нынешним книжки не любы.
Не читают – плохие дела...
– Дед, мне некогда, – так доложила...
Всё же Пушкина томик взяла,
В изголовье себе положила...

Но откроет ли – право, не знаю –
Подтолкнёт ли когда-нибудь жизнь?
Только помню, что внучка – родная,
Нам без Пушкина не обойтись...

* * *

Предвестие дождя, как зазеркалье,
Надвинется, пугая и дразня.
Вот молнии по тучам засверкали.
Скорей домой – гром торопил меня.

Дом ждал меня, как панцирь ждёт улитку.
Всему свой срок. И будто по часам –
Я отворю знакомую калитку,
И хлынет ливень. Слава небесам!

ПОПЫТКА ВЕРЛИБРА

Выйдя к реке,
Подумаешь вдруг,
Что птичий язык Хлебникова
Вряд ли
Объединил бы всё человечество,
Но, может быть,
Научил бы нас
Разговаривать с птицами,
С шелестом берёзовой листвы,
С ветром и облаками...

О БЕЗМЕРНОСТИ

Беседую с юнцами,
Свои считаю дни.
Свожу концы с концами.
Сойдутся ли они?
– Душе поможет вера
По жизни крест нести...
– Во всём должна быть мера –
Безмерность не в чести...
– Добро не знает меры.
– Не знает меры зло.
– Добро и зло – химеры?
Куда ж вас занесло?!
Вам шанс родиться выпал,
А родина – причал.
Свобода – только выбор
Меж вечных двух начал.
Сквозь все земные сферы
Дастся неспроста:
Ни в чём не знают меры
Любовь и красота.
Печальна жизни повесть,
Но в ней резоны есть,
Когда безмерна совесть.
Когда безмерна честь.
Мораль читать не буду...
Мелькнув звездой в судьбе,
Пусть женщина, как чудо,
Откроется тебе.
Упало в почву семя.
Цветок раскрыл бутон.
И лепестками всеми –
Смотри – прекрасен он!
Без чьей-то доброй воли
И тут не обошлось.
Безмерно жизни поле –
И ты сомненья брось!
Шагай тропой верной,
Поскольку Богом зван!
Твоя душа безмерна,
Как Тихий океан...

Господь свою милость опять показал –
Я радуюсь этому, словно мальчишка.
Стишок сочинил по дороге в Казань.
Ещё бы с десяток, и – новая книжка!

А с книжкой поздравят друзья и жена –
Она же, как принято, муза поэта.
И верить приятно, что будет нужна
Кому-то ещё вся грамматика эта...

НАСТАВНИКИ

Среди избранных много незваных
Затесалось. Всяк – кум королю...
Был я в Болдине, был я в Тарханах,
И пройтись по Кырлаю люблю.

У Есенина был, у Рубцова,
И поеду, даст Бог, к Шукшину.
И моё сокровенное слово,
Может быть, прозвучит на страну.

Не печалюсь об этом, забота
Не моя – расставлять по местам.
Пусть незваные, если охота,
Шебуршат по углам тут и там.

Я наставников слушаю – счастлив
Угощаться с куста черемшой!
Мне достаточно этих причастий,
Вслед идти со спокойной душой...

Не был я большевиком,
Не был коммунистом.
Был я русским мужиком,
По-крестьянски чистым.

– Ты какой-то не такой,
Не такой идейный.
Прост, но вовсе не простой,
В общем... беспартийный.

Так считали – сам с усам –
Армия и школа.
Стукачу дал по зубам –
Вон из комсомола!

Жил-тужил немало лет –
А куда же деться?
Понял вдруг, что я поэт –
С детства...

ПРИЗНАНИЕ АКТЁРА

памяти Виктора Дмитриева

Захочу – и заплачу, захочу – хохочу!
Извините – за это я судьбою плачу...

ПОЭТ

Одни живут в низине,
Другие – на холме.
А я меж них – разина –
Брожу – в своём уме.
И должен быть готовым:
Вдруг немота – стеной!..
То ль я владею словом,
Оно ль владеет мной?

Александр БАЛТИН

РУССКАЯ ГЛУБИНА НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА

Поэт часто непонятен сам себе: являясь своеобразным одушевлённым вариантом кантовской вещи... в себе: мучительно разгадывающей орнаменты пути, приводящего к рождению стихотворения:

Одни живут в низине,
Другие – на холме.
А я меж них – разина –
Брожу – в своём уме.
И должен быть готовым:
Вдруг немота – стеной!..

То ль я владею словом,
Оно ль владеет мной?

Именно философия этой амбивалентности отношения со словом и определяет во многом бытование поэта на земле.

...Слово владеет Николаем Алешковым ярко: призывая к непремному созданию образа собственной вселенной, но и поэт владеет им, разумеется, иначе эстетическая выверенность была бы невозможна.

Стих Алешкова гармоничен: поэт, идущий от классических традиций, разрыв с которыми чреват, используя словарь и свой, и современный, добивается эффекта в каждом своём поэтическом построении.

Как точно, в две строки укладывается суть актёрской работы и жизни:

Захочу – и заплачу, захочу – хохочу!
Извините – за это я судьбою плачу...

Белая соль актёрства мерцает крупнозернисто, и тяжесть необходимой оплаты – искупает ли путь?..
...путь, выбирающий человека.

Интересно, компактно, со строчками, тяготеющими к афористичности, Н. Алешков исследует собственную жизнь: с прикосновением к звенящему диску изначального призвания:

Не был я большевиком,
Не был коммунистом.
Был я русским мужиком,
По-крестьянски чистым.

– Ты какой-то не такой,
Не такой идейный.
Прост, но вовсе не простой,
В общем... беспартийный.

Так считали – сам с усам –
Армия и школа...
Стукачу дал по зубам –
Вон из комсомола!

Жил-тужил немало лет –
А куда же деться?
Понял вдруг, что я поэт –
С детства...

...Будто всё вторично по отношению к слову: отчасти – так и есть, и человек рождается в родную речь в не меньшей степени, нежели в физиологическое существование: может быть, для поэта и жизнь –

лишь оказия писать стихи, а остальное – постольку-поскольку...

Идеально и принятие жизни, декларируемое поэтом: никаких сожалений, претензий, отчаяния: ровная линия спокойного стоицизма:

Какая есть – другой судьбы не надо.
Я жизнь прожил на родине своей
Среди родни, на расстоянии взгляда
Друзей, любимых и учителей...

И ведь подлинное богатство жизни в перечисленном: сопоставляя свой опыт с опытом поэта, из которого проросло четверостишие, сложно не согласиться с Алешковым...

Регулярный, рифмованный стих у Алешкова интересно разреживается верлибром:

Выйдя к реке,
Подумаешь вдруг,
Что птичий язык Хлебникова
Вряд ли
Объединил бы всё человечество,
Но, может быть,
Научил бы нас
Разговаривать с птицами,
С шелестом берёзовой листвы,
С ветром и облаками...

Верлибр литературен и менее естественен для русской поэтической речи, нежели стих рифмованный; верлибр, представленный Алешковым, касается литературы и одного из самых загадочных русских поэтов – поэта-дервиша В. Хлебникова – но то, как истолковывается его роль в бытовании истории литературы, завораживает...

Разговор с листвой...ветром...облаками...
Что может быть интереснее?

Но суета вертит нас, суета проедает мозги, мешая выработать ту меру чистоты, которая определяет подлинную поэзию.

Интересно рассматривается и история вообще: через призму истории деревни:

По камским излукам
Морковкой и луком
Торгуем. Над быстрой рекой
Встречаем рассветы,
Обуты, одеты,
А говор у нас костромской.

Здесь старец Иона –
Рубаха зелёна –
С монахами из Костромы
Распахивал пустошь,
И выросли густо,
Как поросль в урочище, мы.

Образность ярко плещет радугой: и словесная густота сочетается с лёгкой напевностью стихотворения.

...Яблони, тальник, небушко чистое, реки, smak и суть родной русской жизни, какую бы ни была – все субстанции эти плотно, как соты мёдом, наполняют поэзию Алешкова, и, соприкасаясь с ней, впитывая созвучия поэта, чуть иначе начинаешь смотреть на русскую глубину, правду, веру...

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Тихон СИНИЦЫН, поэт, художник, краевед. Автор книг «Частная тетрадь», «Рисунки на берегу», «Бескрайняя Таврика». Член Союза писателей России. Живёт в Севастополе.

МУЗЫКА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЯ

Уже продают у обочин кизил
Закончился август, похоже.
Как будто под кожу булавку вонзил
В толпе ненормальный прохожий.
Мерещатся фары в остывшей степи.
За домом – бурьян и ухабы...
Сова на кирпичной ограде сипит,
Застыв, как кипчакская баба...
Цикады прощаются на пустыре.
Их гулкая песня допета.
И смуглый парнишка грустит во дворе,
О том, что отобрано лето.

ОСЕННИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Облака похожи на дельфинов –
Этому открытию я рад.
Будто кто-то крутит диафильмы
В детском парке много лет назад:
Проплывают в небе афалины,
Белобочки, синие киты –
Горные отроги и долины,
Осмотрев с безумной высоты.
Вычерпана осень без остатка
И взвиваясь мёртвою петлёй,
Туча, превращается в козатку,
Хищно улыбаясь над землёй.

* * *

Когда мне беспросветно плохо
И длится долгий гнусный сон...
Мне в зарослях чертополоха
Вселяет милость махаон.
Когда одолевает ярость,
Когда надежд почти что нет,
Мне ястреб возвращает ясность.
Мне ясень посылает свет.
Когда нет радостного смеха.
Когда клеветают о святом;
Я представляю: море, эхо,
Тебя...
Спасибо и на том.

МУЗЫКА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЯ

Играла музыка нон-стоп платанам и полянам,
В осеннем пламени осин, на берегу песчаном,
В кирпичных брошенных домах,
на улицах и пляжах,
Среди степей, где раз в сто лет случаются вояжи.
Играла музыка в купе порывисто и ловко,
В тревожной городской толпе,
на дальних остановках,
В сожженной лесополосе и где-то по соседству;
Однажды показалось мне:
я слышал ее с детства,
Где папоротник расцветал в саду перед отелем,
За домом, там где бродишь ты
с кудрявым спаниелем.
Играла там, где кроны пальм
перечеркнули горы.
Я запишу тебе её. Дождись. Я буду скоро.

* * *

Покрикивают лебеди устало,
Крахмалюсь на прибрежном пустыре;
Осколками солёного кристалла
Отсвечивает бухта в декабре.
Я снова здесь, где волны Хокуся
Пространство режут ледяным стеклом,
Взъерошенная крачка, зависая,
За буруны цепляется крылом.
Без парусной доски мне одиноко,
Шезлонги прохудились –
Ну и пусть.
Зато девятый вал шумит под боком.
И Лермонтова помню наизусть.
Левантских буревестников налёты
Над черно-белой бездною Доре...
– Что здесь искать?
– Смотри, зияют гроты.
Невероятно море в декабре!

* * *

Я зонтик сломал среди хмурых мостов,
Насытился шквалом с лихвой,
Где серые краски стекали с холстов
В каналы с холодной листвою.

Меня приглашали шагнуть на корму
И выйти по дельте Невы...
Рычали с фасадов почти как в Крыму
Над волнами вольные львы.
Легко заблудиться в тени колоннад,
В промозглых колодцах дворов,
По улицам ночью брести наугад...
Я точно к такому готов!

МОЙ ТАЙНЫЙ МАРШРУТ

Прищурю глаза и пойду напролом,
Как путник былинный из сказки...
Я в сумерках часто скитаюсь пешком,
Вдали от дорожной развязки.
Вдали от пластмассовых гнусных витрин,
От торжищ базарных и вздорных
Гуляю в полях регулярно один,
Скрываюсь в подсолнухах чёрных.
Встречаю с пустынных платформ поезда,
Смакую детали побега;
И если синее над степью звезда,
То это, конечно же, Вега!

ВИД ИЗ ОКНА

Плавно плывёт вагон –
Ржавые рельсы, сумрачный небосклон,
Батюшка Дон – с рыжими тростниками,
Чёрными избами, дымом и островами...
Вид из окна
Медленно говорит:
Сложно с комфортом здесь обустроить быт,
Легче уйти с посохом, как ни странно –
В монастыри осени Левитана.
Вид из окна –
Это пейзаж старинный...
Птицы Гамзатова тянутся грустным клином.
Утром прощаюсь с крошечным городком.
– Если успеешь, то помаши платком!

* * *

Утром для тебя такое яркое
Облачко блеснуло с высоты;
Неправдоподобно солнце жаркое...
Я собрал осенние цветы:
Симеиза – сизые растения,
Фиолента – ультрафиолет,
Красных виноградников волнение,
Терпкий тёрн и нежный бересклет,
На Омеге – волны ерепенятся,
В Херсонесе – охра и лазурь;
Бабочка пятнистая – репейница
Выбрала для отдыха лозу,
Красками средневековой Таврики
Светится прохладная яйла,
Алые китайские фонарики...
Всё тебе. Такие вот дела.

Татьяна АЛИСЕВИЧ, филолог, библиотекарь, автор книги воспоминаний «Очень личные истории».

«ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...»

Когда-то их было много... А сохранилось несколько листочков. Как и подобает за прошедшее не одно десятилетие – ветхих и пожелтевших. И сколько сразу чувств вызывают они, и как не согласиться с классиком, который утверждал, что «письма больше – чем воспоминания... это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». И ещё: «Случайное содержание писем, их лёгкая непринуждённость, их будничные заботы сближают нас с писавшим».

(А.И. Герцен).

Это прошедшее так и встаёт перед глазами: 50-е годы прошлого уже века, дом моих родителей по спуску от Венца к Волге, на чей адрес довольно регулярно шли письма от человека особенной

судьбы – Владимира Андреевича Никонова (1904–1988), выдающегося лингвиста и этнографа. А ещё – географа, поэта, журналиста, литературоведа – разнообразны были его таланты и широки научные интересы. Успешна организаторская деятельность в области изучения географических названий различных территорий нашей большой страны. По праву в 1972 году В.А. Никонов был избран почётным членом Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО.

Сейчас его имя закономерно входит в число имен знаменитых симбирян, и судьба, несомненно, вела его к этому признанию с ранней юности. Хотя путь этот не был усыпан розами.

Живо встаёт перед глазами и сам облик Владимира Андреевича – необыкновенно подвижный, громкоголосый, всегда обращающий на себя внимание человек. Если ему доводилось по приезду в Ульяновск прогуливаться по Венцу в компании близких знакомых, то вдохновенные его монологи о литературе, о своих поездках по стране, научных языковедческих конференциях, инициатором которых часто становился он сам, невольно заставляли прохожих и прислушиваться, и оглядываться. Его увлечённость, импульсивность нельзя было не заметить, и это контрастировало с полным его равнодушием к своему внешнему виду – привычному «долгосрочному» костюму, такому же плащу, часто перекинутому через руку – «на всякий случай».

Вскоре после того, как он вернулся из сибирских мест (после вынужденного десятилетнего там пребывания) и стал часто приезжать в родной Симбирск, называемый уже давно Ульяновском, Владимир Андреевич в кругу давних друзей-литераторов стал обретать и новых. Среди них оказался и мой отец – Андрей Иванович Царёв (1914–1989). Эта дружба завязалась в начале 1955 года и продолжалась долгие годы благодаря не только общим литературным интересам друзей-литераторов, но и во многом благодаря душевной теплоте и гостеприимству моей мамы. В.А. Никонов часто заходил в гости к моим родителям, а уезжая, писал письма. Сохранилось в нашем семейном архиве, к сожалению, очень немного.

И за строчками этого немногочисленного – целая жизнь, её памятные эпизоды.

Свои письма он обязательно озаглавливал. Вот одно:

«На диком берегу Иртыша...». Омск, 29 июня 1958 г.

«Дорогие мои Мария Устиновна и Андрей Иванович! Извините, если неразборчиво, – сижу на вышеупомянутом диком берегу, то есть на пляже с мороженым, любуюсь на хорошеньких купалок, и жду отплытия моего парохода по Иртышу пока дня на три, так как билет на самолет в Москву в кармане за 4 дня, а дела все сделаны.

Из б. Белокаменной отбыл 16-го на ТУ-104 и спустя 4 часа опустился в Новосибирске».

После окончания своего срока в Сибири в 1954 году Владимир Андреевич смог вновь обосноваться в Москве. И сразу жадно окунулся в работу. И ярко заявил о себе: как литературный критик сотрудничает с «Литературной газетой», работает в институте этнографии, читает лекции по топонимике, развивающемуся, в том числе и благодаря его усилиям, направлению языкознания, связанному с изучением географических названий. Увлечённый географ, поэт и журналист, он просто погрузился в мир звуковых сочетаний – названий людских обиталищ, отыскивая в них историзм и языковые особенности народов.

И это внешняя, публичная сторона его жизни. Но после возвращения (а за время своего отсутствия он потерял малолетнего сына, потом жену) он чувствует глубокое всё-таки одиночество. Непростые годы позади, да и жизнь перешла за середину. В Сибири остались какие-то привязанности, но расстояния и обстоятельства – весомые преграды.

«...10 дён провёл у Мурки в тайге и отправился в Томск. Это там рядом. Взял каюту на пароходе по Томи и Оби..., мы вдвоём приятно проплыли по сибирским рекам, из которых каждая шире Волги в Ульяновске.

Поездка если не оживила, то всё же несколько рассеяла и развлекла меня».

Десять плодотворных лет в жизни прошли не так, как могли бы для творческого человека. От осознания этого остались и горечь, и постоянное стремление наверстать время. Он – в гуще литературных событий, литературного процесса, в том числе и провинции:

«Разнёс тут литературу 3 областей.

Города интересны, чего нельзя сказать об ихней литературе». Просторечные слова он шуточно намеренно вставлял в свою речь – и устную, и эпистолярную. Тонкий знаток языка позволял себе такую вольность. Не мог только позволить себе быть не объективным, поэтому часто критика его была, что называется, «против шерсти».

Но читаем дальше. *«Реки хороши, хотя пустынные. Против Волги и величавей, и скучней».* Неугомонная натура Никонова заставляла его совершать частые поездки по стране. Но Ульяновск всегда был местом притяжения, а самыми любимыми здесь местами – Венец, научная библиотека и краеведческий музей. Эта триада была для него и источником вдохновения, и возможностью научных занятий, и общением с интеллектуальным цветом города. Кстати, Владимир Андреевич всегда был благодарен и восхищался знаниями библиотечных и музейных сотрудниц. Даже пытался без успеха ухаживать за одной из них, о чём с юмором, но и сокрушённо рассказывал моим родителям, когда бывал у них дома. Мы жили совсем рядом с его любимыми местами, стоило только немного спуститься от краеведческого музея по деревянной лестнице к Волге.

Но дальше: *«Так как с делами управился, то опять свободный мальчик, и если бы не беспокойство по дому, который вот-вот должны ломать, – то не торопился бы в быш. Первопрестольную, а вместо короткого рейса махнул бы отсюда за Салехард до Ледовитого: впервые в жизни потянуло на безлюдный Север (так ненавидимый мною всегда) – старость!»*

Трудно сказать, о каком доме идёт речь. В его московской квартире мне довелось побывать летом 1959 года. Зная, что у моей мамы в Москве живёт родная сестра, Владимир Андреевич настойчиво приглашал нас в гости, когда случится такая оказия – все в одно время окажемся в столице. Дом его находился в центре Москвы, ехать нам было недалеко. Старый московский двор, широкие лестницы подъезда, по-моему, третий этаж. Коммунальная квартира. Узкая комната с одним окном во двор. Книжки везде – на полках по стенам, на стульях, на небольшом столе, какой-то самодельной тахте. Видно было, что он рад гостям, сразу стал хлопотать о чае, и новинка того времени – нежный и вкусный вафельный торт «Сюрприз» – был припасён к чаепитию. Заметив, что торт нам очень понравился, он был горд ролью хозяина и потом не один раз привозил его нам в Ульяновск. Хотя мамыны пироги сам любил больше. За чаем, как обычно, шла оживлённая беседа. Владимир Андреевич говорил

громко, как-то почти захлебываясь словами, о своих научных поисках, подготовке к изданию своей книги. Мне, пятикласснице, стало скучно, и я подошла к открытому в летнее знойное утро окну. Но во дворе шла своя работа, кипело что-то черное, смолистое в железной бочке с трубой, густой с резким запахом дым стал подниматься высоко и комната наполнилась этим запахом. «Ну, это репетиция ада!» – воскликнул Владимир Андреевич, закрывая окно. И почему-то именно эта реплика мне от этой встречи запомнилось больше всего. Ещё запомнились письма из других стран, где на конвертах (не по-русски!) было написано – «профессору В.А. Никонову». И это его очень забавляло, так как официально никакой учёной степени у него не было. Также, как не было высшего образования, аттестата о среднем образовании и свидетельства об окончании начальной школы. Это был своего рода парадокс обстоятельств, времени и... судьбы.

А ещё эти письма были документальным подтверждением того, о чём он извещал годом ранее: «Накануне отлёта из столицы получил письмо от чешского академика, сообщающего, что его привлекла моя статья в польском журнале, которую я не видел. Приятно узнавать о таких вещах через Прагу».

Всё-таки это его очень согрело – признание его научного авторитета за рубежом. И тут же – смеина настроения. Об этом – в письме:

«И вот такова психология – как-то остыл жгучий интерес ко всем этим делам... Наверно, теперь вяжусь в к.-н. драку по сельскому хозяйству или ещё какой отрасли, где я никто, и буду орудовать пока Пекин не признает, и там опять потеряю интерес».

Что за этой «психологией»? Всё же глубоко спрятанная обида, что судьба здесь, на родине, к нему не очень благосклонна? Обида, которую он спешно прячет за иронией – «так как на ближайшие полгода обеспечен, вероятно, ничего не буду делать для заработка и зимой помру с голоду. Ваш Никонов». И действительно, очень непритязательный в быту, он мог позволить себе уйти с головой в научную работу и не зависеть от часов присутствия и расписания занятий на службе. Ощущение свободы и возможность быть самим собой, то есть полностью отдаваться своим научным и литературным интересам, было для него важнее всего. Его не особо волновало, как будет воспринят его привычный костюм, а обедать он ходил обычно в дешёвую студенческую столовую, по крайней мере, так вспоминали те, кто часто наблюдал его в то время в университетской среде. (Случайный разговор в 80-е годы с попутчиком в поезде, с которым В.А. Никонов у нас оказался общим знакомым. Попутчик тогда в Москве работал над своей языковедческой диссертацией. Бывают случайные встречи...)

Среди редких сохранившихся в семейном архиве писем В.А. Никонова – листочек со стихами. Это его настоящая лирическая исповедь. Причём даты под двумя стихотворениями разные – промежуток между ними около года. И вот эти даты знаменуют, очевидно, важный и волнующий период жизни Владимира Андреевича. Он не говорил о нём, не писал обстоятельно, а выразил всё происходившее с ним в стихотворных строчках. Письмо, как всегда, имеет заголовок. На этот раз – «Поздняя заря». А

стихотворение называется «Синяя птица». И стоит дата – 8 сентября 1958 года.

*Мы ехали из университета.
В Москве-реке качались фонари.
На Воробьёвых доцветало лето
И отгорал последний луч зари.*

*Закат невесел. Но стократ печальней
Тот холодок начала сентября.
Он – отраженье осени недалёкой,
Любви последней поздняя зоря.*

*На двадцать лет она меня моложе –
И нелегко, наверно, ей со мной
В автобусе, где столько молодёжи,
Студенческой, шумливой, озорной.*

*Не отнимает руку. Без движенья.
Она со мной – и всё же я один.
Её, должно быть, держит уваженье
К авторитету знаний и седин.*

*А для меня она весь мир. Но поздно...
Осенних зорь негреющий огонь.
В моей руке усталой и склерозной
Мертва её холодная ладонь.*

Пылкой, поэтической, увлекающейся натуре В.А. Никонова непросто давалось его одиночество, одиночество, созданное суровыми обстоятельствами определённого исторического времени. Но и как человек, прошедший эти «обстоятельства», понимал, что многое уже невозможно вернуть в жизни – молодость, «своё» время прежде всего... Легче оказалось стать признанным авторитетом в языковедческих научных широких кругах.

Вот и вторая часть этой лирической исповеди, датированная мартом 1959 года. В ней многое – удивление и горькая радость от возникшего неведомо как чувства, напоминание себе самому о суровой школе жизни, которую он прошёл и должен идти также дальше...

Этому письму предпослан эпиграф – строчка из стихотворения Афанасия Фета.

*«Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор!»*

*Понимая в девичьих причёсках,
Гладких я не любил никогда!
Я искал небывалых и броских,
Чтоб гляделись на них города!*

*Не сходил я вкусами с Фетом.
Как же случилось, с каких это пор,
Стал мне в жизни единственным светом
«Этот влево бегущий пробор»?*

*Был я гордым и резким со всеми,
Головы не склонили моей
Тяжкий авторитет академий
И железный сапог лагерей.*

*Только в маленькой, хрупкой, неброской
Непонятно откуда взялась
В этой школьнице с детской причёской
Надо мной безраздельная власть.*

*Скоро буду ручным и послушным
И во всём поступать по её.
Как ты стало таким малодушным,
Непокорное сердце моё?*

*Так, пожалуй, ты взмолишься – «сжался!»
Перед девушкой, ставшей Судьбой,
Кто взяла в свои тонкие пальцы
Ей ненужную власть над тобой.*

Но загадочная «фетовская» девушка так и не смогла исполнить роль Судьбы до конца. А может быть, ей было в этом по трезвому разумению отказано? А может быть, образ первой любви оказался ярче и вдохновеннее, тот, что был им запечатлён в стихах 1923 года – «живая, смелая и быстрая, как ртуть», «и над открытым лбом, в задумчивости строгой / откинута прядь подстриженных волос»... Так или иначе, в письмах спустя три-четыре года уже нет даже упоминаний об этой лирической истории. А есть некая усталость, озабоченность судьбой близких людей, даже апатия, прерываемая всплесками резких суждений о литературных делах.

Письмо от 10 сентября 1963 года. Москва. На этот раз без заголовка. Письмо адресовано конкретно моей маме.

«Дорогая Мария Устиновна!

Большое Вам спасибо, что зашли к маме. Невесело ей живется, конечно.

В этом году уже не увидимся, к сожалению, на будущий – что ж гадать».

Моя мама нередко навещала Веру Николаевну по просьбе В.А. Никонова, особенно когда мы, получив, наконец, новую квартиру, стали жить ближе к его родному дому. Дом этот находился на бывшей Всесвятской, по его же инициативе как члена географического комитета Симбирского губернского отдела образования в революционные годы переименованной в улицу Робеспьера.

Вера Николаевна сразу после рождения Владимира Андреевича вследствие печальных обстоятельств заменила ему родную мать.

Несколько раз и я вместе с мамой приходила в этот деревянный дом в череде таких же на сохранившейся тогда свой «симбирский» облик улице. Только вследствие революционного затора и энтузиазма тех далёких лет она могла начать носить имя знаменитого француза, идеями которого, очевидно, увлекался гимназист Никонов.

Вера Николаевна (1879–1969) была в то время уже в преклонном возрасте, разнятся данные о её годах жизни, но были они немалые. Понятна была озабоченность Владимира Андреевича. Как-то сумрачно было в доме. Возраст диктовал минимализм обстановки. Помню комнату – кухню со столом, покрытым клеёнкой, несколько чашек на нём. Сухонькая прихрамывающая старушка что-то достаёт из буфета, внимательно к нам приглядываясь.

Были долгие разговоры за этим столом, рассказы о прежней далёкой жизни в Симбирске. Я

смотрела с благоговением на Веру Николаевну как на очевидицу и хранительницу в памяти разных событий – маркеров прошедшего времени, как на живое подтверждение течения этого самого времени. Оно было как бы законсервировано не только в её памяти, но и в обхождении, привычках, манере говорить, внешности. Ну и, конечно, особенность ей придавало родство с В.А. Никоновым, хотя внешне похожести я не увидела.

Научная деятельность Владимира Андреевича была очень активной, даже если говорить о постоянных его разъездах по нашему бывшему Советскому Союзу (как сейчас бы сказали – ближнему зарубежью), подготовке и проведении научных конференций по ономастике. Тем более ценны его личные дружеские контакты, на которые он всегда находил время, будучи в Ульяновске, письма, в которых делился своим настроением. «Жизнь моя не радуется (внутренне)... Скучно мне. С 1-го развязался со срочными делами и слоняюсь так, ничем заняться не хочется и не знаю, чем займусь. К тому же все издательства под дамокловым мечом... Новостей волнующих никаких не знаю, и Вы мне ничего не отписали. Это тоже грустно. Опишите, а то когда ещё я упаду на родные берега!»

К изданию, очевидно, готовы были уже книги по антропонимике, которой Владимир Андреевич занимался очень много с середины 60-х годов. Я хорошо помню, как он рассказывал моим родителям о своей скрупулёзной работе по изучению выбора имён новорожденным детям, о статистике этих имён, частоте выбора того или иного имени. Мне, школьнице, тогда это казалось забавным, только взрослея, я стала понимать социальную значимость колоссальной работы. Было просмотрено и изучено в 1961 году 100 тысяч имён новорожденных, материалы 100 архивов, записи 50 областных ЗАГСов, в том числе и нашего, ульяновского. Это, конечно, уже мои поздние и всем известные знания об объёме этой работы. Но даже тогда меня удивляли и восхищали особенности Владимира Андреевича как учёного-лингвиста – простое, казалось бы, дело человеческой жизни – выбора имени для ребёнка – понять, осмыслить и привлечь внимание многих «обычных» людей к этому ритуалу как сложному социальному и языковому явлению, дать им почувствовать свою ответственность за вроде бы очень личное действие. Владимир Андреевич и рассказывал увлечённо об этой проблеме, и книги написаны очень эмоционально и доступно и вызывали широкий интерес. Недаром книга «Имя и общество» была удостоена медали ВДНХ. А книга «Ищем имя» была воспринята не только как результат научной работы, но и как практическое пособие при выборе имени маленькому человеку.

Но вот загадка, почему время от времени то или иное мужское или женское имя вдруг начинает лидировать среди других, так и осталась загадкой, как, наверно, и всякая появляющаяся и исчезающая мода. Какие звуковые, смысловые, исторические аспекты начинают возобладать, причём одновременно у большинства людей – об этом не раз упоминал Владимир Андреевич. Это социально-антропонимическое явление его очень занимало. И этот интерес его был очень «радиоактивен» в

хорошем смысле – слушать его было невероятно увлекательно.

Кстати, на лекциях Владимира Андреевича как таковых мне не пришлось, к сожалению, бывать, хотя он практиковал их чтение во многих высших учебных заведениях страны. Многое интересное довелось слушать только при встречах.

Но стоит вернуться к письму. После упоминания о переменчивой сентябрьской погоде в Москве он завершает письмо: *«Привет Андрею Ивановичу и Татьяне Андреевне. Как е́йные успехи по учебной линии?»*

Привет Волге, если Вы её теперь видите чаще, чем я. Никонов».

В этом перечислении, к моей гордости, я не была забыта. Причём союз «и» подчёркнут. И этому есть несколько оснований.

Можно сказать, что я росла на его глазах – от девочки-первоклассницы до взрослой барышни. Первое знакомство и первый личный диалог состоялся, когда мне не было ещё и восьми лет. Дело было летним вечером, когда мы с мамой вышли проводить Владимира Андреевича, бывшего у нас в очередной раз в гостях. Поднявшись по лестнице на Венец, миновав музей и библиотеку, задержались в Карамзинском сквере. Взрослые увлечённо продолжали разговор на скамейке, а я нашла занятие рядом, не поверите, в песочнице! Было такое детское в 1955 году развлечение в любимом горожанами сквере. Взрослые разговорились, и уже темнело. Я безуспешно что-то пыталась слепить из подсохшего песка. Наконец решено было расходиться по домам. Владимир Андреевич подошёл к песочнице и долго изучал моё «творение». Мне это показалось очень необычным. Наконец он сказал: – «Ты неправильно слепила дом». – «Почему?» – обиделась я, подумав, как же он сам слепил бы из сухого песка. – «Потому что крыши у домов не бывают круглыми», – сказал Никонов. Срочно нужно было какое-то возражение, как я поняла. Но объяснение лишь «неправильным» песком я посчитала небездательным. И вдруг меня осенило! – «Бывают», – ответила я. – «И где же ты видела?» – почти насмешливо спросил Владимир Андреевич. Но у меня был козырь! Да ещё какой! За примером далеко ходить не пришлось. – «Мы же мимо проходили», – ответила я. – «У музея на башенке круглая крыша!» Никонов задумался. Я с детским нетерпением, но и уверенностью, что взрослые всегда правы, ждала, что он скажет. Его ответ был замечательным! Ответ, который можно разбирать с педагогической, психологической и так далее сторон... Он сказал: «Ты права. А я как-то не подумал об этом. Действительно, круглые крыши бывают...»

Чему он хотел научить меня? Наблюдательности? Умению отстаивать свою точку зрения? Надо ли говорить, что внутренне я тогда торжествовала, но великодушно это не демонстрировала.

Наш старый деревянный дом Владимиру Андреевичу, очевидно, нравился. Почти на берегу Волги, из окон видна река, в открытые окна летом доносятся гудки теплоходов (так было!). Но с годами всё тяжелей ему давались подъёмы по лестнице к Венцу. И когда однажды мы вместе поднимались по деревянным её ступенькам, он сказал: «Как вы

можете терпеть эти спуски – подъёмы?» Что я могла ответить? В свои 13 лет в тот момент я не чувствовала особой тяжести курсировать вверх-вниз. Но другие люди, живущие здесь... Как же они? Я постаралась найти ответ за всех. «Мы привыкли», – ответила я. Это был плохой ответ для Никонова.

Он с привычной горячностью его «разнёс в пух и прах» (это его выражение). Говорил, что привычки бывают разные, и эта наша – не из лучших. Он говорил довольно резко, и я постаралась ретироваться.

Конечно, можно было понять, с чем у него ассоциировался мой неудачный ответ. Но я усвоила тогда, что вынужденные привычки, смирение перед обстоятельствами – не лучшие качества.

Его собственные «вынужденные обстоятельства» иногда всплывали в разговорах с моими родителями. Он иногда рассказывал какие-то драматические эпизоды, это было очень редко. И это его тяжёлое десятилетие, конечно, не могло пройти бесследно, но писать об этом он не хотел.

К моему выбору будущей профессии он также отнёсся скептически. «Профессию по кушаку не выбирают», – говорил он, имея в виду старинный анекдот про желание стать извозчиком, потому что у извозчиков кушаки красивые, красные.

Про мои литературные попытки отозвался так: «Надо иметь опыт жизни, а не воспоминания о пелёнках писать». Конечно, все эти высказывания проясняли в юной голове романтический туман. К тому же Владимир Андреевич считал, что меняется цивилизационный крен – физики побеждают лириков, что время гуманитариев проходит.

Но тем не менее не отказывался читать мои наивные опусы и подмечать удачные строчки, объяснял важность умения видеть детали и приметы времени. Помню, как очень подробно объяснял это на примере стихотворения Анны Ахматовой «В ремешках пенал и книги были», о том, что именно придаёт точность образу и передаёт колорит времени и места. Много читал стихов наизусть.

К сожалению, наши встречи становились реже, но, приезжая, он обязательно давал о себе знать, заходил уже в новую квартиру. Это стало ему гораздо ближе, но только Волгу из окон видно не было. Не заставая никого дома, оставлял записку в почтовом ящике.

«3 Мая 1969 г. Н.Э.

Ульяновск.

Приехавши я в субботу, а сегодня вторник. И никого из Царёвых нигде не встретил! Куды они делись? Никонов».

Этот узнаваемый лёгкий шуточный дружеский стиль, это ожидание дружеской встречи с рассказами Владимира Андреевича о своих поездках, новых замыслах, о необыкновенной своей работе, которая связана с великой тайной – языком народа.

Симбирск-Ульяновск стал и последним пристанищем этого одарённого человека. Таково было его завещание. А может быть, и тайная надежда, что здесь, на родине, его будут не только чтить за несомненные заслуги, но помнить и вспоминать как своего земляка, близкого человека.

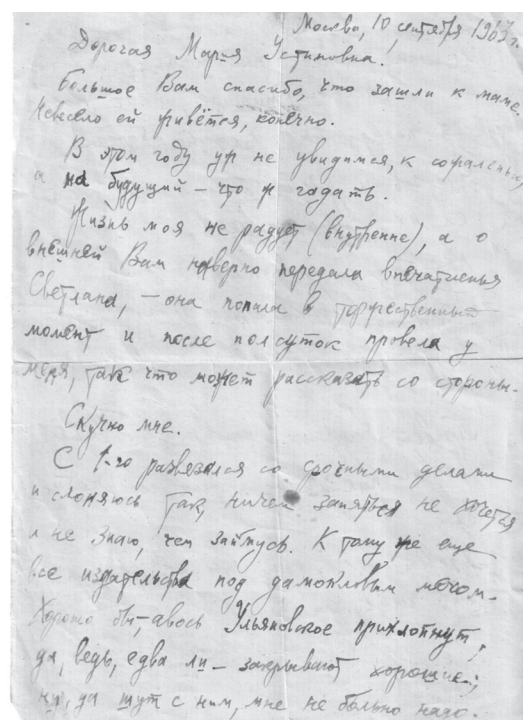
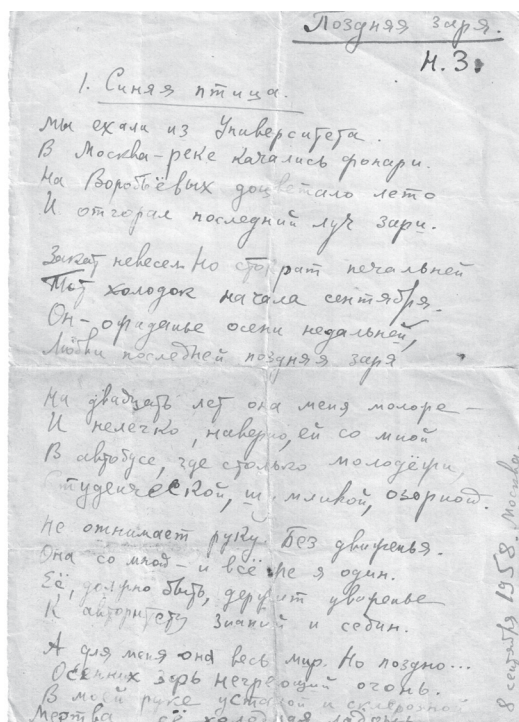

Наша справка

НИКОНОВ Владимир Андреевич (27[14].07.1904, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 13.03.1988, г. Москва; похоронен в Ульяновске), лингвист, организатор науки, литературовед, поэт. Мать умерла при родах; жил и воспитывался в семье близких родственников. В 1913–1918 учился в 1-й Симбирской мужской классической гимназии. С 1920 был секретарём губернского отделения РОСТА, репортёром и зав. отделом газет «Заря» и «Экономический путь», зав. школьным отделом губкома комсомола, председателем губернского бюро юных пионеров. В 1924–1925 организатор и член редколлегии губернской пионерской газеты «Смена смене». В 1925–1931 гг. преподавал географию в школе №3 и пед. техникуме Ульяновска. Создал лит. группу «Стрежень» (1924–1928), в которую входили литераторы: К.Я. Горбунов, А.А. Караванова, А.Р. Кузнецов, И.И. Кротова, Ф.П. Подвальский, Ф.Я. Дворянкин, Н.П. Фирюбин, Н.И. Огрызков, Г.С. Васин, В.В. Попова и др. Издал в этот период несколько коллективных сборников и 4 своих книги. Был женат на И.И. Кротовой, которой посвятил стихотворение «Инне». С предисловием Н. была издана книга И.И. Кротовой «Литературный Ульяновск 1917–1927» (1927), где описана история создания лит. группы «Стрежень». В декабре 1929 г. был одним из организаторов Первой окружной конференции по краеведению в Ульяновске.

В 1931 переехал в Воронеж, работал в редакции газеты «Коммуна». Затем был отв. редактором районной газеты в г. Кунцево Московской обл. (1932–1934), членом комитета литераторов при издательстве «Советский писатель» в Москве (1934–1942). Часто приезжал в Ульяновск, иногда надолго: занимался в архиве, во Дворце книги, участвовал в работе краеведческого музея. В 1942–1944 гг. служил в Красной армии. В 1944 году был арестован по ложному обвинению и осуждён на 10 лет; в 1954 г. реабилитирован. В 1955 г. начал заниматься научно-исследовательской работой в области ономастики. Выступал на заседаниях Географического общества СССР (1956, 1957) с докладами: «Законы топонимики», «Материалы топонимики для истории освоения Среднего Поволжья». Был специальным корр. «Литературной газеты» (1957–1958), действительным членом Географического общества СССР (1958), председателем топонимической комиссии при его Московском филиале (1959). Более 20 лет руководил группой ономастики в Институте этнографии АН СССР. В 1958–1960 гг. готовил «Топонимический словарь Ульяновского р-на Ульяновской обл.». В 1959 г. выступал на собрании краеведов Ульяновской обл., работал над указателем литературы «Далёкое прошлое Ульяновского Поволжья» (остался незавершённым). В 1960–1970-х гг. читал спецкурсы в разных городах страны; занимался в архивах Горького, Саратова, Казани, Саранска, Ульяновска.

На XI Международном конгрессе по ономастике в Софии был избран почётным членом Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО (1972). Читал лекции по топонимике и ономастике в 18 вузах страны. По приглашению областного краеведческого музея 11-15 мая 1986 г. приезжал в Ульяновск: поделился воспоминаниями о Симбирске; выступил с лекциями в музее, горсовете, на авиапромышленном комплексе. Последний раз приезжал в Ульяновск в июле 1987 г., работал в областной библиотеке и краеведческом музее. Оставил Дворцу книги свою автобиографию. Автор поэтических сборников: «Молодняк» (1924), «Чужие стихи» (1924); книг: «Статьи о конструктивистах» (1928), «Эдуард Багрицкий» (1928), «Фронтовой опыт – молодым бойцам» (1943); научных изданий: «Введение в топонимику» (1965), «Краткий топонимический словарь» (1966), «Имя и общество» (1974), «География фамилий» (1988), «Ищем имя» (1988), «Словарь русских фамилий» (1993) и др.

Рукописные автографы В. Никонова.
Из личного архива Т.А. Алисевиц

Евгений ЮШИН родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки.

Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ. С 1978 года работал редактором в Центральном доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2015 год.

Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии «Имперская культура», премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России.

ДУША РОЖДАЕТ СЛОВО

РОЖДЕСТВО

От звезды Вифлеемской струится дорога.
На Земле торжество – день рождения Бога.
День рождения каждого, кто родился,
Кто любовью живёт и любовью крестился.
И струится роса от звезды Вифлеемской
По дороге Рязанской, дороге Смоленской
И – в деревню мою, в мои тёплые сенцы,
И впадает в глаза мои, кровь мою, сердце.
И, впадая, влечет за собой мою душу.
Вижу маму, крылечко, рябину и грушу.
На берёзе трепещет снегирь, как сердечко,
Юный тополь луны примеряет колечко.
Так иду я, иду этой светлой дорогой
От Руси – до России, от сердца – до Бога.

* * *

Мир любовью живёт.
 А иначе зачем он, неистовый?
 Плачут горько по-детски
 кудрявые волны в реке.
 Осень греет дорогу
 последними рыжими листьями,
 И она, согреваясь, в рассветном плывёт молоке.

Мир любовью живёт.
 Без любви умирают любимые.
 Мир уйдёт, если мы хоть чуть-чуть
 не полюбим его.
 Вот зелёной волной поднимается поле озимое.
 Вот смеётся ромашками возле крыльца моего.

Всё так дорого мне:
 и грачиные стаи над вязами,
 И шаманская пляска костра
 в задремавшей ночи.
 На росе – тишина.
 Морда месяца – над коновязями.
 И стога на полях – куличи, куличи, куличи.

Все любовью живут.
 Даже чёрная жаба холодная,
 Поседевший от инея серый мосток у реки.
 На прохладной волне
 покачнётся звезда путеводная.
 И на вёслах по лунной дорожке пойдут рыбаки.

Все любовью живут:
 золотые шмели и смородина,
 Пьяный луг на меду,
 пескари у прибрежных осок...
 И – никак без любви,
 потому что – и воля, и родина,
 Жаворонок веснушчатый и заревой колосок.

МЕДОВЫЙ СПАС

Утро. Небо слышит Бога.
 Отозвался звоном храм.
 Ветер, вёрткая дорога,
 Паучок в окрестье рам.

Каждый луч душой запомнишь.
 Зябко ёжится рогоз.
 Но всегда в любовь и в помощь
 Песни поля и берёз.

И хотя в прохладе неба
 Лопухи горят слезой,
 Поле помнит запах хлеба,
 Дарят зори мёд с узой.

* * *

Андрею Шацкову

Над Куликовым полем – мгла.
 Летит! Летит! Летит!
 Её калёная метла,
 Из века в век пылит.

Донской Димитрий и Боброк –
 Плечом к плечу: «Ты знай,
 Не будем больше мы оброк
 Платить тебе, Мамай!»

Но снова жатву жаждет мир.
 Нет Азий и Европ!
 Справляют бесы праздный пир
 И – голова в сугроб.

То лях надменный набредёт,
 То белобрысый швед.
 Метла – метёт! Метла – метёт!
 Метле покоя нет!

Простор и холод – век открыт.
 И скифы всё летят!
 То – польня, то – чёрный скит,
 То – выводок грачат.

Но снова жатву жаждет мир.
 «Молись, Боброк!» –
 «Молюсь».
 Гудит эфир, летит – в эфир:
 «За Родину, за Русь!»

Донской Димитрий строг и прям.
 Обочь – шеломом стог.
 И в новой битве в помощь нам
 Отечество и Бог.

У МОГИЛЫ СОЛДАТА

Он упал. И упала земля на него,
Словно мама ладонью прикрыла.
– Боже мой! И не будет уже ничего,–
Прошептала могила.

И заткнули ей рот, и поставили крест.
А ведь были бы дети.
По земле ходит много печальных невест –
Без любви, без ответа.

И кукушка – ты слышишь? – рыдает: «Ку-ку»!
Словно годы листает.
Вот прикрыла глаза, всё сидит на суку
И – мечтает, мечтает...

О ПУШКИНЕ

Вот смотрит он – то строг душой,
То как мальчишка озорной,
Смеётся и в ладони плещет.
А стих то плачет, то щебечет,
То гимны льёт, к себе маня, –
Так Пушкин смотрит на меня.

Глядит взволнованно и мудро.
Сквозь череду минувших вех
Он хочет видеть наше утро
И страстный XXI век.
И к нам ведёт он (разве снятся
Дантес, коварный Геккерен?..)
Не мир – миры за ним толпятся:
Дубровский, Ленский, Анна Керн.
И Черномор под небесами,
И Герман с карточной игрой...
И уж запутались мы сами, –
Кто жил с ним рядом, кто – герой?
Он всё пропел: весны прохладу,
Страстей пожар и радость дней,
Сражений жгучих канонаду
И славу Родины моей.

То – громом, то певуче тих
Искристей снега льётся стих.
Как наши реки, наше поле –
Люблю его! Чего же боле?

Я возьму с собою в зиму
Дымку глаз твоих озимых,
Перстенёк росы на ветке,
Взгляд сосны из-под ресниц,
Гимны грома и дубравы,
Плач волны у переправы,
Мотылёк огня лампы,
Охи-ахи половиц,
Лай собачий – дальний-дальний,
Огонёк во тьме печальный
И шмеля в боярской шубе, –
Пусть покажет свой басок.
Будут мне светить всю зиму
Дымка глаз твоих озимых,
Огонёк во тьме печальный
И на ветке – перстенёк.

Люблю я под вечер спуститься
К малиновой, тёплой реке.
Заря пролетает, как птица,
И волны поют на руке.

Кукушка, туман и лодчонка,
И сосны – в закатном меду.
И с самой красивой девчонкой
Я к дому по лугу иду.

Цветы улыбаются Тане,
И мне, и смиренным стогам.
И светит великая тайна,
От неба плывущая к нам.

Уж звёздами ночь колосится.
Хмелит поцелуев вино.
И счастье всё длится и длится...
Давно это было. Давно!

Ты знаешь, помнишь: утром алым –
Жар припечённых дрёмой щёк,
И луч – над пьяным одеялом,
И губ невыспавшихся шёлк.

Потом боры нам гимны пели,
Цветы бежали через луг.
О, боже, как они хотели
Коснуться ног твоих и рук!

И пучеглазые стрекозы,
Смеясь, летели в краснотал.
И тучи били шапки оземь,
И дождь под липами стоял.

Клубилось небо, расступалось,
Смотрелась в лужи синева.
И ты смеялась всё, смеялась...
Ещё со мной, ещё жива...

* * *

Тёплый вечер тянет тени.
От тумана пахнет сном.
В облаках сырой сирени
Палисадник за окном.

На жердинке дремлют куры,
Конь, подрагивая, спит.
Под окошком тополь хмурый
Костылём своим скрипит.

Спи, деревня, спи, родная,
Потчуй веником козу,
Песню дальнюю роняя,
Как нежданную слезу.

* * *

У отца – голубы глаза.
У отца отдохнуть нельзя, –
Всё рассказы и всё расспросы.
А за окнами – лес стеной.
А за окнами – свет льняной.
И о детстве шумят берёзы.

А отец мне: «Ну как живём?!
Хорошо ещё, что жуём.
Кое-как огородом сыты.
Вот вернули в Россию Крым –
Это правильно. Победим!
Значит, пращуры не забыты».

Прогуляться пойду, взгрустнуть.
Память давняя стелет путь.
И луга под росой белёсы.
Друг уехал, другой – убит.
Звёздный рой надо мной гудит,
Волны катятся нетверёзо.

За оврагом туман обмяк.
Всё как прежде, но всё не так.
Школа – вот она – дверь забита.
Дом соседский пошел на слом.
Песня тянется над селом.
Вилы ржавые – у корыта.

Возвращаюсь домой скорей.
Но цепляет меня репей:
«Не спеши! Оглянись! Послушай!»
Нет в селе уже ни огня.
Только ветер и тополя,
И над полем – родные души.

Нет в селе уже ни огня.
Смотрит родина на меня
Из смородины, из рогоза.
Узнаёт меня, узнаёт,
Всё вопросы мне задаёт,
Окаянные всё вопросы.

Вот я в доме. Крадусь впотьмах.
Месяц – клювышком в тополях,
Дух черёмухи из потёмок.
Вот поднялся отец: «Приляг!
Зря мы красный сменили флаг...»

Голосок половицы тонок...
Ходит старость на белых ногах,
Чуть покачиваясь спросонок.

* * *

Геннадью Ёмкину

Завели мотор и катим
Мимо леса и луны.
Хороша ли жизнь за МКАДом
В глубине родной страны?

Скачет тёртая дорога.
Звон колосьев и ручья.
Мы живём тут – рядом с Богом,
С ароматом кулича.

Хороша ли жизнь за МКАДом?
Кой-когда и хороша!
Потому, что небо рядом,
Поля чистая душа.

Ну а что в бурьяне пашня,
Что уклад пошел на слом, –
Стыдно, горестно и страшно
В нашем царстве областном.

Сон травы, белынь тумана.
Жестяные листья крыш.
Портвешок на дне стакана.
Ветошь осени. Камыш.

Тётка Дуся у колодца.
Журавли зовут на юг.
По озёрам льётся солнце.
Сколько золота вокруг!

Так что мы живём богато.
Пахнет яблоками сада.
И любого расспроси –
Даже ангел в небеси
Нам поёт вдали от МКАДа:
– Всё как надо,
Всё как надо...

Сергею Щербакову

Листья слетают с деревьев – свобода, свобода!!!
Остановилась... Покоя желает природа.

Оторопели, свиваются жёлтые листья,
Рыжим хвостом заматают дорогу по-лисьи.

Смотрит старуха. Глаза голубы, словно вёсны.
Чавкает под сапогами удрёмная осень.

Заговорила старуха: – Я всё уж видала.
Было и больно, и сладко, а всё-то мне мало.

– Хочешь пожить?
– А и как не хотеть-то? Весёло!
Эко скуласта картошка, укропны рассолы!

– Будет зима. Как прожить-то тебе в одиночку?
– В печке урчит огонёк,
что мой котик в носочках.

Я напеку пирогов – по соседям, по дали...
Там и весна уж, а с солнышком – нету печали.

Так вот иду, и в пыли под стопую мою –
Скифский кафтан и потёртый колчан Челубея,

Ржавый палаш бородинского дымного ада,
И черепа уцелевших домов Сталинграда.

– Ну и куда ты идёшь по разбитой дороге?
– К Богу иду я, покуда шевелятся ноги.

Я осень тихую приемлю
Без рваных северных ветров,
Когда листва летит на землю
И гонит к стойбищу коров.

Ну и какие в том печали?
Всему на свете свой черёд.
– До встречи! – птицы прокричали.
– До встречи! – выдохнул народ.

И вышли все, и смотрят долго
На птиц, плывущих в небесах.
От луговины ветер волглый
Протаял слёзы на глазах.
– Курлы!..
И что же в том такого?
Простор. И журавлиный свет.
И всё ж душа рождает слово
О всех, которых с нами нет.

Кто так же пели и любили,
Хранили Русь, страдали с ней,
И вот однажды проводили
Своих последних журавлей.

Холмы пологие печальны.
Зарёй течёт небесный мёд.
И звёздный берег, дальний-дальний,
Молитву древнюю поёт.

ДУША ПРОЛЕТАЕТ

Я не то чтоб почувал – я видел: душа пролетает,
Пролетает молитвой живой, обогрев небеса.
Словно фрески, над ней
поколений полки проплывают,
И минувших баталий дымы разъедают глаза.

Но и светлое видится: прадед и потное поле,
Пра-пра-пра моя бабушка, тихих гераней уют.
Зреют яблоки. У косарей каменеют мозоли.
А ветра и просторы, и девушки песни поют.

Пролетает душа надо всей
нашей вольной отчизной!
Над трамваями, домнами, соснами,
вросшими в мох.

Как над ладом людским,
так над всей неустроенной жизнью
Перепутий вокзальных и синих усталых дорог.

Над метельною, сиплою песней
и вольною Вожей,
Над могилою мамы моей и просёлком в пыли.
Пролетает душа и никак наглядеться не может
На подсохший малинник, на рыжую пряжу зари.

Пролетает душа – и на сердце светает, светает.
И мерцает роса на колосьях туманных полей.
И душа всё летит и, как облако, плачет и тает,
Выпадая на землю любовью и болью своей.

Всему свой час. Не раньше и не позже.
Да разве в годы детские мечтал,
Что стану я поэтом. Речка Вожа
Светила мне и алый краснотал.

Молочный дух от стойла, дед – с покоса.
Почтарь с велосипедом – будет весть.
Не ведал я, когда обнял берёзу,
Что это вот поэзия и есть.

Поправила она свой фартук белый
И побежала. Я – за ней, за ней!
И улыбалась бабушка и пела
За мною наблюдая из сеней.

Евгений ЮШИН

Фото Евгения Юшина

МОЙ УЛЬЯНОВСК, МОЙ ГОРОД РОДНОЙ

Фотографии Дмитрия Яшнова

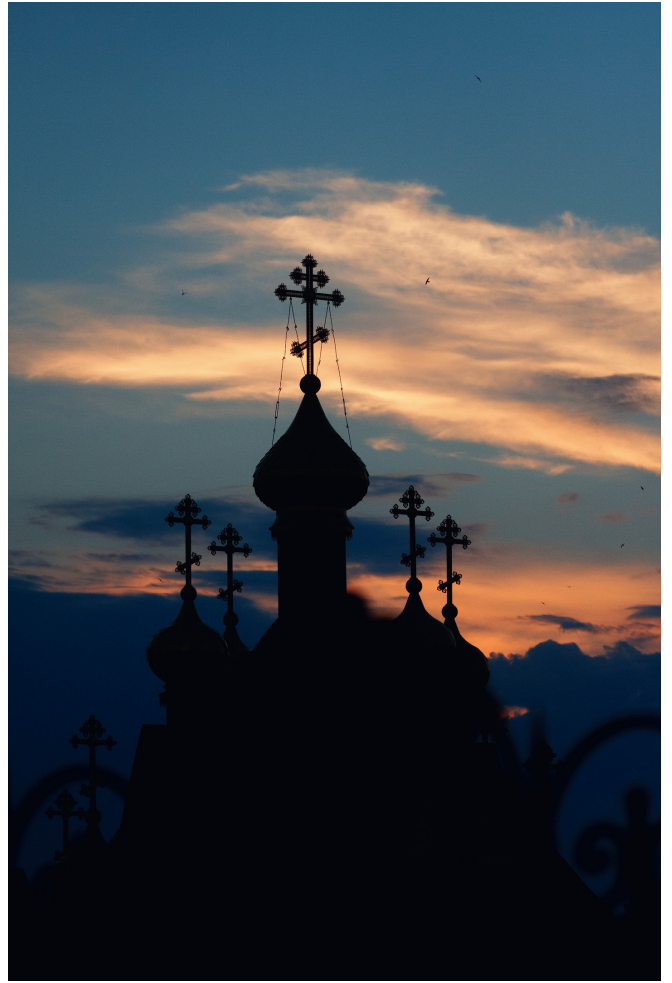
18 января 2023 года в ОГБПОУ «Ульяновский колледж культуры и искусства» была открыта персональная фотовыставка преподавателя колледжа Д.С. Яшнова, посвященная 80-летию со дня образования Ульяновской области. Выставка «Мой Ульяновск, мой город родной» продлится до конца февраля.

Наша справка

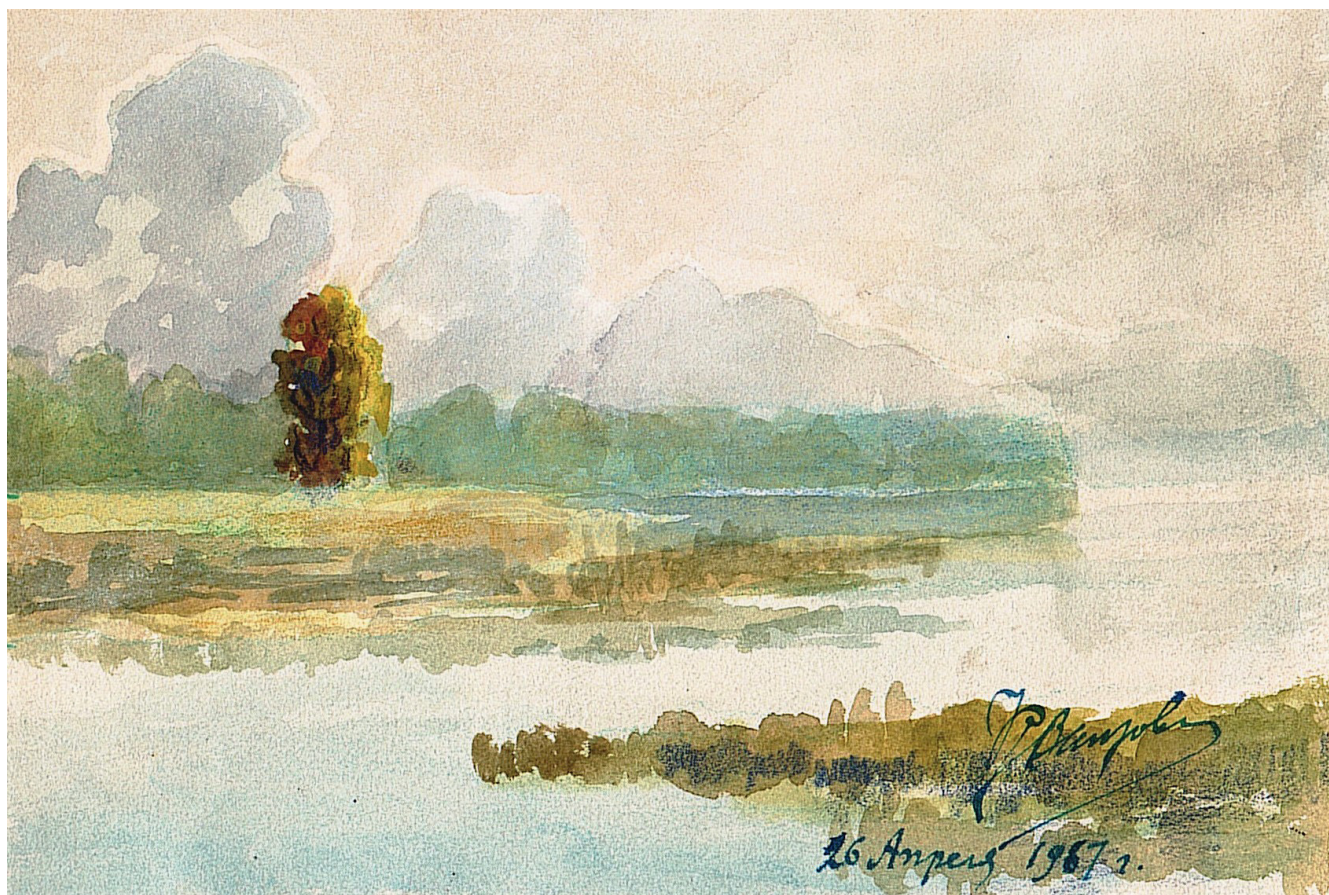
Дмитрий Яшнов – преподаватель гуманитарных дисциплин Ульяновского колледжа культуры и искусства. Преподает историю мировой и Отечественной культуры, историю искусства. С 2012 года руководит действующим в колледже краеведческим лекторием.

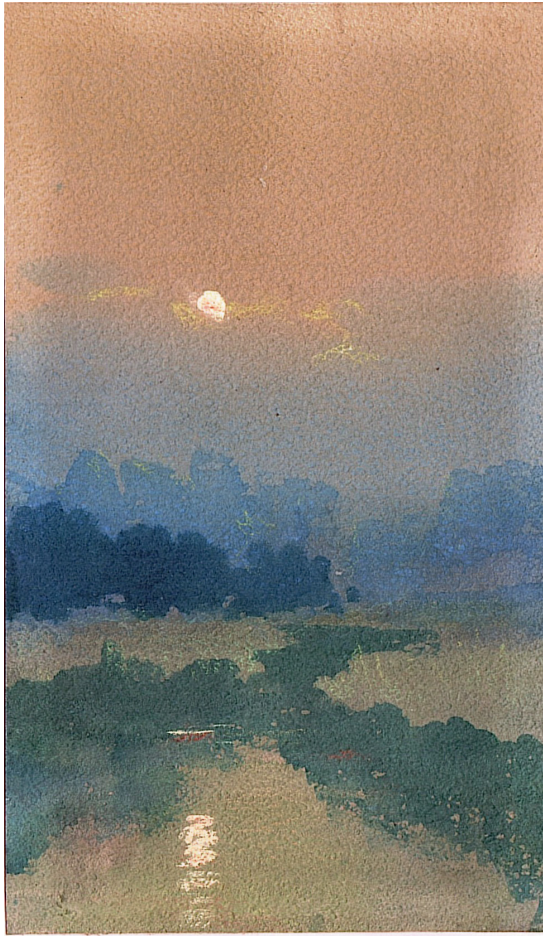

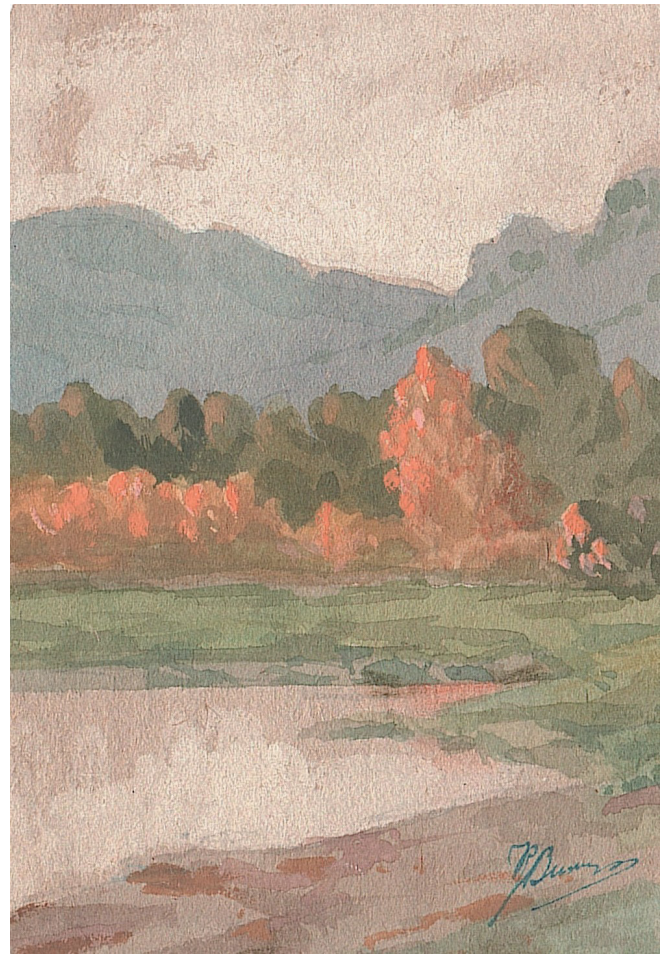
АКВАРЕЛИ КОНСТАНТИНА ВАНЗОВА

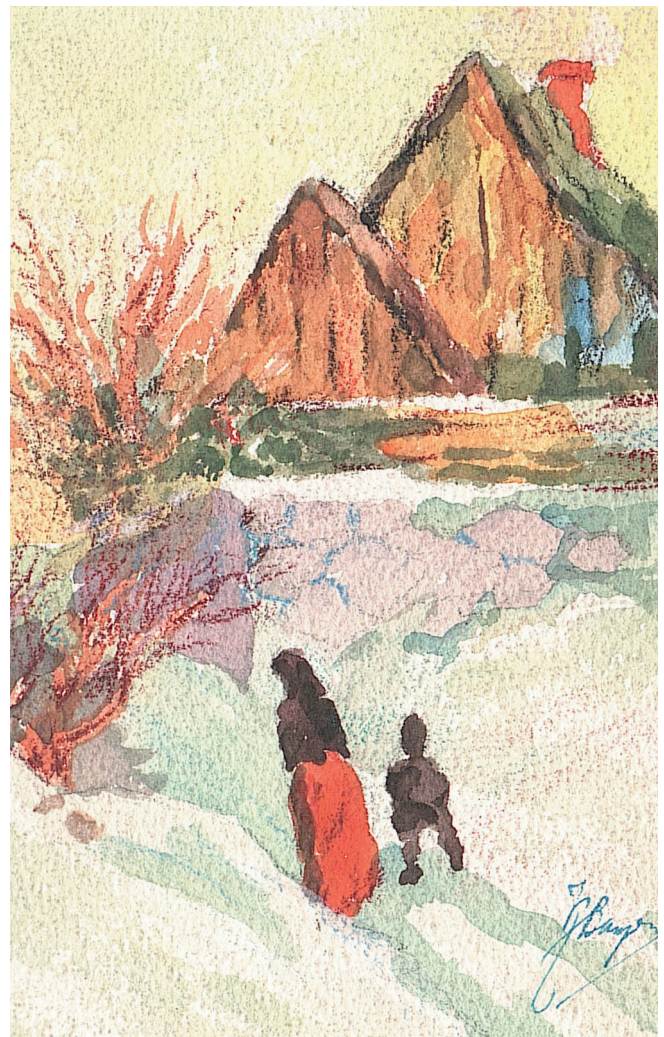
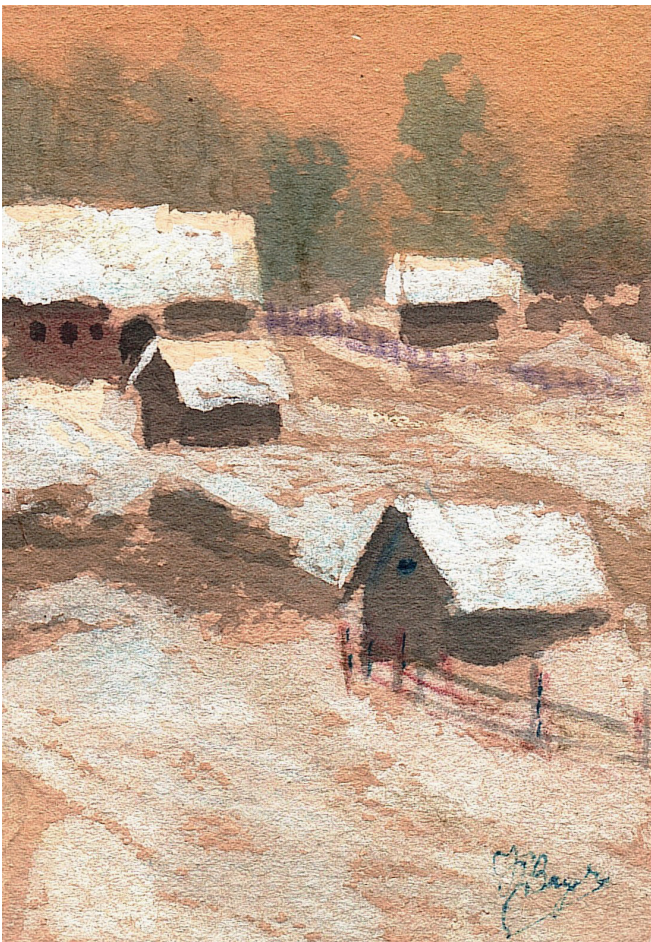
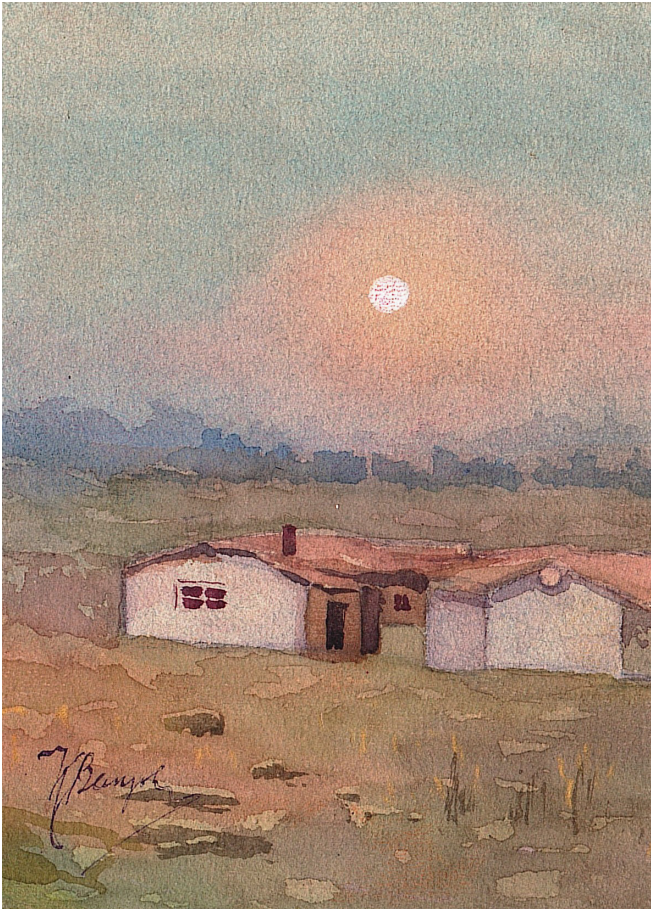

Ротировано 31/ix 1965 г. Для Д.И. Архангельской с
рисунка 1906 года. К. Ванзов

За память
Д.И. Архангельскому

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».*

ДОРОГОЙ МОЙ ЗЕМЛЯК, РОВЕСНИК И ТОВАРИЩ ПО КИСТИ...

К.А. Ванзов

Д.И. Архангельский и К.А. Ванзов

Наш край – родина выдающихся симбирян-ульяновцев, внёсших огромный вклад в культуру России. Одним из самых ярких и самобытных мастеров является Дмитрий Иванович Архангельский, светлое имя которого очень популярно на его родине.

Д.И. Архангельский не только тонкий художник и неутомимый пропагандист искусства, но и вдумчивый исследователь родного края. Он собрал колоссальный материал, связанный с историей Симбирска-Ульяновска и замечательными людьми, жившими в этом городе.

Последние 39 лет своей долгой и прекрасной жизни Дмитрий Иванович провёл в подмосковном посёлке Родники, но до конца своих дней «жил и дышал родным городом», Симбирском. В гостеприимный домик приезжали начинающие и маститые художники, искусствоведы, краеведы и музейщики, многочисленные друзья и поклонники его таланта. Для каждого посетителя у Дмитрия Ивановича хватало душевного тепла и внимания, но самыми желанными гостями были бывшие ученики и земляки-симбиряне. От них он получал сотни писем, авторы которых рассказывали о своей жизни, делились воспоминаниями.

Удивительная отзывчивость и доброта притягивали к нему людей.

У Дмитрия Ивановича была заветная мечта: написать и издать книгу, рассказав в ней о своём жизненном и творческом пути, о хороших людях, которые на этом пути встречались, об их судьбах. Своими планами он делился с земляками, втягивая их в орбиту своих замыслов и намерений. Сохранилось письмо от Александра Андриановича Смирнова, врача-офтальмолога, заслуженного врача РСФСР, автора 40 научных работ, опубликованных в журналах и медицинских сборниках. <...>

«Вы пишете, что даже при упорной работе ещё конца-края и не предвидится. Да, задуманная, безусловно, очень интересная работа в то же время и весьма трудоёмка. Завершение её было бы немаловажным вкладом в историю краеведения, культуры нашего края. Радуется, что Вы, как и в дни творческой молодости, неутомимы в своих исканиях, творческих замыслах.»

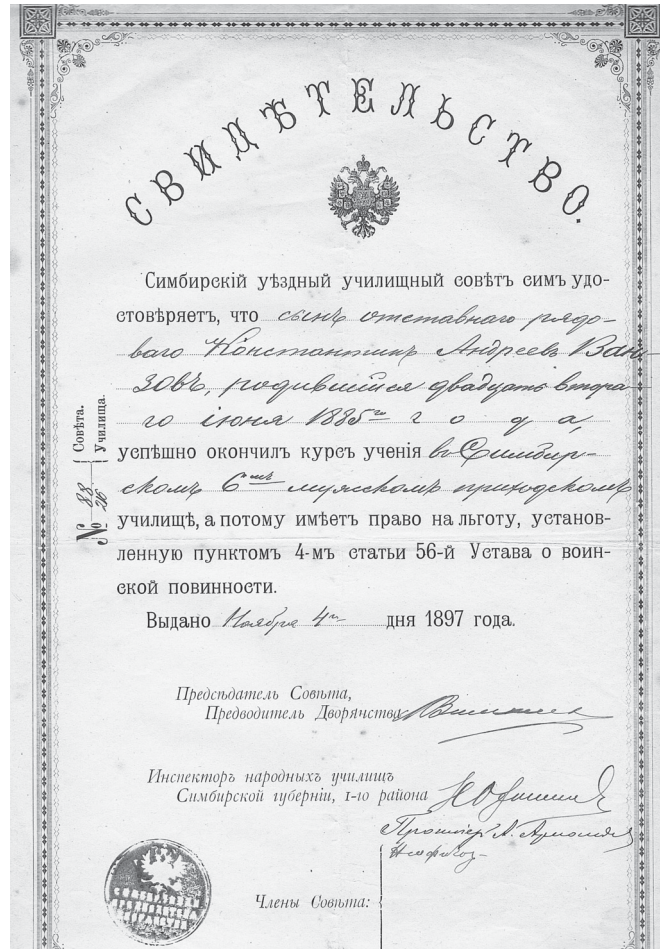
Хочется с чувством радости отнести к Вам чудесные слова великого русского демократа В.Г. Белинского: «И благо тем, которые умеют в зиму дней своих сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствие ко всему великому и прекрасному бытия». Таким людям, как Вы, Дмитрий Иванович, с неистощимой энергией, здоровым творческим оптимизмом можно только по-хорошему завидовать».

К сожалению, по многим причинам Дмитрию Ивановичу не удалось осуществить задуманное. Но, благодаря Наталье Андреевне Мешалкиной, внучке художника, сохранившей бесценный личный архив дедушки и передавшей его в дар музею-мемориалу В.И. Ленина, мы получили возможность его изучения, выявления научного и информационного потенциала, который поистине неисчерпаем, возможность его популяризации и продвижения во всех направлениях музейной деятельности.

Ценнейшим историческим источником являются многие сотни писем, которые позволяют через личную жизнь человека увидеть развитие многих событий и фактов, в которых, как в зеркале, отразилось время, так как история страны и история жизни человека тесно связаны между собой.

На этот раз хочется познакомить читателей журнала с уроженцем и старожилом Симбирска-Ульяновска Константином Андреевичем Ванзовым (1885 – 07.01.1973). В архиве Д.И. Архангельского хранятся 30 писем, полученных им в 1960-е гг. от К.А. Ванзова и 19 акварелей, автором которых он является.

Большую ценность представляют личные документы Константина Андреевича, переданные в своё время в музей вдовой заслуженного художника РСФСР Ивана Васильевича Лежнина – Филатовой Елизаветой Петровной (ныне покойной). Изначально эти документы были получены И.В. Лежнинным от их хозяина, который посчитал, что после его кончины они будут просто выброшены. Этот выбор был не случаен. Константин Андреевич и Иван Васильевич тесно общались, оба с большим уважением относились к Д.И. Архангельскому. Так, 4 мая 1966 года К.А. Ванзов в письме к Дмитрию Ивановичу сообщает: «В январе был у меня, после встречи с Вами,

Лежнин. Он удивил меня общностью с Вами поставленных им себе задач: например, ищет мотивы резьбы по дереву, украшающей здания, узоры вышивки на русских костюмах, и тому подобное прикладное искусство». Как и Архангельского, И.В. Лежнина интересовал Симбирск и его старожилы.

Таким образом, благодаря информации, полученной из всех имеющихся в нашем распоряжении источников, появилась возможность написания этой статьи, приуроченной ко дню памяти Константина Андреевича Ванзова – 50-летию со дня его смерти.

В письме от 29 ноября 1962 года в ответ на просьбу Д.И. Архангельского К.А. Ванзов коротко пишет о себе: «Сын симбирских мещан 1885 г. рождения, окончил семилетку, поступил конторщиком в Казённую палату, откуда в 1909 г. перешёл в Крестьянский банк, где к 1917 г. работал уже в должности бухгалтера. В период начавшейся реорганизации учреждения вместе со столом и (как это ни странно) даже не вставая со стула, перешёл в Губсовнархоз. Повышая квалификацию в работе инспектора отдела Совнархоза, вырос до главбуха учреждений областного масштаба и по совместительству до преподавателя на курсах подготовки счетоводов.

Конечно, это не головокружительная карьера: ведь только упорный 25-летний труд и самообразование помогли мне достигнуть умелого руководства счётными аппаратами в 30–50 человек. В большинстве учреждений я работал до их полной ликвидации и, как капитан с корабля, уходил последним. Трудовой

У Д О С Т О В Ъ Р Е Н И Е

Дано сие отъ Управления Симбирскаго Уезднаго Военскаго Начальника ратнику ополченія 2-го разряда призыва 1906 года Константину Андрееву Ванзову, происходящему пѣзъ С и м б и р с к и х ъ м ѣ щ а н ѣ въ томъ, что ему предоставлена отсрочка призыва на службу по мобилизаціи 25 марта 1916 года на все время службы въ должности помощника бухгалтера въ Симбирскомъ отдѣленіи крестьянскаго Поземельнаго Банка.

ОСНОВАНИЕ: телеграмма Мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба 1916 года № 9450, переданная телеграммой Начальника Казанской кѣстной бригады отъ 26 марта 1916 года № 1407.

12 Ма я 1916 года
№ 6871
Гор. Симбирскъ.

Директоръ, Коллежскій Секретарь

СПРАВКА № 111150

2-й Исп. Тамо

Дата гр-лу **ВАНЗОВУ Константину Андреевичу**
1885 года рождения. Урож. Г. Ульяновск

прошлые судимости **В 1920 г. Симбирской**

ЧК за отказ встать на фронт осужден на 6 л.

осужден **Спецколлегией Куйбышевскаго Крайиуда**
17 июля 1936 г. по ст. ст. 58-10 УК

к заключенію в ИТЛ на **СВОТЪ** лет /в/ срока **24/III-36 г./**
в том, что он **по отбытіи срока наказания**

Из Карагандинскаго Исправительно-Трудового Лагера НКВД освобожден **24 марта 1944.**
С направлением **г. Ульяновск**

Видом на жительства не служит. При этом не возобновляется.

Нач. Упр-я: Карлага НКВД
Нач. Учетно-Распределительнаго Отдела

стаж, подтвержденный документами, определенлся в 48 лет. В 1951 году в возрасте 65 лет вышел на пенсию. Так и пролетела жизнь».

Из документов следует, что отец Ванзова Андрей Андреевич, отслужив в армии 25 лет рядовым солдатом, занимался садоводством. С детского возраста до окончания школы Константин помогал отцу в работе по саду площадью 0,30 га.

С 1894 года по 1901 год обучался сначала в шестом мужском трёхклассном приходском училище и, успешно окончив его, продолжил учёбу в четвертом городском четырёхклассном училище. Спустя годы, в письме к Д.И. Архангельскому он писал, что сохранил в памяти напутствие Степана Степановича Рогозина, 26 лет преподавшего в училище словесность, который на последнем уроке перед выпускными экзаменами сказал: «Всё, что вы зубрили, вы довольно скоро забудете. Однако это не беда. Мы добивались развития вашего мышления, и это даёт вам возможность решать те новые большие задачи, которые встретятся в жизни».

Поскольку средств на продолжение образования не было, с ноября 1902 года К. Ванзов начал работать вольнонаёмным писцом в Симбирской Казённой палате, а с марта 1909 года – в Симбирском отделении Крестьянского поземельного банка; после 1917 года – в государственных и кооперативных учреждениях города. Трудовая биография Константина Андреевича прослеживается по формулярному, послужному, трудовому спискам, справкам, подтверждающим его работу в учреждениях и организациях Симбирска-Ульяновска.

В автобиографии К.А. Ванзов писал: «На военной службе не был как ратник ополченія 2 разряда, от призыва на войну 1914 года был освобождён по должности бухгалтера Крестьянскаго банка. Таким образом, у меня не было никакой военной подготовки, и, вполне естественно, что в 1920 году я не вызвался добровольцем на фронт, куда срочно требовались

обученные пополнения. По постановлению ЧК я был арестован и дело направлено в прокуратуру, однако санкции на судебный процесс не последовало и через 4 месяца меня освободили».

17 июня 1935 года приговором специальной коллегии Куйбышевскаго крайсуда был осуждён по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР и приговорён к лишению свободы сроком на 6 лет. «Суд установил: Ванзов у себя на дому в среде своих сослуживцев и старых знакомых вёл контрреволюционные разговоры, осуждая политику партии и правительства в вопросах продовольственных, сельского хозяйства, индустриализации страны, кулачества и т. д., одобряет теракты над членами правительства, высказывал пораженческие взгляды в возможном военном столкновении СССР с кем-либо из капиталистических стран. Подобные разговоры среди знакомых ведёт систематически с 1930 г. по 1935 г. Летом 1934 года Ванзов на общем собрании служащих и рабочих выступал против подписки на заём в размере месячного оклада, предлагая меньшую цифру, т. к. полагает, что эти деньги идут на индустриализацию страны, а толку всё равно нет. Виновным себя не признаёт».

Наказание отбывал в Карагандинском исправительно-трудовом лагере НКВД (Карлаг). Работал на базе ОТС главным бухгалтером с 1936 г. по март 1941 г. Как отмечалось в выданной ему характеристике: «За время работы проявил себя как один из лучших, инициативных, знающих дело, честных работников. <...> Среди подчинённых пользовался

1. На проезд к месту жительства **г. Ульяновск** **Куйбышевск. Крайсуда** выданы: проездной билет от ст. **Новобас** до ст. **Ульяновск** **Куйб.** ж.в. дор. и на питание в пути

2. Из фонда помощи освобождающимся выдано денежное пособие в сумме **_____** руб. **_____** коп

Подпись и печать **Осужденный**

3. В порядке трудоустройства направлен **_____** на работу в качестве **_____**

Подпись **_____**
Бюро по трудоустройству

ТРУДОВОЙ СПИСОК

Фамилия **Ванзов**
Имя **Константин**
Отчество **Андреевич**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВОПРОСЫ ТРУДА»
Москва-1977

большим авторитетом, умело руководил аппаратом бухгалтерии Базы, сочетая умелое руководство с высокой требовательностью».

24 марта 1941 года, по окончании срока наказания, К.А. Ванзов освободили, и он вернулся на родину. С 16 сентября 1941 года был принят на должность бухгалтера Ульяновской городской юридической консультации, а с организацией области переведён в президиум Ульяновской областной коллегии адвокатов главным бухгалтером, где работал до 1 августа 1950 года.

За время работы в адвокатуре проявил себя как специалист, обладающий глубоким знанием дела и безупречным к нему отношением, за что в 1946 году был удостоен заслуженной награды – медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1 июля 1951 года Константин Андреевич обратился в отдел частных амнистий Президиума Верховного Совета РСФСР с ходатайством о снятии судимости. 31 июля получил ответ: «Ваше заявление о снятии судимости рассмотрено, просьба оставлена без удовлетворения».

В I томе Книги Памяти жертв политических репрессий, изданной в Ульяновске в 1996 году, на стр. 27 помещена справка:

«Ванзов Константин Андреевич. 1885 г. р., уроженец и житель г. Ульяновска, бухгалтер. 17.07.35 Средневолжским краевым судом по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осуждён к лишению свободы сроком на 6 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет <Выделено В.К.>, полностью реабилитирован 05.10.92».

Константин Андреевич Ванзов, как и Дмитрий Иванович Архангельский, коренной симбирянин. Ровесники, они были знакомы с юных лет. Сблизили их и занятия в рисовальных классах Симбирского учебно-трудового пункта. Здесь безвозмездно преподавали ведущие педагоги города: П.И. Пузыревский, А.Н. Остроградский, Н.Ф. Некрасов.

Рисовальные классы пользовались большим успехом у симбирян, поскольку возмещали отсутствие в Симбирске художественной школы.

30 марта 1905 года газета «Симбирские губернские ведомости» опубликовала большую статью, озаглавленную «Выставка – базар в учебно-трудовом пункте», которая здесь приводится в сокращении.

«27 марта в помещении симбирского учебно-трудового пункта открыта выставка-базар, с целью дать возможность местным художникам, ремесленниками и кустарям ознакомить публику с образцами своих работ и распродать их. Организована выставка правлением учебно-трудового пункта. Всего собрано около 440 экспонатов».

Наибольший интерес представляет отдел картин, которых доставлено около 150. Они исполнены масляными красками, акварелью или тушью. Это произведения художников, достигших полной зрелости, а также и учеников. <...> Лучшие из продающихся картин принадлежат, несомненно, г. Пузыревскому. <...> Стоит отметить также хорошо выполненные маленькие акварели г. Ванзова, которые в первый же день выставки оказались все распроданы. Очень скромна назначенная за них плата. <...>

выставка организована удачно и привлекает многочисленную публику. Успех её, быть может, побудит правление учебно-трудового пункта к устройству ежегодных подобных выставок, а это, в свою очередь, послужит поощрением экспонентам, в особенности художникам. -ль».

Много лет спустя, в сентябре 1963 года, посылая эту газету Д.И. Архангельскому, Константин Андреевич писал: «Ваш запрос о старых газетах меня несколько удивил <...> Я до 1963 г. газет даже и не читал – жаль было тратить время. Но одну газету «Симбирские губернские ведомости» №23 от 30.03.1905 г. специально купил и бережно хранил. Это вот почему: в ней Вы прочитаете рецензию «Выставка-базар в учебно-трудовом пункте». Рецензент, подписавшийся неблагозвучно «-ль», весьма одобрительно отозвался о двух художниках: г. Пузыревском и г. Ванзове (буква г. должно быть означает «Господин», мне даже почему-то стало смешно), раскритиковал третьего господина – Соловьёва и обошёл полным молчанием и Строгановых, и Мако, и Вас. Не огорчайтесь, Дмитрий Иванович! Этот самый «-ль!»... не художественный критик, а типичный репортёр, даже не уверенный в своих высказываниях».

Увлечение акварелью Константин Андреевич сохранил до конца своих дней, хотя никогда не сожалел о том, что не стал художником. Часто он и Дмитрий Иванович обменивались своими работами и делились секретами акварельной техники.

В одном из писем К.А. Ванзов предлагает попытаться угадать, чем и как, каким именно способом выполнен вложенный в конверт рисунок, а после получения ответного письма сообщает: «Загадочный способ рисования Вы не разгадали. Я рисовал на тонкой, плотной, проклеенной бумаге, серовато-голубой. Безоблачное небо и вода заштриховываются ученическими цветными карандашами; затем указательным пальцем снимается сухой мел со стены и втирается в бумагу до полного исчезновения штрихов, чем вульгарные цвета карандашей превращаются в приятные тона, а на стыках разноцветности в полтона. Посылаемый Вам опытный пейзажик на толстой мало проклеенной бумаге меня не удовлетворяет: бумага махрится и краски не держатся. Опыты продолжаю. При удаче сообщу».

Константин Андреевич высоко ценил Д.И. Архангельского как своеобразного и тонкого художника с открытой поэтической душой и чистым сердцем, понимающего тонкости мазка акварели, гармонии краски на бумаге. Об этом свидетельствуют его письма, отрывки из которых здесь приводятся.

«Акварель производит большое впечатление. Очень удачно размыто отражение осенней желтизны, и вода приобрела зеркальность. Это не всегда удаётся, получается мутная водичка». «Ваша акварель поразительно верно трактует октябрьские пейзажи. Тон неба так правдив и так хорош, что я уже несколько дней его изучаю».

«Ваши акварели разместил в альбоме для открыток (крупные вклеил на разделительных меж листами выступах корешка). Они, я бы сказал, правдивостью художественного отображения «затмили» мои пейзажи, да слово не подходит: пейзажем зимнего дня нельзя затмить сравнительно тёмных, хотя и лунных ночей; разве только иносказательно».

В мае 1965 года, в очередном письме к Д.И. Архангельскому Константин Андреевич пишет: «Года два я ничего не рисовал, а вот недавно нашёл большой рулон всевозможной и белой и цветной бумаги, накромял из неё сотню открыток и третий день рисую; пытался освоить солнечные просветы в туманных облаках, но пока улавливал тона, убежала форма (был сильный ветер). Да и акварель надо мной смеётся, я позабыл приёмы».

«Не удивляйтесь, что 80% моих работ – лунные вечера: это мой конёк-горбунок; да и натурщица Луна не устаёт мне позировать».

4 июля 1965 г. Константин Андреевич встретил своё 80-летие. В этот день он получил тёплое поздравление от Д.И. Архангельского.

«Константин Андреевич, дорогой мой земляк, ровесник и товарищ по кисти, в юбилейный день хочется, прежде всего, пожелать Вам доброго здоровья и ещё раз здоровья. Нам с Вами это самое необходимое и самое лучшее. В итоговые даты, это я уже испытал на себе, хочется вспоминать всё лучшее и интересное, что пришлось испытать за такой длительный срок жизни. И я думаю, что для Вас, как и для меня, самым заветным было и остаётся искусство. И поверьте, что за последнее время я всё чаще вспоминаю Ваши акварели того далёкого времени, когда мы с Вами были молоды. Скажу откровенно, я всегда искренне восхищался Вашими работами, всегда яркими, поэтичными и какими-то торжественными. Ваши акварели и до сих пор меня радуют как художника. Bravo, Константин Андреевич! Обнимаю Вас, дорогой юбиляр, и пусть бодрость и радость будут всегда с Вами».

В одном из писем к Архангельскому Константин Андреевич сообщает: «Дорогой Дмитрий Иванович! С Вашей лёгкой руки в Ульяновске нашёлся ещё один человек, считающий меня художником: из библиотеки он принёс мне книгу «Воспоминания о передвижниках» Минченкова. [Яков Данилович Минченков – один из поздних передвижников. Книга вышла в 1965 г. в издательстве «Художник РСФСР». – В.К.]

Начал читать – книга понравилась. На стр. 216 об однокласснике Левитана Часовникове высказана следующая мысль: «Часовников не осилил Московской школы, перешёл в Сп-б Академию, но и там, надорвавшись, бросил Академию и уехал учительствовать в средней школе, а это значит похоронил себя как художника». Будто бы?! С этим выводом Минченкова нельзя согласиться: он не доказан и не убедителен. В опровержение его даже я могу привести два примера: мой земляк Дмитрий Иванович Архангельский и его патрон Пузыревский, преподавая в провинции, ведь не похоронили же себя как художников. Да и наивно было бы предполагать, что только оторвавшись от широкого круга жизненных явлений, можно достичь первоклассного мастерства, целиком посвятить себя служению чистому искусству <...> Себе я не ставил задачу стать художником и не сожалел об этом, памятуя пословицы: «Каждый сверчок знай свой шесток» и «Жизнь коротка, а водки много», причём под «водкой» я подразумеваю весь комплекс запросов и интересов человеческого бытия. Нельзя забывать, что интересы эти так широки и бездонны, что отпущенный человеку век явно недостаточен не только для удовлетворения всех запросов, а даже и

для хотя бы поверхностного ознакомления с ними и отбора лучших».

Строки из другого письма: «Мне не совсем ясно, почему Вы причисляете меня, в основном-то главбуха, к художникам, тогда как председатель Ульяновского Союза мне в этом отказал, говоря: «Конечно, Вы не создадите нам конкуренции, но у Вас нет диплома, – а помолчав, добавил, – если хотите, поработайте на договорных началах; будем принимать от Вас для реализации пейзажи размером 50х75 см по 50 рублей (в 1952 г. в старой валюте). Я согласился. И примерно за полгода успел сдать 47 пейзажей. А потом дело, видимо, и упёрлось в ту самую «конкуренцию», о которой, задрев нос, он и мысли не допускал. Между тем, мои дешёвые картины имели сбыт, а его, завышенно дорогие, висели на стенах магазина. И комиссия, можно сказать, меня забраквала: из 15 вновь предъявленных полотен были признаны удовлетворительными только два. Такой явно недобросовестной оценкой я был обижён и взял обратно все 15. А может быть, они и правы: ведь рисование для меня, наряду с шахматами, чтением, театром, музыкой, садоводством и прочим, является лишь одним из видов приятного культурного отдыха».

В декабре 1963 года, отвечая Д.И. Архангельскому, Константин Андреевич пишет: «Вы заинтересовались однокашником Пяткиным. Я его знал, но где и при каких обстоятельствах встречался с ним, не помню. Его псевдоним Евгений Венский. <...> Мне вспоминается, что после 1918 г. он выступал в печати под псевдонимом Евг. Деревенский. Это я твёрдо помню, но в журналах не нашёл. Перелистав 3-4 комплекта «Нового Сатирикона» и др. еженедельников, я настриг Вам несколько наиболее понравившихся мне стихотворений, – у него чёткий хороший слог».

Среди этих вырезок – стихотворение под названием «Уездное» из №41 журнала «Новый Сатирикон» от 8 октября 1915 г.

Дали безмятежные
Синей акварели.
Сказки повседневные.
Алой дымки ширь.
Сказки перепевные.
Шорохи и трели.
Липы белоснежные.
Белый монастырь.
Вечером повитые,
Стонут фортепяны, –
В домике Баратовой
Плещется матчиш.
Дремлет вечер матовый.
У лесной поляны
Шепчутся с ракикою
Хатка и камыш.
Ясность в душу просится.
Зори ясны, чисты.
Где река извивами
Спряталась в бурьян, –
Ишь, – костёр под ивами
Жгут семинаристы.
«Веречум» доносится,
Безпечально-пьян.

Умерло, схоронено
 Всё, чего хотелось,
 Снами небывальными
 Звало за собой,
 Знойными хоралами
 В знойном сердце пелось.
 Marche funèbre Бетховена
 Таёт за рекой.

У калиток семечки,
 Лясы да балясы.
 За глухими шторами
 Сплетни да банчок.

Говорят «о времечке»,
 О цене на мясо.
 Полон разговорами
 Тихий городок.

Скучно и томительно
 В старом городишке.
 Тёлку бабка с внучкою
 Ищут, сбились с ног.

Чу, – летят стремительно
 С неводом мальчишки.
 Мчится рядом с кучкою
 Грязный пуделёк;

Лаёт, заливается
 Гимном Диониса ...
 Где-то с мандолиною
 Плачет баритон.

Ночка опускается.
 Звёздочки зажглися.
 И над всей долиною
 Звёзды, тишь и сон...
Евг. Венский

Не исключено, что тема стихотворения навеяна симбирскими воспоминаниями.

Выступавший в «Новом Сатириконе» под псевдонимом Евгений Венский, Евгений Осипович Пяткин был хорошо известен в литературных кругах начала XX века.

Родился он 6 января 1885 г. в селе Средние Тимерсяны Симбирского уезда Симбирской губернии в семье дьячка. В 12 лет был определён в Симбирское духовное училище, где в это время обучался Дмитрий Архангельский. Поэтому не случайно Дмитрий Иванович называет его однокашником. По окончании училища Евгений Пяткин поступил в Казанскую духовную семинарию, из которой за свои «сатиры» был исключён на четвёртом году обучения. Проработав непродолжительное время учителем в селе Сенькино Сенгилеевского уезда, он полностью посвятил себя литературе. С 1902 г. Пяткин помещает свои репортажи, фельетоны в газетах и журналах Поволжья: «Самарский листок», «Симбирские вести», «Волжский листок» и др. В 1905 г. он печатается в журнале политико-общественной сатиры «Зритель», выходившем в Санкт-Петербурге под редакцией Ю.К. Арцыбушева. 22 номера этого журнала хранятся в музейном собрании Ленинского мемориала. В 1908 году Е. Пяткин перебрался в С.-Петербург. Множество его произведений разбросано по дореволюционным периодическим изданиями. Наиболее полно талант Евгения Осиповича проявился в пародиях и сатирах в сборнике «Моё

копыто. Книга великого пасквиля», вышедшем двумя изданиями – в 1910 и 1911 годах.

Писатель использовал более тридцати различных псевдонимов, но наиболее известным из них считается псевдоним Венский, который он взял в честь модного ресторана «Вена» в Петербурге. Быт и нравы собиравшейся здесь литературной богемы Евгений Осипович описал в книге «Десятилетие ресторана «Вена», вышедшей в С.-Петербурге в 1913 году.

С 1910 года Венский – постоянный сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». После революции, переехав в Москву, он активно сотрудничал с советскими сатирическими журналами «Красный ворон», «Бегемот», «Бутозёр», «Крокодил»; выпустил несколько книг: «Дуня – батрачка», «Кулак Тарас и батрак Опанас», «Петька – подпасок» и др.; написал большое количество стихотворных сказок для детей; был автором 43 скетчей, миниатюр, водевилей для маленьких театров и кабаре. Казалось бы, его литературная судьба сложилась удачно. Но 17 октября 1942 года Пяткин-Венский Евгений Осипович был арестован и 3 марта 1943 года приговорён по статье 58-10 «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» к пятилетней ссылке в Красноярский край, где скончался от дистрофии 4 ноября 1943 года. Был реабилитирован посмертно 1 июня 1995 года.

3 ноября 1964 года К.А. Ванзов пишет Дмитрию Иванову: «<...> в изданиях «Сатирикона» я встретил двухтомник Саши Чёрного – книги, ставшие у меня настольными. Его произведения считаются юмористикой. Однако его юмор пронизан пессимизмом. Получается и смешно, и жутко».

В другом письме он советует прочесть поэму С. Чёрного «Суламифь» и пишет: «Я не приверженец царских режимов, но царь Соломон мне нравится: умный был мужик.

*Опираясь на трость кипарисную,
 Будто в сладостный сон погружён,
 Замер, позу приняв живописную,
 Златокудрый мудрец Соломон».*

Об увлечении творчеством Саши Чёрного, настоящее имя которого Александр Михайлович Гликберг, говорят и эпиграфы из его стихов к письмам, направленным К. Ванзовым Д.И. Архангельскому.

Очень часто Константин Андреевич «выборкой» строф из сатир любимейшего поэта Саши Чёрного» описывает своё душевное и телесное состояние.

*Тридцать вёрст отшагав по квартире,
 От усталости плечи горбя,
 Бледный взрослый увидел себя
 Бесконечно затерянным в мире...*

*Сколько дней ушло впустую.
 В сердце лезли скорбь и злость,
 Как в открытую пивную,
 Где любой прохожий – гость.
 В результате: жизнь убудка,
 Одиноких мыслей яд,
 Несварение желудка
 И потухший тёмный взгляд.*

Даже рассказывая о своих хозяйственных заботах и хлопотах, Константин Андреевич цитирует любимого поэта.

Баста! Лето... В семь встаю я,
В десять вечера ложусь,
С ленью бешено воюя,
Целый день, как вол, тружусь.
Чищу сад, копаю грядки
Глажу старого кота...

«Эти строки на 100% точно, ярко и предельно сжато обрисовали моё состояние и самочувствие».

Читает Константин Андреевич много и часто делится впечатлениями от прочитанного: «Только что закончил чтение романа Николая Погодина «Янтарное ожерелье». Рекомендую. Эту книжечку я проглотил как лакомство, читал всю ночь до 5 утра».

В одном из писем Константин Андреевич вспоминает своё участие в дивертисменте любительского спектакля с чтением декадентских стихов и пишет:

«Дорогой Дмитрий Иванович!

Разбираясь в книгохранилищах чулана, а также в бумажных свалках разных ящичков и сундучков, я набрёл на забытую тетрадь собственных юношеских литературных экспериментов.

Стихотворение, не имеющее заголовка, датировано 29 мая 1907 года. Первые четыре строки очень точно описывают погоду к вечеру 9 июня 1963 года в Ульяновске. Всё остальное, может быть, имело место в далёкие годы нашей юности, а может быть и нет – не помню.

Прошу оценить доверие, с которым нигде не печатавшийся скромный автор отдаёт на Ваше суждение своё интимное творчество <...>, достойное той мусорницы, откуда было извлечено».

*Плыли тучи необъятные,
Пролил дождь по пыли хлопая,
Небосвод дырявый штопая
Ночь спустилась ароматная.*

*А пион – цветок без запаха
Истерически расхныкался;
Рассмеявшись звонко: «ха-ха-ха!»
Неожиданно осыпался.*

Чертовщина невезучая!
С чем пойду я на свидание?
С облетевшей кочерыжкой –
Я найду ли оправдание?!

Без цветка, зато с галошами
Прибыл в парк я в час назначенный,
Полон чувствами хорошими
Вешним воздухом охваченный.

На галоши кинув взгляд косою,
Ненаглядная нахмурилась.
Назвала их «мокроступами»,
Повернулась и пошла домой...

Про пион и речи не было!
Как вернуть мою любимую?
Из башки все мысли выбило...
Подскажите, други милые.

К. Ванзов
29 мая 1907 г.

В мае 1965 года Константин Андреевич сообщает Д.И. Архангельскому, что горсовет планирует к сносу ряд домов, включая и его дом по спуску Халтурина, 24, в котором он прожил 65 лет и был бы не прочь дожить свой век.

К сожалению, не удалось узнать, сбылось ли его желание, но дата кончины была установлена – 7 января 1973 года на 88-м году жизни. Похоронен Константин Андреевич Ванзов в Ульяновске на городском кладбище, расположенном на улице Карла Маркса.

Одно из последних писем к Дмитрию Ивановичу Архангельскому он закончил выдержкой из рассказа Александра Грина «Возвращённый ад»: «Зима умерла. Весна толкнула её голой, розовой и дерзкой ногой в сырые овраги, где, лёжа ничком в виде мертво-белых обтаявших пластов снега, старуха дышала ещё в последней агонии холодным паром, но слабо и безнадежно».

Валентина НИКОНОВА

«Я ВЕРЮ В ТО, ЧТО ПУШКИН – НАШЕ ВСЁ – ТАК ПРИСТАЛЬНО НА НАС СЕГОДНЯ СМОТРИТ...»

10 февраля, в день 186-й годовщины со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина ульяновцы почтили память великого поэта.

29 января (по старому стилю) 1837 года Пушкин в возрасте 37 лет скончался от ранения, которое получил во время дуэли с Дантесом. Ежегодно в этот день по всей России чтут имя великого русского поэта.

Памятное мероприятие в Ульяновске началось на площадке около литературного музея «Дом Языковых».

Здесь собрались сотрудники музеев и библиотек, педагоги и школьники, культурная общественность города.

По традиции прозвучало «Слово о Пушкине», в этом году его произнесла поэтесса, член Союза писателей России Елена Кувшинникова.

– Все мы знаем о событиях последнего времени. Европа пытается отменить русскую культуру, на Украине разрушаются памятники Александру Сергеевичу Пушкину. И сейчас как никогда понимаешь, что памятник Пушкину – это символ русского мира. Благо на нашей Симбирской земле есть такой памятник. Хочется верить, что и в будущем симбиряне будут собираться здесь, чтобы почтить память великого поэта и ощутить духовное единство. В каждом из нас сегодня звучат строки Пушкина... – обратилась к ульяновцам поэтесса.

Руководитель молодежного отдела Симбирской епархии, член совета молодых литераторов Ульяновской области поэт Сергей Николаев рассказал о поэтической переписке Пушкина со святителем Филаретом Дроздовым. «Тогда поэт грустил, называя жизнь «даром напрасным, даром случайным» и задавался вопросом, зачем человеку нужна жизнь. На это Филарет ответил Пушкину, что жизнь – это не случайный дар. («Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога мне дана...») В ответ поэт написал «Стансы», в которых, обращаясь к Филарету, сказал: «И ныне с высоты духовной / Мне руку простираешь ты...»

День памяти Александра Сергеевича Пушкина

Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкину

Эта переписка может быть важна и для современных молодых людей, тех, кто задумывается о смысле и ценности жизни».

Выступает Татьяна Марьина

Елизавета Зуева прочла стихотворение А.С. Пушкина

В завершение выступления Сергей Николаев прочел свои стихи: «Я верю в то, что Пушкин – наше всё – так пристально на нас сегодня смотрит...»

З а в е д у ю щ а я специализированной детской библиотекой №24 имени А.С. Пушкина Татьяна Марьина, выступая перед собравшимися, ещё раз подчеркнула значение личности А.С. Пушкина и его творческого наследия для разных поколений русских читателей.

Учащаяся театрального отделения детской школы искусств №7 (руководитель – М.В. Мазилкина) Елизавета Зуева прочла стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Памятник».

Олег Москаленко, заведующий литературным музеем, подчеркнул, что сотрудникам музея очень важно сделать этот день особенным для читателей пушкинского таланта.

– Ведь люди приходят к нам, чтобы не просто познакомиться с биографией писателя, но и выразить ему свою любовь и уважение. В 2023 году мы будем отмечать 190 лет со дня визита Пушкина в Симбирск, – сказал Олег Москаленко.

После церемонии возложения цветов все собравшиеся были приглашены в музей на экскурсию по выставке «Еду в Симбирск». Симбирские страницы биографии А.С. Пушкина». Экскурсию для участников встречи провела старший научный сотрудник литературного музея «Дом Языковых» Дарья Козловская. Новая экспозиция посвящена приезду поэта в Симбирскую губернию в сентябре 1833 года и его работе над трудами «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка».

Эти произведения пронизаны духом Симбирска, литературоведы считают, что они основаны на документах и впечатлениях, которые поэт получил, путешествуя по Симбирской губернии.

Александр Пушкин прибыл в Симбирскую

Экскурсия по выставке «Еду в Симбирск». Симбирские страницы биографии А.С. Пушкина

губернию в начале сентября 1833 года, посетил дом губернатора Александра Михайловича Загряжского, который пригласил поэта к себе на вечер и на завтра к обеду.

Об этом визите нам известно и из мемуаров Констанции Гаубиц-Коротковой. Она писала, что тогда в доме губернатора проходил урок танцев для дочки губернатора Лизы и её подруг. Девочкам было лет по 10-12. Констанция была одной из подружек Лизы. Она писала: «И вот по зале пронёсся слух, что приехал сочинитель Александр Пушкин. Девочки заволновались. В зал вошёл невысокий господин. Девочки уже сидели на скамейках. Они встали, сделали реверанс, познакомились с Пушкиным и попросили его протанцевать с ними несколько туров вальса, и Пушкин не отказал. Он подошёл к окну, достал из кармана свой дорожный пистолет, положил его на подоконник и после этого протанцевал несколько туров вальса с каждой из девочек под звуки двух скрипок».

На следующий день Пушкин отправился в деревню к своему другу – поэту Николаю Языкову, правда, там его не застал. Зато «нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нашокина», – писал в письме своей Натальи Пушкин. Биографы предполагают, что именно Петр Языков сообщил поэту использованные им в конце «Истории Пугачева» подробности о встрече главнокомандующего Панина с пленным Пугачевым, привезенным в Симбирск скованным по рукам и ногам и в деревянной клетке. По преданию, граф Панин допрашивал Пугачёва и задал ему вопрос: «Как ты смел, вор, называться государем?» На это Емельян Пугачёв иносказательно ответил: «Я не вор, я воронёнок, а ворон ещё летает». Этот эпизод нашёл свое отражение в «Капитанской дочке».

Много интересных фактов из симбирских страниц биографии А.С. Пушкина можно узнать, посетив выставку. В экспозиции представлены подлинные предметы из собрания Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова.

С утра до вечера в День памяти А.С. Пушкина около литературного музея «Дом Языковых» звучали аудиозаписи стихотворений поэта. Памятная дата объединила ульяновцев, ещё раз напомнив о том, что русскую культуру невозможно ни забыть, ни отменить, пока в памяти и в сердцах россиян живёт имя Пушкина и его бессмертное творчество.

Николай МАРЯНИН

Поэт и краевед, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Спасение от безумия», «Бог умер», «Звёздный ковчег», «России кварцевое сердце», «Симбирская рапсодия». Написал тексты гимнов Ульяновской области и города Ульяновска. Награждён медалью Н.М. Карамзина. Лауреат премии «Шапка Мономаха» в номинации «За заслуги в области литературного творчества». Поэт Юрий Грунин писал: «Бог любит Николая Марянина, коли наградил его талантом многогранного стихотворца... Его поэзия для меня – это эпоха великих открытий. Медленно читаю его книгу: такая плотная насыщенность, густота содержания – хочется смаковать, читать вслух, повторять для себя каждую строку, возвращаться к уже прочитанному».

«РОССИЯ НОВЫМ НОЕВЫМ КОВЧЕГОМ ПЛЫВЁТ ПО ОКЕАНУ БЫТИЯ...»

РУССКИЙ НИЛ

Как голубой поток чернил
по ярким строкам манускрипта,
течёт привольно русский Нил
вдоль евразийского Египта.

Леса и степь со всех сторон
сияют в солнечной короне,
и, словно древний фараон,
московский царь сидит на троне.

По наущенью бога Пта
цветёт в затонах жёлтый ирис,
и воскрешение Христа
уже предчувствует Осирис.

Покой и смертная тоска
давно б уже свели в могилу,
но сердцем чувствует река
свою египетскую силу.

Живой поток несут ветра,
как свет небесного оконца:
не зря ж совпало имя Ра
в судьбе реки и бога Солнца.

В ней есть божественная суть,
и в такт пришествию мессии
мерцает Волги млечный путь
на звёздном поприще России.

ЖАР-ПТИЦА

Фиолетовой жар-птицей
село солнце на плетень,
и с отрадой светлолицей
запорхал по миру день...

Вдоль густых кустов сирени,
мимо отчего двора,
где берёз худые тени
к избам тянутся с утра.

По пригорку, по овражку,
там, где узенький мосток,
через мелкую букашку,
что присела на цветок.

Словно пчёлы из роевни,
света искорки летят:
вот уже в конце деревни
чистит пёрышки закат...

Но поют душа и тело
даже в сумрачной хандре,
ведь жар-птица улетела,
чтоб вернуться на заре.

СВЯЖСКИЙ ВОДОПАД

Чудесна былъ земли Российской,
как сорок тысяч лет назад
в расщелине горы симбирской
ревел свияжский водопад.

Поток искристый, всем на диво,
взлетал на каменный карниз –
и с гончаровского обрыва
в объятья Волги падал вниз.

Под ветра гулкие фанфары
бурлили волны-скакуны,
как будто струи Ниагары
срывались с адской крутизны!

Пуды воды о берег били,
летели брызги вразной,
и звери дикие любили
ходить сюда на водопой.

Но в тектоническом напряге
земные сдвинулись пласты,
и русло древнее Свяги
лишилось царской высоты.

Река, в лугах петляя долго,
две сотни вёрст змеёй ползла,
пока её царица Волга
в объятья вновь не приняла.

А там, где искры водопада
мерцали сотни тысяч лет,
явился город, как награда
за отражённый в брызгах свет.

И словно отблеск изумруда
в ладони высшего Творца,
сияет солнечное чудо
на царской мантии Венца.

ЦАРЕВНА ВОЛГА

Могучий Каспий, царь хазарских вод,
отшельником в степи живущий долго,
прознал, что на Руси давно живёт
прекрасная царица Волга.

Её ласкала дикая волна,
притоки целовали сладко в губы,
и стать свою легко несла она
от Селигера до Ахтубы.

Влюблённый царь сватов на Русь заслал,
и вскоре сам со страстью богатырской
предстал перед царицей, словно шквал
семи ветров с горы симбирской.

Он ей, в порыве чувства своего,
привёз кольцо из белого тантала
с надеждой, чтоб отныне лишь его
царица сладко целовала.

Пленила их таинственная связь,
рождающая узы Гименея,
и Волга тихо с Каспием слилась,
в шальных объятиях пьянея.

Их обвенчали буйные ветра,
и с той поры, с веками дерзко споря,
хранит в себе симбирская гора
секрет любви реки и моря.

РУССКИЙ КОВЧЕГ

Небесным обладая оберегом
и силу чудотворную тая,
Россия новым Ноевым ковчегом
плывёт по океану бытия.

Здесь каждой твари собрано по паре
со всех окраин и материков,
чтоб сохранить на сумеречном шаре
все истинные ценности веков.

От Таврии до Дальнего Востока
попутный ветер дует в паруса,
и рвутся из воздушного потока
духовных откровений голоса.

Живые души русского ковчега
пронизаны мерцаньем волшебства,
в котором вера – альфа и омега,
а третий Рим – священная Москва.

Скользит по звёздам эра кайнозоя,
и верным курсом следует Земля,
как будто сам Спаситель вместо Ноя
незримо встал к штурвалу корабля.

МАЙСКАЯ ГОРА

Там, за Волгой синеокой,
где гудит пчелиный рой,
в старину увал высокий
звался Пряничной горой.

Видно, мёдом надыхалась
за былые времена:
над землёю возвышалась
сладким пряником она!

Ну а мимо шёл однажды
простодушный великан,
он от голода и жажды
пыхал жаром, как вулкан.

А увидев пряник сладкий,
на траву присел без сил
и, прильнув к горе, украдкой
ей вершину откусил!

Но во рту его щербинка
посреди зубов была,
и глубокая ложбинка
вдоль по склону пролегла.

Оценив в немом восторге
появившийся проём,
великан хлебнул из Волги –
и пошёл своим путём.

Стали ведьмы до рассвета
здесь летать ночной порой,
а дурное место это
звали Лысою горой.

Шли века, менялись нравы,
взгорье лесом поросло,
и у волжской переправы
встало русское село.

Чтобы ведьмы не шалили,
возвели часовню тут,
а по склону проложили
трассы будущей маршрута.

Помнят здесь, как великану
в мае маяться пришлось,
и как ведьмы по майдану
колесили вкривь да вкось.

Про маёвки всему свету
тараторили порой,
и теперь вершину эту
кличут Майскою горой...

А на склоне из тумана
предстаёт во всей красе
след от зуба великана
вдоль заволжского шоссе.

ЦАРЬ ГОРЫ

Как будто сошлись неземные миры
на яркой старинной иконе,
где царь на вершине симбирской горы,
как бог, восседает на троне.

С рассвета купаясь в речной синеве,
он даль озирает в восторге;
сияет Венец на его голове,
и лик отражается в Волге.

На прошлое гордо глядит с высоты,
где музы истории скверик,
и тянет железные руки-мосты
на левый извилистый берег.

В погожее утро, как только заря
восходит в небесном оконце,
встаёт на горе зримый облик царя,
сверкающий глянцем на солнце.

И даже когда угасает закат,
а тьма – будто в центре цунами,
над Волгой мерцает российский Царьград,
как звёздное небо над нами.

НОКТИОРН

Шар земной – коврига хлеба
из всевышней чайханы,
и плывёт в кадушке неба
золотой карась луны.

Там, где ночи чёрный кочет
звёзды-зёрнышки клюёт,
гороскоп судьбы пророчит
к тайне вечности полёт.

На насест порхнёт зарница,
и, как ангел во плоти,
полетит душа-жар-птица
в бездну Млечного Пути.

На живой картинке лета,
на подносах расписных
любо видеть в искрах света
краски сумерек земных.

И чарует, как плацебо
утешающий гипноз,
натюрморт ночного неба
на холсте июльских грёз.

СПУСК СТЕПАНА РАЗИНА

Из раны кровь сочилась помаленьку,
от капель жгучих плавилась земля,
когда несли подстреленного Стеньку
по спуску от Симбирского кремля.

Он бредил и ругался всю дорогу
в каком-то бесшабашном удалстве:
мятежнику попала пуля в ногу,
и сабля вскользь прошла по голове.

Змеился путь, идущий вниз по склону,
тащили Стеньку к берегу реки:
храбриться уже не было резону,
и сердце ныло, воле вопреки.

Не дался город лютому злодею,
не покорил Симбирск разбойный люд:
замыслившего русскую Вандею
соратники несли на Божий суд.

Там, где в шатре у волжского раздолья
расположилась ставка бунтаря,
вставала из симбирского Подгорья
кровавая вечерняя заря.

С досадой атаман глядел на Волгу
и понимал, что этот жар и пыл –
расплата за возлюбленную Ольгу,
что он в реке по пьянке утопил.

А в мире строчки хроники мелькали,
как Стеньку по откосу, вчетвером,
с небес на землю грешную спускали,
где ждёт палач и плаха с топором.

ВЕНЕЦ ИСТОРИИ

Всю жизнь тоскуя по отцу
и вспоминая тихий дворик,
пройтись по Старому Венцу
мечтал сидящий историк.

Признала всё-таки страна
с её душою византийской:
история Карамзина –
венец истории российской!

Он, открывая в вечность дверь,
в Симбирск вернулся молчаливо,
и смотрит в прошлое теперь
его глазами муза Клио.

Титаном волжским и певцом
незабываемого края
вознёсся зримо над Венцом,
Россию светом озаряя.

И в честь великого творца,
как из прорвавшегося вздоха,
над гребнем Старого Венца
восходит новая эпоха.

БАРИН НА ВОЛГЕ

На всю Россию-матушку трубя
о праздности, достоинстве и долге,
считали сонным городом тебя
и называли барином на Волге.

Звенел по переулкам бубенец,
когда, купаясь в сладком аромате,
ты в полудрёме вышел на Венец
в домашних тапках и ночном халате.

Встал там, где начинается обрыв,
и ощутив души живую завязь,
в речную даль глядел, как в объектив,
обыкновенным чудом заряжаясь.

Пытался раскачать земную ось
вразрез своей обломовской природе,
а мимо время медленно плелось
на стареньком колёсном пароходе.

И знает в мире всякий человек,
что этот город ленью легендарен,
и здесь гостей уже который век
встречает полусонный волжский барин.

МОТЫЛЁК

Безумно манит свет вдали,
как вдохновенье – стихотворца,
и вьётся мотылёк Земли
вокруг зажжённой свечки Солнца.

Опасным кажется расчёт
войти без бед в орбиту эту,
но притяжение влечёт
к звезде пылающей планету.

Струится вдоль и поперёк
жара из рога изобилья,
и обжигает мотылёк
свои серебряные крылья.

Летит на жертвенный огонь
без страха, словно пуля в тире,
но даже Бог не выдаст бронь
хоть на одно бессмертье в мире.

И выбор, гибельный вдвойне,
стоит перед единоборцем:
сгореть на солнечном огне –
или угаснуть вместе с Солнцем.

Свой путь к последнему витку
планета ищет сквозь усталость,
не зная, долго ль мотыльку
вокруг свечи порхать осталось?

ЗЛАТОУСТ

О заволжском златоусте
бубенцами ярких нот
звонкий жаворонок грусти
в небесах души поёт.

И на гребне ностальгии
предстаёт во мгле эпох
первый сказочник России,
балагур и скоморох.

То у барина в усадьбе
байкой потчует гостей,
то плетёт на шумной свадьбе
небылицы всех мастей.

То чудит в соседних сёлах,
подряжаясь в пастухи,
и звучат из уст весёлых
прибаутки да стихи.

Любит огненные пляски,
дружбу водит с кабаком
и, рассказывая сказки,
так и чешет языком!

К ночи речь не как в начале,
и звенят в букетах фраз
колокольчики печали,
васильки усталых глаз.

Но кручиниться не будем,
Божий дар его – не пуст,
и наутро выйдет к людям
с новой сказкой златоуст.

СЕРДЦЕ ВОЛГИ

Высокий чувствуя настрой,
гляжу я вдаль в немом восторге
и слышу где-то под горой,
как гулко бьётся сердце Волги.

Державы грозной рубежи
здесь прежде смело утверждались,
и полыхали мятежи,
и бунтари на свет рождались.

Я вижу в сколке старины,
как из-за острова на стрежень
плывут разбойничьи челны,
чей путь извилист и мятежен.

Леса дремучие вокруг,
идей капризные химеры,
и люди, вспомнившие вдруг
святой закон любви и веры.

Родной клочок земной глуши,
по очертанию похожий
на средоточие души,
пульсирующее под кожей.

Реки аорта, птичий грай
и дар левши в простом умельце:
на том стоит Симбирский край –
живой и трепетный, как сердце.

Ольга КЛОПКОВА, главный библиотекарь по краеведческой работе ОГБУК
«Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова».

ЧИТАЙ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ

Традиционно с 1 по 12 декабря в Ульяновской области проходит декада Отечественной истории, направленная на популяризацию истории и культуры родного края, творчества выдающихся земляков. 7 декабря 2022 года в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова прошёл день краеведческой книги «Люби и знай свой край». В этот день состоялась презентация аудиосборника произведений ульяновских авторов «Край родной, я тебя воспеваю – 2022».

Областная социальная акция «Читай не только для себя» была направлена на создание аудиокниг краеведческой тематики для слабовидящих и слепых детей.

В 2022 году сборник записывался в Новоульяновске, Димитровграде, р. п. Николаевка и Старая Кулатка. Дети и взрослые, волонтеры акции, в качестве дикторов начитали стихотворения, рассказы местных авторов о родном крае, краеведческие очерки. Почётно, что в записи приняли участие также писатели и поэты, наши современники. В Николаевке – Александра Петровна Пискунова. В Димитровграде – Светлана Витальевна Зазимко, Инга Альбертовна Гаак, Юрий Иванович Шерстнёв, Александра Георгиевна Белова (которая, к сожалению, ушла из жизни 23 декабря 2022 года, и участие в этой акции было одним из многих ее добрых дел.) В Новоульяновске отрывки из своей книги читала Раиса Петровна Птица. В сборник вошла также краткая информация о самих авторах.

Презентация аудиокниги прошла с участием педагогов и воспитанников школы-интерната №91 для детей с ограниченными возможностями здоровья, студентов ульяновского педагогического колледжа, студентов и волонтеров колледжа государственной и муниципальной службы, учащихся губернаторской школы искусств для одарённых детей.

Стихи и проза о родном городе звучали в исполнении ребят из Новоульяновска и библиотекаря А.Н. Паршаковой. Анна Николаевна отметила: «Слушая аудиосборник «Край родной, я тебя воспеваю...», отраднo осознавать, что о нашем городе Новоульяновске, знаменитом селе Кремёнки, писателях и поэтах нашего края теперь будут знать все... Спасибо всем организаторам за уникальный проект».

К встрече на онлайн-платформе присоединились участники акции «Читай не только для себя» из школьного музея старокулаткинской средней школы №2 имени Героя РФ Р.М. Хабибуллина. Руководитель музея «Мы помним, мы гордимся» Исхакова Кадрия Адгамовна и девятиклассницы прочитали вошедший в аудиосборник очерк о герое, чьё имя носит их школа.

Запись в Новоульяновске

Димитровградские поэты готовятся начитать свои произведения

Идет запись в Николаевке

Участники акции из Старой Кулатки в школьном музее перед записью

К встрече присоединились также коллеги из библиотек Старой Кулатки, Николаевки, Димитровграда. От имени димитровградских писателей и поэтов выступила Инга Альбертовна Гаак. На мероприятии звучали проза и стихи Владимира Дворянского, Лидии Степановой, Галины Кудряшовой, Фрядяны Музьяевой, Александры Пискуновой и других авторов, представителей Ульяновской области.

«Говорящую книгу», записанную благодаря совместным усилиям библиотекарей, педагогов, детей и взрослых, равнодушных людей, теперь смогут послушать все желающие, а значит, лучше узнать свой родной край, творчество талантливых земляков.

Учащиеся школы-интерната №91, для которых и записывалась аудиокнига, пришли не с пустыми руками. Заранее послушав стихи из сборника, они нарисовали рисунки о родном городе, выучили и прочитали несколько стихотворений со сцены, а также рассказали о своих любимых книгах, почтили отрывки из книги, написанной шрифтом Брайля.

Во время мероприятия состоялось открытие выставки творческих работ воспитанников

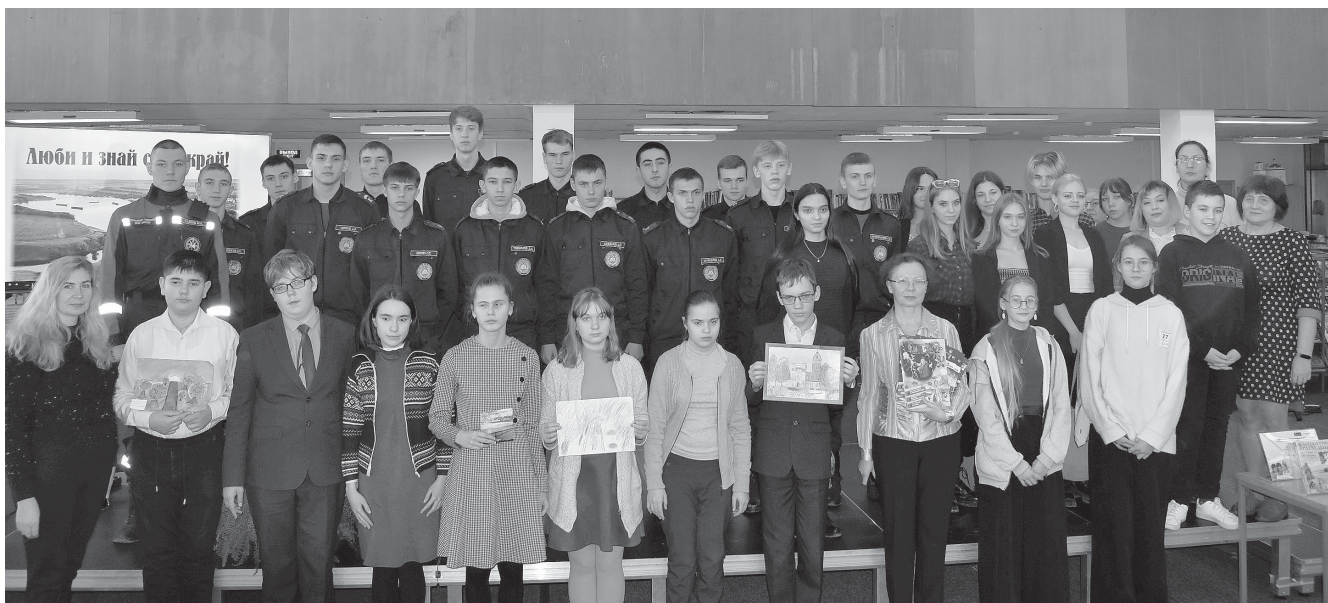
школы-интерната №91 «**Вижу пальцами – творю душой**». Педагог-библиотекарь Марина Андреевна Алексеева представила работы из бисера и картины, созданные в технике алмазной мозаики, рассказала, как ребята создают своими руками маленькие шедевры. Выставка-акция организована в поддержку приобретения книг, написанных шрифтом Брайля для незрячих детей.

Всего за время проведения социальной акции «Читай не только для себя» с 2011 года записано 18 аудиокниг краеведческой направленности для детей и юношества. Среди них книги писателей-классиков Н.М. Карамзина, Д.Н. Садовникова, С.Т. Аксакова, а также современных наших писателей Е.С. Ларина, И.А. Таранова и др. Дети, начитывающие произведения, сами знакомятся с творчеством талантливых земляков и в то же время учатся с вниманием и уважением относиться к особым потребностям в чтении своих сверстников.

Начиная с 2019 года акция стала областной, вовлекая в запись волонтеров из многих районов: Ульяновского, Чердаклинского, Майнского, Барышского, Кузоватовского, Радищевского, Вешкаймского, Сурского. Благодаря активному участию в акции коллектива педагогов и учеников Тетюшской средней школы уже записаны три аудиоверсии поэтических сборников Николая Рябинина.

Акция получила признание не только среди участников и авторов. В 2015 году она вошла в сборник «Лучшие региональные практики в сфере культуры Ульяновской области: Стратегия культурной политики Ульяновской области до 2030 года». В 2017 году социальная акция «Читай не только для себя» стала одним из семи победителей конкурса лучших практик НКО по информационному обеспечению инвалидов по зрению на III Всероссийском форуме тифлоинформационных технологий «Тифло-IT».

Все аудиокниги передаются не только в фонд школы-интерната для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья №91, но и Ульяновской областной специальной библиотеки для слепых.

Участники презентации аудиосборника «Край родной, я тебя воспеваю»

КНИЖНАЯ ПОЛКА

АЛЕКСЕЙ ЗАХАРОВ

«БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

Из авторского предисловия к сборнику

Весной 2022 года в издательстве «Перископ-Волга» вышла моя книга переводов англоязычных поэтов «Большие надежды». Стимулом для создания данной книги послужило участие в первом международном фестивале литературы и культуры «ЛитКузница-2021», где я занял первое место в номинации «Переводы» и был награждён денежным сертификатом, при условии издания книги в издательстве «Перископ-Волга». Конечно, я не мог не воспользоваться этим предложением! И вот в мае книга увидела свет!

Это сборник моих литературных переводов, стихи в разных жанрах и с разным настроением, от философии до романтики. В книгу включено 13 (счастлирое число) англоязычных поэтов разных эпох и, кроме этого, два перевода текстов из песен, в том числе переведён текст знаменитой песни Pink Floyd High Hopes из альбома The Division Bell. Перевод максимально приближен к мелодии песни. Из знаменитых поэтов в сборник вошли Роберт Фрост, Перси Шелли, Эмили Дикинсон, но особое внимание оказано двум женщинам-поэтессам: Эдне Сент-Винсент Миллей и Кристине Россетти. Все стихи в сборнике даны с оригиналами на английском языке, поэтому книга будет интересна не только любителям поэзии, но и знатокам художественного перевода.

Алексей ЗАХАРОВ, поэт, переводчик. Родился в 1973 году. Член Ульяновского отделения Российского Союза профессиональных литераторов, член Ульяновского регионального литературного объединения «Венец поэзии», член городского «Клуба поэтов» при Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова.

Автор книг «Стихия пятая» (2012), «Большие надежды» (2022).

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ КНИГИ «БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

Percy Bysshe Shelley
To-morrow
Завтрашний день

День завтрашний, желанный, где ты?
В достатке ль, в бедности живём,
Грустим иль радостью согреты –
Твоей улыбки светлой ждём
Мы каждый раз, но вновь находим
День, от которого уходим.

Alfred Tennyson
Flower in the crannied wall...
Цветок

Цветок прекрасный в треснувшей стене...
Тебя я вырвал и забрал в дорогу...
И корень, лепестки твои трепал,
Но если бы тогда я понимал
Всю суть твою, гармонию в тебе,
Познал бы человека суть и Бога.

Christina Rossetti
After death
После смерти

Занавески приспущены, пол подметён,
Пышным слоём лежат лепестки розмарина
На сколоченном ложе моём, как перина,
Тихо в комнату тени вползают плющом.

Он ко мне подошёл, наблюдая, как сплю,
Я не слышала голос, но всё понимала.
«Моя бедная девочка», – тихо сказал он,
Отвернулся, сквозь слёзы добавил: «Люблю».

Не поднял покрывающего полотна
И не взял, как обычно, мою руку нежно,
И подушку под голову не положил...
Знаю я, ты меня никогда не любил,
Но изменится всё, ты не будешь, как прежде,
Равнодушен ко мне. Только я холодна.

Emily Dickinson
Dear March, come in!
Дружище, Март, входи!

Дружище, Март, входи!
Ужасно рад!
С надеждой ждал явленья твоего.
Свой головной убор клади,
Должно быть, торопился ты
И запыхался оттого.
Ну, как ты, милый Март?
Жива ли без тебя природа?
Ну, проходи же, проходи,
Я должен рассказать тебе так много!

Я видел птиц – посыльных от тебя;
Пожалуй, клёны их не замечали,
От удивления их лица запыхали!
И, кстати, Март, прости, но те холмы,
Что ты раскрасил, чтобы любоваться, –
Они совсем бледны;
Все краски ты с собой забрал, признаться.

Кто там стучит? Апрель!
Пока закрыта дверь!
Теперь я занят, пусть он подождёт.
Он бросил, как и ты,
Меня на целый год.
Но красота весенняя пришла,
Теперь, конечно, всё пустяк и суета,

Упрёки дороги, как похвала,
А благодарность, как вина, проста.

Edna St. Vincent Millay
Love is Not All (Sonnet XXX)
Любовь ещё не всё...

Любовь не всё, что нужно: не вода,
Не мясо, не спокойный сон, не кров
И не бревно для тонущих, когда
Хотят спастись, но гибнут средь штормов.

Любовь не заменяет кислород
Для лёгких и не восстановит кровь,
Не вправит кость, хотя покойник тот,
Кого совсем оставила любовь.

И может быть, когда придёт беда,
Прижмут отчаянье, тоска и боль,
Я за покой твою любовь продам,
А память о тебе, о ночи той,
На пропитанье променять решусь.
Всё может быть... Но нет, не соглашусь!

Edna St. Vincent Millay
Time does not bring relief
Время не лечит...

Время не лечит: вы врётё, всё врётё –
Время меня никогда не излечит!
В дождь я скучаю, мечтая о встрече,
Волны мне шепчут о губ твоих мёде.

Горные снега лавинами сходят,
Старые листья в кострах догорают,
Только влюблённости горечь не тает,
Мысли о прошлом в былое уводят.

Множество мест, где завязана память
Только с тобой, и я вновь убегаю,
Где не бывали мы в тот час весенний.
И говоря каждый раз с облегченьем:
«Здесь не способно меня что-то ранить!»,
Тут же застыну, тебя вспоминая...

Edna St. Vincent Millay
From «Mine The Harvest»
Journal
В дневник

Мои стихи на склоне лет
Оставят аромата след...
Мечтаю и надеюсь я,
Что это подтвердят друзья.
Пишу не чтобы выживать,
А отблеск счастья передать
И вдохновения заряд.

И повторю: «Я был бы рад,
Что все труды на склоне лет
Оставят аромата след».

Mary E. Frye
Do not stand at my grave and weep...
Бессмертие

Ты у могилы не стой, не рыдай,
Нет меня там, не уснула я, знай:
Я – это тысячи лёгких ветров,
Я в лучезарном сиянье снегов,
Золото солнца пшеничных полей,
В тихом дожде этих пасмурных дней.
Если боишься с утра тишины,
Вихрем развею тревожные сны.
Я – птичий клин, что вдали отзвучит,
Яркие звёзды, что светят в ночи...
Ты у могилы не плачь и не стой,
Нет меня там, я жива, я с тобой!

Robert Frost
Stopping by Woods on a Snowy Evening
У леса снежным вечером

Чей лес на полпути возник?
Я догадался, кто лесник.
Его, надеюсь, не отвлёт
Своим визитом в этот миг,

Когда запорошил снежок.
Моей лошадке невдомёк,
Зачем у чащи я застыл
В холодный чёрный вечерок.

И колокольчик вдруг заныл
В упряжке, и меня будил
От сна, а я глядел опять,
Как снег по ветру тихо плыл.

В лесу такая благодать!
Но лошадь мне пора взнуздать,
И снова в путь, не спать, не спать,
И снова в путь, мне рано спать.

Из отзывов на книгу (OZON)

«...открыла книгу, а там... закачаешься, окунувшись в другое время, в другую эпоху. Англия XVIII, XIX, XX веков. Всё, чем жили: непостоянство, день рождения, поцелуй, большие надежды. Всё это – одноимённые названия стихов. А рядом оригинал на английском! Знатоки и любители языка оценят».

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Алина ОСОКИНА, член Союза писателей России, член Совета молодых литераторов.

ВЫСШИЙ БАЛЛ СОВЕТУ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ!

Итоги года

В 2022 году Совет молодых литераторов Ульяновской области отметил первый юбилей. Весь год был наполнен интересными событиями и яркими моментами.

Уже второй раз Совет молодых литераторов провел молодежную программу в рамках всероссийской выставки-конкурса «Симбирская книга». 10 апреля в торжественном зале Дворца книги состоялся марафон молодежных презентаций. Екатерина Богданова рассказала о своей новой книге «Обручённые небесами». Анисия Матлина поделилась историей создания романа «Чудики не умирают». Мария Богдан представила сборник «Образ слова» и коротко рассказала о работе над этой книгой. Прозаики Анастасия Миронова, Илья Разумовский и Виктория Шейко дополнили рассказ о сборнике чтением своих произведений. Поэты Влада Митрофанова, Влад Ванюков и Марианесса Волкова представили свои произведения, опубликованные в различных периодических изданиях.

12 апреля в научной библиотеке Ульяновского государственного университета прошла творческая встреча с молодыми авторами «Космос поэзии», посвященная Дню космонавтики. На ней прозвучало не только творчество молодых ульяновских авторов, но и стихи российских поэтов в исполнении иностранных студентов. 15 апреля

Анисия Матлина

Торжественное собрание к юбилею Совета молодых литераторов

молодежная программа завершилась традиционным литературно-музыкальным вечером «На высокой ноте» в уютном (и единственном в мире) музее балалайки. Также на закрытии «Симбирской книги» сборник молодых литераторов Ульяновской области «Образ слова» стал лауреатом в номинации «Молодые голоса».

В рамках регионального проекта «PRO-чтение молодых» состоялись творческие встречи молодых авторов с жителями Чердаклов, Сенгилея и Кузovatова. Александр Дашко, Мария Богдан, Алина Осокина и Полина Николаева поделились своим творчеством, а также ответили на волнующие читателей вопросы.

В сентябре молодые писатели приняли участие в мастер-классе журнала «Москва». Ульяновская творческая молодежь пообщалась с Владиславом Артёмовым – главным редактором журнала «Москва», а также Михаилом Поповым – российским прозаиком, поэтом и публицистом. Владислав Артёмов и Михаил Попов с большим интересом ознакомились с произведениями ульяновских молодых литераторов и дали свои рекомендации.

Молодые авторы продолжили повышать уровень своего писательского мастерства на занятиях литературной студии «ЛИК». Лучшие подборки стихов и рассказы вышли на страницах региональных и всероссийских изданий. А литературная студия «ЛИК» заняла первое место во всероссийском конкурсе молодежных литературных объединений «ЛИТОсфера», который проводился Союзом писателей России. В напряженной борьбе ульяновское ЛИТО обошло конкурентов из Москвы, Челябинска, Санкт-Петербурга, Рыбинска и др.

2 декабря в рамках декады Отечественной истории во Дворце книги состоялся юбилейный вечер Совета молодых литераторов Ульяновской области.

С приветственным словом выступила председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Николаевна Даранова. Она поздравила Совет молодых литераторов с первой «пятеркой», а также отметила неотъемлемую связь совета с Союзом писателей. Председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области Александр Дашко рассказал об успехах организации, поделился планами на ближайшее будущее, а также отметил, что в совет входят люди разных профессий

(учителя, архитекторы, музыканты, инженеры, врачи), которых объединяет любовь к слову.

Самые активные участники Совета молодых литераторов были отмечены грамотами и благодарственными письмами от министерства искусства и культурной политики Ульяновской области, а также от Союза писателей России.

Во время вечера молодые литераторы почтили память ульяновского поэта Александра Лайкова, который основал литературную студию «ЛИК» и дал ей путевку в жизнь. Теперь она будет носить его имя.

Архиерейскую грамоту в благословение Совета молодых литераторов Ульяновской области от Митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина передал председателю Совета молодых литераторов поэт, председатель отдела по делам молодежи Симбирской епархии Сергей Николаев.

Александр Дашко и Сергей Николаев

Музыкальный подарок всем собравшимся преподнес ансамбль «Вдохновение» (руководитель - Веллигжанина Галина Ивановна). В заключение вечера все желающие смогли выйти к микрофону и прочитать свои стихи, а также сказать несколько теплых слов, поздравить друзей с общим праздником.

Выступил ансамбль «Вдохновение»

Первые пять лет своей творческой жизни Совет молодых литераторов отработал на отлично. Надеемся, что впереди молодых ульяновских писателей ждет еще много удивительных открытий, вдохновенных строк и благодарных читателей.

ИТОГИ ОБЛАСТНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА «ПИШИ НЕ В СТОЛ!»

27 января 2023 года были подведены итоги второго областного студенческого литературного конкурса «Пиши не в стол!». На конкурс поступило 47 заявок от студентов высших и средних специальных учебных заведений из города Ульяновска, Димитровграда, а также Инзенского, Сенгилеевского и Карсунского районов.

*Марианесса Рождественская
и Ольга Даранова*

Регина Хайруллова

Ангелина Угасина

Участники и лауреаты конкурса «Пиши не в стол!»

Председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Николаевна Даранова поделилась с участниками общим впечатлением от работ, присланных на конкурс, проанализировала наиболее запомнившиеся произведения юных писателей. Ольга Николаевна пожелала больше читать, набираться опыта и вырабатывать свой, современный художественный язык с опорой на классику.

Члены жюри Александр Дашко и Алина Осокина пригласили начинающих авторов участвовать в работе регионального совета молодых литераторов, а также присоединиться к литературной студии «ЛИК».

Лауреатами в номинации «Поэзия» стали:

- 1-е место – Марианесса Рождественская (Марина Волкова), студентка Ульяновского педагогического колледжа,
- 2-е место – Юлия Куликова, студентка Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова,
- 3-е место – Артем Даллакян, студент Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Лауреатами в номинации «Проза» стали:

- 1-е место – Елена Кутузова, студентка Димитровградского технического колледжа,
- 2-е место – Регина Хайруллова, студентка Ульяновского государственного технического университета,
- 3-е место – Алина Уренева, студентка Ульяновского государственного технического университета.

Лауреатами в номинации «Иной жанр» стали:

- 1-е место – Ангелина Угасина, студентка Ульяновского техникума железнодорожного транспорта,
- 2-е место – Ульяна Макарова, студентка Инзенского государственного техникума отраслевых технологий, экономики и права,
- 3-е место – Дарья Колотилина, студентка Инзенского государственного техникума отраслевых технологий, экономики и права.

К участию в студенческой программе Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России, которое пройдет в Москве в июне 2023 года, рекомендованы Марианесса Рождественская, Елена Кутузова и Регина Хайруллова.

Предлагаем вниманию читателей произведения лауреатов и участников конкурса.

И ХОЧЕТСЯ ДАРИТЬ ДОБРО...

Марианесса РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

... а у лета вкус клубники,
Вкус малинного клопа,
Вкус подвявшей земляники,
Запах сеного снопа,

Привкус августской свободы,
Струи тёплого дождя.
Дуновение природы –
Рыжий образ сентября...

Солнце плавится на спуске,
Окунается в закат.
Тихо шепчет Волга в русле,
Отражая облака.
Листья с шелестом багряным
Утопают в синеве.
Осень пахнет чем-то пряным,
Согревая в октябре.

Юлия КУЛИКОВА

ВЕТЕРОК

Пришёл к нам гости ветерок –
Проказливый мальчишка!
Он со стола содрал листок
И пролистал все книжки!

По комнате моей гулял:
Туда-сюда по ней петлял,
А после, в коридоре,
Он передвинул шторы.

У бабушки свалил он трость,
У дедушки – газету.
Какой же озорной наш гость!
Ну никакой управы нету!

И тут окошко я прикрыл,
И ветер будто растворился.
У нас ещё б он долго был,
А может, даже поселился...

Артем ДАЛЛАКЯН

ФИЗИКА

Я вижу цвет – отражение
По-разному ярких вещей,
И в каждой из них преломление
Прежде увиденных дней.

Меня тяготит притяжение,
Огромных и крошечных тел,
Но более давит сомнение
Что где-то уже не успел.

Мне слышен и скрежет, и звоны
Всех элементов системы.
Эхо рождает не стоны –
Эхо даруют стены.

Елизавета ПЕТРЯЕВА

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Чуть морозясь и прячась в ворот,
Я иду по ночной темноте.
Мягко, тих мой уютный город,
И тепло, и спокойно мне.

Вся Земля, становясь колыбелью,
По течению жизни ведёт.
Я тебе улыбаюсь: «Поверь мне!
Счастье нам принесёт Новый год!»

И счастливые дети Вселенной,
Мы по зыбкой дороге бежим,
Этот миг мне всего драгоценней,
Мы же будем жить вечно? Скажи?

Дарья ХОРЕВА

Святой звезды зажглись осколки.
На каждой новогодней ёлке
И в каждой радостной улыбке
Узнаем праздник без ошибки.
Сегодня маленький Христос
Спасенья Чудо нам принес.
Сверкает снега серебро,
И хочется дарить добро.

Елена КУТУЗОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИГРУШКИ

В серванте маленькой квартирке на полке лежит старенький пыльный плюшевый мишка. Вместо одного глаза у него пуговка, подкрашенная под цвет сохранившегося глаза. Одна лапка пришита белой ниткой, контрастирующей с коричневым плюшем игрушки.

В квартире находятся незнакомые люди. Они пришли сюда после смерти Клавдии Ивановны – доброй женщины, приютившей Мишку и пришившей дрожащими старческими, но нежными руками лапку на место.

Все проходят мимо Мишки. Никто не замечает, как он плачет, лёжа в пыли на своей полке. Никто не видит его горя.

У Мишки выдалась непростая судьба, даже по меркам игрушек. Родился он на фабрике и с самой конвейерной ленты с нетерпением ждал встречи со своим будущим хозяином. Кто это будет – мальчик или девочка, – Мишка, конечно, не знал, но был уверен в одном: его хозяин будет самым замечательным ребенком на свете!

Так и случилось.

С фабрики он попал на стеллаж магазина детских игрушек. Не успел Мишка познакомиться со своими плюшевыми соседями по полке, как его купили. Повязали на шею большой атласный бант и упаковали в картонную коробку. Как же замирало синтепуховое сердце у Мишки, когда его несли в тёмной коробке по холодной и шумной улице.

Наконец, холод сменился теплом, а шум улицы – приятной веселой музыкой. Вот и тряска закончилась – коробку куда-то поставили. Еще несколько мучительных мгновений, и Мишку ослепил электрический свет. Его бережно извлекли из коробки теплые детские руки... И вот Мишка увидел его – своего Хозяина, своего Друга – самого прекрасного мальчика на свете.

Для Мишки настало самое счастливое время. Его Хозяин играл с ним каждый день. Мальчик познакомил Мишку с другими обитателями комнаты. Тут были и солдатики, и роботы, и динозавры, и даже кукла. Маленький Хозяин рассаживал всех за стол и поил из игрушечного сервиза. Со временем Мишка стал самой любимой игрушкой мальчика. Они засыпали в обнимку, перед сном разглядывая на потолке звездочки от ночника.

Однажды из их дома вышел большой человек, которого мальчик называл Папой. Вышел и не пришел назад. Клавдия Ивановна (Мишка уже знал, что это «Мама») сказала, что у Папы будет теперь другая семья. Маленький Хозяин стал мрачным, почти не играл в любимые игры, лишь ночами по-прежнему брал в постель Мишку, обнимал его и плакал, уткнувшись в мягкий коричневый плюш.

Мишке было невыносимо больно! Он так переживал за своего Человека, так хотел разделить его горе! Ведь у игрушек сердце доброе, такое же мягкое, как они сами. Но месяцы шли. Со временем мальчик пришел в себя. Он уже подросток и пошёл в

школу. Теперь он каждый вечер делал уроки, а не устраивал чаепития со всеми игрушками.

Прошло несколько лет. Мальчик стал превращаться в юношу. Сам он этого не замечал, но Мишка не мог этого не видеть. Хозяин совсем перестал играть с ним, но не спешил убрать в кладовку к другим игрушкам. У Мишки по-прежнему было центральное место на полке в комнате. Мишка всегда присутствовал рядом и разделял все горести и радости. Поддерживал его незримо, но от всего сердца: успокаивал другие игрушки, когда те хотели отвлечь мальчика от уроков, становился его слушателем, когда тот читал ему сочинения и декларировал стихи. Мишка готов был посвящать всего себя интересным занятиям с мальчиком. Но время в мире людей течёт иначе, чем в мире игрушек. Поэтому настала пора прощаться. Его хозяин, уже не тот маленький мальчик, с восторгом глядевший на новую игрушку, а юноша, с благодарностью обнимающий его, немного выцветшего и потрёпанного, покидал этот дом, чтобы начать свою собственную взрослую жизнь.

Жизнь Мишки с этого момента стала совсем иной. Детский смех стал слышен уже не в их квартире, а в другой, за стенкой. Там подрастали славные и беззаботные дети. Мама мальчика, Клавдия Ивановна, не очень богатая, но сердобольная женщина с открытой душой, на Пасху отдала Мишку детям из соседней квартиры. Мишка быстро познакомился с новой хозяйкой Таней – рыжей неугомонной девочкой, совсем-совсем не любящей играть в чаепитие. Что она любила – это быстро бегать, громко прыгать, а ещё перетягивать игрушки со своим щенком – заводным пятнистым терьером. Она брала игрушку, а терьер хватал её зубами, и они весело кружились по комнате! Вот только этой игрушкой, как правило, был Мишка, потому что родители не разрешали девочке портить новые игрушки. Ах, как эта игра нравилась девочке! А Мишка просто знал, что это его долг – приносить радость детям, пусть даже в таких играх.

Время шло, Мишка почти привык к своему новому дому, но небольшая крупица теплоты и тяги к прошлому дому в нём всё ещё жила и давала о себе знать, тихонечко ноя в плюшевой груди. Терьер девочки был очень похож на одну из игрушек его Хозяина, но в отличие от старого друга, зубы у него были совсем не фетровые, а самые что ни на есть настоящие и уже совсем не щенячьи. И вот в один из вечеров, когда у питомца девочки было уж очень задорное настроение, терьер повалил медвежонка на пол и под звонкий смех оторвал лапку и огрыз глазик. Лапку Мишке решили наскоро привязать к туловищу, чтобы потом, когда-нибудь, может быть, её пришить, а вот глазик был безвозвратно съеден. Мишку поселили в ящике письменного стола рядом с другими сломанными игрушками.

Он не знал, сколько прошло времени, наверно, около пары игрушечных жизней, прежде чем его

глазик снова увидел свет. А ещё он увидел девочку, очень похожую на его хозяйку, но намного старше. И собака не бегала за своим же хвостом, а мирно спала на лежанке. Тогда он понял, что девочке уже почти столько же лет, сколько было его Другу, когда они виделись в последний раз. Девочка сгребла все игрушки, карандаши и скрепки, лежавшие в ящике, и свалила их в один пакет. Мешок отнесли на улицу – место, откуда его Хозяин приходил с разбитыми коленками и где он катался на велосипеде, подаренном ему сразу после ухода Мишки.

По традиции мешки с домашними вещами, выносимые на улицу, оставляли открытыми. Считалось, что если тебе что-то больше не нужно, то это не значит, что это не нужно больше никому. Из разных ножек, листов фанеры и красок умельцы могли сделать красивый столик, а книги разбирали самыми первыми, несмотря на порванные или изрисованные обложки. В таком мешке оказался и Мишка. Его ушко выглядывало из-за стёртой линейки. Именно за это ушко зацепился взгляд Клавдии Ивановны, идущей вечером с работы. Она ахнула, поставила пакеты на землю и высвободила Мишку из мешка. Она сразу же отнесла игрушку домой и, причитая, пришила лапку на место, а вместо гластика – самую подходящую пуговку. Мишка занял почетное место в серванте, а Хозяйка потом часто с ним разговаривала и делилась последними новостями.

Время шло, Клавдия Ивановна при уборке всё чаще держалась за сердце или присаживалась отдыхать в кресло. Её руки дрожали, и волосы стремительно седели. В один пасмурный осенний день она не зашла в комнату, чтобы полить фиалки, и Мишка

понял, что его плюшевая жизнь снова безвозвратно изменилась.

Прошло несколько мучительных дней. Сервант успел покрыться тонким слоем пыли. Но вот наконец в квартире появились незнакомые люди...

...Все проходят мимо Мишки. Никто не замечает, как он плачет, лёжа в пыли на своей полке. Никто не видит его горя.

Но вот среди незнакомых голосов мохнатое пожёванное плюшевое ухо слышит давно забытые нотки. Сердце Мишки замирает... он действительно уловил голос давно утерянного Друга или ему лишь мерещится? Слышится топот маленьких ножек, и в комнату вбегают маленькая девочка: две тонкие кошечки, ясные голубые и почему-то такие знакомые глаза.

– Папа! – кричит девочка. – Смотри, какой красивый мишка!

Мишка сначала не понял, что она говорит про него, ведь его очень давно так не называли.

– Можно мы возьмём его с собой? Я познакомлю его со своими игрушками и буду поить его ромашковым чаем из самовара! – говорит девочка тише и поднимает глаза на вошедшего мужчину.

Мужчина подходит ближе к серванту, берёт в руки потрёпанного медвежонка, гладит его, смахивая пыль, улыбается и произносит таким родным и любимым голосом:

– Можно...

Никто не слышит, как в бешеной радости начинает стучать сердце нашего героя. Конечно. Ведь сердце у игрушек не такое, как у людей. У них оно мягкое, почти невесомое... синтепуховое.

Ангелина УГАСИНА

НЕ ПОТЕРЯТЬ СЛОВО

Вы когда-нибудь слышали слово «славуший»? Нет? Произнесите его: сла-ву-ший! Какая причудливая смесь старославянского происхождения, народной интерпретации и говора небольшой ульяновской деревеньки.

Это слово нашли-записали в Карсунском районе, в старинном русском селе. Именно нашли, как находят клад под землей, сокровище в обветшалом доме. В таких селах наречия не менялись веками. Народ жил неспешно и размеренно на одном месте, разговаривал сметливо и образно, складывая слова, как ягоды, в кузовок (а может быть, в кошелку или в плетушку). Так и сохранился язык, чистый, живой, нетленный.

Слово – клад... Слово – находка... Слово – ценность...

«Славуший» – так сказала о своем соседе Клавдия Яковлевна Романова как о человеке, почитаемом в деревне, достойном уважения, прославленном. В этих местах слово «славуший» не надо переводить. Оно живет в сознании людей с давних пор, так народ думает. Думает красиво, говорит метко, одобряя поступки рядом живущего человека, восхваляя и приподнимая его. В этом самобытном русском слове заключены глубокие мысли: отношение к человеку без зависти и лести, вознесение его почти до горних высот... Эмоциональнее, ярче и не скажешь!

Ловишь себя на мысли: а ведь и мы, современные люди, не замечаем, что приходится подбирать значение для не совсем понятного слова. Мы его не угадываем, оно для нас не головоломка, мы его просто чувствуем. Как удивительно работает языковое сознание целого народа! Недаром Н.В. Гоголь в «Мёртвых душах» замечает: «И всякий народ... своеобразно отличился своим собственным словом, которым... отражает часть собственного своего характера».

В наших местах немало звучных и интересных слов: летошний год, просвятые, кашевник... А как вам это – «на яланочке сидим»? На припеке, значит, на пригреве, на солнцепеке, на самом жару. Согласитесь, оригинальный синонимический ряд! Каждое из этих слов – драгоценность. В каждом из них заключен своеобразный культурный код русского человека. С научной точки зрения это

лексика, ограниченная в употреблении территориально, с позиции общечеловеческой это составная часть культурного наследия, своеобразные реликтовые формы родной речи. Они являются источником изучения, а иногда и восстановления исторических процессов в языке, говорят о неисчерпаемом его богатстве. Это наше национальное достояние – русские диалекты. По мнению академика А.А. Шахматова, они помогают просмотреть историю языка на разных его уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом...

Тереньгульский район напомнил незаслуженно забытое русское слово – «на воздух» – на вершине счастья и блаженства, значит. «Процведать» (попробовать) – так говорят в Радищевском районе. Проговариваешь – и буквально чувствуешь архаичность звуков, ладность их соединения между собой.

Интересно, а сколько существует вариантов одного и того же слова в диалектах? Попробуем узнать! Вот выражение «купор на купор сидеть» – друг напротив друга. Этот вариант из Сурского района. По-иному звучит оно в Инзенском районе: «наспроть сидит». На границе с Татарстаном говорят: «супроть – напупроть». Чувствуете, как похожи слова? Можно предположить, что раньше географически и социально люди не были сильно разобщены, они поддерживали отношения, встречались, женились, ездили друг к другу в гости. И с собой везли слово... Переезжало оно на новое место, обосновывалось, начинало жить своей жизнью, только звучало уже по-другому. Такие словесные перевертыши зависели скорее от человеческого фактора: кто как услышал новое словечко, тот так и привез его к себе в деревню. В такой форме оно и сохранялось, изменившись по усмотрению хозяина.

Щедра русская речь на слово! Попробуй убрать хотя бы одно из обихода – глядь, а без него уже и жить невозможно. Потеряем ли мы что-нибудь, если не сохраним слово? Конечно. Но потерять слово – значит потерять то, что составляло содержание жизни миллионов твоих земляков в течение многих столетий. А это живые корни родного языка, его неоценимое богатство, своеобразная летопись духовной жизни народа, его память. Невозможно отказать от памяти, как и невозможно ее потерять...

Полина СМОРОДИНА – родилась в 1988 г. в Саранске. В 2010 году окончила историко-социологический институт МГУ имени Н.П. Огарева по специальности: «История», в 2014-м – аспирантуру при НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. Работает в «Молодежном журнале «Странник». Печаталась в газетах «Голос Мордовского университета», «Известия Мордовии», «7 дней», «Литературная Россия», «Литературная Газета», журнале «Юность», «День и ночь», «Симбирскъ», а также в молодежном журнале «Странник». Финалист всероссийского конкурса литературной журналистики «Молодой Дельвиг» – 2018. Вошла в шорт-лист конкурса «Короткое детское произведение – 2018» (в соавторстве с А.С. Прониным), финалист «Северной звезды – 2019». Участник совещания молодых литераторов Союза писателей России и всероссийского фестиваля литературных журналов «Волжская пристань».

МАНГУСТА

Рассказ

Когда я увидела Мангу у подъезда, она была совсем молоденькой кошечкой. С неба летели первые снежинки и падали на ее голову, на чёрные, вздрагивающие от холода уши. Мне показалось, что ей очень грустно одной, под снегом. Я потащила ее домой, зная, что в квартире только мама. Манга не сопротивлялась, послушно свесив кофейные лапки. До того, как папа (гроза домашних животных) пришел с работы, ее, сытую от пуза, отправили обратно на улицу, и я с тоской наблюдала с шестого этажа как она, поджав грациозные лапы, легла на крышку канализационного люка, по краям которого бил горячий пар. Тогда-то я и придумала ей это имя. «Манга», почти как экзотический заграничный плод «манго», который я в то время даже не видела. Потом добавилось еще одно, более уважительное – Мангуста, и сокращенное, любимое, домашнее – Гуся.

Каждый день мы с мамой «работали» по одной схеме – возвращаясь из школы, я забирала Мангусту домой, чтобы она наелась и передохнула от бродяжнической жизни, а перед папиным приходом мы выпроваживали ее на улицу. Однажды мы не смогли (или забыли) выдворить ее вовремя. Ключ повернулся в замке, опустилась дверная ручка, а мы с мамой с полными ужаса глазами метались по комнате, жестами показывая, кому с какой стороны дивана заходить. Но Мангуста оказалась умной кошечкой, и нас не выдала – просидела весь вечер в укрытии. Когда папа о ней узнал, она уже жила с нами недели две, а то и месяц. Ну не выгонять же нашу собственную кошку на улицу? Впрочем, подозреваю, папа догадывался о ее существовании и раньше, каждое утро отчищая чёрный вельветовый пиджак от шерсти. Как шутила мама:

– С начёсом теплее.

Как бы то ни было, со временем папа смирился и даже принял Мангу. Иногда она приходила к нему на колени.

– Признаёт авторитет, – медленно оглядывая нас с мамой, говорил он.

Тем не менее в наказание за разного рода шалости в Мангусту летел именно его тапок. Благо папа использовал его не для битвы, а для запугива-

ния. Манга, заносясь на поворотах подобно гоночному автомобилю, убегала прочь от папы – в мою комнату, под мою защиту.

Я не переставала ей любоваться. Ее голубые, с таящими льдинками глаза с годами стали выражать глубокую кошачью мудрость. Я обожала ее пушистую грудку и мягкое пузико. Зароешься в шерстку, как в подушку, и тепло, и пахнет каким-то особым уютным запахом. Сколько моих слёз она впитала в себя, сколько взяла на себя моих глупых детских печалей и забот! Она часто сворачивалась клубочком на пледе, и я замыкала ее в кольцо своих рук. Как хорошо нам было вместе! Мур-мур!

Со временем у Манги появился свой домик. Обыкновенная коробка из-под пылесоса, в которой мы прорезали вход, постелили на дно кусочек старой шубы, и Мангуста с удовольствием забиралась в свои пенаты, когда хотела побыть одна. Не тут-то было. Мои руки отовсюду достанут – даже если для этого нужно раскрыть крышу!

Надо сказать, наша любимица приносила нам не только радость, но и хлопоты. Однажды, когда во время каникул я томила в деревне, а родителей не было дома, Мангуста царственно восседала на балконной раме, вцепившись в деревянную жердочку тонкими длинными коготками. Видимо, при развороте Манга не удержалась и сорвалась вниз. Первым пришел с работы папа. Еще у подъезда соседка остановила его вопросом:

– Не ваша кошка сегодня упала? Кружилась на одном месте, а потом в подвал подалась.

Папа пожал плечами, но ускорился. Дома тщетно выкликал кошку, используя все три ее имени и «кис-кис». Выбежал на улицу как был в белых брюках и рубашке и полез в подвал. И там, забившись в угол, под трубой лежала окровавленная Мангуста. Папа бережно взял ее на руки, и они с мамой выживали ее целый месяц.

После этого случая дверь на балкон плотно закрывалась. Но не у наших соседей с первого этажа во главе с моей одноклассницей Олей, к которым мы переселили Мангусту на время отъезда в отпуск. Вернувшись, обнаружили нашу кошку гораздо упитанней, чем прежде.

– Вот это щедрые люди! Мало того что кошку согласились взять на время, так еще и откормили до размеров панды, – удивлялась мама, поднимая потяжелевшую Мангусту.

Так случилось, что нам вновь нужно было уехать через два-три месяца, и снова Мангуста переехала на первый этаж. Забирали мы ее уже не одну. В придачу нам выдали четыре уменьшенные копии, ползающих по огромной картонной коробке. Оля смеялась:

– Только вы уехали – она родила, прямо на следующую ночь!

– Да как так могло получиться-то? – недоуменно спросила мама.

– Мы разве не говорили? – весело отвечала Оля, – Она же убегала через балкон, когда вы в первый раз ее оставляли. Два дня искали.

– А... Ну понятно, – протянула мама с улыбкой и принялась звонить в газету – подавать объявление. В тот раз котят разобрали быстро, а потом еще месяц раздавались звонки заинтересованных лиц, и мы по очереди бегали к телефону с извинениями и объяснениями.

Следующий, уже спланированный приплод ухаживал медленней. Дольше всех задержался самый толстый, круглый, как шарик, котенок с белым пятнышком на лапке. Видите ли, всем нужны чисто-красные, а наш – помесь! Но и он, мой любимый Плюша, тоже скоро нашел дом.

А потом Мангуста заболела и всеми возможными способами сигнализировала об этом. Натякаясь на пахучие знаки на подушках и одеялах, мы свирепели и огорчались. Постираешь – через неделю то же самое. Дом пропитался устойчивым кошачьим запахом и стал похож на осажденную крепость – всюду плотно закрытые двери. Наконец кто-то умный посоветовал кошку стерилизовать – мол, помогает. «Ей уже 12, а можно ли в таком возрасте?» – сомневались мы. «Можно», – уверили нас. Мы с мамой записались на приём и, загрузив сопротивляющуюся Мангусту в спортивную сумку, поехали на окраину города. В ветклинике оказалось полно народа. Животных хозяева принесли в корзинах на белых пуховых шаях и в специальных сумках-переносках. Мы же, освободив Мангусту и красноречиво переглянувшись, спрятали потрепанную сумку под лавку.

Напротив стоял огромный аквариум, и Мангуста заворуженно смотрела в него. Мы вздохнули облегченно – ни о чем не догадывается.

Наконец Мангу забрали. Измерили температуру (повышена!) и приступили к операции. Она лишь раз мякнула громко и затихла. Через час из белой пластиковой комнаты вышел молодой хирург в окровавленных перчатках. Ему навстречу поднялся знакомый:

– Ты что, убил кого-то?

– Наоборот, спас! – довольно произнес он.

Обессиленную Мангусту нам вернули в специальной попоне. Оказалось, благодаря операции выявили еще одну серьезную проблему. Вот о чём «кричали» кошачьи проделки, в нашем непрофессиональном переводе означавшие: «Я вас не люблю!» и «Так вам и надо!»

От наркоза она отходила долго. Вставала и валилась на бок. Но со временем все пришло в нор-

му. Мы смазывали ее шрамы зеленкой, а по истечении десяти дней мама пинцетом выдернула нитки, торчащие из затянувшейся раны. И дальше пошла обычная совместная жизнь со своими радостями и горестями, которые мы всегда делили вместе. Моя жизнь менялась, я выросла, выучилась и вышла замуж, но Мангуста продолжала быть рядом. И по-прежнему, как на кнопку положительных эмоций, я нажимала на коричневую упругую подушечку на ее лапе. В ответ послушно вылезали острые коготки, но никогда не царапали, не обижали.

Так было, пока Мангусте не исполнилось двадцать и она не заболела – теперь уже всерьез. Сначала появился маленький шарик на животе, расплывшийся со временем до огромной кровоточащей раны. Посещения ветеринара ни к чему не привели. Нам предлагали операцию – с разрезом через весь живот.

– Смысл только в эстетическом эффекте, всё равно конец один. Но, возможно, она просто умрёт от наркоза. Возраст...

Посоветовавшись со всеми кошатниками в округе («людей-то вылечить не могут, чего ты хочешь!»), решили операцию не делать. «Сколько проживёт – столько проживёт», – советовали опытные люди.

– А ей не больно? – задавала я наивный вопрос.

– От боли кошки кричат по ночам и беспокойно себя ведут. Если этого нет, значит, не больно.

Мангуста вела себя спокойно, ночью спала, днем хорошо кушала и находилась то в кресле, то в своем домике. Шерсть ее потемнела, пахла ветхостью и выглядела соответственно – как поеденная молью шуба. Когти в огрубевшие подушечки уже не втягивались, и она цокала ими по линолеуму, зацепляясь за коврики и долго ворочала лапами, чтобы вырваться из плена. Из откровенной раны текли кровь и гной, а у меня всё еще не поднималась рука, указующая на усыпление. Тут-то я, наконец, поняла, о каком «эстетическом эффекте» говорил врач. Мангусте отвели отдельную комнату, всё там было застелено подстилками и газетами и всё пропитано больничным духом. И опять осадное положение с закрытыми дверями, к которому прибавилась гнетущая атмосфера ожидания ее ухода. Она часто сидела у закрытой двери, словно ждала, что время для нее потечёт вспять.

Одним утром она перестала есть. Я повезла ее к ветеринару, и он, как всегда, поставил перед выбором.

– У вас два варианта – либо усыпить, либо попробовать помочь, чтобы она еще немножко пожила.

– Если есть шанс, как я могу отказаться?

– Тогда три раза привозите на капельники. Если не помогут, усыпляют.

– Хорошо, – согласилась я, глядя на тощее кошачье тело. Манга уже не в силах была сопротивляться и убегать и просто сидела, сжавшись в облезлый блёклый комочек на железном столе. Когда ей обрили лапу и воткнули туда капельник, я пожалела о принятом решении. К чему опять эти мучения? Но было поздно. На следующий день процедуру повторили, но есть она не начала. Сидя рядом с ее домиком и не зная, как помочь, протягивала поперемен-

но ладонь то с говяжьим фаршем, то со сметаной. Решила, что в третий раз к ветеринару не повезу, что пора ее отпустить.

Утром следующего дня Мангуста съела из моей руки горсть фарша. Я снова плакала, но от счастья, протягивая ей тарелочку с водой, которую она охотно полакала. К обеду кошка вышла из домика и, покачиваясь, дошла до своего лотка. С того момента, в моей голове прозванного чудом, она тихо и спокойно прожила еще два месяца.

Вернувшись вечером домой, я привычно глянула в темноту комнаты. Мангуста обычно уже не выходила в коридор навстречу, но светила огнями глаз из своего укрытия. Не в этот раз. Я подошла к креслу и увидела застывшую на нем кошку. Голова ее безвольно свесилась, тело неестественно распласталось. Цепочка красных пятен тянулась от кресла до двери комнаты.

Укутав затвердевшее тельце в простыню, поехали в лес. Шёл первый ноябрьский снег, мороз впервые в этом году схватил землю предыдущей ночью. Бросив машину на дороге, спустились к деревьям. Разбили землю молотком и выкопали ямку. По дороге пролетали машины, и я представила, как

эта картина выглядит со стороны – двое в лесу с фонариком закапывают труп.

Дома я долго отмывала комнату и даже прибежала к специальной службе – химчистке мягкой мебели. Выбросила кошачьи вещи, домик уехал на мусорной машине почти сразу. В комнате стало стерильно чисто, как будто ничего и никого там не было.

Подруга сказала в утешение:

– Моя Анфиса приходила ко мне по ночам, я чувствовала ее мягкую шерстку под опущенной с дивана рукой. Мангуста тоже придет к тебе. Жди.

И действительно, на следующую ночь мне показалось, что кто-то цокает по линолеуму в тёмном коридоре. Но она не зашла в комнату. Моя старая мудрая подружка и теперь не захотела меня тревожить, остановившись перед закрытой дверью, переставшей быть для нее преградой. Промучившись бессонницей, утром я выглянула в окно. Начался обычный серый ноябрьский день, и только снег добавлял белых красок. Он кружил и кружил всё сильнее, слой за слоем покрывая землю. На улице не было ни души.

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Евгений ХАРИТОНОВ

Родился и живёт в г. Белгороде. Член Союза литераторов при Белгородском отделении Союза писателей России.

Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» партии «Справедливая Россия» – За правду», г. Москва, 2022 г.

Автор книги стихотворений «Абрикосовая осень».

Публиковался в периодических изданиях России и стран СНГ: «Литературная газета», «Подъем», «Берега», «Звезда Востока», «День и ночь», «Александръ», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «Невский альманах», «Воин России», «Краснодар литературный», «Крым», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский вестник», «Пять стихий», «Наша молодежь», «Крым», «Метаморфозы» и др.

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

СВЯЩЕННАЯ БИТВА

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Кто ж знал, что Победу весны сорок пятого
Добыть в этот раз нам придётся самим.

Изрыты окопами тихие просеки,
В пригорки корнями росли блиндажи.
А рядом, в низине, виднеются носики
Тюльпанов¹, готовых прорвать рубежи!

¹«Тюльпан» – советский 240-мм самоходный миномёт.

В землянках ночами, томясь от бессонницы,
Вновь пишут солдаты своим матерям
О том, что Россия врагам не поклонится,
Что смерть не указчица русским парням.

К груди прижимая нательные крестики,
Пойдут поутру штурмовать города.
Ах, только бы мамам слова «пропал без вести»
На почте прочесть не пришлось никогда.

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Но в битве священной с врагами заклятыми,
Как деды и прадеды, вновь Победим!

ПТАХА

О чём поёшь так грустно, птаха,
Присев под окнами на ель?
Уж не о том, что в Волновахе
Гнездá не свить тебе теперь?

О том, что некому в Попасной
Тебя с ладони угостить?
И мест в Херсоне безопасных
Отныне нет, чтоб погостить?

Такая боль в твоём вокале,
Что просто за́ душу берёт!
Любой, кто выжил в Соледаре,
Тебя, голубушка, поймёт.

Кто чудом спасся от осколков,
Кого вернул на землю врач,
Чей дом стал грудюю обломков –
Услышат в пеньё горький плач.

Жаль, нет на свете троп окольных,
Где б нам не выдалось тужить.
Теперь и звоном колокольным
Твой птичий крик не заглушить!

Лети, родимая, по свету,
Неси печаль свою и грусть.
И кто б не слышал песню эту,
Пускай помолится за Русь.

ОСЕННИЙ КОНЦЕРТ

Всё-таки смолкла звенящая музыка лета,
Жаль, не хватает на год у неё волшебства.
Кружится в танце с чарующей ноткой балета
В рыженьких юбках гонимая ветром листва.

Липкий туман меж домами повесил кулисы,
Видимо, осень готовит вечерний концерт.
Окна оближут дожди, пробежав по карнизам,
Будто бы марки, что клеят потом на конверт.

А поутру горизонт улыбнётся восходом
С ярким румянцем
на солнечных пышных щеках.
И задымится земля, как труба парохода,
Снова купаясь в упавших лучах-лепестках.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

По земле, где нет целых домов и мостов,
Мы идём в окружении чьих-то крестов.
Здесь с годами померк на табличках окрас,
Словно взгляды людей, не дождавшихся нас.

Вот парнишка лежит девятнадцати лет,
Годы жизни видны, фотография – нет.
Рядом с ним по бокам два убогих креста,
Слева мама, а справа... табличка пуста.

А на этой могиле, заросшей травой,
Улыбается с фото, совсем как живой,
Белокурый старик, сто морщинок на лбу,
Будто рад, что зашли на могилку к нему.

В те минуты и сам вспоминаешь отца...
Вновь могила и надпись: «Стоял до конца!»
Это брат наш погиб, выполняя приказ,
Жизнь отдав за меня, за тебя, за Донбасс!

Сердце вырваться хочет из крепкой груди,
Если взгляд, как нарочно, сумеет найти
Среди этих кому-то угодных смертей
Чуть заметные холмики павших детей.

В этот миг просыпается дикая злость,
Лезет к горлу, застряв поперёк, словно кость.
И за души детей про себя помолясь,
Мы шагаем вперёд сквозь метели и грязь

По земле, где нет целых домов и мостов,
Ощущая все взгляды сутулых крестов.
И, наверное, каждый подумал не раз:
Сколько Бог тех крестов приготовил для нас?

МОТЫЛЬКИ

Бабка, руки сложив на груди,
Снова деда войною пугает:
«Украине полмира, поди,
Воевать против нас помогает.
Польша, немцы.. Одни му...аки!
Как теперь их поставить на место?»

Дед ей: «Видишь, летят мотыльки
На зажжённый фонарь у подъезда?
Бьются лбами, глупцы, с фонарём.
Так в сражении ночь пролетает.
Только дворник тела день за днём
Мотыльков тех метёлкой сметает».

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Всё чаще снится мне ночами,
Как суд вершить над палачами
В эпоху яростной войны
Шагают русские сыны.

Над каждым свет струится Божий,
А под одеждою на коже
Ведёт их с верой в бой смертельный
Броня Господня – крест нательный.

И вновь, рассветом пробуждённый,
Смотрю на день новорождённый,
А в нём свои же вижу сны –
Идут в объятия войны
России верные сыны.

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ГЕРОЙ

Стихи участников литературного объединения «Луганчик» (г. Лутугино Луганской народной республики)

В октябре 2022 года состоялся литературный телемост между писателями Лутугина и Ульяновска. В журнале «Симбирскъ» №6 – 2022 мы рассказывали об этом событии. Сегодня предлагаем нашим читателям познакомиться с творчеством участников литературного объединения с Луганщины.

Виктор УДОВКИН

Донбасс и Лутугин (геолог от Бога)
Едины навеки... Земная дорога
Чрез тернии к звёздам его привела
К донецким разломам в степи, что цвела
Бессмертником, маком, седым ковылём...
Годами трудился над чёрным пластом
Учёный – профессор, угли изучал,
Идеи научные в жизнь воплощал...
Он в сводную карту талант свой вложил –
Донецкий бассейн всему миру явил...

И этот бассейн – наш Донбасс боевой
Стал сердцем Руси, позабывшим покой –
Шахтёрские вахты, стахановский взлёт
Хранит в своей памяти гордый народ...
Он именем сына Отчизны родной
Назвал новый город земли трудовой –
Лутугино город... и целый район
Звучит много лет среди славных имён,
И вот уж полвека в гранит облачён
Геолог с киркою стоит, вовлечён
В донбасскую жизнь, в судьбы тысяч людей,
Живущих и чтящих Руси сыновей!..

17-18.02.2021 г.

ПРИМИ ПОКЛОН, КАЗАК ЛУГАНСКИЙ!

...Владимир Даль – казак Луганский,
Земляк далёкий, дорогой,
Ты псевдоним свой залихватский
В честь малой Родины святой
Нарёк, избрал, чтобы прославить
Донецкий кряж – Луганский край,
Чтоб русский Дух свой нам оставить
В полях, где зреет урожай,
В забоях угольных, глубинных,
В сердцах и душах сыновей
И дочерей степей былинных,
И в стаях мирных голубей!..

Прими поклон, казак луганский
И собиратель словаря!..
Язык живой, великорусский
Хранит свободная земля!..

14-15.03.2021 г.

Мариуполь – истерзанный город
В День Победы восстал из руин...
Через смерть, разрушение и голод
Дух свободы из адских глубин
Словно Феникс вознёсся, воспрянул,
Строй врагов с преисподней поправ...
Мир «Азова» позорнейше канул...
Жизнь и плен вместо смерти избрав,
Вышли неонацисты угрюмо,
Спешно срезав шевроны в утиль...
«Азовсталь» стал могилой «свідомо»
Их бравате и «Славе»... Вдруг штиль,
Полный штиль распростёрся в структурах,
Замолчал «незалежний» гнойник,
Чтоб утешиться в наркопилюлях,
Прежде чем перейти вновь на крик...
А прошедший чрез жезть истребленья
Южный город, что честь сохранил,
Встретил праздник живым вдохновеньем,
«Полк бессмертный» собой воскресил!

ГЕРОЯМ-ОПОЛЧЕНЦАМ ДОНБАССА, ПАВШИМ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ!!!

Бойцы ополченцы – герои Донбасса,
Спасибо за подвиг, за ратный ваш труд!..
На долгие годы кровавая трасса
Вам в судьбы легла, и с неё не свернуть!..

Война вас сплотила, свела в батальоны,
Совсем не обстрелянных, мирных людей...
Без тактики боя, считая патроны,
Навстречу смертям, среди родных ковылей

Вы путь преградили бандеробийцам,
Раскрасили кровью спесивый апломб...
В огне умирая, вы жизнь по крупичкам
Свою отдавали, оставшись пластом

Спрессованной доблести, чести и воли
За край наш святой постоять до конца!..
Пусть память о вас скорбной ленточкой боли
Сплетает собой все живые сердца

Друзей ваших ратных и ваших потомков,
Кому завещали вы край возродить,
В кровавой войне победивший подонков,
Да будет он жить, и любить, и творить!!!

20.03.2022 г.

Евгений САНЬКО

СЛАВЯНЕ

Освоив бескрайние дали,
Воздвигнув общенья мосты,
В степях и лесах вызревали
Славянских народов пласты.

Великим трудом выживали,
К иному народ не привык.
Плуги и кольчуги ковали
И свой создавали язык.

Пути проложив от порога
Сквозь толщу раздумий и дней,
Пришли к пониманию Бога
В дремучести мудрой своей.

Платили горячую кровью,
Ошибок уроки прошли.
Добром отстояв и любовью
Границы священной земли.

Набеги отбив азиатов
И алчность Европы сдержав,
Воздвигли достойно и свято
Одну из великих держав.

И сколько б враги не бесились,
Зубам не достать локотка.
В Истории встала Россия
Уверенно и на века!

Светлана КАЗЬМИНА

Защитите детей Донбасса!
Пусть коричневая чума,
Корь или хуже того – проказа –
Станет слепоглухонема.
Пусть дорогу в наш дом забудет
И в пути где-то сдохнет сама,
Защитите детей, люди,
Не жалейте души и ума!
Защитите детей Донбасса,
Пусть не плачут они от потерь,
И не знают, как жизнь ужасна,
Ни вчера, ни потом, ни теперь.

Владика расстрелял беспилотник ВСУ.
Уже сменились президенты
И в Украине не раз, и в Штатах,
Но не исчезли у нас прецеденты
Смертей, которыми богаты демократы.
На аллее ангелов новые лица.
Имена добавляют будни
Вот взять бы и им самим застрелиться,
Что себя причисляют к людям.
Это мыслимо разве, скажите,
Что ребенок, в войну рождённый,
Так и не стал на земле – мирный житель.
Изошрённо её – этой жизни – лишенный.

01.12.2016 г. 08.04.2021 г.

Улетело, отцвело, увяло...
Наступило время грустных журавлей.
В жизни ж человеку нужно мало –
Был бы мир на всей нашей земле.
Не стреляли б пушки, не рыдали б мамы,
Для войны рожая сыновей...
Да, для счастья человеку нужно мало –
Был бы мир на всей нашей земле.

31.03.2022 г.

Не уверена, но, возможно, однажды
И о нас кто-то скажет, что мы
Все – герои, мы – люди, бесстрашно
Отчищали свой край от чумы.
От коричневой, чтоб ей пусто,
Чтоб совсем извелась «под ноль»,
И чтоб ценности Великороссов
Воцарились бы в мире вновь.
Снова б в небе парили птицы,
Птицы белые, не вороньё,
А война, наконец, прекратится,
Будет чистым небес окоём.
В каждом городе, каждом доме,
Где вчера веселилась беда,
Станет ясным и ладно скроенным
Мир, который пришел навсегда.
И за малым ведь дело стало:
Людям просто услышать надо,
Что безмерно земля устала
От разрывов «ничьих» снарядов.
Что душа её кровоточит,
Ей детей своих очень жаль...
Только кто же поставит точку,
Кто развеет её печаль?
Не уверена, но однажды, когда-то
Эти беды быльём порастут.
Снова мир будет наспех подлатан...
Только это Сизифов труд.
Ведь пока из-за океана
Зависть, злоба следят за нами,
Не рубцуются эта рана,
Нет покоя моей Державе.

02.10. – 20.10.2022 г.

Сергей СЕРЕБРЯКОВ

Мой город дымится,
Сраженный напастью.
Заря, как волчица,
С оскаленной пастью.

Ну, кто мог подумать?
Пойдет брат на брата?
Кому толстосумы
Отвесили злата?

Над золотом колдуя,
Себя не обделят,
А землю родную
В золу перемелят.

А что им земляца,
Хотя и родная?
И воет волчица,
Войну проклиная.

Разбитое логово
Пахнет бедою,
Творения боговы
Скулят под плитою.

Помочь невозможно,
Спасения нету:
На город безбожно
Наводят ракету.

Мой город дымится,
Сраженный напастью.
Заря, как волчица,
С оскаленной пастью.

Мой дом, как пленный зверь, улегся за оградой,
Побоище утихло, раскаты далеки.
Выглядываю в дверь – уже, пожалуй, надо –
Выскакиваю лихо, рассудку вопреки.

Куда упал мой взгляд? Уж лучше бы не падал:
Снаряд метеоритными осколками посек
Мой яблоневый сад. Остался я без сада,
Но что-то говорит мне, что то еще не всё.

Пылает рядом хата сбегавшего соседа,
А чем он виноватый, покинувший свой дом?
А тем, что он когда-то, за праздничным обедом,
Сказал витиевато, да, видно, не о том.

Лихие люди ташат: кто стул, кто сковородки,
(А все равно сгорело бы!) и нечего сказать,
Испуганно тарашат опухшие от водки
Свои осоловелые бесстыжие глаза.

А кто-то горько плачет
над телом бездыханным,
Заруют в огороде, теперь «не до того»,
Лишь палкой обозначат могилку безымянную,
Вот жил «такой-то» вроде, и нет уже его.

Куда ж ты смотришь, Боже?!
Кому решил оказывать
В кошунственном споре святое опекунство?
Неужто тем, кто может
за праведность наказывать,
Творя такое горе, злодейство и кошунство?!

Грозит нам Запад посохом,
рассказывает сказки,
Им издали не больно свободой дорожить.
Мы нахлебались досыта, живя по их указке,
Ну, дайте же нам вольно в стране своей пожить!

Мария ЛЫСЕНКО

Болит душа, за матушку Россию!
Опять над ней собралось воронье...
Как нелегко быть светом и мессией,
Когда со всех сторон летит вранье!

Болит душа, пытаюсь докричаться!
Вставай, страна, опять на смертный бой!
Сумел фашизм окрепнуть и подняться,
Мечтая вновь расправиться с тобой.

Из века в век безбожная Европа
Старается обжудить и напасть,
И, как и прежде нашему народу,
Приходится безбожницу спасать...

Мое сердце сковали льды,
Мои крылья сломали бури,
Все желанья мои пусты
На изломе разбитых судеб.

Я мечтаю о тишине,
Для меня нет дорожке награды,
Чем танцующий луч в синеве!
Не хочу больше слышать ГРАДЫ!..

Я давно не пишу стихи,
Сердце плачет мое от боли –
За какие наши грехи
Мы познали такое горе!

Как простить за убитых друзей?..
Как нам вылечить наши души?..
Как вернуть нам улыбки детей?..
Снова солнце увидеть в лужах?..

Кто-то тихо прошепчет: «Прости,
Верь, надейся, люби как прежде...
Не сдавайся, вперёд иди!
Дай пробиться своей НАДЕЖДЕ!

Всё зависит от ВАС, пойми,
Пусть добро в вашем сердце будет!
Несмотря ни на что – ЖИВИ!
С БОГОМ в сердце, с ЛЮБОВЬЮ к людям!»...

И по телу промчится дрожь,
В сердце что-то затеплится снова.
Нет, не слезы стекают... Дождь...
И опять я идти готова!

Сергей ЛЫСЕНКО

От автора: «Родился в ноябре 1971 года, рос, учился, служил, воевал, работал. Потом опять служил, воевал, работал. И так несколько раз в разной последовательности. Побывал во многих интересных местах, видел много интересных вещей. Давно и безнадежно женат. Посадил несколько деревьев, построил дом, вырастил сына. После войны опять построил дом. В общем, все как у всех».

УБОРКА

Отец позвонил утром. Просил приехать, но как-то неуверенно – намекнул, что надо «кое-что убрать». Не задаю дурных вопросов, выхожу на дорогу, ловлю попутку. Ехать недалеко, но автобусы не ходят по причине войны. Шумный и какой-то бесшабашно весёлый водитель грузовика подбрасывает меня до нужной остановки, от платы отказывается категорически: «Не на себе ж везу!» Пожимаю сухую крепкую руку водилы, выпрыгиваю на пыльный, засыпанный стреляными гильзами асфальт. Перехожу дорогу, обхожу ошметки подорвавшейся на mine «Нивы». Вокруг разбросанные взрывом куски асфальта вперемешку с автоматными патронами, осколками. У самой обочины – автоматная возвратная пружина и кусок «жовто-блакитного» флага. Брезгливо перешагиваю и по тропинке через поле, изрытое воронками, тороплюсь к дому отца. Несмотря на царящий вокруг Армагеддон, родительский дом почти не пострадал. Несколько выбитых стёкол, просечённая в некоторых местах осколками от мин воздушного подрыва крыша – не в счёт. Перешагиваю через перебитые снарядами газовые трубы и обрывки проводов, тороплюсь к калитке. Отец – коренастый, крепкий, всю жизнь проработавший на заводе пенсионер – встречает во дворе. По настроженному взгляду серых глаз понимаю, что позвал не просто так, скорее всего нашёл какую-то гадость. В прошлый раз мы уже ходили с ним на бугор, за посёлок, на развороченную, вспаханную снарядами «укропскую» батарею. Обойдя минное поле и спотыкаясь о стреляные снарядные гильзы, прошлись по окопам. Собрали боекомплект двух уничтоженных во время отхода БМП, разрядили и забросили снаряды подальше в глухой, заросший колючим кустарником овраг. Чтоб эти смертоносные игрушки, упаси Боже, не нашли пацанята, которые по-тихому уже начали прокладывать туда тропу. Потом долго выслушивали за наш «подвиг» от мамы и моей Машульки. В этот раз во взгляде бати сквозило озорство и где-то, на доньшке глаз, тревога. «Пойдём, покажу. Там на меже прибраться надо», – загадочно произносит отец, явно не желая испортить впечатления от предстоящего сюрприза. Проходим за дом, идём по огороду. Отец показывает в заросли пожухлого осеннего бурьяна – «Смотри!» На кромке уже убранного огорода, уходя в заросли травы, лежит что-то, напоминающее большущую алюминиевую катушку из-под ниток, с продольными полками, наполовину укрытую буйной, рыжей травой. А сразу за ней, пыльно отсвечивая серой краской, полутораметровый конус диаметром сантиметров тридцать. Ракета! Ракета РСЗО «Смерч», с кассетной боевой частью. Привет мирному поселку от

«вызволителей»! Боевая часть, сбросив «рубашку», засеяла смертоносными кассетами улицу. Пару из них, неразорвавшихся, потом нашли в речке, а «голова» прилетела к нам и своим слегка помятым видом портила пейзаж. Батя, бывший ракетчик, озорно улыбается «Ну как?» Осматриваю находку, поворачиваюсь к отцу «Офигеть можно! Принесла ж её нелегкая!» Набираю номер комендатуры. Саперы ехали часа три-четыре. Небритые дядьки в пыльных, изрядно потасканных камуфляжах, устало осматривают нашу находку. Решение – рвать на месте! Прикинув радиус поражения, мотаем головами. «Не пойдёт! Только стёкла вставили, опять повышибает окна, да и соседей достанет». Решаем подрывать в окопе. Дружно машем лопатами, твёрдая земля отбивает ладони, вгрызаемся примерно на метр. Потом, осторожно придерживая, опускаем тяжёлую «башку» в окоп. Саперы размещают детонационный заряд... Взрыв получился совсем на таком, как рассчитывали, каким-то невнятно-слабым. Саперы засобирались уезжать. «Дохлая! Остальное вам, на память! Нам с ней возиться больше некогда, у нас “уборочная”». Уехали. По-мальчишески улыбнувшись, отец сходил за гаечными ключами. Сначала отвинтили алюминиевый хвост-катушку, потом, кряхтя и плюясь, погрузили на тачку тяжёлую «голову». Нужно разобрать, пока мама на работе, а то у неё, несмотря на хрупкое телосложение, поражающий фактор помощнее ракетного будет. Поразит обоих, причём прямо в сердце... и в голову! Прошло три дня. Отец позвонил вечером, пригласил в гости на субботу, без машины. Собрав нехитрую сумку гостинцев из пары банок рыбных консервов и банки тушёнки, едем в гости. Отец встречает во дворе. Гордый и чем-то явно очень довольный. Тёплый сентябрьский день. Румяные яблоки подставляют жёлтому солнцу краснеющие бока. На виноградной лозе, между слегка пожелтевшими листьями наливаются хмелем грозди будущего вина. Мама – маленькая, худенькая, в ярком халате – суетится на кухне, накрывает на стол. От гостинцев категорически отказывается: «У нас самих всего “валом”»! Хитро улыбается, блестя золотым зубом. Переглядываемся с женой, улыбаемся, садимся за стол. По военным меркам стол действительно ломится. Отец гордо выставляет на центр стола дорогой дефицит – бутылку «казёнки»! Делаю большие глаза. Отец, гордо улыбаясь, поясняет: «Это она, ракета! Сокровище! Алюминия сдал больше тридцати килограмм. Выпаял микросхемы из “головы” отвёз в Луганск, на “радиобалку”, тоже нормально получилось. Так что пора, опять на “уборку”!» Видим возмущенный блеск в глазах наших любимых женщин и начинаем хохотать. Может впервые с начала войны.

А про себя думаю, не приведи Господи, чтобы мы или кто-нибудь другой занимался такой уборкой, особенно вместе со своими близкими людьми. А ещё через несколько дней, в степи, недалеко от злополучной разбитой батареи на грунтовой, пыльной дороге, наехав на противотанковую мину, подорвалась группа разминирования. Погиб мой друг, ветеран Афганской войны, Владимир Иванович Снежко...

ДОРОГА ДОМОЙ...

Почтенного возраста полтораэтажный автобус, постанывая и поскрипывая, уныло плёлся по раздолбанной дороге, а на душе болезненно, тревожно и вместе с тем как-то радостно скребли сумасшедшие котятка. Постепенно начинаю узнавать места. Граница с Большим Братом уже позади, здесь мы дома. Это наши степи, обожжённые, высушенные летом и войной, терпко пахнущие дорожной пылью и цветами бессмертника. В сентябре вечер в наших местах не «опускается плавно в лиловом плаще», а падает подбитой летучей мышью. Температура воздуха меняется так же стремительно. Только что солнце выжигало всё вокруг и вот наступает закат, и по спине ползёт холодок, а может это просто нервы... Смотрю на сидящую в соседнем кресле жену. Уставшая, с лихорадочно блестящими глазами и в то же время какая-то сосредоточенно-слабленная, держит на руках нашу любимицу таксу (мы своих на войне не бросаем). Прячет волнение, пытается показать своим видом, какая она спокойная. Выходим из автобуса, забираем багаж. В рубашке с коротким рукавом становится холодно, любимая кутается в кофту, собака любопытно и настороженно шарит взглядом в темноте, готовая в любую минуту вцепиться в каждого, в ком заподозрит угрозу, как и тогда, в промежутке между авиа- и артиллерийскими ударами. Тогда... Слово, обозначающее давнее прошлое... Давнее? Менее двух месяцев назад! В знойной цементной пыли авиация и артдивизионы «укропов» с методичной безмозглостью, используя высоты и господство в воздухе, разрушали мой город. А с противоположного края долины, со стороны посёлка, где я родился и где живут мои родители, поднимая клубы рыжей пыли, в мой город вползали чужие танки. Отец и мама – по ту сторону линии фронта, на уже занятой «укропами» территории. Связи нет... Миномёты ударили со стороны «Челюскинцев». Противно визжа стабилизаторами, над нами пролетает очередная стайка мин. Разрывы вдоль дороги, возле ГРП. А по ней надо ехать, и ехать сейчас. За спиной, на заднем сиденье машины брата сидят родители жены, на коленях моя верная Дина, пытается заглянуть в глаза. Часы отсчитывают минуты, мозг подсознательно считает залпы. Перерыв. Подвоз боеприпасов. Залп, залп... Перерыв. Перезарядка и всё заново. «Расписание прибытия мин» определено. Ждём «окошко». Брат резко срывает «Шеврик» с места, выводя из-под прикрытия двухэтажного дома, на изрытую воронками дорогу... А в город заходят танки, чёртовы чужие танки! Стемнело. Степной ветерок после

жаркого дня уже не освежал. Он стал прохладным, как его морской собрат, и уже, постепенно нагледя, стал пробирать осенним холодком. Вместе с ожиданием и нетерпением нарастала тревога. До дома добрых семь десятков километров по разбитым дорогам. На аллее, ведущей к автовокзалу, блеснули очередные фары, одни из многих в вечернем потоке машин. Но только эти фары я узнал бы в любом потоке. Добротный, хоть и достаточно пожилой «Галант», уверенно преодолевая выбоины, уже катился по парковке. Мой «Галант»! Но самое главное, что внутри – родители! Отец выбросился из машины, как десант из БМП, даже не выключая фар, радостный, возбужденный, хоть и заметно уставший, а с пассажирского места, аккуратно открыв дверь, вышла мама... Маленькая, сильно похудевшая, с глазами на мокром месте. И стало больно в груди. Собака, узнав своих, рванулась с поводка... И тут началось! Объятия, поцелуи, слёзы... За руль отец меня не пустил. Как в детстве, на штурманском месте вглядываюсь в дорогу, мысленно подсказывая отцу. Недовольно поскрипывая подвеской, машина преодолевает выбоины и небольшие воронки, а вот торчащие из асфальта разгонные блоки «Градов» приходится объезжать. По мере приближения к нашему городку воронок всё больше, частокол из разгонных блоков плотнее. Фары пробивают темноту, теряясь где-то в чёрном горизонте. Идём на «дальнем», спидометр послушно отсчитывает километры. Поражает полное отсутствие транспорта на дороге, за добрых полсотни километров ни одной попутки или встречи. Уходим с главной на степную дорогу, так быстрее. Внезапно, прямо поперек дороги, возникает жёлтый автобус. Сбрасываем скорость, осторожно подъезжаем ближе. У автобуса нет колес и почти всех стекол, а поверх выгоревшего за долгие годы трафарета «Дети» кто-то крупно и неровно, через весь борт, написал чёрной краской – «МИНЫ!». Останавливаемся, выходим с отцом из машины, пытаюсь определить шансы доехать до мой живыми. Замечаю слева от автобуса накатанную дорожку из следов легковых машин, прохожу по ним, огибаю остов автобуса, выхожу на асфальт с другой стороны. Признаков закладки мин на обочине нет, а в асфальт мину не закопаешь. Так, по крайней мере, меня когда-то учили. Перекрестясь, садимся в машину, плавно огибаем автобус. Шорох гравия под колёсами. Секунда, две, три, семь... Гравий сменяется асфальтом, отец на радостях нажимает на газ и через сто метров чуть не задевает валяющуюся на середине дороги трёхметровую погнутую трубу, толщиной с диаметр колеса легкового. Ракета от «Смерча»! Впервые в жизни вижу её так близко – не сработала, наверное, просрочена. Дальше едем осторожно. И вот родной посёлок: на окраине на полдороги баррикада из веток, а прямо за ней «минный шлагбаум» – цепочка противотанковых мин, лежащих прямо на дороге. В «шлагбауме» есть проезд, проползаем дальше. Тёмные улицы моего родного посёлка, иссечённые осколками заборы, сбитые снарядами ветки, сломанные столбы, обрывки проводов... А вот и поворот к мосту на родительскую улицу. Отец закладывает непривычно

широкий поворот, и в свете фар я понимаю почему. Справа на обочине – подбитый и выгоревший танк без башни, а многотонная башня валяется на противоположной стороне дороги, почти перекрывая пушкой проезд. Через полкилометра дорогу преграждает упавший вековой тополь. Дальше идём пешком, благо, что отцовский дом буквально в ста шагах. На пороге тётя Таня, сестра мамы, такая же худая и как-то резко постаревшая. Снова слёзы, поцелуи, расспросы... Короткий ужин при свечах, обещаем приехать завтра, безумно хочется домой, да и собака ждёт в машине. Дальше за рулём я сам, родная на соседнем сиденье, Дина у неё на коленях. Экипаж на борту, ключ на старт! Последний пяток километров еду нарочито медленно. По мере приближения к дому площадь воронок начинает превышать площадь дороги. Свет на встречной полосе, перехожу на «ближний» – неужели машина? Нет, просто пешеход с фонариком... Последний переезд перед въездом в город. Плавно прокатываюсь через рельсы и в свете фар открывается постапокалиптическая картина. Дорога буквально засияла от осколков, стреляных гильз, битого стекла, какой-то металлической дребедени, буквально засеявшей всю площадь дороги. Слева, за разбитой автобусной остановкой – изуродованная огнём автозаправка, точнее её останки. Справа – перевёрнутая на борт, сгоревшая БМП с развороченной гусеницей. За ней – вторая, вверх катками и без башни. Чуть в стороне – разорванный изнутри взрывом бронетранспортер, лежащий на куче битого белого кирпича, мусора, обломков дерева и битого стекла, ещё недавно бывшего симпатичной кафешкой. А за ним... За ним ничего не было! Раньше там были дома, опрятные частные домики! Были... Едем молча, очень медленно, словно боясь потревожить тех, кто... В городе электричество было почти везде, но несмотря на ещё не слишком позднее время, окна оставались тёмными. Тёмные улицы, неосвещенные парки, разорванный осколками практически на куски, здоровенный металлический щит с остатками надписи «... наш любимый город!» Вскоре мы заметили первое освещенное окно, потом ещё одно, потом ещё... Мы радовались им, этим редким островкам уюта в тёмном городе, радовались, как радуются нечаянно встреченным старым знакомым. Сегодня одним освещённым окошком стало больше. А утром в трубах появился газ...

КОНВОЙ

Конец четырнадцатого года выдался холодным и льдистым. Дороги от снега никто не чистит, да и незачем. Транспорта почти нет, бензин – дефицит... В уходящем году было столько всего, что нормальному человеку с лихвой хватит на пару жизней. Киевский «майдан», блокпосты, митинги, российский триколор над госадминистрацией, штурм СБУ, ночи на площадях в ожидании штурма, удар штурмовиков по тогда ещё мирному городу, артобстрелы, погибшие на автобусных остановках... Мы с женой работаем с детьми: она возглавляет творческое объединение, я веду кружок технического творчества.

Без зарплаты, не за деньги, не за страх, а за совесть. Хочется отвлечь детвору от окружающей сумасшедшей действительности, подарить тепло, чему-то научить... Сын учится в Ростове, должен приехать на Новогодние праздники, а в доме шаром покати... Парадокс ситуации в том, что деньги есть, их достаточно, но они на карточке, а банки не работают... Однажды кто-то рассказал супруге, что перед Новым годом в Луганске будет выставка-продажа изделий народных мастеров. Вечерами после работы любимая из какой-то мохнатой, розовой ткани шьёт овечек – символ приходящего года. Я вырезаю для них уши и клею на мордочки глазки – бусинки. Делаем много, очень много овечек, чтобы на их копеечной стоимости хоть что-то заработать. И вот долгожданный день выставки. Раздобыв по невероятной цене контрабандный бензин, на последние наличные заправляю машину. Едем утром. Нечистая, ледяная дорога ворует драгоценные капли топлива. Приезжаем намного раньше нужного времени, регистрируемся, выкладываем овечек, кукол, множество разной другой дребедени ручной работы, общаемся с мастерами, обмениваемся секретами, что-то продаем... На удивление выставка проходит на ура! Горожане, соскучившись по празднику, с удовольствием покупают милые безделушки на подарок близким. «Солнца в улыбке» добавилось, бензин оправдали и даже немного заработали. Домой едем, улыбаясь. Уставшие, но довольные, строим планы на праздники. Заледеневшая дорога промзоны. На полосе встречного движения стоит колонна. Несколько десятков одинаково выкрашенных фур. Поравнявшись, замечаю эмблемы МЧС России. Гумконвой! Протянутая нам рука помощи Большого Брата! Очевидно, подумав об одном и том же, переглядываемся с женой, я прохожу до хвоста колонны, нарушая всё, что можно нарушить. Круто разворачиваю свой старенький «Мицубиси» и рву по встречной полосе к головной машине конвоя, сигналя по пути, боясь, чтоб не уехали. А жена тем временем сгребает в большую охапку оставшихся розовых овечек. Проехав головную «Сканию», ныряю на обочину. Супруга, поскальзываясь на обледеневшей дороге, бежит к грузовикам с розовым облаком в руках. Через открытую дверь, сквозь шум мотора слышу срывающийся голос моей Машеньки: «...Это вам! С праздником! Спасибо, что нас не бросаете! Передайте и другим!» Совершенно обалдевшие водители гумконвоя пытаются отказаться, но это не тот случай. Охапка мягких игрушек переходит в натруженные руки водителя. Маша в ответ получает два МЧСовских суточных сухая, теперь уже негодует она «Не надо, ребята! Мы же просто так, от чистого сердца!» Глушу двигатель, иду к машинам, молча, как со старыми друзьями, обнимаемся с водителями конвоя. Сгребая в охапку счастливо рыдающую жену, отвожу к машине и, чтобы оборвать щемящий момент, – стартую. Снова нарушая правила, разворачиваюсь через две сплошных, включаю «аварийку» и, сигналив, прохожу всю колонну. А в ответ слышу протяжные гудки белых «длинномеров» с эмблемами МЧС России на бортах...

Спасибо. И пусть хранит вас Бог!

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

В начале 80-х годов во львовском издательстве вышел сборник стихов «Братний перегук» («Братская переключка»), в котором были собраны стихи украинских и русских поэтов. Совершенно случайно туда попало мое стихотворение «Бульвар Венец в Ульяновске» с графической иллюстрацией Бориса Склярука. На черно-белом листе изображено дерево и чугунная ограда Венеца. К сожалению, в связи с переездами книга была утеряна, но в моей памяти она сохранилась.

Помню, что стихотворение «Бульвар Венец в Ульяновске» было отобрано и послано в издательство руководителем нашего городского литературного объединения «Надежда» Александром Семеновичем Буниным.

Именно это, довольно памятное для меня событие (первое появление в коллективном поэтическом сборнике!), и события на полях сражения специальной военной операции послужили поводом для написания стихотворения «Братний перегук».

«БРАТНИЙ ПЕРЕГУК»

Я помню сборник «Братний перегук».
Украинские, русские стихи там рядом.
За сорок лет всё изменилось вдруг.
С такими «братьями» врагов не надо.

А у Днепра – орудий переключка,
Стрельбы и взрывов непрерывный стук...
Я слово «братний» напишу в кавычках
В названье этом – «Братний перегук».

«Русня», «рашисты», «москали» и ложь,
И оскорбления, и ненависть рекою...
Эй, «брат», Россию-матушку не трожь!
Её от гибели спасем, собой закроем!

Их «хаймарсы» летят в дома и в детсады,
Круша украинцев и русских вместе.
Земля устала от непрошенной беды,
У «братьев» нет ни жалости, ни чести.

Пусть за прилётом следует прилёт,
Пусть слышен «братний перегук» орудий,
Россия всех нацистов уберёт,
Хоть путь к победе и суров, и труден.

Но верю я, что разум победит,
«Братва» из Киева когда-нибудь очнётся,
Поймёт, что с ложью смерть лишь впереди,
И в братство позабытое вернётся.

Елена ШИШКИНА, педагог

От редакции

Для нас очень ценно получать обратную связь, получать читательские отклики. Многие присылают на адрес электронной почты karamz_sad@mail.ru свои отзывы о прочитанном. Мы благодарим всех! И сегодня, в сотом выпуске «Симбирска» – звучат голоса наших талантливых читателей.

Светлана ГУЖЕВА, поэтесса. р. п. Старая Майна.

ЖИВОЙ НЕРВ ДУШИ

В пятом номере журнала «Симбирскъ» за 2022 год я прочитала стихи Владимира Жилкина. (Подготовил публикацию Николай Марянин).

Так бывает! Полоснули по сердцу строки стихов, приковали к себе холодом зрелой мысли. И уже не отрываясь, я читала исповедь выбитого из седла жизни человека. Не простого, с закоулками глубоко чувствующей, смятенной души. Как могло случиться, что при жизни не опознали огромный мир

этого поэта, не обогрели теплом участия или жаром восторга?

Одиночество ожесточает, внушает чувство тяжёлого креста на плечах. И падают на бумагу слова отчаяния: «Жаль, ни минуты не жил я в России, и на Руси мне жить не довелось...» (в моём переводе это признание жизни без прошлого и настоящего). Поэзия Владимира Жилкина сумрачна и безотраднa. Не без основания, наверное, и то, что в одном из её образов — открытый намёк, переключка с «Чёрным человеком» Есенина. Вот он «в уютном кресле...

в полнолуние, где справа – белая стена, а слева – чёрная колдунья». Эта «чёрная колдунья» – его бессонная ночь, полная муки одиночества. Он уйдёт, оставит этот дивный, красочный, шумный мир в 47 лет, когда кипят соки жизни, когда «в освобождённой тишине» мог бы «творить миры из слов и звуков».

Стихи – не то, что плоско рифмуется, а то, что несёт либо красивый образ бытия, либо великий его смысл. Тогда мы говорим о философском подтексте стиха. В стихах Владимира Жилкина он был. Читаю строки, написанные иронично, печально и жёстко: «Всё в руки сына отдано Отцом, шалят, как

дети маленькие, Боги». Таинственное, мрачное стихотворение, начинающееся словами: «Собраться с мыслями и целый день молчать». Оно кончается пронзительной строкой: «...и я не знал, что я – начало боли». Так и есть! Я это понимаю! Я читала и восхищалась мрачными откровениями поэта. И страдала от несправедливости его судьбы. Носитель высокого поэтического духа, он был ограничен болезнью в проявлении радости. Но образное мышление, живой нерв души цепко привязывали руки его «к перу, перо – к бумаге»... И вот, прекрасный итог! Осталась для нас память о большом поэте.

Нина КОВАЛЕНКО, читатель, автор, друг журнала «Симбирск».

СПАСИБО ЖУРНАЛУ

Всегда с нетерпением ожидаю выхода очередного номера любимого журнала. Восторг ощущаю уже от обложки – спасибо за высокий профессионализм дизайнеру журнала Ольге Тюльпе! – и погружаюсь в страницы...

Журнал очень украшают цветные вкладки. Мне нравятся фотографии природы Владимира Ламзина и других авторов. И, конечно же, совершенно не оценим «журнал в журнале» – «Юбилейный календарь» Николая Викторовича Марянина. Как он только успевает так много писать, «многорукый Шива»! Восхищаюсь его литературно-краеведческой работой! В одном из номеров за 2022 год была также подборка его новых стихов – замечательная!

Я стала постоянным читателем журнала с 2017 года.

Наиболее ярко мне запомнились публикации: «Наше небесное Отечество» Валентина Курбатова, «Возвращение россомахи» Камиля Зиганшина, «Укажи мне пути Твои» Валентины Латановой, «Более чем Про Это» Александра Андрюхина – о последних годах жизни и смерти Владимира Маяковского, рассказы Нины Маркграф-Орловой «Стюрины холмики», «Глиняный парень»; «Капу» Светланы Гужевой тоже невозможно забыть – такой яркий народный типаж описан в её повести!

Да, очень много было запоминающегося и живительного для души! Пришлись по сердцу публикация Марины Ломовской (Франция) о Марине Цветаевой, проникновенные эссе Александрины Вигилянской, светлые рассказы Любви Папеты. Обожаю читать о путешествиях, с восторженным придыханием читала путевые записки Владимира Кочеткова, заметки Елены Кувшинниковой о поездке в Дагестан с замечательной подборкой стихов дагестанских поэтов, о путешествиях Ольги Шейпак по Индии, Италии и о недавней поездке в Забайкалье и в Беларусь, по местам жизни героев её семейной саги «Тарбагатай»!

Хорошо, что и ушедших ульяновских авторов журнал не забывает: были опубликованы подборки стихов Владимира Дворянского, стихи «девочки-планеты» Елены Токарчук, стихи Александра Гусейнова. Сердечными были публикации памяти

Татьяны Эйхман, поэта Александра Лайкова, памяти замечательного краеведа Сергея Борисовича Петрова... Заинтересовала меня публикация о самобытном и малоизвестном поэте Владимире Жилкине. Есть немало незаслуженно забытых поэтов. Честь и хвала Николаю Марянину, который выводит этих авторов на свет, на встречу с читателем!.. Очень понравилась публикация Нины Васильевой «Заволжье родное» о Петре Мельникове – подробная и душевная, и о судьбе семьи, и о творчестве.

А сколько было интересных литературоведческих, краеведческих статей! Поклон в пояс от нас, читателей, Юрию Козлову, Валентине Костягиной, Антонине Лобкарёвой, Ольге Дарановой! И всегда радуют душу рассказы о художниках прошедших и нынешних времён, о музыкантах, о театре, радуется такое многообразие тем в журнале. В памяти – очерки о Дмитрие Архангельском, о скульпторах Клюевых, об актрисе Зое Самсоновой... о многих многих других творческих людях.

А о публикациях наших поэтов в журнале «Симбирск» можно сказать так много, что затея кажется мне невыполнимой. Подборки стихов ульяновских авторов – Светланы Матлиной, Николая Марянина, Галины Анисимовой, Татьяны Мельник и многих других – оставили след в душе. Наши поэты – просто «звёздное небо» над Ульяновском! И продолжают возникать новые звёзды – и это так замечательно! Радуют публикации молодых авторов. Спасибо Алине Осокиной, которая ведёт молодежную рубрику.

Я обожаю журнал «Симбирск»! Сколько он даёт уму и сердцу, как облагораживает нашу душу! Всё, что в нём публикуется, идёт на пользу нам, читателям, работает на возрастание нашей души, на расширение диапазона нашего зрения и знания о многообразии мира, об истории Родины – большой и малой, о человечестве в целом и об отдельном человеке, высвечивает и высветляет наши души, поднимает наш патриотизм на ещё более высокую планку. Многообразие авторов и тем создаёт ощущение большого яркого сада, где каждый читатель найдёт свой любимый уголок, а то и не один, а несколько... Спасибо любимому журналу за это подвижничество в культуре и просвещении, в возвышении человеческого духа!

Маргарита СМЕРНОВА, заведующая Музеем народного творчества ОГБУК ЦНК.

ТАКОВ ВЛАДИМИР МИРОНОВ!

Ульяновец Владимир Миронов известен в России как художник наивного направления в изобразительном искусстве. Его работы находятся в фондах Музея народного творчества (г. Ульяновск), во Всероссийском музее декоративного искусства (г. Москва), в Музее русского лубка и наивного искусства (г. Москва).

Хочу поближе познакомить вас с этим художником-самоучкой.

Владимир Федорович Миронов родился в Ульяновске в 1941 году, окончил Ульяновский электромеханический техникум по специальности ЭВМ, трудился инженером, преподавал технические дисциплины. В 90-е лишился работы и пошел работать в дворники. Так у него появилось свободное время, и он вплотную занялся живописью, которой увлекался еще со школы.

В 2012 году судьба свела меня с этим необыкновенно чутким и тонко чувствующим окружающую атмосферу человеком. Владимир Федорович пришел в Музей народного творчества с фотографиями своих работ. Увидев их, я была в недоумении. Передо мной стоял небольшого роста, немного смутившийся семидесятилетний мужчина с тихим

голосом. А на фото были сюжеты картин с мощными названиями: «Гибель империи», «Покаяние России», «Пожертвование Богородицы». Меня поразило противоречие: как, казалось бы, в неприметного внешне человека вместились глобальные мысли об исторических вехах человечества!

...Основы изобразительного искусства Владимир Федорович постигал самостоятельно. Его кумиры – итальянский художник Средневековья Рафаэль Санти и русский художник Илья Репин.

Главная героиня его картин – женщина – представлена в различных образах: девочки, невесты, жены, матери; пряхи, дачницы, инокини; царицы – монархии, России и, наконец, самой Богородицы, которая для автора является идеалом женщины.

Владимир Федорович затрагивает в своем творчестве различные темы: философско-религиозные,

военные (1812 год, польско-литовская интервенция, мировые войны), быт советского времени, коллективизация...

В 2017 году я приняла участие в конференции «Маргинальное искусство и контркультура», организованной Государственным институтом искусствознания, с выступлением о творчестве Владимира Миронова. Статья «Как мужчина, я женщин люблю», вошла в научный сборник. Так о художнике Миронове узнали искусствоведы и специалисты в области наивного искусства в России.

О Владимире Федоровиче были напечатаны статьи в местных журналах «Мономах» и «Симбирскъ», показаны сюжеты в новостях на ульяновском телевидении. В декабре 2021 года на юбилейные события, посвященные 30-летию Музея народного творчества, была приглашена искусствовед из московского Музея русского лубка и наивного искусства Мария Артамонова. Я познакомилась с ней лично и с творчеством Владимира Миронова, и с его картинами. Она проявила большой интерес к нашему художнику. А уже в июне 2022 года в Музее народного творчества проходили съемки документального фильма, рассказывающего о художнике-самоучке Владимире Миронове. Идея создания документальной картины принадлежала организаторам московского проекта «Непослушное искусство».

«Наш проект повествует о российских художниках-самородках, которые не имеют профессионального художественного образования, но, несмотря на это, создают целое искусство. Сегодня мы снимаем об ульяновском художнике-самоучке Владимире Миронове – представителе наивного направления в изобразительном искусстве. Владимира Федоровича можно назвать целым феноменом: в своих работах он изображает архитектурные строения Ульяновска, тем самым запечатлевая их в истории», – рассказала искусствовед Мария Артамонова. «Непослушное искусство» – проект, который создается с использованием гранта президента Российской Федерации, предоставленного Президентским фондом культурных инициатив.

Владимир Миронов по натуре человек тонко воспринимающий и чутко откликающийся на происходящие события. Его способность к сопереживанию отразилась в картине «Неукротимая», написанной в декабре 2022 года. При знакомстве с сюжетом картины сразу же ощущаешь напряжение, и потому хочется понять: что же здесь происходит?

На первом плане – лошадь, вставшая на дыбы, повозка... Укротитель замахнулся хлыстом для удара, а фронтовик – инвалид в солдатской гимнастёрке – кинулся ему на руку, чтобы защитить и отвести удар.

Герои картины изображены с симпатией и антипатией автора, передающейся зрителю. Сочувствие вызывает, солдат, получивший тяжелое ранение, оставшийся без ноги. Он теперь не годен для войны, на которой честно защищал Родину от немецких захватчиков. Его мужская сила и организаторские способности пригодятся в тылу.

Неприязнь нарастает к всаднику, одетому в одежду, напоминающую немецкую форму. Если присмотреться, то видна свастика. Цвет его одежды невольно ассоциируется с «фашистской силой

Значимые выставки и события:

2013 год – первая персональная выставка, Музей народного творчества, филиал Центра народной культуры Ульяновской области; издан буклет о творчестве художника.

2014 год – выставка живописи ульяновских художников-любителей, Ленинский мемориал, г. Ульяновск.

2015 год – Всероссийская виртуальная выставка живописи художников-любителей «Салют Победы», Государственный Российский Дом народного творчества, г. Москва.

2017 год – Московский международный фестиваль наивного искусства «Фестнаив-2017», Награжден дипломом лауреата V Московского международного фестиваля наивного искусства «Фестнаив-2017». Его работа «Раскулачивание» вошла в альбом-каталог – «ФЕСТНАИВ/FESTNAIV 2017/СОТВОРЕНИЕ МИРА».

2021 год – Выставка картин ко Дню народного единства, Музей народного творчества, г. Ульяновск.

темную, с проклятою ордой». Сила ненависти антигероя к лошади передана в его как бы взвившейся, извивающейся фигуре...

И тут понимаешь, что автор доводит до нас мысль: непокорная лошадь – это непобедимая Россия!

Картина, передающая события восьмидесятилетней давности, происходившие в тылу во время Великой Отечественной войны, зазвучала пронизывающей актуальностью. Ведь и сегодня Россию пытаются сломить, укротить. Мы не должны этого допустить! – всем сердцем умоляет автор картины «Неукротимая» Владимир Федорович Миронов.

Картины Миронова – это 2-метровые монументальные программные полотна, воспевающие женскую красоту, эстетику старинной архитектуры, народных обрядов и религиозных таинств.

Мы ходим по улицам родного города. Нам встречаются разные люди. Встретив на улице Владимира Миронова, ни за что не догадываешься, что он автор монументальных полотен с глубоким идейным содержанием. Ничто не выдаёт во внешности и поведении этого скромного, тихого человека его мощного стремления к живописным мольтам – призывам: не дадим нашу Родину на растерзание! люди, давайте изменим мир к лучшему! Таков Владимир Миронов.

В. Миронов. Неукротимая

В оккупации

Патриарх Гермоген

Выкуп невесты

Раскулачивание

Мясоед – пора свадеб

И СНОВА МЕТЕТ ФЕВРАЛЬ...

Языковский парк зимой

СНЕГОПАД

Под белые крыши забились синицы.
Шагаю, с трудом разлепляя ресницы,
И, как близорукая, щурюсь при встрече:
Мне белые снега ложатся на плечи.
Они обступают всё туже, всё ближе –
За снегом ни землю, ни небо не вижу;
С душой нараспашку брожу в круговерти...
Вы, щедрые снега, мне тоже поверьте,
На свежей полянке – на белом листочке
Оставьте следов моих быстрые строчки:
Пусть кто-то их вспомнит,
А кто-то забудет...
На чистом,
На белом –
Всё заново будет!

Светлана ЗАЗИМКО

Румица Лобина
photographer

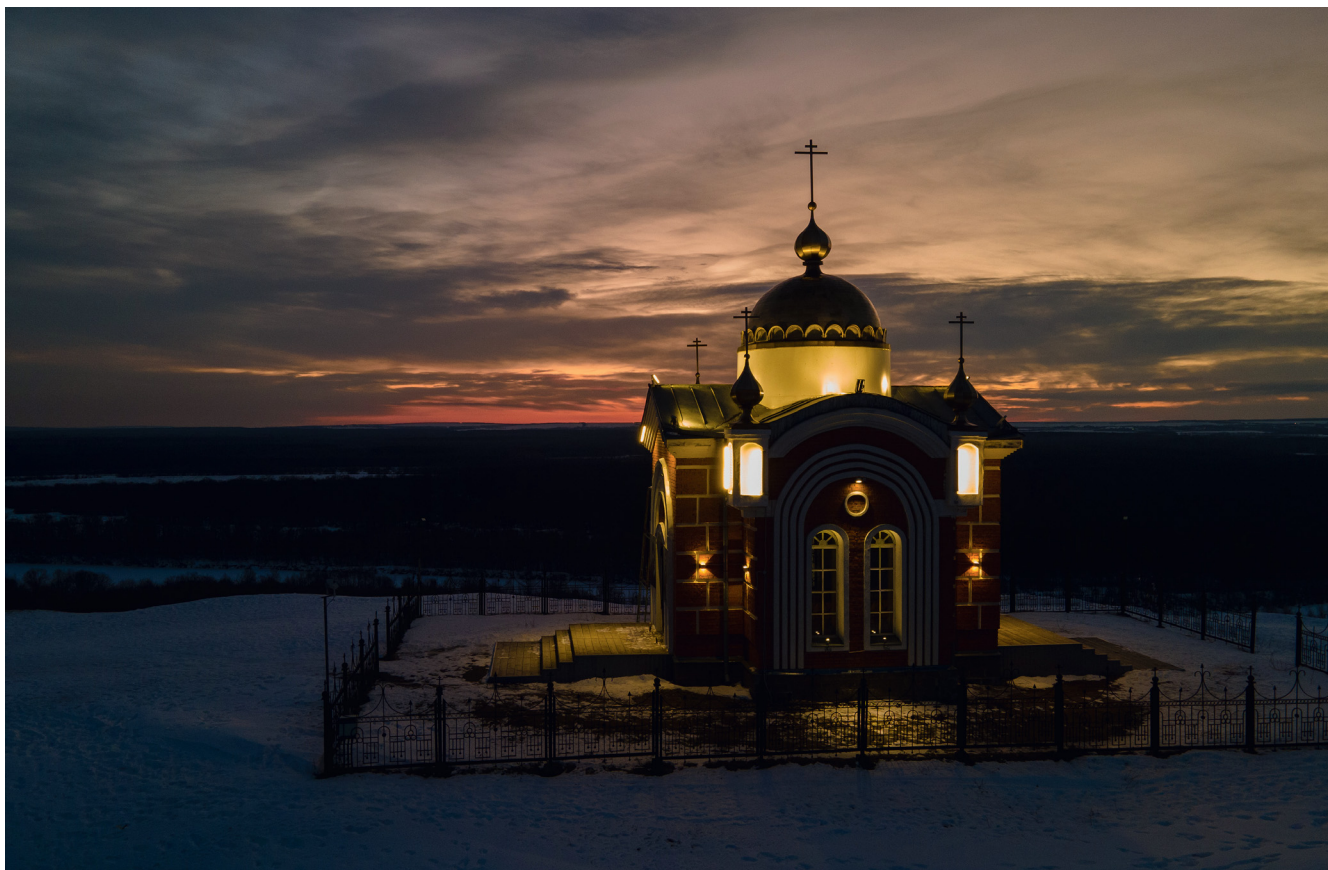
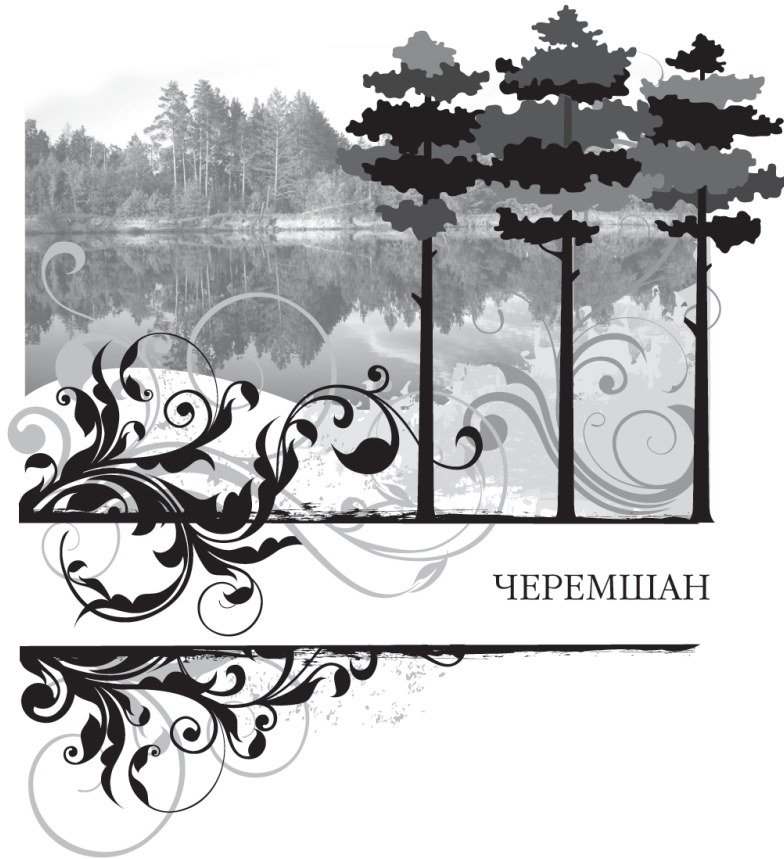

Фото Алексея Шишова

БЕЛАЯ КНИГА ЗИМЫ...

Стихи димитровградских поэтов

Светлана ЗАЗИМКО

И СНОВА МЕТЁТ ФЕВРАЛЬ...

Как сверкнуло,
Как гроыхнуло,
Разорвало ночную хмарь,
Меж деревьями полыхнуло,
Как в июле,
А был февраль.

Что свело нас:
Судьба – иль просто
Вдруг случайно сошлись пути?
Только память больной корстой
Держит в прошлом –
не отойти...

Отсверкало,
Отгромыхало –
И опять непроглядна даль.
Всё на месте в природе стало:
Ночь,
И снова метёт февраль.

СТРАННАЯ ЗИМА

Вновь над городом висит ночная тишь,
Лунный свет едва скользит по скатам крыш,
Белым пологом укутана земля,
И в сугробах греют ноги тополя.
Мысли кружатся, как снег у фонаря:
Всё, что было, затевалось, видно, зря!
Как дожить, дождаться утренней зари?
Ты – молчи! Ты ничего не говори! –
Лучше я в ночи додумаюсь сама:
Может, просто нынче странная зима,
Что не спится и не в силах ты помочь...
А из города уже уходит ночь.
Но и утром, с возрождением бытия,
Как нам быть, не знаем оба – ты и я!..

Раиса КАШКИРОВА

ЦАРИТ ЗИМА!

Окутав солнце плотной пеленой,
утихли вьюги в заповедном замке,
где каждый штрих – с заснеженной каймой,
а приглядеться – ледяной с изнанки.

Тончайший иней – в кружеве берёз,
древесных белых ангелов России,
а меж седых берёзовых волос –
стальное небо вместо жгучей сини.

Прозрачных хрупких веток кисея
чуть слышным звоном по ветру струится...
И сыпет снегом по Руси вся
серебряная чудо-колесница.

Царит зима! Средь дивной белизны
всё первозданным сном уснуть готово,
но, тишь пронзив предчувствием весны,
вдруг робко зазвучит синичий говор!

И с первой трелью ледяной ковчег
в ожившем сердце заструит капелью –
нет, ничего не строится навек,
простится мир и с этой колыбелью.

Едва застыв морозной чистотой,
он нестерпимо жаждет обновленья!
И счастье в том, что только на постой
приходят зимы до поры весенней...

ДИМИТРОВГРАДУ

Чернильно-розовое утро
пролил на крыши небосвод.
А по земле светло и мудро
уже ступает новый год.
Там, растворясь в чернильной сини,
тихонько гаснут фонари
и льнёт позолоченный иней
к ветвям в мерцании зари.
Устав от дрёмы, мерным скрипом
снег вторит поступи моей,
безмолвны тополя, и липы,
и кроны ивовых ветвей.
В Димитровграде так спокойно:
под купол хрупкой тишины
струит из леса воздух хвойный,
рассветной дымкой тают сны.
В чуть проступивших очертаньях
мне ведом каждый силуэт –
деревьев, парков, улиц, зданий...
Я жду – вот-вот прольётся свет!..
И в пульсе города родного,
творя и обретаясь в нём,
и миг, и век прожить готова.
Пусть это повторится снова!
Мой город, здравствуй!
С новым днём!!!

Инга ГААК

ДЕКАБРЬ

Запуржило-завьюжило,
вновь земля занедужила, наступает декабрь.
За окном перья белые обронят гуси-лебеди
и сегодня, как встарь.
Голосами-свирелями снегирей,
свиристелей ли, зазвенит высота.
Засверкают рубинами капли крови рябиновой
на белёных холстах.
Сны о травах, колышимых ветром лёгким,
неслышимым, бродят в стылых лугах.
И ручьи говорливые,
и берёзы шумливые оживают во снах.
Там, где грозы и радуги,
беспричинная радость где –
никого больше нет.
И жемчужно-сиреневый над седыми деревьями
разольётся рассвет.

Кружевные сказки декабря: фонари на окнах
маяками; нас манят кофейные моря, и сердца и
руки согревая. В толстых чашках сливочный прибор
оседает кружевом на стенках; на кофейной гуще? –
Бог с тобой! – будущего знать не может пенка... Но
в узорах вижу вечный зов будущих картин своих и
сказок... Вечером в кофейню – будь готов! – и весь
день искрится этой фразой...

Лидия СТЕПАНОВА

КОЛДУНЯ-ЗИМА

Захороводит, завьюжит Зима,
Чары свои налагая повсюду.
Белыми станут дороги, дома,
Иней на ветках – хрустальное чудо.
Вьюга закружит, позёмка, метель, –
Вот уж они покуражатся вволю! –
В пышных сугробах застелят постель,
В пляске промчатся по чистому полю.

Легких снежинок стремительный рой
Под фонарем в переливах алмазных.
В каждой из них – свой узор и покрой,
Не повторяет природа их дважды.

Ветер-художник и тут на посту,
Снегом рисует узоры на окнах.
Неповторимо творит красоту –
Смотришь – и райские кущи на стёклах.

Как же довольна колдунья-зима!
Бродит она среди белого царства.
Люба ей снежной пурги кутерьма, –
Сердцу её, как бальзам, как лекарство.
Вдоволь натешившись, ляжет вздремнуть
В мягком сугробе зима у дороги.
Глядь, уж весна пролагает свой путь.
Чтоб появиться у нас на пороге.

БЕЛЫЙ СВЕТ

Белый свет.
Белый след.
Белый снег.
Первозданность
и чистота.
Новый хочется
взять разбег,
начинать
с чистоты листа.
Смело сбросить
осенний сплин,
как навязчивый
странный сон,
в душу впрыснуть
адреналин,
с белым цветом
быть в унисон.
В белом цвете –
весь спектр цветов,
в нём пейзаж
всего декабря.
Алый цвет
уж блеснуть готов
в красных
яблоках-снегирях.
Пусть же нынешнюю
зимой
к нам вернётся
мир и покой,
Пусть же белую
полосой
жизнь проложит
наш путь земной.

Марина ПАНКРАТОВА

Уютно устроившись в кресле любимом,
Совсем отказавшись куда-то пойти,
Встречаешь ты с книгой промозглую зиму,
Которая так задержалась в пути.

На столике – кофе. Ты пьёшь по глоточку,
Странички шуршат, как дожди за окном,
Зима задержалась немножечко, точно,
Но это не повод винить её в том.

Спешишь по страницам любимых романов
За Скарлетт О'Хара или фрау Марлен,
«Скажи мне, что ты меня любишь» Ремарка
Читая взахлёб, пока ждёшь перемен.

И сердцу уютней становится сразу,
И верится снова, что всё впереди
И зимней погоды исчезнут проказы,
Снегами и вьюгой сменяя дожди.

ВОРОБЬИНЫЙ ХОР

Воробьиный хор зима организовала:
Дирижирует сама, дворик – вместо зала,
Сцена – веточка сосны или, может, ели,
Чтобы в праздник певуны превосходно спелись.

Замечательный концерт! Вышло всё отлично:
Прилетели на фальцет воробьёв синички.
В этот дружный хор и им захотелось влиться,
Наложить на крылья грим надобно певичкам.

Чтобы быть красивой всем, нужен свет софитов,
Вот и свет вам – без проблем –

Солнца свет, разлитый!

Постаралось и оно, чтоб концерт сложился,
Сделать так ему дано, чтобы снег искрился!

Валентин МАНУХИН

СНЕЖНАЯ КРАСКА

Моим друзьям-однополчанам

Снег в лесу, на броне,
на полях, –
То холодной зимы наступленье.
Снег под касками
на головах –
След горячего прикосновенья.

Но весной вернётся капель –
Снег ручьям вновь отдаст
свои силы.

На висках снег
навечно теперь,
Как на знамени нашей России.

Я горжусь
этим светлым родством!
Пусть в отставке уже
моя каска:
Не забыть мне солдатских костров
И друзей моих снежную краску.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Ручей стал сед зимою,
А рядом, как старик,
Оброс весь бородою –
Сосульками родник.
И лес весь, как в заплатках,
Стоит вдали в снегу,
Где держит снег на лапах
Сосна на берегу.
Смотрю,

все в шапках кочки,
Вдоль ёлок свежий след –
То заяц этой ночью
Мне написал «привет».
Спустился в лог на лыжах,
И дрожь не смог унять:
Там лось
в сосёнках рыжих,
И смотрит на меня....
Ушёл он первым, тихо,
Страхнув с сосёнок снег,
Поняв: пред ним не лихо,
А мирный человек.

Домой иду под вечер.
Венчает день заря.
Пылает лик от встречи,
Как грудка снегиря.

Феликс КАСИМОВ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Январь заметит, а февраль разбудит.
Март позовет, апрель приворожит.
Май опьянит, полюбит, позабудет.
Июнь поймет, обдумает, решит.
Июль наметит, август остановит.
Сентябрь уравновесит, укротит.
Октябрь смутит, ноябрь подготовит.
Декабрь успокоит и простит.

Снова лифт на ремонте, и с шестого старушка,
За перила держась, вниз тихонько пошла.
Там все вместе они, словно мышки-норушки,
Собираясь, свои обсуждают дела.
Поздоровуюсь – даже порой не ответят.
Кто я им? Никакой там ни сват, ни родня.
Да и мне ни к чему церемонии эти.
Не заметят – и пусть, всё равно для меня.
Но бывает, приходишь – устал, всё постыло.
Скажут: «Здравствуй, соколик!..»

И я вдруг счастлив...

Что хочу? Ничего... Пусть все будет, как было.
Пусть судачат старушки и работает лифт.

Юрий ШЕРСТНЁВ

МЕТЕЛЬ ГДЕ-ТО РЯДОМ...

Повтори.
Повтори.
Я прошу, повтори...
В этом сонме,
Меж этих снежинок,
Меж придуманных снов,
Меж основ и оков
Всё, что кажется неповторимым.

Говори.
Говори.
О себе говори,
Об уставшей летать, сколько хочешь...
Только путь
В небеса до утра не тори –
Там сегодня
Беззвёздно
До дрожи.

Раздари!
Раздари всё, что есть, –
Раз-да-ри
Нежность сердца за окнами рая,
Снежность сказочных снов пропусти в январе –
Пусть они никогда не смеркают.

Небо вечно.
Конечно, не вечные мы.
Мы с тобою, как все,
Человеки –
В новогодье мирской столь простой кутерьмы
Мишурой осыпаемся с веток.

Осыпаются ноты, снежинки, мечты...
Стали тише
Не вдруг
Снегопады.
Новый год на двоих –
Только я, только ты...
И седая метель где-то рядом.

С-НЕЖНОЕ

Занавесились времени дали
Звездопадом алмазных снегов.
Бриллианты всю ночь наматая
На хрустальные крылья зонтов,
На зеркальные глади речные,
На могучие плечи холмов,
На сады, безмятежно пустые,
На промокшие кровли домов.

Подставляя лицо звездопаду,
Я алмазные хлопья ловлю,
Я сегодня иного богатства
И алмазов иных не люблю.
Хлопья нежные медленно тают
На ладони холодной моей,
Превращаются в капельки тайны
Самой древней по сути своей.

Александр ОСИПОВ

ВЕЧЕРОМ

Вечера длинны зимой,
В окнах снега залпы.
Посидим, друг милый мой,
У зеленой лампы.
Отложив дела свои,
Глянем друг на друга.
Хорошо сидеть вдвоём –
Не страшна нам вьюга.
Знаю, скажешь: недосуг!
Ты права, наверно.
Ну а всё же – посидим,
Друг мой милый, верный.
Сносит, сносит к берегам
Чувств сердечных лодку.
Вечера длинны зимой
В жизни, жаль, короткой.

БЕЛАЯ КНИГА

Шапки снега на деревьях –
Молоко небес.
Дремлет в серебро одетый
Мой знакомый давний – лес.
Я иду аллеей белой,
И на плечи тихо мне
Сыплет, сыплет снег колючий,
Навевая о зиме.
Белка, коготки вонзая,
По стволу рванётся в бег:
То замрёт, то прыгнет с ветки,
Осыпая колкий снег.
На пруду – зимы заботы:
Лунки, буры, рыбаки,
И на льду, уже окрепшем,
Чуть трепещут окуньки.
Снегири порхнут к рябине:
«Дождалась? А это мы!»
...Всё читаю с упоением
Книгу белую зимы.

Нонна АЛИЕВА

ЗАМЕЛО, ЗАНЕСЛО...

(Т.К. и Р.К.)

Замело, занесло.
Не по горло ещё – по колено,
Всё – от прошлого лета
До призрака будущих встреч.
И нигде на Земле
И в горниле бескрайней Вселенной
Не найти вдруг тепла
И костёр в темноте не разжечь.
Я хочу (или нет –
Я, наверное, просто мечтаю),
Чтоб нахлынул рассвет.
Только небо темней и темней.
И не то чтоб на белом коне
Я уже не летаю,
Просто конь мой летает
Всё реже, и только во сне.
Значит, что-то не так,
Если чуда опять не случится.
Вот и грянул рассвет –
Дерзкий, смелый и вновь молодой...
Значит, надо взлетать,
Без опаски упасть и разбиться.
Значит, надо. И всё.
Несмотря ни на что, ни на что...

ВОРВАЛСЯ СНЕГ В МОЁ ОКНО

Ворвался снег в моё окно,
Окрасил стены перламутром.
И замерзнуть обречено
Едва проявленное утро.
А за плечами столько лет,
Растраченных... но не с тобою.
А за плечами столько бед,
Что за улыбкою не скрою.

Судьбу прошу благословить,
И слов, и аргументов «тыщи».
И где я спрячусь от любви?
Она меня везде отыщет.

Меж нами снежная стена
И лабиринты сонных улиц.
Мне снилось: вновь пришла весна.
И с нею мы не разминулись.

ОНА БЫЛА ЗВЕЗДОЙ, ЯРКО ВСПЫХНУВШЕЙ НА НЕБОСКЛОНЕ МОЕЙ ЖИЗНИ...

23 декабря 2022 года перестало биться сердце Александры Георгиевны Беловой.

Большая, невосполнимая потеря для Димитровграда и всей Ульяновской области. Александра Георгиевна была открытым и честным человеком, любила жизнь и людей, радовалась мелочам, верила в лучшее и как никто другой умела трансформировать личные переживания в проникновенные поэтические строки.

Я всё ещё ощущаю её доброе и ласковое присутствие – в совместных фотографиях, в сердечных встречах и разговорах, всплывающих в памяти, в незначительных событиях и жизненных вехах, пройденных вместе, в знакомых до боли стихотворных текстах, многие из которых я помню наизусть. *Она была звездой, ярко вспыхнувшей на небосклоне моей жизни, и другом, который умел приободрить и сказать: «Раечка, милая, всё пройдёт...»* Я всегда буду слышать этот родной голос. И он будет спасать и поддерживать меня в трудные времена...

Никогда не забуду прощальную речь настоятеля Свято-Никольского храма, прозвучавшую после отпевания и панихиды. Отец Прокл отметил, что в каждой встрече с Александрой Георгиевной черпал много радости, а её жизнь стала примером пути истинно христианской души. Искренние, очень сердечные слова... Чтобы батюшка так сказал о мирском человеке, нужно было не просто оставить после себя достойный след, а навсегда запечатлеть в сердцах многих людей немеркнущий свет своего сердца. В тот момент не чёрная

Александра Георгиевна Белова

плеть горя, а великая благодать укрыла всех, кто пришёл попрощаться с Александрой Георгиевной. Её жизнь была актом любви и милосердия и истинным примером смирения – не на словах, а на деле.

Ольга Николаевна Ряскова, начальник управления по информационной политике и общественным коммуникациям Администрации города Дмитровграда, которая уже много лет поддерживает писателей-земляков, с большой любовью написала о нашем друге и соратнике.

«Имя Александры Беловой известно многим. Поэт и прозаик, одна из соучредителей городской писательской организации «Слово», деятельная и неутомимая, Александра Георгиевна была частым гостем в школах и вузах, библиотеках, участвовала в городских и областных творческих мероприятиях, вела большую общественную работу. Следуя своему призванию, как поэт и гражданин, старалась

А. Белова, Э. Кобелев, И. Гаак, Р. Кашкирова

выразить через поэтическое слово своё отношение к событиям, происходящим в стране и мире. Стихи Александры Беловой – о России, о непростой судьбе её народа, о воинах, женщинах и детях, о любви к малой родине. Они публиковались не только в изданиях Дмитровграда и Ульяновска, но и в периодике Саратова, Львова, Красноярска, Москвы. Издано шесть книг стихов, рассказов и эссе Александры Беловой.

Родилась Александра Георгиевна Белова 26 июля 1944 года в Красноярском крае. Её детство прошло на берегах Енисея, в живописных местах. Одарённая девочка с малых лет научилась тонко чувствовать и понимать красоту природы, чутко относиться к людям. Семья была многодетной, жила трудно, бедно – как многие в послевоенное время. Но Александре удалось получить высшее образование, стать инженером-химиком. В студенческие годы впервые проявился её яркий писательский дар.

В 1969 году вместе с мужем, Леонидом Демидовичем Беловым, Александра Георгиевна приехала в Дмитровград и полюбила этот город всей душой. Работала конструктором на ДААЗе, затем корреспондентом газеты «Автостроитель».

Дважды избиралась депутатом городского совета и трижды – членом Общественной палаты Дмитровграда. Воспитала троих детей: сыновей Егора, Андрея и дочь Анну.

В редакции журнала «Симбирскъ»: А. Белова, Е. Кувшинникова, Р. Кашкирова

В 1996 году Александру Белову приняли в Союз писателей России. В 2001 году – в Союз журналистов России. С 2005 до 2012 год руководила дмитровградской писательской организацией «Слово», до последнего дня оставалась в активе этой организации; была редактором литературного приложения «Слово» к газете «Дмитровград», одним из организаторов ежегодного литературного фестиваля «Лопатинские чтения», посвящённого 200-летию И.А. Гончарова.

В 2010 году Александре Беловой было присвоено звание заслуженного работника культуры Ульяновской области. После издания поэмы «Моли Бога за нас, святой Гавриил» она была удостоена почётного знака «За веру и добродетель» за участие в областном проекте к 10-летию канонизации небесного покровителя города архимандрита Гавриила.

Писатели А. Тимаков, Р. Каширова, А. Белова,
С. Зазимко, А. Лайков

В 2019 году Александра Белова стала лауреатом межрегиональной литературной премии имени Николая Благова за книгу «Навсегда мне Россия дана».

Александра Георгиевна была полна творческих и жизненных планов, готовила к изданию последнюю книгу прозы: «Исповедь маленькой женщины большой страны». Но судьба распорядилась иначе...

Хочется верить, что последняя книга Александры Беловой всё же увидит свет, и читатели ещё не раз откроют для себя эту простую и в то же время великую женщину, «маленькую женщину большой страны».

Александр Беловой

Мне верится... что ты не уходила...
Что где-то здесь и – мысленно – со мной.
И не тебя, укрыв землёю стылой,
мы проводили в скорбный путь земной.
Мне кажется, ещё зажгутся звёзды,
сверкнув в глазах смешинкой озорной,
и бережно обнять не будет поздно,
и вместе в лес отправиться весной,
чтоб из венка лопатинских сонетов
и боль, и радость с ветром отпустить...
Сгорая, звёзды остаются светом,
не позволяя о себе грустить.

Раиса КАШКИРОВА,
соучредитель димитровградской
писательской организации «Слово»,
член правления УРО Союза писателей России,
редактор книги А.Г. Беловой
«Навсегда мне Россия дана»

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ БЕЛОВОЙ

Стихи-посвящения

Николай МАРЯНИН

БЕЛЫЕ ГЕОРГИНЫ

*Акростих светлой памяти
Александры Беловой*

А на Родине – свежего снега печаль
Леденит опустевшую сушу:
Если Богу кого-то немислимо жаль,
К небесам призывает Он душу.
Самоцветам поэзии – чаша тесна,
А душа их рассыпать готова...
Навсегда стихотворцу Россия дана
Для спасения русского слова!
Расцвели георгины в небесном саду,
А бутоны их – белого цвета,
Будто лучшие строфы у всех на виду
Ещё здравствуют в сердце поэта.
Легкокрылых снежинок бурлит кутерьма,
Оседая на гроздьях рябины:
В переулках метелицей плачет зима,
А в сугробах – цветут георгины...

Елена ЕРМОШИНА

ПО ЛЁГКОЙ ПОСТУПИ

Александр Георгиевне

По лёгкой поступи, заснеженным ресницам,
По невесомым, тающим словам,
По шорохам, взлетевшим вдруг синицам,
Их трепетно расправленным крылам,
По дуновению при входе в Божий храм,
Где запах ладана, как на душу бальзам,
По колыханью воздуха, по взглядам,
Исполненным смиренья и тоски,
И по друзьям, идущим тихо рядом,
Чтоб проводить до гробовой доски,
по теням от опущенных ресниц,
В огне свечей сверкающим слезинкам,
По умиротворенью наших лиц
И в памяти всплывающим картинкам,
По кем-то недосказанным словам,
В душе моей проснувшимся стихам,
По чувствам, что не передать словами,
Я поняла: она уже не с нами.

Александра БЕЛОВА (1944–2022)

ЛЮБИ И ПОМНИ

ПОЭЗИЯ

Захлестнёт горячею волной.
Изумлённо в сердце заискрится,
От всего заставит отрешиться,
Приподняв над грешною землёй.
Нервы обнаженно, невпопад
Затрепещут радостью прозренья,
Превратится мука в наслажденье,
Как холодный ветер – в листопад.

АЖУРНАЯ ШАЛЬ

Она спешила на свиданье,
Ажурную набросив шаль,
Светилась вся от ожидания,
Забыв недавнюю печаль.
С волненьем справиться пыталась,
Сумбурной речь её была.
Сама, асфальта не касаясь,
В вечерних сумерках плыла.
В глазах огромных погружённость
В какой-то мир, совсем иной,
И тайный страх, и отрешённость
Сквозь тёмный непонятный зной.
Со мной простившись, улыбнулась
Под бледным светом фонарей
И в темноту легко шагнула.
Струилась шаль вослед за ней.

ЗЕЛЕННЫЕ КАМНИ

Обожаю зелёные камни.
В них такая сквозит глубина.
Собирала их, вроде, недавно,
набегала на берег волна.
Зеленели берёзы и сосны,
любовался на них Енисей.
Далеко ещё было до взрослой,
неприкаянной жизни моей.
С Енисеем – судьба мне – расстаться.
Черемшан принят сердцем моим.
Но зелёные камни хранятся.
Взгляд всегда обращается к ним.
Я от Волги до Енисея
Добираюсь охотно, легко.
По дороге люблюсь Россией.
Не могу быть от них далеко.
Навсегда эта нежность дана мне.
Навсегда мне Россия дана...
Обожаю зелёные камни,
в них такая сквозит глубина.

ПОЭЗИЯ ВСЮДУ

*Вы верите в поэзию?!
Денис Трудников*

В поэзию можно не верить,
но шорох шагов
по листьям, опавшим в лесу,
их гул над асфальтом
напомнит о ритме. Спонтанно
слова зазвучат
в сознании, в сердце и вне
ритмично слагаясь.
И вот уже бережно строки
ложатся в строфу.
Послушная память несёт
домой эту песню.

В поэзию можно не верить.
Но каждый рассвет
нам щедрое солнце даёт.
Склоняясь к закату,
зовёт облака за собой.
Светилу цветы
свой лик обращают – вослед
вечернему гимну.
И всякое сердце ритмично
прощается с днём.
В желанье всего отдыхать –
стихи-я покоя.

В поэзию можно не верить.
Но травы шумят
и звёзды на небе горят
в преддверии утра.
Усталость уходит, и вновь
есть силы нести
свой крест, как бы ни был тяжёл,
надеждами полнясь.
И новую песню слагать
из музыки слов.
По струнам рукой проводить
и петь вдохновенно.

В поэзию можно не верить?!

О ВОЙНЕ

Была война. Ей нет конца, казалось...
 Отец приехал, раненый, домой,
 потом – опять на фронт. А я осталась
 продолжить всё, за что уходят в бой.
 Моё рождение не было желанным:
 шестой ребёнок должен голодать.
 Но в те года с судьбою окаянной
 не спорили. Зато умели ждать.
 Конца войны, шагая через беды,
 ждал весь народ, ждала и мать моя.
 Сквозь ожиданье верили в Победу
 и каждый дом, и каждая семья.
 Рассказывала мама, как трудились,
 среди голода и холода крепясь.
 Детей для жизни будущей растили
 в надежде, что закончится напасть.
 Я этого не помню. Ведь родиться
 мне довелось уже в конце войны.
 Но помню взрослых радостные лица
 в разгаре каждой прожитой весны*.
 Я помню, как отец, читая книгу,
 украдкой слёзы смахивал с лица.
 Испуганная тем коротким мигом,
 стремясь понять волнение отца,
 я говорила: «Мама, папка плачет!»
 Так странно, так тревожно было мне.
 «Пусть плачет, дочка, знать нельзя иначе.
 Опять читает книгу о войне».

**В День Победы*

ЭТО ИМЯ ТИХОЕ – РОССИЯ

Это имя тихое – Россия –
 среди иных волнующих имён –
 красота неброская и сила...
 Каждый этой силой окрылён.
 В ней рассвет над дальними холмами,
 облаков стремительный полёт,
 вера в счастье долгими веками
 и надежда, что оно придёт.
 Всё пережитое – без отчаяния,
 русичей открытый, ясный взор,
 жажда солнца зимними ночами,
 инея рождественский узор.
 Радостный твой путь или печальный –
 в имени твоём большая тайна.

ПРЕДЗИМЬЕ. БЫЧОК

Облетели деревья и спят,
 ждёт земля от небес покрывала.
 Мне когда-то старушка сказала,
 жизнь упрямо и нежно любя:
 – Хорошо, если есть что отдать,
 если нет, никуда не годится...
 Чертят небо голодные птицы
 и галдят. Их несложно понять.
 Значит, днями грядут холода...
 Прохожу мимо окон бабули:
 во дворе сиротливые ульи.
 Тихо-тихо. Избушка пуста.
 А в тот год только в этом окне
 занавеска всю зиму светилась.
 Там старушка телёнка растила,
 чтобы детям отдать по весне.

С дочерью Анной

- Страшно зиму одной коротать?
- Что ты! Разве с бычком одиноко?..
- Снова слышу у маленьких окон:
- Хорошо, если есть что отдать!

УЗКОГЛАЗАЯ ДЕВОЧКА

Узкоглазая девочка с длинной косой
 то смеётся, то плачет во мне затаённо.
 Утешаюсь улыбкой её, а слезой
 умывается сердце моё отрешённо.
 Но откуда настойчиво слышится зов:
 «Не печалься, смотри, как прекрасны рассветы,
 как алеют закаты!» Среди праздничных слов
 нахожу для Вселенной простые ответы.
 Путь неясен, но дальняя светит звезда.
 Не пугает уже никакая погода.
 Неужели я заново буду мечтать
 в ожидании старого Нового года?
 Неужели опять, как узор на окне,
 мне откроется дивное что-то во сне?

ЛИСТВЕННИЦА

Я думаю всегда, какой же добрый,
 должно быть, и весёлый человек
 придумал эту маленькую радость.
 Среди цветочных клумб, среди асфальта
 она стоит, весною покрываясь
 пушистой, мягкой зеленью хвои.
 По осени оранжевым огнём
 прощально опускается на землю.
 А где-то далеко, на Енисее,
 родные сёстры маленькой колдуньи
 до облаков протягивают ветви.
 На их коре пахучая смола
 янтарным ожерельем застывает.

У МОРЯ

А море, как доверчивый ребенок,
 качается, к ногам моим ласкаясь.
 Вся эта широта его и ясность
 так радостно колышется во мне.
 Я, рядом с этим трепетным созданием
 вдруг чувствую такое изумление!
 И тёплой доброты порыв сердечный,
 и глущее желание творить.

ПОМНИ

Если, лаская берег,
волны тебя коснулись –
это тебе с надеждой
я прошептала: «Помнишь?»
Если осенний ветер
бросит под ноги листья –
это к тебе упрямо
мысли мои стремятся.
Если другие руки
Плечи твои ласкают –
это к тебе всё так же
нежность моя взывает.
Если, всю ночь рыдая,
ветер стучится в окна –
это моя надежда
стонет, теряя силы:
«Помни! Люби и помни!»
Если ко мне среди будней
светлый ворвётся праздник,
если судьба, как факел,
вдруг осветит дорогу –
это твоё дыханье
эхо приносит: «Помню!»

ЗАВЕТ

Огромные хлопья! То вправо, то влево!
На них изумлённовлюблённый фонарь
таращится, так же как я – ошалело.
И сердце, и мысли уносятся вдаль...
Туда, где свежо и туманно, где волны
заходятся в ритме таком же, как снег.
Где сердцем свободным и радостью полным
вздыхнуть бы и просто понять белый свет...
Прошло наважденье. Умолкла стихия.
За розовой шторой опять тишина.
Фонарь загрузил. Дописала стихи я...
Торопится ночь. Мне пока не до сна.
Есть тихая радость – читать до рассвета –
про вечную правду о смысле Завета.

ЛУЧ

Мне холодно. Приблизиться к Тебе
мешают тьмы густые наслоения.
Она везде: в глазах, в ушах, в судьбе.
Стоит. А я теряю разуменье.
Топчусь на месте, как в кошмарном сне.
Шепчу слова из всех тысячелетий.
Надеюсь ими – и внутри и вне –
исправить всё, за что теперь в ответе...
Ещё одно усилие любви.
Ещё единый вздох глубокой веры...
И вот уже – касания Твои
к душе моей. Пробился лучик первый.
Глаза прикрою, руки протяну...
В поток лучей с восторгом загляну.

МОЛИТВА О ВРАГАХ

Мои враги?.. Такие тоже есть.
Нельзя сказать, что их не перечесть,
но до меня доходят их наветы.
О, знали бы они мои ответы.

Одна молитва: Господи, прости
Не дай им, Правый, реку перейти,
где тонет всё, уму не поддаётся.
Но не утонет.... К ним опять вернётся.
Молю и днём, и к ночи как могу:
оставь же их на этом берегу!
Не знают, что творят. Прости. Послушай,
не дай из-за меня сгубить им душу.
А я врагов своих благодарю...
Страдания приближают к алтарю.

ФЕВРАЛЬ МЯТЕЖНЫЙ

Когда бы ты полюбовалась
на мелекесские снега,
ты покачнулась бы слегка
и долго молча улыбалась.
Такого здесь давно не знали
дороги, улицы, дома.
Какая щедрая зима:
морозы, снежные завалы.
И солнца вдоволь, и метелей
по-настоящему – во всём.
Февраль мятежный за окном.

МЕТЕЛИ

А за окошком зимние метели
в округе все дороги замели.
Встаёт, глаза открыв на лик земли,
душа от зимней спячки еле-еле.
Уходит прочь смертельная усталость
неслышными шагами в белый свет.
И вот уже мне слышится ответ
на многие вопросы. И удалость
в окно стучится, балует словами,
торопится, копытом бьёт, как конь.
О! Есть ещё божественный огонь...
А солнце и весна не за горами!

КРИЗИС

А искры снега сердце холодят.
Оно теперь оттаивать не в силах.
Как долго-долго... Много дней подряд
я не любила.
Спасение в словах. Ещё – в тоске.
Ты видишь? Я стихами разразилась
на этом непонятном языке...
Не всё постыло.
Твои глаза я вижу сквозь туман,
сквозь этот снег, который так икрится...
В руках твоих (и это не обман) –
клубок и спицы(!)
И я – за рукоделие. Опять
как раньше. Помнишь, в молодости нашей?
Потоки мыслей будем усмирять...
А зелья чаша
прольется мимо, яд уйдет в слова.
Освободится сердце от кошмара.
И снова станет легкой голова...
Возьму гитару.

НОВОГОДНИЙ

На рубеже весёлого начала
и неизбежногрустного конца
мы все теперь, как яхта у причала.
Наполнятся ли ветром паруса?
Попутный ветер будет или встречный?
Кто это знает, Бог или судьба?
Но знаю – испытания не вечны,
бессмысленная кончится борьба.
Прозрение придёт. И есть надежда.
Она-то не оставит нас в пути.
Бывает, что усталость неизбежна,
но лишь затем, чтоб силы обрести.
Минувший год грустит перед порогом,
А новый год уже зовёт в дорогу.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОНЕТ

*Под каким бы запретом ни была
вера в Бога в XX веке, мама
совершала молитву утром
и вечером.*

Наступает Рождество Христово...
Вспоминаю праздники из детства.
Захотелось в них вернуться снова,
в фото чёрно-белое взглядеться.
Не было ни батюшки, ни храма,
не купалась в колокольном звоне.
Лишь склонялась на молитву мама,
да Христос – на маленькой иконе.
«Рождество Твое...», – она шептала
и Творца за всё благодарила.
«Бог спасёт вас», – тихо обещала,
пирогом рождественским кормила.

Просто, каждый день своею мерой
среди российских вьюг хранилась вера.

СЧАСТЬЕ

Мечта о счастье. Кто, скажи, из нас
в плену её сетей не побывал?
Надеждой одержимый всякий раз,
само же счастье так и не узнал.
Назначено и мне за ним идти,
за синим горизонтом мчаться вечно,
рукой к нему тянуться бесконечно,
грядущее пытаться обрести.
А рядом кто-то, выбившись из сил,
заветную мечту осуществил –
довольный, успокоился навек,
едва ли он счастливый человек.
Пожалуй, ближе к счастью только тот,
кто вслед за ним бежать не устаёт.

ПОКА ТЫ СПАЛ

Пока ты спал, я с тихой молитвой
стояла у осеннего окна.
Дымился чай. Душа была открыта,
вела беседу с нею тишина.
Пока ты спал, места сменили звёзды
и побледнели. Ночь ушла в рассвет...
Витала мысль: счастливой быть не поздно –
и это был единственный ответ.

Пока ты спал, крошечная усталость
оставила тебя, а на лице
уже улыбка сонная блуждала,
и отражалось утро на кольце.
А чай остыл... И птицы улетели.
Пока ты спал, приблизились метели.

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Я с каждым днём всё больше убеждаюсь,
что добрый шаг окупится добром.
Когда порыву злему доверяюсь,
то он грозит всегда ответным злом.
Завидуя, терзаясь тайной мстостью,
едва ли тем украшу свой досуг.
А если к другу, да с хорошей вестью!
Счастливый миг – пожатье тёплых рук.
Как в стужу, после длительных скитаний
домой спешу в уют и теплоту,
а испытав сомненья и страданья,
острей воспринимаю доброту.
Угрюмо зло. Добро всегда беспечно.
Но на Земле им спорить бесконечно.

РАНЕНАЯ ПТИЦА

Я знаю, сколько радости мужчина
доставить может женщине, любя.
О, помню, как любила я тебя!
И ты был всем – не только половиной.
Но почему-то в памяти застряли
все камни, что летели на меня
из рук, из уст, из глаз твоих. И стали
непреходящей тенью среди дня.
А ночи... Ночи к прошлому зывали,
когда, не омрачённые ничем,
над нами души юные витали,
влюблённые друг в друга. Тот Эдем
с годами затуманился. И что-то
почти суровой делает меня.
Семья... Какая долгая работа!
Как тяжёлый крест мой – ты и сыновья...
Отсюда, из уюта-неуютя
я вдаль смотрю на женщин всей Земли.
И больно мне. Ведь их глаза как будто
о том же говорят: «А вы могли,
мужчины всей планеты, быть добрее?
Могли не столь в агрессию впадать?
Амбиций ваших семья быстро зреет.
И вот уж снова противостоять
друг другу вы, не думая о детях,
готовитесь. И сеете, как знать,
энергию Содомы на планете...
Ужель так сладко злом себя питать?!
Создание Господнее прекрасно,
полей довольно всем! Заражена
безумствами планета и опасно
амбициями, алчностью больна.
А нам что остаётся? Ждать, молиться,
на войны провозжая сыновей...»
Прости. Но я, как раненая птица,
не понимаю участи своей.

СУПРУЖЕСТВО

Что такое супружество?
Сквозь печали и радости –
постоянное мужество
перед силой и слабостью.

Александра и Леонид Беловы

ДРАКОНЫ

Был ты король настоящий,
а я – королева, летящая
над буднями и праздниками,
над бурями разными.
Волосы, губы и кожа
летели тоже.
Какой же печальный зверь
в зеркале... теперь.
Ох уж это стекло!
Много туда ушло.
У времени есть законы
и драконы.
Приходит день или час,
они поглощают нас.
И было бы ничего,
когда б мой дракон твоего
охотно гладил по шерсти
(вернее сказать – по жести).
Но почему-то не хочет,
язвит мой дракон и хохочет.
Только в глубокою ночь
уходят драконы прочь.
И руки твои во сне
тянутся вновь ко мне.
Из уст вырываются стоны
свободы от наших драконов.

ДУША

Не знаю, есть ли в жизни логика,
но есть мучительный процесс,
а подведёшь итоги там:
за стрессом – стресс.
Но эта колея привычная
в российской череде времён.
Да и судьба моя обычная –
то смех, то стон.
То снова в храм иду молиться я
в порыве пламенном – за всех,
то на экран смотрю на лица я –
повальный грех.

По-русски стресс снимать не хочется
ни дома, ни в кругу друзей...
И странно гложет одиночество
среди людей.
Но вот когда за рукоделие
сажусь я в кресло у окна,
спасая мысли от безделия...
О, тишина!..
Когда работой руки заняты,
слова откуда-то извне
над всеми стрессами, над памятью
летят ко мне.
И только в этот миг торжественный,
на свет восходит, не спеша,
из темноты, упрямо шествуя,
моя душа.

БЕЗ МЕНЯ

Я уйду из этой жизни,
ничего не разгадав,
на прощанье солнце брызнет,
ветер кинется стремглав,
закачаются колосья
в море спелости своей.
Как же буду с жизнью врозь я?
Как же больно будет ей!
Кто-то с радостью беспечной
выйдет милого встречать.
Я уйду, но в жизни вечно
будет мой вопрос звучать:
что же сердце так любило,
что его в пути сожгло,
Боже, что же это было,
и куда, куда ушло!?
Кто-то в роще у дороги
будет слушать соловья,
кто-то встретит ночь в тревоге,
но не я, не я, не я...

«И ТЁПЛОЙ ДОБРОТЫ ПОРЫВ СЕРДЕЧНЫЙ...»

31 января вспоминали поэта Александру Белову.

Памятное мероприятие состоялось в Димитровградском краеведческом музее.

Сотрудники музея подготовили выставку памяти Александры Георгиевны Беловой. Рукописи, фотографии, личные вещи предоставили члены семьи. И в короткий срок, действительно, «в порыве сердечном», к памятного сороковому дню была подготовлена замечательная экспозиция.

Музейный зал был полон, здесь собрались друзья, родные, близкие Александры Беловой.

Ведущая мероприятия Надежда Геннадьевна Бычкова во вступительном слове познакомила слушателей с биографией Александры Беловой. Анатолий Егоров проникновенно исполнил «Торжественную песню», посвященную городу Димитровграду, на стихи Александры Беловой.

*Димитровград – даль соснового леса.
Димитровград – голубые пруды.
Живет он силой земли Мелекесса
И черемшанской прозрачной воды...*

Открыла мероприятие начальник отдела по реализации культурных программ управления по делам культуры и искусства администрации города Димитровграда Екатерина Владимировна Идрисова.

«Александра Белова была очень теплым, светлым, необычайно талантливым человеком. Ее творчество было жизнеутверждающим».

Выступающие делились воспоминаниями о поэтессе, рассказывали о личных встречах и полюбившихся стихах.

Сердечные слова о талантливой поэтессе сказала Ольга Николаевна Ряскова, руководитель управления по информационной политике и общественным коммуникациям.

Выступили поэты, которые были связаны с Александрой Беловой узами дружбы и творчества. Члены Союза писателей России, члены димитровградской писательской организации «Слово» Раиса Кашкирова и Инга Гаак с любовью и болью говорили об ушедшем незаменимом друге.

А на экране сменялись видеокадры, запечатлевшие Александру Белову, веселую, вдохновенную, полную сил.

Александра Белова была патриотом в высшем смысле этого слова и автором духовной лирики. Она написала книгу в стихах для детей о небесном покровителе Мелекесса преподобноисповеднике Гаврииле. Была награждена знаком «За веру и добродетель». В своем выступлении руководитель отдела религиозного образования Мелекесской епархии священник Александр Ижуков, в частности, сказал: «Своим творчеством Александра Белова служила духовному просвещению, утверждению

«Александра». Выставка, посвященная памяти А.Г. Беловой. Димитровградский краеведческий музей

Директор музея Марина Владимировна Иевлева

Раиса Кашкирова, Инга Гаак – друзья, соратники А. Беловой

В зале – родные, близкие, друзья

Стихотворные посвящения А. Беловой читает Лидия Степанова

Выступает Елена Кувшинникова

Священник Александр Ижуков

Дочь и внучка Александры Беловой

нравственности. Сеяла доброе, вечное, которое еще прорастет добрыми плодами».

Поэт, главный редактор журнала «Симбирск» Елена Кувшинникова тепло вспоминала об Александре Беловой, прочла ее стихотворение «Облака», которое было опубликовано в самом первом номере альманаха «Симбирск» в 1990 году. «И так случилось, что в сотом номере журнала мы публикуем стихи Александры Беловой и слова прощания с ней».

Выступили также поэты Александр Осипов, Лидия Степанова, Светлана Зазимко, участники клуба «Эхо». О многолетнем сотрудничестве Александры Беловой с библиотекой рассказала заведующая отделом ЦБС Светлана Геннадьевна Барышева. Прозвучали стихи-посвящения Елены Ермишиной, Юлии Конхоиды.

Добрыми воспоминаниями об Александре Беловой поделился член Союза писателей России Николай Ларионов.

С экрана звучало как прощальное стихотворение Александры Беловой «Я уйду из этой жизни». Звучала песня Булата Окуджавы и зал подпевал «Виноградную косточку в теплую землю зарю...»

В завершение поблагодарила собравшихся за память и добрые слова дочь Александры Георгиевны Анна. Она с дочкой на руках трогательно прочла стихотворение, которое было посвящено ей. На память всем присутствующим от семьи Анна Леонидовна подарила книги Александры Беловой.

Директор краеведческого музея Марина Владимировна Иевлева сказала о том, как сами сотрудники музея переживают утрату, с каким искренним чувством трудились они над созданием выставки, поблагодарила членов семьи, особенно сына Андрея, за предоставленные вещи и фотографии и выразила благодарность всем участникам встречи.

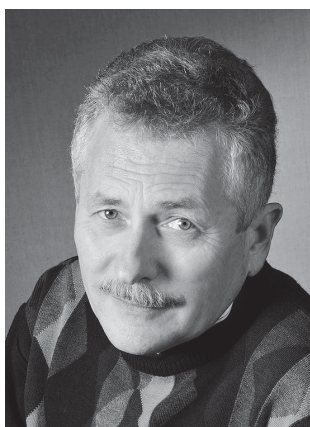
«Вы меня не потеряли», –
Мне сказала ты во сне, –
Вы меня не потеряли:
Все придёте вы ко мне.

На небесном полустанке
Встречу каждого в свой срок,
А пока молиться стану,
Ибо милосерден Бог!»

Публикацию подготовила Елена КУВШИННИКОВА

ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ

Виктор БИРЮЛИН, член Союза писателей России. Автор лирических эссе, литературно-критических и публицистических книг. Живет в г. Саратове.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Рассказы

Главное, мой друг, не бойся

Дождь закончился. И сразу зачирикали воробы. Внизу, в овраге, вновь защёлкали соловьи. Вышел на дачную лоджию, привычно глянул сверху на зелёную садовую шапку с цветными вкраплениями. В глаза бросался растущий вдоль дорожки пышный куст сиреневой монарды. Неожиданно внимание привлёк бодро прыгающий по двору неизвестный птенец. Видно, пробуя силы, спорхнул перед дождём с гнезда. Спрятался под той же лоджией. Дождь закончился, и он отправился домой.

Вначале он попрыгал к соседскому забору, но сразу сообразил, что не переберётся через него.

Птенец хлопал крыльями но взлететь с земли ещё не мог.

Тогда он деловито направился вглубь сада, стараясь прыгать по лежащему на влажной земле поливному шлангу, боком. Впрочем, и лужайку пришлось преодолеть. Прыгающий пушистый комочек был настолько мал, что сразу затерялся. Но вскоре я увидел птенца уже на подпирающем террасу листе шифера. Он отряхивался от воды, которой всё-таки набрался в мокрой от дождя траве.

Представил потерявшегося малыша, недавно вставшего на ноги. Как бы он повёл себя? Малыши разные. Один заплакал бы и стал звать маму, а

другой, вот как птенец, потихоньку поковылял бы, руководствуясь инстинктом, в сторону своего дома, в который он столько раз возвращался с прогулок.

Отряхнувшись, птенец спорхнул в сторону дорожки, ведущей к нижним воротам, попрыгал дальше, выбирая твёрдую почву, нырнул под ворота и повернул направо в переулочек.

На меня, следующего за ним по пятам, он не обращал внимания. Да и ни на что другое внимания не обращал. Страх ему был ещё неведом. И он действовал в открытую. Как и любой малыш.

В узком переулке между двух заборов образовалась канава с текущей дождевой водой. Вначале он перепорхнул через неё, но, видно, поторопился. Вернулся и вдоль высокого забора из профиля, сквозь кусты, по ухабам допрыгал-таки до места. Ещё раз перепорхнул через канаву и исчез в зарослях за пошатнувшимся старым забором из редких досок. Послышался голос взрослой птицы, его явно приветствовали. И он, кажется, подал, наконец, свой голосок.

Конечно, ему повезло, что не попался шныряющей вокруг соседской кошке Аське. Хотя я бы не позволил ей посягнуть на прыгающее чудо. Получается, и со мной ему повезло.

Птенец был мал и слаб, с ним справилась бы и мышь. Но его упорство, невозмутимость вызвали уважение. Он был явно из тех, кто дерётся не до первой капли крови, а до последней.

Побродил ещё под впечатлением по тихому предвечернему саду.

Картина серой краской

С выходом на пенсию я начал записывать впечатления о незначительных на сторонний взгляд событиях – прогулках с внуками, запомнившейся встрече с незнакомцем, удивившем случае из жизни растений, животных.

Получавшиеся как бы сами собой рассказы раздаю читать приятелям, их даже печатают в местном журнале. Многим нравятся незатейливые строки, настраивающие на радостное восприятие ускользающего бытия.

Но встречаются и упрёки, мол, где суровая правда жизни, не розовые ли у меня очки на глазах.

Не то чтобы это досаждало, ведь словотворчеством занимаюсь в своё удовольствие и писателем себя не считаю.

Но однажды, выслушав в очередной раз жалобы 90-летней матери на ноющие суставы, представил готовящихся к смерти простых стариков по всей России, в основном-то старух. Своей беззащитностью, зависимостью от родни они напоминают послевоенных инвалидов. По словам знакомого ветерана, стук костылей одноногих и безногих молодых фронтовиков по городским мостовым утих уже через несколько лет.

Жизнь передаёт нас смерти. Иногда бережно, бывает, что впопыхах, но чаще с безразличием – как получилось передать, так и получилось.

Перед мысленным взором чередой прошли ушедшие в небытие близкие люди. Бабуля умерла мгновенно, упав с кухонной табуретки. Её мучило высокое давление. От него же, видно, умерла и тёща, когда прилегла на кровать отдохнуть. Отец

умер во сне от инфаркта, тихо, не вскрикнув. Черты его лица не изменились.

Как же я-то буду умирать?

На днях около часа простоял за льготными проездными билетами. Перед заветным окошком женщина из очереди подвела старушку в аккуратном бежевом костюмчике, попросив пропустить её вперёд. Старушка одной рукой опиралась на клюшку, в другой держала пакет с необходимыми документами. Обе руки дрожали. Она была худенькой, со спокойным выражением чистого, интеллигентного лица. Неужели рядом с ней не осталось никого, кто помог бы? Или она до последнего вздоха желала быть самостоятельной, независимой?

Понятно, что лучше умереть в глубокой старости, быстро и ещё на ходу. Но если дело затягивается, а жизнь становится пустой, невыносимой от боли и бессилия, превращая в маленький ад и жизнь окружающих тебя людей? Что же, самому прервать её?

Всё чаще охватывает грусть от увядания, упадка сил. Мышцы слабеют. Волосы седеют и редеют. Где моя непродираемая курчавая шапка?

Бывает, ночами становится не по себе. Мысли о никчемности своей жизни и всеобщей суете наводят тоску и не дают заснуть. Сердце начинает колотиться и покалывать, от чего душа трепыхается зайцем в волчьей пасти. И хочется уже только одного – не умереть в одночасье, жить и жить ещё.

Вот в чём неразстворимая печаль.

Последняя роза лета

Кажется, сам воздух в августе меняется. Начинаешь подрезать пионы, вспоминаешь их роскошные бордовые, розовые и белые шапки, манящий аромат. И в тебе что-то очень важное, прекрасное затаивается глубоко до следующего лета. Доживём ли? Доживём, мой друг, доживём.

Выбрался из бани, в которой наслаждался паром и дубовым веником. На очереди – чай, много чая. А там и неспешный вечер с бокалом домашнего вина. На ночь немного старого доброго Шерлока Холмса.

Зацвели жёлтые хризантемы – ярко, неистощимо. И разноцветные петунии по-прежнему радуют своим нежным видом. И розовая эхинацея распустилась, поддержав своих оранжевых двоюродных братьев – рудбекии.

Дождь разогнал вчерашний туман, уже само небо выглядит поднявшимся сплошным туманом. Появившееся пятнышко солнца похоже на круглую луну. Но, в отличие от луны, от солнца всё равно веет теплом. Это чувствуешь даже сквозь оконное стекло.

Пилили с женой дрова. И внук Никитка целый час терпеливо ждал на лавке возле кострища, иногда, по нашей просьбе, улыбаясь.

В общем, лучшие часы нашей жизни – это те скоротечные мгновения, когда думаешь со слезами на глазах: «Как мне хорошо!» Они так глубоко запечатлеваются в нас, что всё окружающее – пейзаж, время – примешиваются к воспоминанию о нашем счастье, наподобие водорослей и сломанных

кувшинок, которые рыбак вытаскивает в сетях вместе с трепещущей среди них золотой рыбкой.

Это сказал Альфонс Доде, французский классик, но какая разница, если чувствуешь и думаешь также?

Одинокая жизнь в октябрьском саду с неспешными хлопотами в винодельне, вечерним телевизором в натопленной комнате завораживает.

Но сад уходит. Приходит время рукописей. Когда хорошее уходит, всегда грустно, хотя бы его сменило тоже хорошее.

Бывает, охватывает жалость. Не к себе. Жалость ко всему и всем. В том числе к глиняному коту Семке, коротающему в одиночестве долгую зиму.

Запомнилось где-то прочитанное: мы не ищем ответов на вопросы, мы ищем утешения.

Глоток адреналина

Жаркий июльский полдень на даче. Отобедав, предвкушаю отдых в прохладной комнате. Вдруг с улицы доносятся неясный шум, вскрики. Посмотрел в широкое кухонное окно – на обрыве, венчающем тихий садовый уголок, пляшут огненные языки. До обрыва рукой подать! А под ним хватает деревьев и сухого валежника.

С молодым задором взлетел по извилистой дороге наверх. Вдоль обрыва полыхало заброшенное кладбище с редкими покосившимися оградами. На дороге за ним стояла пожарная машина. Суетились пожарные. Из протянутого шланга била мощная струя воды, и огонь нехотя отступал.

Пожарным помогал парень с лопатой в руках, сообщивший, что сухая трава занялась от окурка, брошенного из проехавшей машины. По чёрному полю бегала пожилая дачница, просившая ещё раз пролить край обрыва, под которым стоит её дом.

Спустился вниз и подошёл к нему. Не зря женщина беспокоилась – под обрывом задержалось несколько язычков пламени, не спеша подбиравшихся к поваленному сухому дереву. Может быть, они сами бы и потухли. А если нет?

И неожиданно я решил залезть наверх и сбить их от греха подальше.

Что повлияло на моё решение? Подъехавшие на велосипедах внуки Никитка с Тёмой, перед которыми захотелось погеройствовать? Подошедшая дачница с поощряющей улыбкой? Или пробившееся во взбудораженной обстановке желание доказать самому себе, что ещё чего-то стою?

Я полез, сразу осознав, что ввязался в дело с неизвестным концом. Ноги то застревали в цепкой траве, то съезжали вниз по крутому песчаному склону. Теряя сланцы, с колотящимся сердцем я упорно карабкался вверх, судорожно цепляясь за ненадёжные ветки кустарников, подтягиваясь за них, и добрался, наконец, до колеблющихся огоньков, затушив их теми же ветками.

Но когда выбрался на обгоревший обрыв, то сразу оказался в окрыляющих объятиях подзабытого чувства свободы. И ощутил явный прилив энергии.

На дачу возвращался воодушевлённым, не чувствуя усталости.

Раздвинуть над собой привычный купол и вдохнуть хмельной аромат упругой жизни – это дорогого стоит, господа.

Городские мудрецы

На днях встретился с приятелем-фотографом. Как всегда в его старой лаборатории, тесной от техники и бутафории, за выдавшим виды рабочим столиком с бутылкой коньяка и шоколадкой.

Поделившись друг с другом личным, о чём не говорят с жёнами, перешли к более общим вопросам и проблемам.

Разговор двух давних знакомцев за пустеющей бутылкой со стороны выглядел, должно быть, бесвязным, перескоком с одного на другое. Но это был разговор не для чужих ушей.

Сошлись во мнении, что от всеобщей глупости начинает уже тошнить. А тут ещё Чехов, сказавший в своё время, что у девяноста девяти из ста нет ума. Если собрать бьющие не в бровь, а в глаз чеховские наблюдения из его писем, записных книжек, то есть прямо из жизни, и составить из них монологи, то и современные записные сатирики покажутся глуповатыми парнями.

Прошлись зачем-то по дирижёрам. Некоторые из них вели себя за пультом необычно, страстно, и это поначалу впечатляло не меньше самой музыки. Но когда все пустились строить рожи и жонглировать палочками – стало смешно, а потом и скучно.

Размышляя о жизненных зигзагах, задумались вдруг о смерти, точнее, о её запахе. В самом деле, какой он? Труп невыносимо воняет, хотя, как утверждают британские учёные, поначалу он пахнет свежескошенной травой. Но труп – не смерть, хотя и её продукт. Душа уходит в пятки, мороз дерёт по коже – это всё не запах. Оставили вопрос открытым.

После этого воодушевились, и беседа неожиданно перешла к хокку Басё. Вспомнили его лягушку, прыгнувшую в старый пруд. Читая Басё, понимаешь – в те далёкие времена в Японии жило не сто двадцать пять миллионов человек, а гораздо меньше. Поэтому хватало пустынных мест, полей, неприметных дорог и одиноких хижин. В современной Японии, где ногу негде поставить, певец таких дорог и хижин вряд ли возможен.

Кстати, есть ли в японском языке родное слово, означающее степь? «Степь да степь кругом...» – можно ли спеть по-японски?

Между прочим, я заметил, что женское хныканье и пьяные мужские слёзы раздражают одинаково, а в пустыне и несколько человек – толпа, что особой плодовитостью отличаются и гении, и графоманы, а беспринципность тоже является принципом...

После чего согласно поддакивающий приятель назвал меня городским мудрецом.

Услышать похвалу всегда приятно, хотя сразу припомнился городской сумасшедший. Впрочем, городской сумасшедший может по совместительству оказаться и мудрецом. Как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Ангел и чёрт мирно уживаются в человеке.

С последним тостом пришли к выводу, что кошки прилапили людей.

Кстати, разве не говорят о едином человеческом праязыке наши меньшие братья? Ведь в любом краю те же кошки мяукают, собаки лают, волки воют, слоны трубят, а воробьи чирикают одинаково, обходясь без переводчиков.

У меньших братьев мозги-то остались прежними.

Закавыка

Всё чего-то не хватает для ощущения полноты жизни, какого-то заключительного аккорда.

Казалось бы, всё путём – и жена верная, и сыновья толковые, и внуки-красавцы, и голова неплохо варит, и сердце стучит исправно. Ушла в прошлое служба, не докучает родня. Зато есть интернет – очень большое окно в мир, если, конечно, выглядывать в него не по пустякам, не на всякий шум.

Но всплывает откуда-то из глубины сосущее чувство неудовлетворённости и помучивает, помучивает.

Одно время считал, что вся закавыка в нехватке крутизны.

Вот бы вместо скромной садовой винодельни выстроить настоящую, с большим погребом, разбить виноградник на несколько гектаров! Или написать небольшую повесть, но чтобы все ахнули! Или встретить невероятную любовь, как в кино, с поцелуями и страстями.

Увы, денег на виноградное поместье не заработал, способности какие уж есть, а любовь непредсказуема. Не киношная получается жизнь, чего там.

Как говорят японцы, ничто не вечно, не закончено и не совершенно.

Зато наукой определены главные цели человека. Оказывается, это стремление к известности, независимости, добру, традициям. Может, без их достижения и счастья не видать?

С другой стороны, никто из людей не просил его рожать. А уж если появился на свет, то, конечно, хочется жить свободно, ни в чём не нуждаясь.

К тому же, думающему человеку труднее даются умозаключения. Перед ним всегда стоит вопрос – что вернее, точнее из множества фактов?

Например, твердят со всех сторон: надо уважать чужое мнение! А если оно втаптывает в грязь твоё, выстраданное? Это как возлюбить врага своего. Звучит по-библейски, благородно. А если этот враг Гитлер?

Обстоятельства, бывает, подводят к очень подлым мыслям.

И в словах дьявола может проскользнуть истина, которую ангелы замалчивают.

А самые пронзительные выводы, судя по всему, приходят под занавес.

Но сколько ни размышляй – дальше тысячелетней мудрости Хайяма не пройдёшь:

*Что жизнь? Ручей блеснул на солнце
и где-то в чёрной трещине – пропал.*

И что остаётся человеку, Омар?

Будь спокоен и весел, цени этот миг.

Это проще сказать, чем сделать, о, мудрейший!

На культурных пастбищах

Приятель рассказал о случае из студенческой практики, которую он проходил в редакции сельской районной газеты ещё в советские времена.

Ради шутки ему поручили написать о культурных пастбищах – их было не сыскать и днём с огнём. Но он с утра пошёл в библиотеку, где почерпнул необходимые сведения. А уж с ними отправился к специалистам, с которыми завязал разговор, вылившийся в итоге в толковую статью.

Если вкратце, то культурные пастбища отличаются от диких тем, что на них целенаправленными усилиями добиваются более качественного травостоя.

Подумалось: а ведь из своего рода культурных пастбищ состоит и наша цивилизация. И произрастают на них чудесные растения, чьи плоды наполнены сокровенной правдой жизни, говоря возвышенным слогом.

Агату Кристи восхитил старинный китайский рисунок: «На нём изображён сидящий под деревом старик. Он играет в бильбоке. Рисунок называется: «Старик, наслаждающийся праздностью».

А меня восхитили жизненные правила одной хрупкой француженки: «Никогда не жалуйся, не объясняй и не оправдывайся, и ни перед кем не показывай своей слабости».

Йорн Утзон, архитектор здания оперы в Сиднее, увидел мудрость, скрытую в самом, казалось бы, простом: «В каждом саду есть свои сорняки. Но они не должны нам мешать наслаждаться садом».

На мой взгляд статуя свободы не та, что в Нью-Йорке, а та, что в Париже. Зовут её Эйфелева башня. Высокая, видная, элегантная, лишённая всякого командного, агитирующего тона. Одним словом, свобода!

А наши приметы свободы по-прежнему дики – могучий лес, бескрайняя степь да широкая водная гладь. На мой, опять же, взгляд.

Допустим, кто-то поносит обожаемого вами Пушкина. Вы вступаете за своего кумира, готовы перейти от слов к кулакам. Но при любом раскладе хулигатель останется при своём. Стоит пожалеть того, кто дошёл до ругани написавшего: «Я вас любил...». Ясно, что его душа не в порядке. Лучше попытаться раскрыть ему глаза, а там, глядишь, и он зауважает солнце русской поэзии.

Рожая детей, мы выполняем волю Вселенной, постоянно созидающей наперекор разрушению. Созидающей рождением новых звёзд и продолжением своего рода каждой космической крупинкой. Мы можем пренебречь этой волей, в отличие от «неразумных» меньших братьев, растений и бактерий. Но отменить её не в силах.

Много лет знаком с крымской писательницей Ириной Сотниковой. Она вела блог, богатый на разнообразные публикации. Понравилась ей и мои рассказы. Завязалась дружеская ненавязчивая переписка. Снимаю шляпу перед человеком творческим, образованным, много умеющим, знающим жизнь из первых рук, ошибающимся, падающим и вновь встающим на ноги. Но если вдуматься – переписываюсь, и довольно откровенно, с женщиной, которую никогда не видел, не слышал и вряд ли увижу и услышу.

Совершенные копии любой картины или статуи возможны. Чем они хуже подлинников? Ничем, ведь они одинаковы. Почему же за подлинники выплачиваются астрономические суммы, а за их копии, которые верны, могут и в тюрьму посадить? Этого требует сверхприбыльная торговля выдающимися произведениями искусства. При этом страдают интересы простых зрителей. Из-за выгоды кучки богачей и обслуживающих их интересы специалистов люди вынуждены ездить, плыть, летать по всему миру, чтобы полюбоваться шедеврами. А многими уже не полюбуются, поскольку они надёжно заперты в частных хранилищах.

Почему бы не делать равноправные копии талантливых произведений и не размещать их в выставочных залах? Речь идёт о небольших работах, а не о пирамидах и дворцах. Живые знаменитости, конечно, вправе сами решать судьбу своих творений. Кто от этого потеряет? Всё та же кучка богачей. Но у них и так много нахапано, переживут.

Мой бог – это мой разум, какой уж есть. Могу рассчитывать во всех своих делах и помыслах только на него. Ему не нужны молитвы. Он требует одного – не щадить его, нагружать под завязку.

Полёт счастливых бабочек

В конце лета гостил у приятеля, разбившего на большом волжском острове виноградник с виноградной и погребом.

После застолья уютно устроились на затенённой веранде. Хозяин вынес из погреба домашнее вино трёхлетней выдержки. Бутылка была уже почата, но на два добрых бокала хватило. Неспеша наслаждались напитком богов среди земного рая.

Нас окружали виноградные кусты с созревающими гроздьями. Взгляд охватывал часть острова с зелёными зарослями и широкую протоку. Из зарослей доносились бодрые птичьи голоса. По протоке скользила парусная яхта. И всё освещалось мягким августовским солнцем.

Уже в своём саду любовался внуками, бегающими по лужайке за порхающими бабочками. В своих белых панамках и цветных шортах они сами были похожи на счастливых бабочек.

Воробьи привычно шебаршатся, чирикают на ветках яблони.

Отнёс в малинник яичную скорлупу. Возвращаясь, привычно перемахнул ступень на сходе террасы. И ворохнулось в голове: «Сколько ещё буду вот так летать по саду?»

Выбрался из бани. С лёгким паром! Ещё бы лёгкого ветерка. Но хватило и душистого чая со свежим вареньем из малины.

Поздней осенью вернулись с женой из сада вместе с внуком Тёмой, который ходил по дорожкам и спрашивал: «Деда, а где цветы?»

Солнце выбралось из-под туч, осветило окно кабинета: всё будет хорошо!

К жене приходили в гости бывшие ученики. В село пили чай с пирожными и безумолку говорили.

Гостил старший внук Тима, обыгравший во все игры. Выиграл он и городские соревнования по фехтованию. В прошлом году был шестым. А в этом победил всех сверстников, в том числе и тех, кто год назад был впереди него.

Приехал к младшему сыну Ивану, который выписал учебную казацкую шашку и занимается

фланкировкой – ловко вертит ею во все стороны.

Продолжил знакомство с годовалой внучкой Глашей – она ещё присматривается ко мне. Поиграл с котом Арчиальдом, пытавшимся царапнуть мою руку.

Отвезли Тиму в школу и махнули с Иваном в уже зимний сад. Поговорили о всякой всячине. Помечтали. И обратно.

Как живительны эти безгрешные мелочи! Душа становится мягче и свободнее. Может, в последние мгновения они всплывут в памяти и утешат горечь расставания с подлунным миром?

Три дня и целая жизнь

Летом помогал сыну в его дачных хлопотах.

Двигал с ним мебель, забучивал клейкие обои, вспоминая прошлые совместные дела. Вспомнил, как учил его замешивать раствор, колоть дрова, обращаться с разным инструментом. Сын далеко обогнал меня в мастеровых умениях. Только в помощники и гожусь.

С удовольствием наводил порядок в саду. Выкорчевал пару старых вишен, прошёлся по сорнякам. У сына до этого руки не доходят.

Работали безустали, невзирая на несносную дневную жару.

И наговорились, пожалуй, как никогда. О чём? Да обо всём!

Поздним вечером усаживались перед телевизором и смотрели «Назад в будущее», потягивая пиво.

Не знаю, что в эти безмятежные минуты происходило в голове у сына. В моей же отстаивалось не раз обдуманное.

Когда тебе за 70, старость топором висит над тобой, как ни старайся не замечать её и философствовать. Но, как сказано, некоторые старятся, а некоторые созревают. Важно не дать дряхлому будущему омрачить ещё бодрое настоящее.

Человек постигает тайны бытия, наслаждается красотой жизни и радуется творческим порывам – чего ещё желать? Только, чтобы вынести верное суждение о чём-либо, приходится собирать в пучок слишком много впечатлений. Все и не соберёшь.

Вдруг кольнуло давно, казалось бы, известное, что смысл всякой жизни в самой жизни и заключается. И, как ни крути, после нас остаются только дети, внуки. Всё остальное ржавеет, рассыпается, приходит в забвение.

Впрочем, все эти мысли недолго ворочались в моей уставшей головушке. Она всё чаще клонила на грудь, глаза закрывались, и я отправлялся спать, не досмотрев ни одного фильма до конца.

А утро снова дарило горячее солнце, бодрые птичьи голоса, хлопотущего с завтраком сына и садовую, не в тягость, работу, которая, бывает, приводит к ответам на важные вопросы.

Три дня пролетели как три вдоха.

Уезжали даже с некоторой печалью.

О войне

Не уходят из памяти кадры немецкой военной кинохроники.

Из белорусской деревни вывозят молодых женщин на принудительные работы в Германию. Они стоят на небольшой деревенской площади,

сбившись в беззащитную стайку. На головах у девчат будничные платки, и одеты в такую же серую одежду. Взгляд у них равнодушный. Все слёзы уже выплаканы, и страх в них растворился. На дворе глубокая осень, судя по голым деревьям и хмурому небу. Очевидно, ждут подводу или машину.

К высокой простоватой девушке пытается подойти её годовалый сын. Он тянет к ней ручонки, плачет. Его отгоняет пожилой немецкий солдат с винтовкой в руках и растерянным лицом. Мать делает к сыну несколько шагов, смотрит на него из-за конвоира и обречённо отходит к притихшим односельчанкам.

Белобрысый мальчуган возвращается к бабушке, горестно стоящей поодаль. Руки у неё скрещены на животе, взгляд застывший, вся фигура выражает безысходность. Потом снова идёт к матери, которая всё так же беспомощно смотрит на него из-за немца. Тот опять неуверенно машет винтовкой в сторону малыша...

О чём молчат деревья?

На прощанье захотелось побродить по саду, погладить стволы молчащих деревьев. Они могли бы о многом рассказать.

Например, о том, что торопиться, собственно, некуда.

Или о том, что не надо подвывать волкам. Лучше пощёлкать соловьём, чтобы волки от изумления хоть ненадолго перестали выть.

Как же надоели разговоры шарлатанов с дураками! И слишком активные люди надоедают. Давно замечено, что самые длинные когти хищников куда короче человеческих ножей.

Вспомнилось, как в начале весны в сад заглянул большой пёс с ошейником. Породистый, молодой, судя по выражению ещё щенячьих глаз. Молча, с достоинством смотрел в щель между створок ворот. Дал ему оставшегося хлеба и сыра – он хватал куски на лету, глотал, жевал пару раз. Потом также спокойно, тихо ушёл. Видно, отбил пёс, потерялся.

Откуда пошло слово «колокол»? Не от того ли, что далёкий предок ударил кол о кол, чтобы привлечь внимание соплеменников?

Вместе с солнцем проклюнулись, наконец, бутоны на яблонях. И, как по команде, воздух зажужжал.

Чтобы поддержать человека, достаточно молча обнять его.

Прочитал роман Виктора Астафьева о войне и сразу расхотелось писать, читать и даже думать.

Как жарко в июльском саду! Ждёшь тени от облака, как глотка прохладной воды в пересохшее горло.

Обиходные молитвы японцев напоминают своей краткостью хокку. Да минуют болезни. Да сохранится покой в семье. Да будет удача в делах. Если по-нашему, то получается здравица: «За здоровье, семью и удачу!»

Бокал вина и пара ржаных тостов с творогом и листьями салата после долгого рабочего дня.

Стоило поговорить с другом, как всё вокруг повеселело.

Что ещё роднит вино с искусством? Великое вино может создать безвестный винодел, а

чарующая мелодия может появиться в душе ещё не признанного музыканта.

Роскошный мокрый сад под сеющим дождём.

«Бог тебе судья», по сути, означает, что ты сам себе судья.

Двое на берегу

Рано утром на затерявшийся среди камышей дачный пляж вышли двое. Он пожилой, лысоватый, но подтянутый, крепкий. Она заметно моложе, выше его, тоже хорошо сложенная. Что-то в их слегка напряжённых взглядах говорило, что за плечами каждого – своя непростая жизненная история. Но вот встретились и им хорошо вдвоём. Они неторопливо подошли к берегу, доверчиво касаясь друг друга. Зайдя в воду, уже перед заплывом, поцеловались. Коротко, чувственно, нежно. Вначале нырнул и энергично заработал руками он. Потом к нему неспешно подплыла она. Вскоре их головы над водой затерялись в солнечных бликах раскинувшейся во все стороны волжской глади.

Сила веры

Пожилая женщина спрашивает с берега:

– Ну, как вода? Холоднее, чем вчера? Вчера ведь Илья-пророк был.

– Да нет, ещё теплее стала.

Женщина заходит в воду:

– Как же! Холоднее!

Старая фотография

На небольшой чёрно-белой фотографии запечатлён одинокий малыш. Фотографии лет семьдесят, а ему года два. Он одет в коричневую плюшевую куртку с капюшоном и штаны в белую и серую полосы. В правой руке малыш держит железную лопатку, пальцы левой руки растопырены.

Он явно недоволен, что его оторвали от игры. Об этом говорят нахмуренные белёсые бровки, да и выражение по-детски пухловатого лица. Но в глазах проглядывает любопытство. Может, он ждёт появления птички, которая, по словам взрослых, должна вылететь из объектива фотоаппарата.

Недоверчиво глядя перед собой, малыш всматривается и в своё будущее, готовое развернуться перед ним. Вскоре он уедет из родных мест, и судьба у него сложится непростая, с печалью и радостями. И он многое поймёт.

Поймёт, что тому, кто ищет, приходится блуждать, что не стоит тратить жизнь на того, кто тебя не ценит. А самое важное – научиться отделять зёрна от плевел.

И вот он, семидесятилетний, рассматривает себя двухлетнего. И у него наворачиваются слёзы в поблекших синих глазах. О белом свете он давным-давно думает по-взрослому. А по утрам всё чаще видит в зеркале чужого человека.

Но всё это не касается малыша с игрушечной лопаткой в руках, связь с которым осталась нерушимой. Ради него он жил наперекор всему и не отступит до последнего вздоха.

И ещё он верит, что светлый образ малыша с нахмуренными бровками и пухловатыми щёчками, недоверчиво вглядывающегося в будущее, промелькнёт перед ним в последнее мгновение.

Юлия КУЗЕНКОВА, г. Инза. Лауреат молодежного литературного конкурса «Первая роса».

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

*Победа, слава, подвиг – бледны
Слова, затерянные ныне.*

(Н.С. Гумилев)

Рассказ

Ну вот, называется, установи понравившуюся мелодию на звонок будильника и попрощайся с любимой композицией. Я недовольно разомкнул глаза после сна, нащупал под подушкой свой телефон и ткнул пальцем в экран. Звуки музыки смолкли, и я поднялся с кровати.

Собственно, вставать, а тем более куда-то идти, вовсе не хотелось, несмотря на то, что погода на улице была отличной. Середина апреля – весна вступила в свои права и зимняя тяжесть уходила. По утрам вставать с постели было немного легче, да и вечерами гулять на улице было здорово.

А еще разгар весны был для меня знаком того, что времени для написания доклада по ненавистному предмету остаётся всё меньше. Отечественная история мне никогда особо не давалась ещё в школе, а про зарубежную я вообще промолчу. Все эти Людовики с Наполеонами, кто там кого победил – мне было откровенно всё равно. Но если в школе ко мне относились снисходительно (учительница – старинная подруга моей матери, поэтому особых проблем с докладами не было, отстреливался рефератами, скачанными из интернета), то университетский историк Знаменский с первой лекции дал понять, что поблажек не будет никому. Бывший участник боевых действий в Афганистане, жесткий и бескомпромиссный, с таким не договоришься. Его отец такой же храбрый солдат – оборонял дом какого-то Павла в Волгограде. И весь он такой правильный, этот Знаменский, честный и благородный – как из советского кинофильма. Если доклад подготовлен не в соответствии с его требованиями, он молча проходит через всю аудиторию к примороженному к стулу от ужаса студенту, не говоря ни слова, с каменным, словно высеченным на памятнике лицом, швыряет папку на стол. На обложке неизменная размашистая резолюция аршинными буквами: «Халтура!»

И таких «халтур» на его столе целая стопа. Мы, студенты, народ простой – качаем всё из всемирной паутины, а по логике Знаменского, мы должны провести целое исследование тире расследование, почувствовать тему «своей шкурой».

И копятся «халтуры», и висят «хвосты», проходят семестры, а чертова история не сдаётся, ровно как и Знаменский. Все попытки договориться, уладить дело полюбовно, даже угрозы – всё тщетно. Руководство университета тоже бессильно – Знаменский уважаемый в своих кругах человек, и так просто его не подвинешь. Так что получается замкнутый круг.

Я тоже попал в число «халтурщиков». По заданию мне нужно было написать о каком-то конкрет-

ном герое Великой Отечественной войны, про его жизнь-бытьё, как он пережил блокаду, к примеру, и так далее. Я, святая простота (читай: первокурсник), скопировал всё с сайта а-ля «1000 рефератов», и на следующий день предстал пред очи Знаменского. Сначала получил по заслугам за свою «халтуру», а потом за то, что пытался спорить с преподавателем, был удален из аудитории.

Я особо не расстроился, так как у любого крутого парня в запасе всегда есть план «Б». В моем случае, это был Кир. Мы все считали его безнадежным ботаником, а он всю жизнь из кожи вон лез, чтобы доказать нам обратное. Младше меня на год, по уровню образованности он был на много ступеней выше. Мы часто шутили, что едва Киру вручат его аттестат, ведущие университеты страны тут же устроят конкурс, к примеру, пятьдесят вузов на место.

Я заказывал Киру доклады, контрольные и прочие письменные работы (естественно, не за шоколадку). Можно сказать, я был его постоянным клиентом, только без дисконтной карты. Кир занимался этим бизнесом, желая достичь заветной цели – накопить на собственный автомобиль. Хотя с его зрением в минус восемь можно было управлять только самокатом, да и то под руководством инструктора. Кир обижался на нас за то, что мы не поддерживали его, а когда несчастного уже конкретно доставали вопросами в стиле «зачем корове седло», он отвечал, что мы ничего не понимаем, и личный автомобиль ускорит процесс появления в его жизни девушки, да и вообще это его единственный шанс, если уж на то пошло. После этого в компании начиналось улюлюканье и цоканье языками, Кир снова обижался, но от цели не отступал ни на йоту – брался за все варианты, по слухам, даже писал кому-то диссертацию.

Успокоив совесть тем, что попытки самостоятельно решить свою проблему потерпели поражение, я решил, что в этот раз у меня создалось поистине безвыходное положение, и только Кир сможет мне помочь. В первый выходной день после обеда я отправился к своему верному другу. Кир был дома все выходные, и практически всё имеющееся свободное время теперь он посвящал своим трудам. Его выдержке и терпению можно было уже начинать завидовать. Я обрисовал свою проблему и начал мысленно прикидывать, во сколько мне обойдется работа Кира, но он меня оборвал:

– Нет, Владос, сейчас вообще никак. От слова совсем. Видишь, завал, – он обвёл рукой пространство комнаты, которая сейчас больше напоминала пункт приема макулатуры или архив. – Это всё мне

надо сделать за выходные, причем для авторитетных людей.

– Ну да, – хмыкнул я. – Ты же теперь «авторитетов» обслуживаешь, забыл, с кем когда-то начинал...

– Да подожди, – Кир понял, что перегнул палку. – Я действительно вот именно сейчас не могу. Тем более, как ты сказал? Знаменский? О, этот чёрт непобедим! Делал недавно работу для одной знакомой – так он «отхалтурил», не глядя. Так что я, скорее всего, тебе не помощник здесь. Знаешь, а ты попробуй, напиши сам. Что смешного? Тут нет ничего сложного – берешь из своих родственников какого-нибудь деда, и пишешь: такой-то, родился, учился, женился, потом раз так – война. Ну и вот, он там столько-то фрицев завалил, потом штурм Рейхстага, но в последний момент его опередили Егоров и Кантария. Спасибо деду за Победу! Всё. Побольше пафоса, главное, преподы это обожают.

– Долго думал? Копи теперь на «Оку» – инвалидку – только без меня.

Я схватил куртку и выскочил из квартиры. Покинув подъезд, я присел на лавочку и закурил. Не знаю, что меня расстроило больше – отказ Кира или ощущение того, что я снова не знаю, что делать, а время идёт.

«Напиши сам...» Вот хрен очкастый! Ну, ничего, ты ещё сам мне позвонишь, а я к тому времени придумаю, как и куда тебя послать.

Напротив я увидел влюбленную парочку. Она хмурилась и тыкала пальцем в экран телефона, видимо, указывая на время, а он дурачился и показывал ей пятерню, прося ещё пять минуточек. Я вспомнил о Ланке. Когда у нас в последний раз были такие моменты? Наши отношения стали походить на чемодан без ручек – и нести тяжело, и бросить жаль. Вспоминала она обо мне теперь, в основном, когда её нужно было куда-то отвезти. Лану вполне устраивали такие отношения. А меня?

Вообще-то на самом деле её звали Светлана. Но все друзья по личной просьбе называли её Лана, потому что Света – «это по-деревенски». Она была не такая, как все, отрешенная от мира сего, во всём подражала своей любимой зарубежной певице, общалась с такими же фанатами, помешанными на своем кумире ещё больше, чем она. Постоянно ездила на какие-то встречи, торчала в интернете даже на свиданиях со мной, и я как-то стал понимать, что ничего не знаю о своей девушке. Она была как рыба в воде в общении со своими соплеменниками, тогда как нам с ней практически и двумя словами перекинуться было не о чем. Она не понимала меня, а я её. Я хотел чаще видеться с ней, она же была увлечена всоёй заморской дивой. Я чувствовал, что не дотягиваюсь до её «ореола звёздности», который, по иронии судьбы, меня в ней привлек в начале знакомства. Она даже не хотела жить в этой стране, потому что здесь не было её кумира. Я даже начал почитать учебники по нелюбимой истории Отечества, чтобы привести ей конкретные примеры того, что здесь лучше, чем по ту сторону океана, но это было бесполезно. Это было так глупо, а с другой стороны, очень грустно. Я понимал, что надо что-нибудь с этим делать, но что-то меня удерживало. Наверное, это моя природная робость перед принятием решений.

Вечером за ужином я вяло ковырял в тарелке с макаронами. Отец по привычке разглагольствовал о безответственности своих подчиненных, а мама поддакивала с полуулыбкой, как всегда думая о милых проделках своих второклашек.

Воспользовавшись паузой, когда отец, возмущенно декламируя, подавился куском и закашлялся, я спросил:

– Пап, мам, у нас в роду есть кто из героев?

Мать удивленно распахнула скованные комочками туши ресницы, отец перестал кашлять.

– А зачем тебе, Владюш? – спросила мама острожно. Так спрашивают у душевнобольных, зачем они совершили то или иное.

– У тебя отец – кавалер ордена Рыкова, – загоготал папа. – А мать каждый день награждают медалями из пластилина и барбариса.

Мама даже не обиделась в этот раз на колкость отца, её больше интересовало, почему сын спрашивает о семейном древе, а не просит денег на карманные расходы. В чём подвох?

Я рассказал всё как есть. Отец покачал головой и сказал:

– Знаменский очень непростой мужик. Он и в армию сам напросился, мало того – в Афганистан тоже по своей инициативе рвался. У него психика сдвинута на героизме конкретно. Потомственный вояка. Так что лучше с ним не шути и делай, как он говорит. Для нас главное – закрыть сессию, без «хвостов».

– У нас в деревне есть один дедушка, участник Великой Отечественной войны, наш дальний родственник. Встретишься с ним. Думаю, он поможет тебе сделать доклад, – улыбнулась мама и с чувством выполненного долга продолжила думать о своих второклашках.

На следующих выходных я, по совместной договоренности родителей с моими якобы родственниками (которых я в глаза никогда не видел), поехал в деревню N, что находилась километрах в пятидесяти от цивилизации. Для этого мне пришлось вспомнить, что такое услуги общественного транспорта. Добраться до искомого населенного пункта мне стоило огромных моральных усилий, я ощущал себя так, будто меня бросили в котёл с грешниками на сорок минут. Наконец «пазик» советских времён на последнем издыхании подвез меня к остановке из тех же времён молодости моих родителей – каменное полуразрушенное сооружение со странным или, как бы моё поколение сказало, наркоманским орнаментом на стенах. Экскременты животных (возможно не только четвероногих) в углу, прожжённый потолок, надписи, характеризующие добрую женскую половину деревеньки, сорванные объявления о скупке металлолома и так далее. Выбравшись из автобусного чрева, я поплёлся вдоль улицы, вспоминая описания дома, где живет мой родственник-ветеран.

Подойдя к искомому дому, я осторожно взобрался по ступенькам съехавшего набок крылечка. Дверного звонка не было. Я постучал в дверь. Никто не отозвался, и я попробовал снова, уже с силой. Никого. Уж не ошибся ли я адресом?

– Он не слышит, – я обернулся и увидел полную женщину, она несла подмышкой эмалированный таз с выстиранным бельем. – Ты Насти сын?

Я кивнул.

– Я так и поняла. Она звонила вчера, просила тебя устроить. Ну, пойдём.

Она открыла почтовый ящик и выловила оттуда ключ. На моё удивление такому отношению к правилам безопасности, она ответила:

– Это у вас в городах позапираются и сидят как сычи. А у нас тут всё и все на виду. Если долго свет горит ночью – значит, чего-то случилось.

Она открыла входную дверь, и мы вошли в сени. В ноздри ударил резкий запах мочи и гнилья. Женщина (её звали Елена) распахнула обитую старыми одеялами дверь, мы вошли внутрь, и теперь вместе с вышеперечисленными запахами смешался и стал преобладающим запах смерти. В детстве я очень боялся когда-нибудь умереть. Как бы странно это не звучало, но бывали моменты, когда я маленьким ребенком просыпался ночью в холодном поту от осознания того, что все мои близкие, да и вообще все люди на земле когда-нибудь умрут, и я не исключение. Ещё больше меня убивало то, что жизнь потечёт дальше, пройдут сотни лет, и наступит время, когда обо мне никто не будет помнить. Тогда я рыдал как безумный, но понимал, что этот процесс естественный и необратимый. Интересно, что чувствует этот человек, находясь уже практически на пороге смерти?

Мы нашли ветерана – он сидел на железной койке и смотрел в окно. Время от времени его голова подергивалась, костлявая рука хлопала по кровати, на коленях были крошки от печенья, которые сыпались на чисто вымытый дощатый пол.

– Иван! – Я вздрогнул от возгласа моей сопровождающей. – Опять настрамил! Я скребу-мою, а он – эвона как! Другой раз тюри наведу с водой, будешь знать!

Старик даже не пытался возразить, но уголки его рта предательски подрагивали. Пока Елена убирала последствия трапезы фронтовика, я рассматривал фотографии на стене. Вот две резные рамки, прибитые вместе. На одной – мужчина со строгим взглядом в своем, видимо, самом лучшем, приготовленном для исключительных случаев, костюме. На другой фотографии – женщина с вьющимися кудрями, в платье с белым кружевным воротником. Следующая фотография – они рядом, на заднем плане горстка людей и повозка с лошадью, это свадебная фотография. А вот еще одна – на ней новоиспечённый муж один, в солдатской форме. Фотография чёрно-белая, но я чувствую, как горят его глаза. Снимок чуть опален с краю. Следующие фотографии уже более современные – ветеран стоит перед октябрятами или вот, со статным мужчиной, похожим на казака, наверное, председателем колхоза. Далее следуют однотипные, сделанные в День Победы фотографии возле обелиска, затем цветное фото – школьники дарят участнику войны скромный подарок – гвоздичку и коробку конфет «Птичье молоко». Фотографий с женщиной больше не было.

Елена закончила уборку и начала определять меня на ночлег. Время уже было позднее для Ивана Константиновича, и было решено, что свои вопросы для доклада я задам ему завтра.

На следующий день, как и было обговорено накануне, я отправился к Ивану Константиновичу за

мемуарами. Он сидел в комнате на своем обычном месте. Елена громко, буквально по буквам продекламировала ветерану цель моего визита к нему. Старик кивнул головой и женщина поспешила удалиться. Немного погодя ветеран начал своё повествование.

Да и рассказывать ему особо не о чем. Какой, мол, из него герой? Да, был на войне. Призвался в 1941 году, в конце декабря. Было тогда ему 23 года – по тем меркам уже зрелый возраст. Дома остались трое – жена, шестилетний сын и еще один сын, который в это время находился у жены под сердцем. Как с супругой познакомились? Довольно банально – на танцах. До сих пор памятно, как он к ней подошел и сказал, что она будет его женой. Ей оставалось только рассмеяться и тряхнуть каштановыми волосами. Но всё так и вышло. Была и свадьба, и кружевной воротник, и повозка с лошадью – всё как на тех фотографиях со стены. Жену звали Анна. Вместе с Иваном они работали в колхозе. Жена была очень умной девушкой, хотела поступать в техникум, но об этом пришлось забыть. Семья, дом, хозяйство – не до книг стало. Вскоре родился сын Андрей. Жили как все, жаловаться было не на что, работать надо было. А потом случилась война. Уезжал из дома Иван с тяжелым сердцем, понимая, что не застанет того момента, когда появится на свет второй ребенок – Анна была уже на последних месяцах беременности. Позже в письме Ивану сообщат, что у него родился сын Василий.

Проходил службу Иван Константинович в 235-м стрелковом полку 28-й Невельской Краснознамённой стрелковой дивизии. Зимой 1943 года их подразделению была поставлена задача провести разведку боем укрепления немцев под Новороссийском с захватом «языка». Задача была выполнена, но при отходе назад Иван получил тяжелое ранение в левую руку с повреждением кости. Его отправили в госпиталь на полгода. После излечения комиссовали домой.

Перед выпиской из госпиталя Ивану пришло сухое письмо. В нём соседка сообщила, что Анна умерла от пневмонии, а их детей фашисты отправили на принудительные работы, по слухам, в Румынию.

Иван вернулся в родную деревню и начал искать своих детей. Если опустить подробности, то нашёл он их спустя несколько лет, в детском доме города Арзамас. Они пасли коров в подсобном хозяйстве за территорией учреждения. Надо ли описывать, в каком виде их нашёл отец.

В 1951 году Иван Константинович был представлен к награде – Орден Славы III степени. Односельчане тут же сочинили обидную частушку:

*«Наш Ванюша Поляков
Вовсе не из дураков –
Когти в госпитале подлечил,
Вышел – орден получил!»*

Дело в том, что в те времена людей, комиссованных со службы с подобными ранениями, считали симулянтами или самострелами, дескать, сам себе выстрелил в руку, остался жив и был отправлен домой, в то время как другие могли и вовсе не вернуться с поля сражений. Но Иван Константинович

ничего никому доказывать не стал. Не в его характере это было – оправдываться.

У него в жизни и так был повод для переживания. Его дети, которых он нашел в интернате, теперь были ему как будто чужие. Они стали по характеру как те детдомовцы, среди которых когда-то жили – не слушались, грубили. Иван понимал, что во многом это происходит из-за отсутствия в доме жены. И он решил это исправить.

Говорили, что она приехала в их деревню откуда-то с юга. Называли за глаза казачкой. На самом деле её звали Мария. Она была внешне как Аксинья из «Тихого Дона». Конечно, многие на неё засматривались. Но вышла замуж она за Ивана Полякова. Это потом он узнает, что сердобольные соседки настоятельно посоветовали ей взять в оборот крепкого хозяйственного вдовца с двумя детьми. А тогда он искренне недоумевал, что эта красавица нашла в нём.

Новая жена после свадьбы быстро показала свой истинный характер. Вопреки ожиданиям Ивана, взаимопонимания с его сыновьями Мария так и не нашла. Кроме того, она была скупой и завистливой женщиной. Хлеб и конфеты запирала в дубовый буфет на замок. Сыновья Ивана были предоставлены сами себе – за их внешним видом и успеваемостью в школе мачеха не следила.

Вскоре у Ивана и Марии родилась дочь Варвара. Отныне и впредь всё внимание и забота были направлены только на неё, сыновья так и остались чужими в собственном доме. Иван понимал, что совершил ошибку. Женившись на этой женщине, он стал кем-то вроде героя из шаблонной сказки, только без счастливого конца.

Дети Ивана выросли, и один за другим уехали в город. Они довольно неплохо устроили свою жизнь. Андрей стал стоматологом, а Василий – строителем. Они так и не простили отца. Не простили ему интэрнат и издевательства мачехи. Говорят, они приезжают на могилу матери раз в год. Иногда опекуну Ивана Константиновича, Елене, передают немного денег, чтобы та купила что-нибудь отцу. Но сами на пороге его дома не появляются.

Уехала и Варвара, впоследствии она удачно вышла замуж за военного. Через некоторое время после замужества она приехала к матери и предложила уехать с ней. Мария, недолго думая, согласилась. Собрав всё нажитое добро, она исчезла вместе с дочерью. Адреса Ивану никто не оставил. Писем и телеграмм не приходило. Их нет и по сей день.

Возможно поэтому любимое место Ивана Константиновича в доме – на кровати возле окна. Наверное, он ждёт, что когда-нибудь кто-то из его семьи придет к нему, хоть ненадолго, хоть проездом.

Только не надо думать, что Иван Поляков жалуется на жизнь. Пенсию приносят, с праздником поздравляют, дом убирают, продукты покупают. А больше старику ничего и не надо. Только вот недавно попросил Елену купить ему йогурт – он по телевизору увидел и захотелось узнать, что это такое. Так она раскричалась как обычно, мол, какой тебе дураку, ещё йогурт? А ему бы так хотелось...

Я больше не мог ничего слышать. У меня защи-

пало, зарезало в глазах, и я не помню, как очутился во дворе, прижался к деревянному столбу и зарыдал. Слезы лились градом, и я не понимал, от чего. Как будто я наблюдал за собой, плачущим, со стороны. Мне было дико и страшно. Так последний раз я плакал на семейном празднике, когда мне было четыре года. В тот день к нам пришли друзья родителей вместе со своими детьми, и кто-то принес цветную книгу с иллюстрациями. Она попала ко мне в руки и всё было хорошо до того момента, пока я не открыл страницу, на которой была картинка – Бог, но почему-то в кандалах и за решеткой. Я захлопнул книгу и зарыдал в голос. Все присутствующие очень испугались и весь оставшийся вечер пытались успокоить меня сладостями и мультфильмами. Я до сих пор помню этот странный случай. Видимо, произошедшее со мной тогда и сейчас сорвало клапан с моей души, и появились слёзы.

Я вдруг понял, что всё, что происходило со мной в жизни – это такая ничтожная мелочь по сравнению с теми тревожностями, лишениями в жизни этого человека, прошедшего войну, потерявшего свою семью, всеми отвергнутого. Этот человек – один из тех людей, благодаря которым мы сейчас можем жить и даже поругивать, посмеиваться над тем временем, теми героями. Хотя это всё, если посмотреть со стороны, очень глупо и напоминает поведение подростка, ругающего своих родителей, пытающихся заработать денег на достойную жизнь.

Наконец успокоившись, я вытер рукавом лицо и вспомнил о желании Ивана Константиновича попробовать неведомый ему доселе продукт. Я вышел со двора и пошел в единственный на деревне магазин. Хотя магазином это полуразобранное, теперь больше напоминающее времянку, кирпичное здание с вывеской «Товары повседневного спроса» назвать можно было только условно. Видимо, кто-то из местных или заезжих позарился на добротный советский кирпич и решил частично разобрать сооружение для собственных нужд. Местами уже прохудившиеся тюлевые занавески – последнее пристанище для мух и пыли – немного прикрывали весь интерьер данного заведения от редких прохожих. Внутри тоже было безрадостно – на побелённом потолке висела лампочка Ильича, на покрашенных наполовину голубой краской стенах висели стеллажи, на которых был разложен скудный ассортимент, продуктовый минимум, который был ежедневно необходим оставшимся жителям деревни. Повелительница лавки стояла, опершись на прилавок, мысленно что-то подсчитывая, щелкая счетами и тут же вычеркивая из тетради. Пергидрольные локоны, синие тени до бровей и ярко-розовая помада – шик времён сухого закона. Услышав шаги посетителя, она недовольно скривила губы и теперь больше напоминала ведьму, которая украла голос у Русалочки. Она уже открыла рот, чтобы изречь какую-нибудь острую фразу, заготовленную для местных, но, осмотрев меня с ног до головы и признав за городского, смахнула желтоватую прядь со лба и выдохнула:

– Чего изволим?

– Мне бы йогурт, – проговорил я.

Предварительно не забыв закатить глаза, про-

давщица извлекла из ржавого холодильника спайку йогуртовых стаканчиков со вкусом груши и швырнула на прилавок.

– А других нет? – обнаглел я.

– Не в городе живём, – напомнила мне продавщица.

Я взял спайку, вытащил из кармана купюру, положил на прилавок и поспешно вышел из магазина, не дожидаясь сдачи и дальнейших вопросов. Покупку держал осторожно, боясь уронить и не донести до ветерана.

Войдя в комнату, я нашел Ивана Константиновича, смотрел в экран телевизора безучастным взглядом. Аппарат был включён на полную громкость, звуки политических дебатов сотрясали посуду в серванте. Время от времени фронтовик качал головой и безадресно повторял: «Да». Я подошел к нему и выложил на стол свой подарок. Ветеран посмотрел сначала перед собой, потом повернулся и задержал взгляд на разноцветной фольге йогуртовой спайки, затем, наконец, перевёл свой взгляд на меня, и впервые за всё время нашего знакомства я увидел, как он улыбается...

Уезжал я не столько с чувством выполненного долга, сколько с неким раздраем в душе. Да, я записал воспоминания Ивана Константиновича. Да, возможно, я что-то понял. Надеюсь, кое-что из этих приобретенных вновь знаний изменит мою дальнейшую жизнь. Но как это всё грамотно сформулировать на бумаге? Я никогда не писал подобных сочинений самостоятельно.

Спустя два дня, две бессонных ночи, пары пачек сигарет, я, вызвав беспокойство матери («Всё нормально, Владуш?»), всё же написал доклад для Знаменского. Я злился на себя, на свою безграмотность, на своё неумение связать и пары слов, чтобы выразить появившиеся мысли, но не отступал от заветной цели. Так или иначе, доклад был готов. Оставалась всего-то мелочь: отдать работу на суд преподавателя.

Распечатывая свой доклад, я заметил, что мне приходят сообщения в социальной сети от приятелей. Приближались майские праздники, и, по традиции, начиналось обсуждение, где собираемся, сколько готовить шашлыка, и так далее. Краем глаза я заметил сообщение от одноклассника: «Ну, что, скоро 9 мая! Может, повторим подвиг дедов?» Я почувствовал, как у меня кровь побежала к ушам. Повторим? Да всё, что вы можете повторить – это рюмку за праздничным столом. Что вы можете ещё повторить в своей жизни? Вам знакомо, что такое беречь как зеницу ока половину булки хлеба? Или варить кожаные сандалии, чтобы прокормить голодных детей? Нет? Иждивенцы на папиных автомобилях! Хотелось именно так и ответить повторяющим, которые уже начали активно включаться в тему и поддерживать первого оратора. Хотелось, но что-то меня сдерживало. Наверное, это моя природная робость перед принятием решений.

В аудитории в тот день было по-весеннему тепло, но меня колотил озноб. Если Знаменскому опять не понравится мой доклад, это означает, что скорее всего, я не сдал сессию, а дома такой новости от

меня, мягко говоря, не ждут. Наверное, я наделал кучу ошибок в своей работе. Перепутал даты. Подобные мысли лезли в голову, пока мы все не услышали звук приближающихся шагов в Знаменского и пряный аромат его одеколona. Он поздоровался со студентами в свойственной ему манере и сразу принялся за дело. Раздавал оценку «халтура» направо и налево. Всё было обидно, но одна деталь в его поведении стала заметна для меня только сейчас. С каждой «халтурой» его лицо приобретало всё более мрачное и даже горестное выражение. Знаменский презирал нас даже не за то, что мы списываем, ворует идеи или выдаём чужие работы за свои. Он презирал нас за то, что нам было всё равно. Нам были безразличны темы, которые он самостоятельно для нас выбрал. А ведь они были далеко не такими сложными, как нам казалось. Нам было плевать на судьбы тех людей, о которых мы писали. Мы просто передирали текст и сдавали на проверку, чтобы быстрее закрыть сессию. Нам было наплевать на самих себя, потому что, то, о чем писал я, к примеру, – это история каждого дома в нашей стране. Война затронула каждый дом, так или иначе. А писать мы должны были об этом, чтобы понять, что такое жизнь и война, что такое жить не только для себя, быть людьми, а не стадом со стеклянными глазами. Знаменскому было жаль нас, даже он не смог заставить нас хотя бы чуть-чуть задуматься в текстах наших же собственных докладов.

Стопка работ стремительно уменьшалась в руках преподавателя, но моя фамилия так и не прозвучала. Я сидел, нервно сдирая кожу с пальцев, ожидая вселенского позора. Внезапно Знаменский объявил, что «халтур» на сегодня предостаточно. Он повернулся к своему столу, открыл ящик и бережно достал одну папку-скоросшиватель. Он объявил автора и название. Это была моя работа. Знаменский стоял и зачитывал выдержки из моего доклада, а я ощущал на себе удивленные взгляды студентов, оборачивающихся посмотреть на героя сегодняшнего дня. Закончив, Знаменский прошел через всю аудиторию, подошел ко мне, пожал руку и сделал в зачетной книжке отметку о сдаче зачета по отечественной истории. Это было невероятно. Я сидел и размышлял над тем, что произошло, и это не укладывалось в моей голове.

Также сегодня у меня по плану была сдача зачета по философии. Я вошел в соседнюю аудиторию на ватных ногах, у меня колотилось сердце от понимания того, что я впервые выполнил работу сам, без чьей-либо помощи, и получил высокую оценку. На лицах однокурсников я прочёл нескрываемую зависть.

Я подошел к столу и, зажмурив глаза, вытянул билет. На полоске бумаги было напечатано: «Вечные ценности в человеческой жизни». Я улыбнулся, поняв, что зачёт по этому предмету у меня в кармане.

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

Людмила ДЯГИЛЕВА, журналист. Автор книги «Чус ты мой милый» и многих публикаций в периодических изданиях о людях культуры.

ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВЬТЕ АВТОГРАФ

Возраст женщины принято скрывать, но моя собеседница может круглой датой даже гордиться: почти никто из ее знакомых никогда не даст ей 80, разве что 60–70, не больше, до того она яркая, экспрессивная... Уговариваю Галину Матвеевну Завертяеву рассказать, как с высоты своих лет она оценивает эти годы. Чем они были наполнены? За что в тех прожитых годах она может себя похвалить, а на что-то просто махнуть рукой: «Эх, не доучилась...»

Приметы пролетевших десятилетий я вижу в ее уютной квартирке на ул. Гончарова: над диваном – картины, рисунки, над столом – фотографии в рамках (Евтушенко, Смоктуновский), полки с любимыми книгами. К нашей встрече приготовлены для меня папки, которые мы обязательно будем рассматривать. Пытается привлечь мое внимание толстячок Степа: Галина нашла его совсем крохотным котенком – если бы не запищал, не заметила бы. Принесла домой, отмыла, отогрела, откормила...

Писать о талантливом человеке нужно осторожно. Не то слово, не та интонация и ты сама почувствуешь: «не вошла в эту реку». Несколько лет назад Галина решила рассказать историю хранящихся в её архиве автографов известных людей. Я выпросила у нее эту рукопись. Было в ней что-то булгаковское, помните: «За мной, мой читатель...» Когда память выплескивала все новые и новые события пережитого, и они торопили ее, стремясь успеть занять в этой рукописи свое место, Галина обращалась к себе: «Успокойся, – говорю я себе, – успокойся! И начинай».

Она родилась почти что в том же доме, где мы встретились после ее 80-летия. Почти, потому что дом, в котором прошло ее детство, стоял на этом самом месте. Какое-то время Завертяевы жили в Володарских домах, потом вернулись на улицу Гончарова в уже новый, только что отстроенный дом недалеко от почтамта. Квартира была большой, но потом – после убывания жильцов – Галина обменяла ее на однокомнатную.

Училась в школах №3 и №6. Третья была ближе, но в 6-й училась подруга, которая чем-то сумела завлечь туда и Галя.

– Я была ведомой, – вспоминает она о себе-школьнице.

В шестом классе она полюбила Маяковского, сердцем почувствовала, что это ее поэт. После этого читала его стихи на всех торжествах.

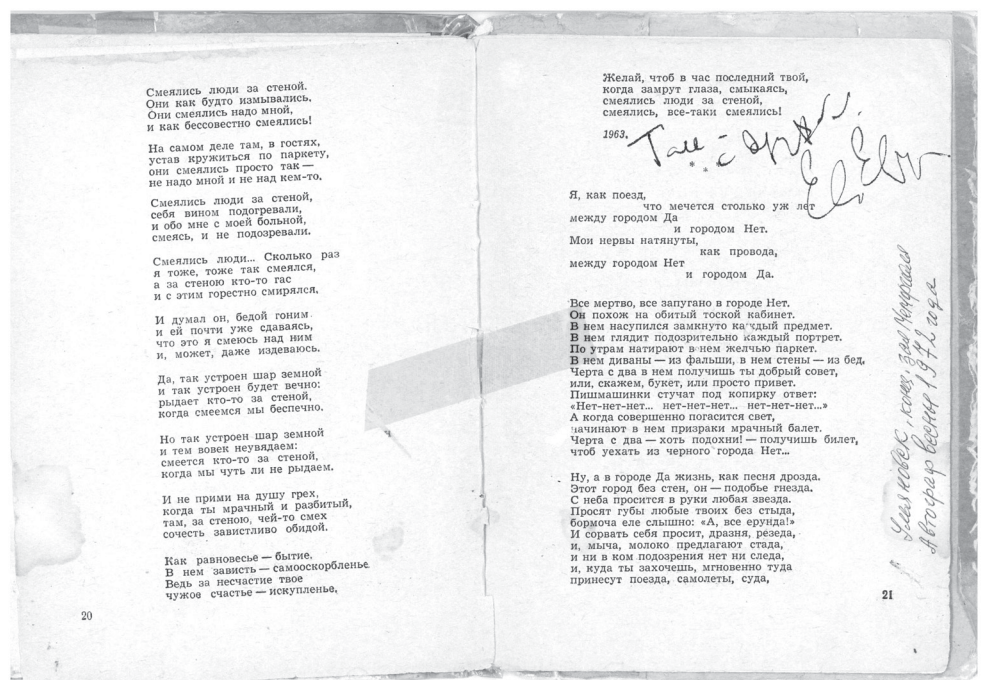
Ядерная физика – второе сильнейшее (после Маяковского) увлечение. Учебника не хватало, читала все, что могла прочесть. Познания Гали в этой области были настолько объемны, что однажды учитель физики предложил ей провести по этой теме урок, потом еще один.

Именно в школе №6 кто-то из учителей заметил ее рисунки. Галя уверенно рисовала и левой рукой, и правой. Ей посоветовали записаться в студию рисования к Юрию Павлову. Перед талантливой девочкой открылся целый мир: если руководитель ставил перед ней скульптурную голову Давида, Галя не только рисовала, но и читала о Давиде всё, что могла. Это увлечение привело к тому, что она стала хуже учиться в школе.

«Галя, а ты ведь могла бы быть отличницей», – как-то укорила ее любимая учительница Валентина Константиновна. Укор подействовал. Оказалось, ничего сложного: просто учи то, что задано, и отвечай... Когда Валентина Константиновна перестала вести в их классе уроки, Галя перешла в стан твердых ударниц. Потому что больше не для кого было быть отличницей.

Вот и выпускной! «Делать жизнь с кого?» Галина была убеждена, что ее дело – ядерная физика. Поступать решила в Ленинград. В политехнический не добрала баллов и вернулась домой. На следующий год поступала также в политехнический, но уже в Волгограде, где жила одна из ее сестер. Поступила, училась, но ее добросовестность в учебе пересилили чересчур активные занятия в художественной самодеятельности. Без нее не проходил ни один институтский концерт. Она была чтецом номер один. Она всем сердцем проживала на сцене каждую строчку любимых поэтов. Казалось бы, что еще? Учись, осваивай выбранную профессию, занимайся чем хочешь. Но стоило закрыть глаза, как перед Галей появлялись улицы Ленинграда, дома с незабываемой архитектурой, каналы, памятники. Все это мешало привыкнуть к городу на Волге, полюбить его, ведь все, что мы называем душой, уже было пропитано Ленинградом. Она бросила стезю технаря и вновь поехала в город на Неве. Пыталась поступать на филфак ЛГУ и не добрала баллов. Но на этот раз не уехала. Устроилась на пряжекрутильную фабрику «Веретено». Что давала эта работа? Общежитие и прописку. Зарплату и свободное время, которое она могла посвящать любимому городу. Рядом с общежитием находился Дом культуры им. И.И. Газа, в который Галина, конечно же, записалась, чтобы читать со сцены стихи любимых поэтов. Ей казалось, что она знает, как надо читать стихи. Но однажды на этой же сцене ДК выступили поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский и Римма Казакова. Галину ошеломило их выступление.

Ее даже покорило: где красота и звучность голоса, где драматизм декламации? И в то же время она приняла то, **как** они читали свои стихи, потому что они не выступали, они их про-жи-ва-ли. Это было открытие, после которого она перестала читать стихи со сцены. Более мощный эффект стала получать от чтения стихов наедине с собой.

Автограф Евтушенко

А однажды Галина почувствовала, что и ей хочется вплетать в такие же строки свои чувства, все то, что переполняло ее сердце. Когда получилась довольно толстая тетрадь, решила показать ее... Евтушенко. Он прочел. Вначале он называл ее «деткой», а после прочтения ее стихов – Галей. Стихи он одобрил, но все-таки уловил, что ей лучше писать прозу. На одной из встреч с поэтом она попросила оставить автограф в его тоненькой книжечке стихов. Евтушенко взволновало, что Галина хранит чуть ли не первый его сборник. До сих пор для Галины Матвеевны это один из самых дорогих автографов в коллекции.

Через сравнительно короткое время она знала все театры и все актерские составы, не пропускала новые постановки. Огромный пласт жизни – знакомство и, по сути, влюбленность в замечательного артиста Иннокентия Смоктуновского. Естественно, что в архиве Галины Матвеевны есть и его автограф. Со Смоктуновским она встречалась несколько раз, писала ему, он отвечал. Последнее письмо, написанное при жизни актера, он не успел прочесть. Сегодня оно читается как молитва.

Одним из любимых мест в городе стала Ленинградская филармония. Однажды услышав там Галину Вишневскую, она влюбилась в ее голос. На одном из ее концертов дирижировал Мстислав Растропович. Шарж на Ростроповича и его автограф у Галины Завертяевой появился только в Ульяновске, где он какое-то время репетировал в симфоническом оркестре. Бывала на концертах, где дирижировали Е. Мравинский, В. Федосеев.

Автограф В. Федосеева

В коллекции Галины есть и автограф Елены Камбуровой.

Музыка окрашивала ее жизнь в неведомые ранее краски. Позднее вспоминала, как приехала в Ленинград, зная разве что «Полонез Огинского», а уезжала с таким объемом знаний слушателя и зрителя, что этот опыт наполнил душу и осветил весь дальнейший путь.

Четыре раза поступала во ВГИК – не получалось. По-прежнему увлекалась рисованием. Где бы ни была – вынимала карандаш, блокнотик и зарисовывала очертание лица или души, порой удавалось вырисовывать именно душевное состояние человека.

Старалась не пропускать новые выставки: «За холст Домье и Гойя в миг один / отдам все яблоки Сезанновых картин».

В 1968 году Галина Завертяева поступила на художественно-графический факультет педагогического института им. А.И. Герцена. Однажды доцент Михаил Герман повел их на выставку художника Натана Альтмана, автора портрета Анны Ахматовой. Во время его выступления Галина сделала две-три зарисовки, после чего осмелилась показать художнику лучший на ее взгляд шарж и взять у него автограф.

Той же осенью в Эрмитаже произошла еще одна памятная встреча. Галина вначале сделала набросок, потом смело подошла к французскому художнику Андре Фужерону и попросила оценить ее рисунок.

«Я подошла к Фужерону, – пишет об этом Галина в своей рукописи. – Он еще сидел за столом, и я положила перед ним блокнот с рисунком. Художник, увидев рисунок, хмыкнул, взглянул с любопытством на меня, потом взял мою ручку и подчеркнул мой рисунок своей подписью».

Как же она боготворила Ленинград! Как и Валерий Брюсов, любила, гуляя по улицам, заглядывать в окна: «Смотрю в лицо идущих мимо, в их тайны властно увлечен...».

И все-таки в начале 70-х Галина Завертяева вернулась в родной город.

Сюда привезла любовь к тем, кто творит, пишет, играет, сочиняет.

Посещала занятия в литобъединении «Надежда», где рисовала дружеские шаржи на студентов. Естественно, и на руководителя – Александра Семенича Бунина.

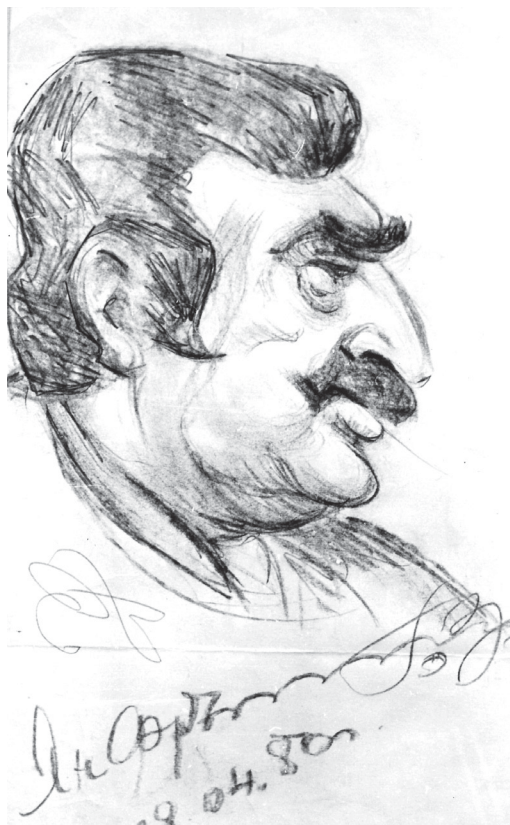
В жизни Галины было много встреч с известными людьми. Пополнялась коллекция автографов.

Где бы ни работала – рисовала. В отделе ГПИ – «Спецпроектреставрации» – рисовала коллег по работе, в драмтеатре, при режиссере Ефремовой, – артистов, например, есть шаржи на Бориса Александрова и Зою Самсонову, на телевидении – опять же коллег. Галина Завертяева была своим человеком в коллективе Ульяновского симфонического оркестра. На одной из посвященных оркестру выставок экспонировалась серия её шаржей-портретов артистов оркестра. В 1973 году в этом оркестре репетировал Мстислав Растропович. Галина Матвеев-

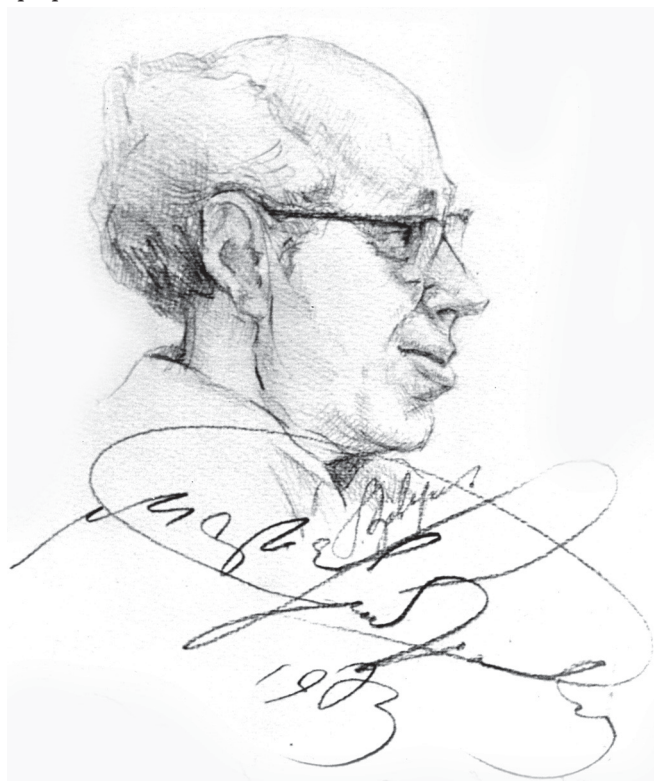

Фото с Ю. Ростом

евна вспоминает, что «набралась дерзкой храбрости и обратилась к нему с просьбой – разрешить мне, сидя в оркестре, рисовать его». Он ответил, что если хозяин – дирижер Эдуард Серов – разрешит, то он не против. Серов разрешил – так в коллекции Галины Завертяевой появился дружеский шарж и автограф знаменитого виолончелиста.

Шарж на Я. Френкеля

Шарж на М. Растроповича

28 лет Галина Матвеевна проработала в областной детской художественной школе. Благодаря ей тысячи ребятшек научились рисовать. И не только. Влюбленная в музыку, живопись и поэзию Галина Завертяева учила их тому, чем восторгалось ее сердце. Например, как-то предложила ребятам проиллюстрировать то, что они читали, что им запомнилось. Учила ребят воспринимать и передавать, вдохновляться и выражать свои чувства в рисунке.

Из рукописи Галины Завертяевой:

«Когда тоскуется – не только тогда, но все же тогда особенно – берешь любимый томик в руки, распаиваешь его объятия и погружаешься в дивные смыслы. И воспаряешь! Напрочь позабыв о недавней тоске».

Невозможно одной публикацией охватить то, чем наполнила Галина Матвеевна Завертяева свои так полно, бурно, талантливо прожитые восемь десятилетий. На каждой полке в ее квартире – дорогие сердцу вещи, экспонаты с историей – книги, шаржи, автографы, фотографии, которые охраняет верный друг – кот Степашка.

ДИРЕКЦИЯ «УЛЬЯНОВСК -
КРЕАТИВНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО»

УЛЬЯНОВСК – ГОРОД ЛИТЕРАТУРЫ

КРЕАТИВНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАКТИКИ УЛЬЯНОВСКА ПРЕДСТАВЛЕНЫ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

В декабре Ульяновск принял участие в Международном туристском форуме Travel Hub – 2022 в Санкт-Петербурге, собравшем экспертов из более чем 20 регионов РФ, а также из Сенегала, Нигерии, Саудовской Аравии, Турции, Бразилии, Мексики, КНР. Цикл мероприятий, посвященных креативному туризму, прошел под эгидой комиссии РФ по делам ЮНЕСКО.

Спикером форума стала руководитель дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Елена Черкас, которая представила Ульяновск как город, в котором уделяется особое внимание развитию креативных индустрий. Получение в 2015 году статуса «Город литературы» значительно расширило международное сотрудничество с писателями из литературных городов – в Ульяновске с 2015 года побывали литераторы из Словении и Новой Зеландии в рамках проекта «Международная писательская резиденция». Был также презентован фестиваль городов ЮНЕСКО «Перекресток».

Гастрономия находит отражение в литературе, и это открывает возможности для развития креативных индустрий и туризма. Творчество симбирянина Ивана Гончарова вдохновило на создание блюда «Перепелка по-обломовски» бренд-шефа ресторанного холдинга Matreshki group Наталью Сахарову, которая провела мастер-класс на форуме.

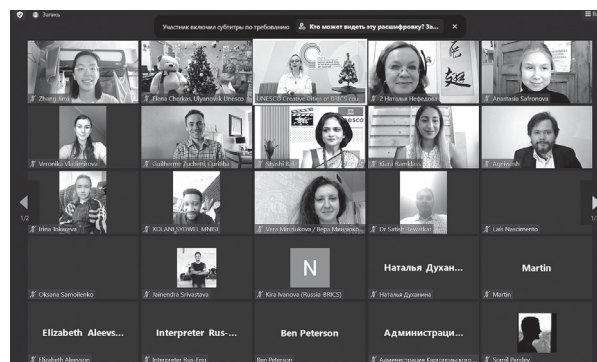
Во время работы круглого стола «Источники вдохновения. Экозоны в креативных городах» дирекция программы представила ульяновские городские ландшафты как «точки вдохновения» для

горожан: к примеру, сквер Карамзина, геопарк «Ундория» и т. д.

«Участие в комплексе мероприятий «Роль креативных индустрий в социально-экономическом развитии туристских территорий, в том числе входящих в «Сеть креативных городов ЮНЕСКО» дало Ульяновску уникальную возможность обменяться опытом и представить свои лучшие практики в сфере решения креативных задач и взаимодействия с туристской индустрией. Насыщенность смыслами и туристскими кодами делает наш город особенным и непохожим на другие, а креативные индустрии являются стимулом для развития экономики и туристской привлекательности города», – отметила координатор программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», начальник Управления культуры и организации досуга населения г. Ульяновска Елена Топоркова.

СОТРУДНИЧЕСТВО КРЕАТИВНЫХ ГОРОДОВ ЮНЕСКО СТРАН БРИКС

Дирекция программы выступила в качестве спикера на шестой онлайн-встрече программы творческой кооперации «Креативные города ЮНЕСКО стран БРИКС: творим вместе». Инициатором выступил проектный офис международного молодёжного сотрудничества «Россия – БРИКС», действующий на базе фонда креативных технологий

«Ульяновск - культурная столица». Среди участников были представители Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. Дирекция программы презентовала опыт участия в сетевых проектах литературных городов ЮНЕСКО: «Едиственный вопрос», «Стихотворение по цепочке», «Большой город читает», а также рассказала о запуске переводческого центра, о проведении телемоста «Россия-Бразилия». В финале дирекцией программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» были высказаны предложения о сотрудничестве креативных городов стран БРИКС.

УЧАСТИЕ В ГОРОДСКОМ ФЕСТИВАЛЕ «РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БУЛЬВАР»

Дирекция программы выступила партнером АНО «Арт-Фест» при организации городского фестиваля «Рождественский Бульвар», который украсил декабрьскую афишу событий Ульяновска.

«Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» совместно с МБУК «ЦБС» представили арт-площадку, где можно было посетить мастер-классы по созданию книжек-малышек, фоторамок, получить интересные предсказания на 2023 год, поиграть в видеоприставку и сфотографироваться в красочной фотозоне.

ВСТРЕЧА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНДИИ

Дирекция программы приняла участие во встрече с представителями Индии, которая состоялась в мэрии г. Ульяновска.

Мероприятие прошло под руководством первого заместителя главы города В.И. Андреева с участием представителя образовательного института «New Era Education» доктора К. Дхармендра. В разговоре принимали участие заместитель главы города И.Б. Митрофанова, руководители структурных подразделений администрации города Ульяновска, руководитель дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Е.Е. Черкас и студенческий актив УлГУ.

Обсуждались вопросы социокультурной адаптации индийских студентов, обучающихся в вузах Ульяновска. Дирекция программы предложила провести телемост дружбы «Индия – Россия», заключить соглашение о сотрудничестве. Вовлечение студентов из Индии в социокультурную сферу города является одним из важных направлений работы дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО».

«ПЕРЕКРЕСТОК» СТАЛ «КРЕАТИВНЫМ СОБЫТИЕМ ГОДА»

Фестиваль креативных городов ЮНЕСКО «Перекресток» стал победителем II региональной премии в сфере креативных индустрий «Ульяновская область – креативный регион» в номинации «Креативное событие года».

Напомним, что инициатором и организатором фестиваля выступило Управление культуры и организации досуга населения администрации города Ульяновска. Мероприятие прошло при поддержке комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Партнёрами фестиваля стали фонд «Ульяновск – культурная столица», МБУК «ЦБС».

«УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР»

Состоялась финальная встреча в рамках благотворительного просветительского проекта «Удивительный мир». За всё время действия проекта 150 детей смогли проявить свои творческие способности на мастер-классах от представителей креативных индустрий Ульяновска. Партнером проекта стал благотворительный проект «Подарок судьбы».

Завершающий мастер-класс для детей из социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Причал надежды» провела участница творческого пространства «МиР» О. Саховская.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАТОК»

Частью новогодней программы города стало мероприятие «Литературный каток», прошедшее в Троицком переулке Соборной площади. В нем приняли участие более 200 человек, среди которых были жители Ульяновска и гости из Казани, Самары, Ивановской области, Республики Саха-Якутия и т. д.

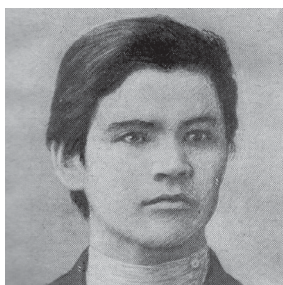

Любой желающий смог прочесть со сцены любимое стихотворение. Лучшие чтецы получали призы от наших партнеров: ООО «Адреналин», парк аттракционов «Винновская роща», «Парк динозавров в парке Победы», ДК «Руслан», ККК «Современник», ООО «ТД «Ульяновский хладокомбинат».

Мероприятие было организовано дирекцией программы при поддержке Управления культуры и организации досуга населения администрации г. Ульяновска и МБУК «ЦБС».

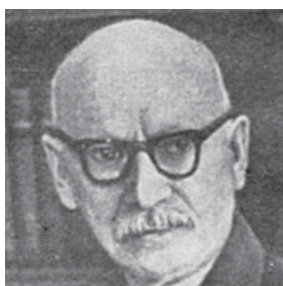
Подготовила Дарья Фокина.

Григорий ТИМОФЕЕВ (1878–1937)

2 февраля. 145 лет назад родился чувашский писатель и фольклорист Григорий Тимофеевич Тимофеев (02.02.1878, с. Старая Тюрлема, ныне Козловского р-на Чувашской Республики – 17.10.1937, г. Абдулино Оренбургской обл.). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1896). Работал учителем и священником в селе Альшеево Буинского у. Симбирской губ. (ныне Буинского р-на РТ). Главный литературный труд – сборник этнографических очерков, воспоминаний и фольклорных материалов «Девять деревень». Собирал сказки, легенды, предания, наблюдал за бытом населения, обрядами и обычаями чувашей. В 1908 году опубликовал сочинение «Образы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним».

Евгений ЛЮФАНОВ (1908–1989)

2 февраля. 115 лет со дня рождения прозаика Евгения Дмитриевича Люфанова (02.02.1908, г. Моршанск Тамбовской губ. – 06.12.1989, г. Воронеж). Член Союза писателей СССР (1934). Автор книг прозы «Повесть о барашевских днях» (1931), «Исламов» (1934), «Накануне счастья» (1963), «Набат» (1967), «Великое сидение» (1982); пьес «Жигули», «В сады приходит весна», «У самого белого моря» и др. Не раз приезжал в Ульяновск для сбора материалов к трилогии о В. И. Ульянове-Ленине: «Самый короткий путь. Симбирские были» (1970), «Мятежная юность» (1974), «Молодецкий курган» (1980); встречался с краеведом Ж.А. Трофимовым. Возглавлял Воронежскую областную писательскую организацию.

ВЕЛИКОЕ СИДЕНИЕ (отрывок из романа)

Завёрнутая в баранью шкуру, красная палка обошла многие аулы, и старейшины башкирских родов поставили на ней свою тамгу в знак того, что присоединяются к восставшим.

И вот как сразу стало хорошо: стоило потуже затянуть на шее урядника аркан, и уже можно собираться кучно на любой тропе, на малой и большой дороге и громко высказывать долго скрываемое возмущение. Ожил немевший до этого язык, налились силой руки, зорче вглядываются вдоль сразу забывшие робость глаза. И было удивительно, как это они, башкиры, боязливо подчинялись старшине да уряднику, потому что у тех в руках была плеть. Неужели нельзя было раньше справиться с ними? Справились же теперь!

И ожили заколоченные до этого кузницы, запылали в них горны, застучали молотки, сбивая искромётную окалину с раскалённого железа. Острые наконечники стрел не разучились выковывать башкирские кузнецы. Уже заготовлено множество луков, и на каждом из них туго натянута тетива.

На Казанской дороге между рекой Ак-Идель и аулом Чульмой, у кибитки старика Аллаязгула башкиры слушали письмо, доставленное из главного отряда повстанцев.

– Седлайте четырёх коней...

Старик Аллаязгул знал, что означают эти слова, и пояснил их:

– Поднимайте четыре дороги Башкирии – Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую...

– Отбирайте пшеницу от куколя... – читали дальше.

И Аллаязгул разъяснял смысл этих иносказательных слов:

– Отбирайте верных людей от изменников...

– Кто с нами? – спрашивали в толпе.

И читавший письмо перечислял:

– Примкнул род Тамьянский, Курматинский, Табынский, Айлинский, Дуванский... Много родов. И степь, и горы с нами. Решайте, что будем делать мы.

Аллаязгул поднял руку, сказал:

– Будем собирать кибитки. Скот угоним в горы. Женщины и дети будут с ним.

– И обратился ко всем:

– Так я сказал?

– Так!.. Айда!.. – слышались голоса.

Вот и прощай, аул. Прощай навсегда, злосчастная эта родина!..

В ауле суматоха. Часть его жителей решает уходить в Киргизию, в надежде на более сносную жизнь. Далёк путь туда и – кто знает? – будет ли там легче для них, незваных пришельцев, обойдённых удачей и счастьем в своих местах? Некоторые семьи решали смириться со своей безрадостной участью и остаться здесь, теперь уже не на своей земле, перешедшей от них к богатому сотнику Мурзабаю, уплатившему царской казне налог за карие глаза всех их домочадцев и ещё дополнительно за косы их дочерей. Не знают только, как дальше тут жить. Может, тоже придётся бороться и примыкать к восставшим? Может метко пущенная стрела, острое копьё да крепкий аркан помогут одолеть врагов? Может захочет аллах, чтобы победили они, его правоверные?..

Давний кунак Аллаязгула, его сосед Сагид, собрался уходить в Киргизию, и не придётся, значит, им породниться, как они думали все эти годы. Алме, дочери Сагида, исполнилось пятнадцать лет, и скоро, может быть, очень скоро вернётся из поездки за солью Амин, сын Аллаязгула, которому осенью сравняется шестнадцать лет. Думалось, что близок день второй их свадьбы, после которой они станут жить отдельно в своей кибитке. Помнит Аллаязгул, какой весёлой была их первая свадьба, когда Амину пошёл второй год и он уже учился ходить, а Алма могла только сидеть на руках матери. На их свадьбу собралось тогда много гостей, и, как это полагалось, каждый гость оделял жениха и невесту подарками. Дарили паласы, кошму, коз и баранов; были песни и пляски под игру кураистов, было много выпито кумыса и айрана, – долго и хорошо веселились.

Ах, ах!.. Уведёт Сагид свою дочь, и не будет она женой Амина; где-то уже далеко-далеко окажется Алма, когда Амин вернётся домой с добытой солью. Но куда, в какой дом он вернётся? где найдет он отцовскую кибитку? Сколько горьких известий ожидает его. Ай, ай!..

Марина СУБИНА (р. 1963)

3 февраля. 60 лет исполняется поэтессе Марине Юрьевне Субиной (р. 03.02.1963, г. Ульяновск). Окончила исторический факультет Ульяновского педагогического института (1987). Преподавала общественные и исторические дисциплины в учебных заведениях города. Работала библиографом в Ленинском мемориале; заведующей Квартирой-музеем В.И. Ленина. В настоящее время – старший научный сотрудник Дома-музея В.И. Ленина. Основатель и руководитель литературного молодежного салона «СимбирЛит». Редактор литературно-художественного альманаха «СимбирЛит» (2009–2019). Автор книги поэзии и прозы «Мой дом» (2010). Награждена памятной медалью Министерства культуры РФ к 200-летию И.А. Гончарова (2012). Живёт в Ульяновске.

КТО-ТО

Кто-то мерзкий и гнусавый
за спиной, издаലെка
всё колдует... Боже правый,
его сила велика!

Сердце он тоской сжимает,
камень на душу кладёт,
сожаленьям не внимает
и казнить не устаёт.

Подвергает всё сомненью,
отпускает всё в кредит,
превращает жизнь в мученье,
убеждает и твердит:

«Мы по глупости страдаем,
мы из милости живём,
с детства попусту мечтаем,
ни за грош и пропадём».

Года сквозняками в былое умчались,
и в тридцать – прозренья приходит беда.
Зачем я не с Вами, зачем мы прощались?
Сердечных знамений ушли поезда.

Одна среди прочих, как пёс среди кошек:
калечит меня этот будничный вой.
Душа разорвалась в лоскутные клочья,
всё сущее – грошик. Вас нету со мной...

На симбирском Венце ветер с белых дерев
звонко мелкие льдинки сбивает.
Как мужик на крыльце, с краю ветки присев,
ворон старой шарманкой вздыхает.

На узоры перил, на ступеней каскад,
на музея покатые крыши
серебром заискрил, зачертил снегопад,
наступая на город неслышно...

Возможно, ещё потеплеет?
 Но завтра зима...
 Повсюду снега забелеют,
 я побелею сама.
 Скрепим наш союз. За дружбу.
 До капельки. До конца!
 Метелями город закружит,
 и рельсы застонут натужно...
 Так трудно, невысказанно трудно
 держать выраженья лица.

Ненавижу нудный дождь за окном,
 эту слякоть, первый снег, мокрый снег.
 Ненавижу эту боль под ребром,
 неизменно там болит целый век.

Сколько может претерпеть человек?
 Всякой боли – нелюбовь всех больней.
 Нелюбовь смертельно бьёт из-под век
 равнодушных глаз любимых людей...

Семён МУСИН-ПУШКИН (1858–1907)

6 февраля. 165 лет назад родился поэт и публицист Семён Александрович Мусин-Пушкин (06.02.1858, с. Часково Мологского у. Ярославской губ. – 03.09.1907, г. Ярославль). Сын дворянки Симбирской губернии Е.В. Толстой, близко знакомой с И.А. Гончаровым. Летом 1870 года домашним учителем поэта в имении Горки Карсунского уезда был будущий народоволец А.И. Желябов. Автор поэтических сборников «Недопетые песни» (1881) и «Стихотворения» (1907), краеведческой книги «Очерки Мологского уезда» (1902). Публиковался под псевдонимами Семён Часков, Иноземец. Застрелился, не сумев оправдаться в подозрениях о крупной растрате земских денег; позже обвинения были сняты.

ОЧЕРКИ МОЛОЖСКОГО УЕЗДА (отрывок из книги)

Старший сын Давида Феодоровича ярославского, князь Василий, по прозвищу «Грозные очи», получил в удел Ярославль и был женат на княжне Евдокии Иоанновне московской, дочери Иоанна Калиты. Второй сын, князь Михаил Давидович, получил в удел Мологу (1321 г.) и стал родоначальником ветви князей моложских. Им оставлена в наследие Мологе местная святыня – чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, находящаяся ныне в женском Афанасьевском монастыре. Князь ярославский Василий Васильевич, сын Василия Грозные очи, и князь моложский Феодор Михайлович, сын Михаила Давидовича, сопутствовали в походах, в качестве подручных князей, Димитрию Донскому в 1375, 1380 и 1386 году. Под конец жизни Феодор постригся в монахи под именем Феодорит. После его смерти в 1408 году моложский удел был поделён между его сыновьями: князь Димитрий получил Мологу, Семён (в иноках Серапион) – Сить, Иван-Прозорово, а племянник Феодор Иванович – Шуморово. Отсюда пошли князья ситские, прозоровские и шуморовские.

Так же, как ранее, река Сить была гранью между ростовско-суздальскими и новгородскими владениями; так, впоследствии, в московском периоде, она стала гранью между московским и тверским княжествами. Известно, что во второй половине XIV века в Мологе была крепость, которая в 1371 году взята была тверским князем Михаилом Александровичем. Местность примоложская сохраняла свой торгово-порубежный характер, и тогда, и гораздо позже. Известно, что несколько выше впадения реки Сити с незапамятных времён существова-

ла знаменитая ярмарка в так называемом Холопьем Городке (в отличие от Княжич-Городка на реке Шексне). Здесь съезжались торговцы с запада и востока; северные инородцы привозили меха, арабские и персидские купцы – сабельные клинки, новгородцы и суздальцы обменивались товарами.

Местность, где была эта ярмарка, и до сих пор сохраняет название Старого Холопя. Здесь видны остатки старинных земляных валов и укреплений, и попадались интересные находки старинных монет – римских и арабских. Но капризное русло реки Мологи оставило своё прежнее ложе, обходившее длинную лукою урочище Старое Холопье, следы чего ясно видны в продолговатом и изогнутом дугую озере Видинском, и разрезало остатки укреплений на две части, причём в значительной мере уничтожило их, смыв бесследно. Теперь на левом берегу видно около трети земляного насыпного укрепления с тремя подножиями башен по углам, а на правом – остатки вала, на котором стоит церковь и село Борисоглеб (усадьба графа А.А. Мусина-Пушкина).

В XIV веке торг у Холопя был настолько значителен, что в казну князя поступало пошлин ежегодно до 180 пудов серебра. При Василии I весь этот край считался уже во владении Москвы.

Иван III отдал Холопье Городище и Мологу в удел сыну своему Димитрию и перевёл самую ярмарку к устью реки Мологи на боронишинский луг, где по соседству основался и мужской монастырь, сльвшийся «Холопьем». По преданиям, и здесь торг был значительный, и река Молога заставлялась судами так, что можно было переходить с одного бе-

рега реки на другой по судам, как по мосту. С того же времени Молога сльвёт «пьяною», вероятно, потому что где торг, там была и гульба.

Начиная с царствования Ивана Грозного край утрачивает свой порубежный, окраинный характер, становится служебной частью Московского государства. Сюда выселяют из Москвы мастеровой люд, ткачей-хамовников (сёла Брейтово и Черкасово), рыбаков в Рыбную слободу и слободу Мологу; здесь устраиваются соляные варницы (в слободе Горькой Соли и в урочище Городищи, близ реки Пушмы, в Боронишинской волости), где и до сих пор видны следы труб, через которые добывался рассол.

В смутную эпоху этот край много потерпел разорения от мятежных казаков и поляков, заглядывавших сюда по Волге.

Предание говорит, что знаменитая ярмарка, бывшая сначала в Холопьем Городке, потом на боронишинском лугу под Мологой, около этого времени захудала, а в 1654 году, утраченная чумой, и вовсе прекратилась. Торг перешёл частью в Весь Ягонскую, частью в Ростов, а главным образом – далеко на восток, вслед за отодвинувшейся границей Русского государства, сначала в Казань на Арское поле, потом в Василь-Сурск, затем в Макарьев на Жёлтые Воды и наконец в Нижний Новгород, где существует и до сих пор.

Пётр ЧАРДЫНИН (1873–1934)

8 февраля. 150 лет со дня рождения режиссёра, актёра и сценариста Петра Ивановича Чардынина (08.02.1873, с. Никольское Пензенской губ., по другим данным – г. Чердынь Пермской губ. – 14.08.1934, г. Одесса). В детстве переехал с родителями в Симбирск, начал творческий путь в местном театре. Учился в Симбирской гимназии, с 1890 года жил в Москве. Автор более 120 игровых фильмов, в т. ч. по собственным сценариям. Впервые экранизировал роман И.А. Гончарова «Обрыв» (1913). Был режиссёром одесской кинофабрики. Своим адресом указывал Симбирск, дом на улице Московской, 21 (ныне улица Ленина, 27). С 1906 года этим домом официально владела его мать Е.П. Красавцева.

Василий ЖУКОВСКИЙ (1783–1852)

9 февраля. 240 лет назад родился поэт и переводчик Василий Андреевич Жуковский (09.02.1783, с. Мишенское, ныне Белёвского р-на Тульской обл. – 24.04.1852, г. Баден-Баден, Германия, похоронен в С.-Петербурге). Автор баллад «Людмила» (1808), «Светлана» (1812), «Эолова арфа» (1814), многих стихотворений. Служа при императорском дворе, облегал участь опального А.С. Пушкина. Был в Симбирске 5–7 июля 1837 года, когда сопровождал в качестве наставника будущего императора Александра II. Впечатления о городе отразил в своём дневнике. Отметил прекрасный вид на Волгу и Воложку, нарисовал на Венце для близкого друга, симбирянина А.И. Тургенева, карандашный набросок «Вид Симбирска».

ПУТЕШЕСТВИЕ С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ (отрывок из дневника)

Пребывание в Казани. Рисовал. В Зилантьевом монастыре и на памятник. В.М. Попов. У меня университетские. Визиты к Пушкину, к Еремееву, к Герману, к архиерею Владимиру. Обедал у великого князя. Крюков, филолог московский. Посещение из Вашка. После обеда гулянье по саду. Галерея. Польский. Особенного рода плоды на деревьях. Театр. Загоскина «Оскольдова могила». Вечером писал письма. Разговор с Еремеевым о бессрочных, о переселениях; ученье и экзамены. О населении Сибири. О кантонистах. Фукс. Статистика нравственности. В городах не осматривал, а говорил с встречными. Записывал отдельные факты.

Июня 23, вторник. Переезд из Казани в Симбирск. Между Волгою и Казанью – луг. Зелёная роща с маленьким озером, как лужа. Пристань старая. Разлив. Апраксин шут. Крутой въезд. Прекрасный вид. Спуск и снова въезд. Казань исчезает. Поля. Дорога прочь от Волги на юго-запад. Дорога полями. По обеим сторонам дороги дубы и кустарник.

Сеитово. Привал. Прекрасная равнина. Вправо – горы амфитеатром. Небольшое озеро с стадом на берегу, вправо – прекрасная деревня с рощею, церковью и господским домом. Богатые пашни. Дорога через деревню с господским домом. Село Макулово князя Ухтомского на высоте, перед ним плодородная равнина. Какая разница, соломенная и тесовая кровли! Прекрасная деревня вправо. Церковь на холме, мельница, роща, усадьба; избы хорошо построены. Порядок. Колодези у дороги. Уланово село Еремеева, предводителя губернского. Спуск. Прекрасные дубы, липы, рябины. Выезд на равнину, покрытую кустарником. Сестра и брат Бурдуковы. Прекрасные липовые рощи посреди нивы, невдалека деревенька с барским домом. Великолепная равнина. Свяга. Поля, рощи. Въезд на гору с поля. Чернозём. Дуб. От Сибири лошади несли великого князя под гору. Тут мы под липками остановились и поздравляли друг друга с благодатью государя. До Буинска плодородная равнина. Песочная буря по дороге.

Обед в Буинске. Вихорь. Татарские деревни. Обширная равнина пашен. Чистый чернозём. До Симбирска ровные поля. Приезд в Симбирск. Губернатор Иван Петрович Хомутов. Губернский предводитель Григорий Васильевич Бестужев.

Июня 24. Пребывание в Симбирске. Чтение бумаги Перовского. Представление. Хомутов. Губернский предводитель Бестужев. Князь Баратаев. Столыпин. Аржевитинов. Рынкевич. Языков. Родионов. Блум. Выставка. Рисование на венце. Город с пустырями; прекрасный вид на Волгу и Волошку. Гостиный двор в полукруге. Дом Тургеневых. Дом Татаринова. Монастырь. Спуск на Волгу. Свяга. У Аржевитинова, тут и Языков. Разговор о Курске, о снижении цен на хлеб. О выборах в председатели; губернатор сострил. После обеда у Ивашева. Бал: Бестужева, Анненкова. Ночью письмо к государыне.

Июня 25. Переезд из Симбирска в Хвалынский. Письмо Ивашева. При выезде из города вид на луговую сторону Волги. Она влево удалилась. Справа Свяга. Дорога нивами. Дубовая роща. Кладбище с часовнею в роще. Широкий вид на выезде из рощи. Подстава (стадо в роще) в деревне Белый Ключ. Чуть не сломал шею, пропажа и обретение книжки.

Обедали в селе удельном Ключищи. Ерлик; книги, наказания в рамках. Деревня с мельницею на прекрасном ручье. От неё на горы, пересечённые долинами, покрытыми пашнями и рощами берёзовыми. Через дорогу такие же пашни и рощи. Всё бы это рисовать. Сосновая роща. Стадо по ребру горы, покрытой мелким лесом. Село Ивановское Похвистнева; барский дом с садом; большой каменный скотный двор или конюшня; каменная церковь. Ташла. По выезде из станции прекрасная вспаханная равнина, окружённая со всех сторон холмами, также покрытыми жатвой, но увенчанная рощею. Лесистый фестон. Тереньга станция, деревня Скребницына с двумя каменными церквями. От этой станции сторона начинает быть гористою. В русском поклоне есть что-то очень важное и значащее. Удельная деревня Горишки. Вся сторона имеет характер благородной красоты. Равнины пашней, окружённые высотами, коих формы грациозны и все покрыты лесом тёмной зелени. Троицкое, деревня Дмитриева. Мельница у выезда. Лес по горе. Сызрань в равнине. Подъезжая, видишь Волгу. Приезд ночью в Хвалынский. Три довольно крутые горы. Ароматический запах...

Жозеф КЕССЕЛЬ (1898–1979)

10 февраля. 125 лет назад родился французский писатель Жозеф Кессель (10.02.1898, Вилья-Клара, провинция Энтре-Риос, Аргентина – 23.07.1979, г. Париж). Родной дядя писателя Мориса Дрюона. В 1905–1908 годах жил с семьёй и учился на родине матери в Оренбурге; по пути туда и обратно был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Симбирской губ. Затем переехал во Францию. Автор романов «Экипаж» (1923), «Ветер пустыни» (1929), «Мермоз» (1938), «Лев» (1958), «Всадники» (1967); книг-хроник «Армия теней» (1944), «Небесный батальон» (1947); воспоминаний о пребывании во Владивостоке «Дикие времена» (1975) и др. Создал вместе с Морисом Дрюоном «Песню партизан» (1943).

АРМИЯ ТЕНЕЙ (отрывок из книги)

Шёл дождь. Полицейский фургон медленно продвигался вверх и вниз по узкой скользкой дороге через холмы. Жербье был один внутри машины, кроме жандарма. Другой жандарм сидел за рулём. У охраняющего Жербье жандарма были крестьянские щёки и сильный запах мужского тела.

Когда машина свернула в переулочек, жандарм огляделся.

– Мы немного отлучимся, но я полагаю, что вы не спешите.

– Нет, конечно, нет, – сказал Жербье с широкой улыбкой.

Полицейский фургон остановился перед отдельно стоявшей фермой. Через решётку Жербье мог видеть только кусок неба и поля. Он услышал, как водитель вышел из машины.

– Это не продлится долго, – сказал жандарм. – Мой партнёр просто пойдёт купить немного продуктов. Нужно стараться как-то выжить в эти трудные времена.

– Это совершенно естественно, – ответил Жербье.

Жандарм посмотрел на своего узника и покачал головой. Этот человек был хорошо одет, говорил в открытой манере, у него было приятное лицо. Что за ужасные времена. Он был не первым для жандарма человеком в наручниках, за которого он ощущал бы некое беспокойство.

– Вам не будет слишком плохо в этом лагере! – сказал жандарм. – Я не говорю о пище, конечно. До войны её не ели бы даже собаки. Но, за исключением питания, лагерь этот самый лучший во Франции, как мне рассказывали. Это немецкий лагерь.

– Я не совсем понял вас, – заметил Жербье.

– Во время «Странной войны», как мне кажется, мы думали, что захватим множество пленных. Для них был создан большой центр в этой части страны. Конечно, из немцев туда ни один не попал. А теперь он пригодился.

– Настоящая удача, как вы сказали, – предположил Жербье.

– Это вы сказали, месье, вы сказали, – воскликнул жандарм.

Водитель вскарабкался назад на сидение. Машина дала ход. Дождь продолжал поливать поля Лимузена...

Жербье, без наручников, но стоя, ждал, пока комендант лагеря обратится к нему. Комендант читал досье Жербье. Время от времени он нажимал большим пальцем левой руки на щеку и медленно убирал его. Эта толстая, мягкая и нездоровая плоть несколько секунд белела, а затем снова становилась красной как старая свёкла, теряя эластичность. Это движение определяло темп замечаний коменданта.

– Та же самая старая история, – думал он про себя. – Мы не знаем, ни кого получаем, ни как с ними обходиться.

Он вздохнул, вспомнив довоенное время, когда был тюремным надзирателем. Тогда его интересовало лишь получение своего процента от поставок в тюрьму продовольствия. Больше трудностей не было. Сами заключённые делились на определённые категории, и для каждой категории были свои правила обращения. Теперь, напротив, можно было здорово заработать на лагерных пайках (за этим никто не следил), но зато сортировка людей причиняла ужасную головную боль. Прибывающие без суда, без приговора оставались за решёткой

на неопределенный срок. Другие, с ужасными приговорами, оказывались на воле быстро и получали влияние в департаменте, в региональной префектуре и даже в Виши.

Комендант не смотрел на Жербье. Он отказался от мысли составлять мнение о людях по их внешнему виду и одежде. Он пытался читать между строчек полицейского досье, которое жандармы передали ему в тот же момент, когда ввели заключённого.

– Независимый характер, быстрый ум, спокойная и ироничная позиция, – читал комендант. И сразу переводил: «Сломать его». Затем: «Опытный инженер по мостам и автодорогам», и, с пальцем на щеке, комендант сказал бы сам себе: «Сберечь его». «Подозревается в операциях голлистского Сопротивления». «Сломать его, сломать его».

Но сразу же за этим: «Освобождён за недостатком улики. Влияние, влияние, – сказал про себя комендант, – сберечь его».

Большой палец коменданта уткнулся ещё глубже в жирную щеку. Жербье показалось, что щека больше не вернётся в своё первоначальное положение. Но отёк постепенно рассосался. Затем комендант заявил с некоторой торжественностью:

– Я собираюсь определить вас в барак, который предназначался для немецких офицеров...

Раиса ЖУКОВА (р. 1938)

10 февраля. 85 лет со дня рождения поэтессы Раисы Николаевны Жуковой (р. 10.02.1938, с. Нижняя Вителевка Барышского р-на Куйбышевской, позже Ульяновской обл.; ныне не существует). Окончила Куйбышевский плановый институт (1960). Работала на заводе в городе Куйбышеве (ныне Самара) экономистом (1960–1980), заведующей парткабинетом (1980–1991), инженером отдела труда и зарплаты (1991–1998); с 1998 года специалистом в ОАО «Энергогарант». Стихи публиковала в газете «Моторостроитель». Затем переехала в Москву. Автор поэтических сборников «Вёрсты» (1990, Куйбышев), «Миг восторга» (2004, Москва), «Звёздная роль» (2007, Москва). Награждена медалью «Ветеран труда» (1986).

Это странно, очень странно:
Легкомысленный февраль
Шлёт меня в чужие страны
Изучать их, как букварь.

Рассмотреть домов картинки
И традиций каждый штрих,
И стоптать свои ботинки
На дорогах на чужих.

Хоть чуть-чуть побыть не бедной,
Пусть не пить, не есть потом...
Чтоб увидеть белым-белым
Издали свой отчий дом.

Чтобы внуку, внучкам, сыну
Завещать потом всерьёз:
Всё на мельницу России!..
Даже влагу наших слёз.

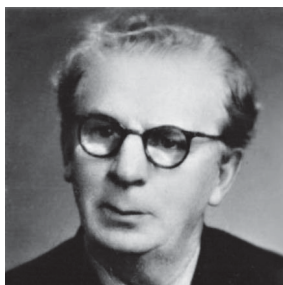
1
Пройдусь приволжскими полями,
Песчаным берегом пройдуся,
И на Гавриловой Поляне
На парходик притулюсь.
И там, на палубе на верхней,
Всмотревшись в молодой народ,
Я снова пропитаюсь верой,
Что дух российский не умрёт.

2
За Русь мне радостно иль стыдно,
Когда по берегу реки
Сидят, как будто в сказке «сидни»,
Богатыри-особняки.
Но сторонюсь любого спора,
Сегодня в сердце благодать...
Смотрю на волжские просторы –
Конца и края не видать.

3

Мне нигде покоя нет,
Мысли, словно волки...
Обопрусь на парапет
Набережной Волги.
Брошусь в тёплую волну,
Поплыву, как мячик,
И всмотрюсь я в глубину —
Кто-то там маячит?
Может, это Рыба-Кит?
Я, конечно, трушу...
Словно зайчик, песня-хит
Вскакивает в душу.

Моя свеча горит,
Моя свеча горит,
Моя душа поёт,
И снова мир прекрасен!
А мотылёк летит,
А мотылёк летит...
Его и мой полёт,
Надеюсь, не напрасен.

Семён ИЛЬИН (1888–1972)

14 февраля. 135 лет назад родился камерный певец, режиссёр, литератор, мемуарист Семён Иванович Ильин (14.02.1888, г. Симбирск – 07.04.1972, г. Одесса Украинской ССР). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1907). С 1907 года пел в хоре Симбирского музыкально-драматического общества любителей; участвовал здесь в оперных спектаклях. Обучался пению в Петербургской консерватории. Был солистом Одесского оперного театра. Писал рассказы; в мемуарах описал культурную жизнь Симбирска. Автор воспоминаний «Незабываемое» (1968), «Его голос уникальной силы и красоты...» (1980), «Мой 45-летний творческий путь на оперной сцене». Заслуженный артист Украинской ССР (1932).

Гакиль САГИРОВ (1938–2009)

15 февраля. 85 лет назад родился татарский поэт и художник-график Гакиль Шарифуллович Сагиров (15.02.1938, д. Ахметово, ныне Нурлатского р-на Татарстана – 29.07.2009, г. Димитровград; похоронен в Ахметово). С 14 лет после неудачной операции на позвоночнике был прикован к постели. Писал стихи, рассказы, очерки, картины, зажимая карандаш зубами. Жил в городе Димитровграде (1990–2009). Автор поэтических сборников «Свежий ветер» (1970), «Подсолнухи» (1983), «Неповторимая мелодия» (1994), «Два солнца» (2000), «Тайна сердца» (2006). Член Союза писателей Татарстана. Лауреат литературных премий имени Г. Исхаки, Ш. Маннура (Татарстан), С. Урайского и Г. Кандаляя (Ульяновская область).

СЕРЕБРЯНЫЙ МИР

Плывёт луна среди потёмок скомканных,
Откиньте занавески – и тотчас
Волшебные лучи украсят комнату
И светлой грустью переполнят вас.

Усыпав щедро мир своими искрами,
Оглядывая дали до зари,
Плывёт луна за горизонты близкие
Серебряной полуночной земли.

Серебряная ива наклоняется,
Вся крыша из серебряных досок,
А из трубы над домом вырывается,
Взлетая вверх, серебряный дымок.

В такие ночи таинства свершаются,
В такие ночи сказки так нужны!
Чьё сердце в этот миг не восхищается
Картинами серебряной страны?..

Злобный ветер рвёт жестоко
Листья жёлтые с берёз,
И стою я одиноко
В центре горя и угроз.
Помоги сегодня в дружбу,
Мне так трудно – верь словам!
Завтра?!
Завтра мне не нужно,
Завтра, может, я и сам...

«В эпоху эту – вы поверьте –
Устал я души забирать...», –
Так говорил всем Ангел Смерти,
Он, правда, стал не успевать.

Ему на помощь... люди рвутся.
Эх! Добровольцы без ума!
Потоки крови всюду льются,
Когда же кончится война?

...Летят снаряды, тишь взрывая,
Противник вроде бы разбит.
Зачем летят – уже не знают,
Ведь их пославший – сам убит.

САМАРСКАЯ ОВЦА

Идёт мужчина по дороге,
Овцу на привязи ведёт.
В автобус сесть хотел, но строгий
Водитель места не даёт.

«Экзамен сдать сынок желает», –
Толпе мужчина говорит.
А кто-то на овцу кивает:
«Подарок сыну, знать, стоит?»

«Нет, не подарок это сыну,
Она – заветный наш диплом...
Овца ж моя – в Самаре спину
Гнёт над студенческим столом».

Владимир СУЛЬДИН (1948–2020)

15 февраля. 75 лет назад родился поэт и прозаик Владимир Васильевич Сульдин (15.02.1948, г. Куйбышев, ныне Самара – 27.08.2020, там же). Окончил Куйбышевский политехнический институт (1972), Новосибирское военно-политическое училище (1975); подполковник в отставке. В 2000–2016 годах был арбитражным управляющим на предприятиях Ульяновской области; жил в р. п. Кузоватово. Член Союза писателей России (2009). Автор сборников стихов «На грани приличия» (1992), «Тебе, любимая» (2002), «Мне армия всё чаще стала сниться» (2006), «Они, как мы» (2008), «Пушистые мечтатели» (2008), «Свети, моя звезда» (2010), «Инь-Янь» (2012), «На одном дыхании» (2014) и др. С 2016 года жил в Самаре.

Мы – русские! Наш общий дом – Россия.
Неважно, дети чьих мы в ней племён.
Своим трудом Отчизну возносили
Из сединой подёрнутых времён.
Она нам – Мать. Мы равные средь равных.
В одной семье в согласии живём
По всем заветам наших предков славных.
Дух россиян пожизненно несём.
Таится в нём, собою души грея,
Любовь к России... Вот она, идея!
Она живёт в нас истиной простой.
В ней сила нашей Родины святой!

Заката дня Бородино
Никто из бьющихся не видел.
От дыма стало днём темно.
А небо, на людей в обиде,
К исходу дня пролило дождь,
Чтоб смыть всю мерзость преступления
И дать земле отдохновенье,
И оборвать сраженья дрожь...
И капли мелкого дождя
Шипели на стволах орудий.
В людей вновь превращались люди,
Дождя слезинки обрета.
Дождь битвы затушил пожар
И утолил убийства жажду.
А стоны тех, кто в ранах страждал,
И в ком жила ещё душа,
Вдруг стали в тишине слышны.
Апофеоз любой войны...

Последний бой. И град осколков в спину
Мне ощущение тела отключил.
Упав в траву, мертвец наполовину,
Я как во сне ещё немного жил.
И видел небо в низких серых тучах,
И слышал взрывы, пуль, осколков свист,
От тяжких ран полученных не мучась.
Но разум мой был почему-то чист...
Вот бой утих. Теперь «нейтралка» наша.
Команда похоронная пошла,
И мне тогда впервые стало страшно:
Она меня за мертвеца сочла.
На плащ-палатке отнесли в воронку,
Забрали документы и кисет.
И санитарка, глупая девчонка,
Сказала, что живых здесь, вроде, нет.
Хотел я крикнуть: «Что творите, братцы?
Вы присмотритесь: я ещё живой!»
Но тело не хотело подчиняться,
И жил ещё я только головой.
В лицо упала чернозёма мякоть,
И пыль её засыпала глаза.
Сумел я напоследок лишь заплакать.
Пыль обратила в грязь моя слеза.

Михаил ТУХАЧЕВСКИЙ (1893–1937)

16 февраля. 130 лет назад родился военный деятель, автор трудов и мемуаров Михаил Николаевич Тухачевский (16.02.1893, имение Александровское, ныне близ д. Следнево Смоленской обл. – 12.06.1937, г. Москва). В 1918–1919 годах командовал 1-й армией Восточного фронта на Среднем Поволжье; руководил разработкой плана по освобождению Симбирска от белогвардейцев, не раз бывал в городе на Волге. Автор более 120 трудов по истории Гражданской войны, которые вышли в изданиях: «Избранные произведения», «Первая армия в 1918 году», «Поход за Вислу», «Подготовка новой войны против СССР», «Военные планы нынешней Германии» и др. Его именем названа улица в Ульяновске (1963).

ПЕРВАЯ АРМИЯ В 1918 ГОДУ (отрывок из воспоминаний)

11 июля Муравьёв прибыл на пароходе в Симбирск. Я им был вызван для доклада, но как только явился на пристань, то тотчас же был арестован. С сумасшедшими, горящими глазами Муравьёв после ареста заявил мне: «Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехословаками и объявляю войну Германии».

Так дико и неожиданно было начато это шутовское восстание Муравьёва. Приехавшие с ним красноармейцы были взяты им наскоком. Он огорошил их, и они ничего не понимали и шли за Муравьёвым, считая его старым советским воякой. Так же бессознательно перешёл на сторону Муравьёва и броневой дивизион, стоявший в Симбирске.

В первую минуту, после того как Муравьёв уехал осаждать Совет, красноармейцы хотели меня тотчас же расстрелять, но были крайне удивлены, когда на вопрос некоторых, за что я арестован, я им ответил: «За то, что большевик». Они были сильно огорошены и отвечали: «Да ведь мы тоже большевики». Началась беседа. Услышав о левоэсеровском восстании в Москве и получив объяснение измены Муравьёва, оставшиеся красноармейцы тотчас же избрали делегацию и отправили её в броневой дивизион для обсуждения вопроса.

В это время Муравьёв, осадив здание Симбирского губисполкома, начал вести с последним переговоры о власти. Между прочим, симбирские левые эсеры ему оказали полную моральную поддержку.

Эти переговоры и послужили главной причиной столь быстрой гибели Муравьёва. Товарищ Варейкис проявил колоссальную энергию и находчивость. Им были наспех отпечатаны воззвания к красноармейцам, а в их массу, кроме того, было направлено большое число коммунистов. Началась деятельная работа, и уже через час-полтора на стороне Муравьёва почти никого не было. А тем временем в зале заседаний губисполкома шёл горячий разговор тов. Варейкиса с Муравьёвым. Наконец, взбешённый отказом сдать власть, Муравьёв стукнул кулаком по столу и сказал: «Тогда я иначе с вами поговорю!» – и направился к двери. На выходе он был остановлен солдатами, которые объявили ему, что он арестован. Вскрикнув: «Предательство!», Муравьёв выхватил маузер и открыл стрельбу, но был немедленно же убит (первое время некоторые

говорили, что он сам застрелился последней пулей).

Эта измена, так быстро и удачно ликвидированная, тем не менее принесла колоссальный вред для армии. За время своего господства Муравьёв разослал во все войсковые части телеграммы о заключении мира с чехословаками, войне с Германией и проч. Через несколько часов после расстрела Муравьёва эти же части получили телеграммы об измене Муравьёва, о его расстреле и проч. Это всё произвело колоссальное впечатление на не сформировавшиеся ещё окончательно части. Началась паническая боязнь предательства, развилось недоверие части к части, красноармейцев к командному составу и проч. Эсеры, меньшевики и прочие белогвардейцы ещё более усиливали это настроение. Начались непрерывные ложные слухи об обходах, изменах и проч. Войска стали отходить даже без боя.

Пошедшая на лад организация войск стала быстро разлагаться. Нами были оставлены Бугульма, Мелекесс, Сенгилей и, наконец, Симбирск. Последний был взят налётом чехословаков со стороны Сызрани, когда в районе Сенгилея ещё действовала сенгилеевская группа тов. Гая. Благодаря личному влиянию тов. Гая, это была единственная часть, сохранившая дисциплину и боеспособность.

Отрезанный со всех сторон, тов. Гай собрал и присоединил к своей группе рассеянные и бродившие отряды, забрал в Сенгилее всё народное имущество и с громадным обозом двинулся через Ясачную Ташлу на ст. Чуфарово.

Все белогвардейские атаки были отбиты. Совершив марш до 150 вёрст по району, занятому противником, тов. Гай, ничего не потеряв, вывел свою колонну на ст. Чуфарово, где и соединился с остальными войсками армии.

За этот героизм колонна тов. Гая была названа Симбирской Железной дивизией, и это название она сохранила и после получения ею 24-го номера.

После падения Симбирска мы производили на него три наступления.

Первое, по приказу нового главкома тов. Вацетиса, вёл отряд тов. Толстого тотчас же после падения Симбирска. Попытка была неудачная. Зато на ст. Чуфарово произошло соединение отрядов тов. Толстого и тов. Гая...

Александр ЛАЙКОВ (1953–2021)

16 февраля. 70 лет со дня рождения поэта и журналиста Александра Дмитриевича Лайкова (16.02.1953, с. Икряное Икрянинского р-на Астраханской обл. – 07.09.2021, г. Ульяновск). Окончил литературный факультет Астраханского педагогического института (1974). С 1980 года жил в Ульяновске. Посещал литературное объединение «Надежда». Автор поэтических сборников «Красный бугор» (1991), «Из пепла и света» (1993), «Подкова в золе» (1995), «Зимородок» (2011). Член Союза писателей России (2000). Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова (2015), Международного конкурса им. Игоря Григорьева (2016, 2017, С.-Петербург), конкурса патриотической поэзии и прозы им. М. Джалиля (2017, Астрахань). Был автором, заместителем главного редактора, членом редакционного совета журнала «Симбирск».

КОРОНАВИРУС

Закройте окна, затворите двери:
По городу кружит Коронавирус.
От весты вздрогнул Данте Алигьери,
И ангелы на небе прослезились.

Мы думали, что жизнь погубит атом,
Горящий метеор или комета...
Десятый круг прибавил вирус Аду.
А если Адом станет вся планета?!

Уже пора задуматься о Боге,
Когда друзья уходят в небеса...
В часы печали, гнева и тревоги –
Я узнаю родные голоса.

Я вспоминаю дружеские встречи
И наше пребыванье на земле!
Симбирск, Свягу и костёр у речки,
Картошку, испечённую в золе...

Мозоли первые, застольные аккорды
И красное число календаря,
Где паруса, как листья, были стёрты
Холодными штормами ноября.

Судьба сплела в клубок противоречий
Безденежье и золото на крови,
Седой Кавказ и доблестные речи
О Родине, о славе, о любви!

Стучалась стройка в купол небосвода,
А в деревнях всходила лебеда.
Высоцкий пел – кумир всего народа,
И лозунг звал куда-то не туда...

А я в огромном неуютном мире
Хранил очаг и детское «а-гу!»,
Читал стихи в прокурорском трактуре
О яблонях на волжском берегу.

Я был, как Маугли, в чужой эпохе,
Как белый лебедь рвался в небеса...
Уже пора задуматься о Боге:
Зовут в свой круг родные голоса.

АИСТЁНОК

Белый аист у чёрной трубы.
Но гнездо аистиное свято!
Посредине дымов и пальбы
Появились на свет аистята.

Жизнь сильнее, чем порох и зло.
Все мы – дети планеты и солнца!
Аистёнок встаёт на крыло,
Как душа нерождённого хлопца...

В день памяти сестры моей
Сочится мутной ртутью небо.
Снега лежат фаты белей,
А матушка – белее снега.

Василий ПОМЕЩИКОВ (р. 1933)

17 февраля. 90-летний юбилей отмечает журналист, литератор Василий Иванович Помещиков (р. 17.02.1933, с. Попова Мельница Средневолжского края, ныне Барышского р-на Ульяновской обл.). Окончил Московский полиграфический институт. Работал в газетах Ульяновской, Самарской и Кировской областей; был редактором газеты «Слободские куранты». Член Союза журналистов России. Автор сборников стихов и прозы «Воспалилась душа» (1992), «След на земле» (1996), «Живу, люблю, надеюсь» (1998), «Уроки военного детства» (2000), «Вошебный ящик» (2001), «Пока живу – надеюсь» (2002), «Годы метаний» (2003), «Не все сожжены мосты» (2010), «Ностальгия» (2013) и др. Живёт в Кирове.

ОСЕННИЕ НОТКИ

Вновь бабье лето! Это дар природы.
Берёзы до последнего листа
Покрыты позолотой высшей пробы.
Бывает же такая красота!

Уже октябрь, а в воздухе тенёта
Летит, кружит, цепляясь за кусты.
Луч солнца отражает позолота,
И дали восхитительны чисты!

Но с этой благодатью уже скоро
Расстанемся с грустинкой сладкой мы...
Покров за дверью – и несёт он короб,
Наполненный сюрпризами зимы.

Что может быть выше любви?
Нет трепетней чувства иного.
Страданье, кипенье в крови –
Мучительней, чем у больного.

Но в этих страданиях есть
И сладость обещанной встречи.
Ты ждёшь – в предвкушении весь:
Когда же приблизится вечер?

В них есть горьковатость разлук
И боль назревания разрыва.
А сколько терзаний и мук
У тех, кто на крае обрыва...

Кто снимет с души этот груз,
Чтоб быть в равновесии снова?
Любовь и страданье – союз!
Нет выше союза иного.

Есть женщины, которых Бог создал,
Чтоб неземной красою наслаждаться.
Их надо выставлять в музейный зал
И, как картинами великих, любоваться.

Есть женщины, которых с первых встреч
Не замечаем мы, но им дано Всевышним
Душевной теплотою так завлечь,
Что в сердце к ним вошёл бы – и не вышел.

ДОБРО

Добро переходит по кругу.
Однажды поможешь ты другу,
И он в свою очередь тоже
Кому-то однажды поможет.

И третий, четвёртый, и пятый
Во злобе не будет запятнан,
Добро на добро отзовется
И снова к тебе же вернётся.

Владимир РОМБОВСКИЙ (р. 1993)

17 февраля. 30 лет исполняется поэту Владимиру Игоревичу Ромбовскому (р. 17.02.1993, г. Ульяновск). Внук журналиста Ю.А. Ромбовского. Окончил Ульяновский гуманитарный лицей (2010). Учился в Ульяновском государственном университете. Стихи пишет с 16 лет. Публиковался в периодических изданиях Ульяновска, Москвы, Санкт-Петербурга, Киева. Лауреат областного молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2012). Автор поэтического сборника «Крылья» (2013). Один из авторов антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2015). Участник московского молодёжного интернет-проекта «Живые поэты», международного проекта «Творческая платформа 11».

КАЛЕЙДОСКОП

Сердце разобьётся в строки.
Точка – весь итог.
Трезвому покорны ноги,
как стволу – висок.
Всё, что не убило, сложим
здесь же, у стола.
Небо – разное и то же,
люди – зеркала.
Нестареющая фреска –
о насмешку – лоб:
если человек потрескан,
мир – калейдоскоп.

Пальцами ветер гладишь
в городе, что пропах
ливнем. Маячит сзади
твой неустанный страх.
Бросишь окурок мимо
урны. Вокзал ревёт.
Вторгнешься в гарь и дымы,
снова гоним вперёд
странников вечной думой:
на переездах лет
ты беспрестанно умер,
нужный не взяв билет.

Неслучайность слова. Неудобность кресел.
Как же мы попали в этот чёрный день?
Выбегу из мрака. Буду пьян и весел,
каждую за друга принимаю тень.

Только вот без этих тайных истечений
на земле безродной, видно, мне никак.
Круг настольной лампы. Ночь сжирала тени.
Неизбежность тлела. И сгушался мрак.

КАЛИПСО

Как снег на крыши домов садится,
моя богиня, моя Калипсо
уткнётся в спину. Глаза закроет.
И нет височной кипящей крови.

То будет завтра. То будет после.
А в этот вечер седой, промозглый
огладит кудри, и рук касанья
следы оставят, как в детстве сани.

В снегу глубоком, в волос сугробе.
И тихо-тихо. И слышно вроде,
как снег узоры сплетает спицей
Моя богиня. Моя Калипсо.

Руки тонкие. Прячь – не прячь –
от любви разлетятся птицами.
Сердце. Глупое. Снова вскачь
станет – рядом – за ними виться.
Окрылённое. Верь – не верь –
озвончает хрустальность нотами.
Руки тонкие. Но теперь
окрылённая – ты – полётом.

Мария УЛЬЯНОВА (1878–1937)

18 февраля. 145 лет назад родилась партийный деятель, мемуаристка Мария Ильинична Ульянова (18.02.1878, г. Симбирск – 12.06.1937, г. Москва; похоронена на Красной площади у Кремлёвской стены). Сестра В.И. Ленина. В 1917–1929 гг. – ответственный секретарь газеты «Правда». Приезжала в Ульяновск вместе с Н.К. Крупской 2 сентября 1928 года. Последний раз была в Ульяновске 26 июля 1936 года, посетила Дом-музей В.И. Ленина. Автор изданий «Отец В.И. Ленина – И.Н. Ульянов. 1831–1886» (1931), «О Ленине» (1934), «Мать Владимира Ильича – М.А. Ульянова» (1964), «Воспоминания о Владимире Ильиче» (1984) и др. Премию её имени учредило ульяновское отделение Союза журналистов России.

О ЛЕНИНЕ (отрывок из книги)

Как никто умел Владимир Ильич и отдыхать в те немногие месяцы, которые он мог использовать на отдых. На это время он выбирался обыкновенно куда-нибудь на лоно природы, стараясь опять-таки выбрать более уединённое место. В мою бытность за границей мне несколько раз приходилось проводить с ним этот отдых в Швейцарии и под Парижем. Устанавливался сразу совсем особый распорядок дня, ложились с петухами, особенно первое время, часто даже не зажигая огня, а перед сном сидели и лежали где-нибудь в поле под стогом сена или соломы, и обществом Ильича, милого, весёлого, жизнерадостного, несмотря на переутомление, можно было наслаждаться вовсю. Предпринимались и длинные прогулки пешком и на велосипедах. Лазили по горам, оставляя велосипеды где-нибудь в ресторанчике у подножья горы. Возвращались домой обычно, особенно когда прогулка предпринималась из города, а не с места дачного отдыха, лишь поздно вечером в воскресенье, и таким образом весь праздничный день проводили на воздухе.

Пока велосипеды ещё не вошли у нас в обиход, ходили пешком. В туристский мешок, который привешивался на спину, брали с собой бутерброды и бутылку красного швейцарского вина. Это вино по дороге разбавлялось обычно из всех встречавшихся ключей и колодцев и скоро представляло из себя лишь розовую водичку. На велосипедах прогулки делались более дальние, иногда за несколько десятков километров. Возвращались домой уже совершенно переутомлённые, и я помню, как раз в одну из таких поездок Ильич лавировал между мной, которая лежала около велосипеда, недалеко от дороги, и Надеждой Константиновной, которая очутилась в таком же положении, но сзади. Владимир Ильич был посередине и ходил от одной к другой, стараясь как-нибудь подбодрить нас, чтобы доделать оставшуюся дорогу до дома. Раз во время дальней прогулки на велосипедах у нас с Владимиром Ильичом лопнули на велосипедах шины. Мы зашли в какой-то ресторанчик и долго провозились там с заклеившей шин. Но так как дело это было нам внове, заклеить хорошенько не удалось, и нам пришлось пешком, ведя велосипеды, возвращаться домой. Ночь была прекрасная, и прогулка эта оставила самое светлое воспоминание.

На более продолжительный отдых устраивались обычно в каком-нибудь пансионе. Естественно, что, имея деньги всегда в обрез, пансион выбирался дешёвый. При этом Владимир Ильич всегда настаивал, что во время обедов и ужинов в пансионе надо всё съесть, а то, мол, решат, что дают слишком много, и убавят порции. Во время таких пребываний на даче он обыкновенно хорошо поправлялся, хотя, повторяю, пансионы выбирались обычно самые дешёвые. Раз как-то меня в то время не было за границей, они устроились с Надеждой Константиновной где-то в горах, в пансионе за такую мизерную плату, что получали самое примитивное питание. Мяса почти никогда не видели, не получали даже сахара, а купить близко было негде, и за время своего пребывания в этом пансионе они питались главным образом молоком, а недостаток сахара восполняли ягодами, которые в изобилии росли на горах.

Обычно питание в городе было в семье Владимира Ильича очень упрощённое. Правда, всё было вполне свежее, так как приготавлилось дома, но приготавливалось очень скромно и в обрез. Суп обычно был из маggi (кубик с сухим вегетарианским супом, который опускался в кипяток) – преимуществом его было скорое приготовление, а на второе – кусочки мяса или котлеты, тоже в обрез. Принцип был такой, чтобы готовить только на один раз и чтобы ничего не оставалось. И, действительно, каждый съедал свою порцию, и никаких остатков хранить не приходилось. Голодными, конечно, не бывали после этих двух блюд, но всё же скудность такого обеда отмечали позже те товарищи, которым приходилось обедать в семье Ильича за границей. Говорил об этом, например, тов. Сталин. То же отмечает в своих воспоминаниях и Калмыкова. «Наступало время ужина, – пишет она, – состоял он неизменно из двух горячих сосисок и чая. Перед уходом за их покупкой Надежда Константиновна с матерью решала, сколько нужно будет купить лишних сосисок, так как Владимиру Ильичу, и Потресову, и ещё кому-то надо было давать три сосиски».

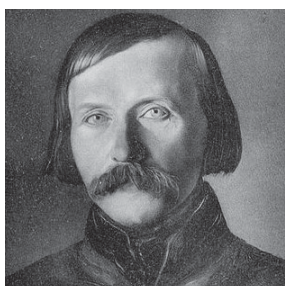
Ничего удивительного в такой строгой экономии, конечно, не было. Средства всегда были очень ограничены, и в семье Ильича был принцип жить возможно более скромно. Кроме того, готовить приходилось самим, все хозяйственные хлопоты лежали на Надежде Константиновне и её матери...

Нажия ШАГАЕВА (р. 1953)

22 февраля. 70-летний юбилей отмечает татарская поэтесса Нажия Касымовна Шагаева (р. 22.02.1953, с. Большая Цильна, ныне Дрожжановского р-на Татарстана). Трудовую деятельность начала в Большенагаткинском сельпо Цильнинского района Ульяновской области, много лет работала в торговле. С 2000 года сотрудничает с татарской газетой «Эмет». Член объединения татарских писателей Ульяновской области. Автор сборников стихотворений «Родники моей молодости» (2009), «Песни полна душа» (2010), «Благодарна судьбе» (2012), «Я влюблена в жизнь» (2014), «День Победы великого народа» (2015), «Любимый родной край» (2015), «Встречая весну» (2016). Живёт в селе Большое Нагаткино.

Пётр КИРЕЕВСКИЙ (1808–1856)

23 февраля. 215 лет назад родился фольклорист, археолог и публицист Пётр Васильевич Киреевский (23.02.1808, с. Долбино, ныне Белёвского р-на Тульской обл. – 06.11.1856, д. Киреевская слободка Орловской губ.). По линии матери внучатый племянник поэта В.А. Жуковского. Переводил Байрона, Шекспира, собирал народные стихи и песни. Гостил в Симбирске у братьев Языковых весной 1838 года; исследовал здесь родовые архивы, которые доставляли братья Языковы; записывал вместе с ними песни. При жизни был опубликован лишь его сборник, содержащий духовные стихи. Позже издано «Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях» (1977).

ПИСЬМО Н.М. ЯЗЫКОВУ (в сокращении)

21 февраля 1834 года. Москва

Ах, братец, коли б ты был здесь! То-то бы расцвели наши песни! А без тебя они сиротствуют. Я хотя и весь в них, душой и телом, а всё-таки чувствую, что не по силам мне одному быть нянькой этого царственного дитяти. От удовлетворительных и даже неудовлетворительных примечаний я, на первый раз, должен во всяком случае отказаться, но боюсь, чтоб даже и в самом расположении текста не вышло важных ошибок, а тем больше ещё в сличении вариантов, это дело не совсем лёгкое. А без тебя мне помочь некому. К тому же ещё вот беда: я надеялся, что как скоро всё будет приведено в порядок, то печатание продолжится не более двух месяцев, а теперь Максимович уверяет, будто никакая типография не возьмётся печатать больше четырёх листов в неделю. Этаким образом печатание продолжится около года, потому что здесь нужно больше аккуратности, нежели во всех других книгах, а между тем уже весна на дворе, а весной я должен буду уехать. Уехать, не кончивши издания, мне бы очень не хотелось, а разрешение вопроса: как же с этим быть – ставит меня в совершенный тупик.

Если ты уж так крепко упёрся в своих волжских сторонах, то, пожалуйста же, помоги мне хоть заочным советом. Пиши всё, что тебе придёт в голову об издании, об расположении, об сличке вариантов и пр., и пиши, пожалуйста, поскорее, потому что мне бы хотелось в начале поста уже подать их в цензуру. Вот тебе покуда ещё несколько об них подробностей: число песен, у меня теперь находящихся, ещё не прикасаясь к печатным песенникам, состоит со всеми вариантами из 1210 номеров. Кроме того, стихов, также считая варианты, 100. Соболевский, занимающийся в Петербурге собранием печатных песен (и становящий меня в великое недоумение своим замедлением), обещает привести оных ещё около 1000 номеров. Следовательно, всё составит около 2300, и можно предположить, что даже за исключением незначительных вариантов останется около 2000.

Тут будет где разгуляться изучателю русского слова и духа и народных преданий! В числе находящихся теперь у меня 1210 заключено 112 исторических (и это без вариантов, а с вариантами их более), а между ними такие сокровища, существования которых я прежде и не подозревал. Вот тебе подробное их исчисление: «О богатырях Владимира Великого» 14 номеров (с вариантами 19) – это, очевидно, отрывки из больших поэм, которые, как я со временем надеялся доказать, будучи отделены от напева и гуслей, превратились в теперешние сказки. То же, вероятно, было и с позднейшими, до Петра I. «Об Иване Васильевиче Грозном» 12 номеров (и вариантов 29). Из времени междоусобия 5, и в этих песнях заключены почти все важнейшие происшествия того времени, вот их заглавия: 1-е. «Смерть Годунова», про которого сказано, что он умертвил себя с горя ядом змеиным; 2-е. «О Григории Отрепьеве и об избрании В. Шуйского»; 3-е. «О попе Емеле»; 4-е. «О Прокофии Петровиче Ляпунове», который, как сказано, убит изменниками, подкупленными Сигизмундом; 5-е. «О Минине Сухоруком, о предложении венца князю Пожарскому и об избрании Михаила Фёдоровича»; «О времени Алексея Михайловича» и по большей части о Стеньке Разине – 3 номера (и вариантов 11); «О Петре Великом» – 17 номеров (и вариантов – 20); «О семилетней войне» 11 номеров (с вариантами – 36); новейшие, то есть о Пугачёве, Румянцеве и двенадцатом году 18 (с вариантами 28); неразысканных, но по большей части ясно принадлежащих ко временам допетровским – 28 номеров (с вариантами – 55). Из этого ты видишь, что я, отправляясь бродить по различным сторонам России, могу смело надеяться найти всю русскую историю в песнях!

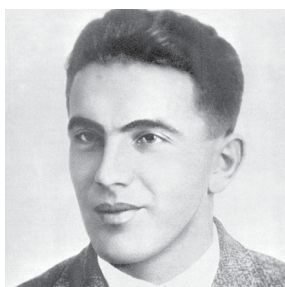
Напиши, пожалуйста, если помнишь, в каких уездах и сёлах собираемы были песни, тобою присланные. Да не можешь ли объяснить мне имена и происшествия, которые особенно должны быть известны в ваших сторонах и находятся в числе неразысканных 28 номеров, а именно: кто и когда был

вор Копейкин? Что у вас рассказывается о девице – атамане разбойников и какому времени её отнести? Кто и когда был Рычков-атаман? Когда был атаманом Яицкого войска Алексей Иванович Митрясов? Когда и где был разбойник Колесов, который с товарищами, Тошею и Мошкой Медным Лбом, ехал мимо села Загорина к тому селу Шереметеву? Кто был казак Емельян Иванович?..

О Пушкине вот что пишут из Петербурга: некто, встретившись с ним, сказал: «Поздравляю тебя, Пушкин, камер-юнкером», а Пушкин ответил: «Благодарю: вы первые меня поздравляете, все другие надо мною смеются».

Однако пора кончать. Крепко тебя обнимаю. Не сердись, пожалуйста, что я давно не писал: всё песни!

Весь и вечно твой П. Киреевский.

Юлиус ФУЧИК (1903–1943)

23 февраля. 120 лет со дня рождения чешского журналиста, публициста и литературного критика Юлиуса Фучика (23.02.1903, г. Прага – 08.09.1943, г. Берлин). С 1920-х гг. – редактор газеты «Руде право», журнала «Творба». Несколько раз посещал Советский Союз. В 1930, 1934 и 1935 гг. по пути из Москвы в Среднюю Азию и обратно был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. На основании полученных впечатлений написал книгу «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днём» (1932) и цикл художественных очерков. В 1942 году арестован гестапо; в застенках пражской тюрьмы написал книгу «Репортаж с петлёй на шее» (опубликована в 1945 г.). В 1943 году казнён.

РЕПОРТАЖ С ПЕТЛЁЙ НА ШЕЕ (отрывок из книги)

Без пяти десять. Чудесный тёплый весенний вечер 24 апреля 1942 года.

Я тороплюсь, насколько это возможно для почтенного, прихрамывающего господина, которого я изображаю, – тороплюсь, чтобы поспеть к Елинкам до того, как запрут подъезд на ночь. Там ждёт меня мой «адъютант» Мирек. Я знаю, что на этот раз он не сообщит мне ничего важного, мне тоже нечего ему сказать, но не прийти на условленное свидание – значит вызвать переполох, а главное, мне не хочется доставлять напрасное беспокойство двум добрым душам, хозяевам квартиры.

Мне радушно предлагают чашку чая. Мирек давно пришёл, а с ним и супруги Фрид. Опять неосторожность.

– Товарищи, рад вас видеть, но не так, не всех сразу. Это прямая дорога в тюрьму и на смерть. Или соблюдайте правила конспирации, или бросайте работу, иначе вы подвергаете опасности себя и других. Поняли?

– Поняли.

– Что вы мне принесли?

– Майский номер «Руде право».

– Отлично. У тебя что, Мирек?

– Да ничего нового. Работа идёт хорошо...

– Ладно. Всё. Увидимся после Первого мая. Я дам знать. И до свиданья!

– Ещё чашечку чаю?

– Нет, нет, пани Елинкова, нас здесь слишком много.

– Ну одну чашечку, прошу вас!

Из чашки с горячим чаем поднимается пар. Кто-то звонит. Сейчас, ночью? Кто бы это мог быть? Гости не из терпеливых. Колотят в дверь:

– Откройте! Полиция!

– Кокнам, скорее! Спасайтесь! У меня револьвер,

я прикрою ваше бегство.

Поздно! Под окнами гестаповцы, они целятся из револьверов в комнаты. Через сорванную с петель входную дверь гестаповцы врываются в кухню, потом в комнату. Один, два, три... девять человек. Они не видят меня, я стою в углу за распахнутой дверью, у них за спиной. Могу отсюда стрелять беспрепятственно. Но девять револьверов наведено на двух женщин и трёх безоружных мужчин. Если я выстрелю, погибнут прежде всего они. Если застрелиться самому, они всё равно станут жертвой поднявшейся стрельбы. Если я не буду стрелять, они посидят полгода или год до восстания, которое их освободит. Только Миреку и мне не спастись, нас будут мучить... От меня ничего не добьются, а от Мирека? Человек, который сражался в Испании, два года пробыл в концентрационном лагере во Франции и во время войны нелегально пробрался оттуда в Прагу, – нет, такой не подведёт. У меня две секунды на размышление. Или, может быть, три?

Мой выстрел ничем не поможет, я лишь избавлюсь от пыток, но зато напрасно пожертвую жизнью четырёх товарищей. Так? Да. Решено. Я выхожу из укрытия.

– А-а, ещё один!

Удар по лицу. Таким ударом можно уложить на месте.

– Hande auf! (Руки вверх!) – Второй удар. Третий. Так я себе это и представлял.

Образцово прибранная квартира превращается в груды перевёрнутой мебели и осколков. Снова бьют кулаками.

– Марш!

Вталкивают в машину. На меня всё время направлены револьверы. Дорогой начинается допрос:

– Ты кто такой?

– Учитель Горак.
– Врешь!
Я пожимаю плечами.
– Сиди смирно или застрелю!
– Стреляйте!

Вместо выстрела – удар кулаком.
Проезжаем мимо трамвая. Мне кажется, что вагон разукрашен белыми гирляндами. Свадебный трамвай сейчас, ночью? Должно быть, у меня начинается бред...

Николай РОЗНАТОВСКИЙ (1913–1997)

23 февраля. 110 лет назад родился поэт Николай Николаевич Рознатовский (23.02.1913, г. Симбирск – 20.02.1997, Курская обл.). В детстве жил в посёлке Тёткино Глушаковского района Курской области. Первые стихи опубликовал в воронежской газете «Молодой коммунар» (1934). Участник Великой Отечественной войны, служил на Балтийском флоте. Публиковал стихи в армейских газетах «Красный Балтфлот», «Лётчик Балтики», «Победа», «На страже Родины». После войны печатался в коллективных сборниках «Тропа», «Первый взгляд», «Слово бойца». Автор сборника стихов «Не погибнет российская нива» (1994). Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени.

Епископ СЕРАФИМ (1878–1959)

24 февраля. 145 лет со дня рождения духовного писателя, епископа Серафима, в миру – Алексея Сергеевича Шарапова (24.02.1878, с. Крутое, ныне Елецкого р-на Липецкой обл. – 22.08.1959, г. Загорск, ныне Сергиев Посад Московской обл.). Окончил Московскую духовную академию (1904). В 1947–1952 годах – епископ Ульяновский и Мелекесский; для подготовки священнослужителей открыл при епархиальном управлении пастырские курсы, где сам был первым преподавателем. Автор сочинений «Книга Ездры» (1910), «К вопросу о языке оригинала второй книги Ездры и её происхождение» (1914), «Святыня в доме. О святой воде, просфоре, артосе и антидоре» (2011), «Сборник кратких поучений. 1-я часть. 2-я часть».

СВЯТЫНЯ В ДОМЕ (отрывок из сочинения)

Ежегодно в 1-й день светлого праздника Воскресения Христова освящается, а в Светлую субботу раздробляется и раздаётся верующим освящённый артос. Всем ли нам известно происхождение и значение этого обряда?

Обряд этот очень древний. Он ведёт своё начало от времён апостольских. По свидетельству книги Деяний апостольских, Иисус Христос по воскресении Своём часто являлся Своим ученикам и вместе с ними пил и ел. Когда же Христос вознёсся на небо, то Апостолы в своих собраниях, хотя и не видели Христа телесными очами, тем не менее живой верой в непреложность Его обетования: *Я с вами во все дни до скончания века* – они чувствовали Его невидимое присутствие между ними и потому за трапезой оставляли незанятым место в честь воскресшего Спасителя и против этого места полагали хлеб в постоянное напоминание о Нём. После трапезы они благодарили Бога и ту часть хлеба, которую оставляли в честь Христа, возносили со словами: «Христос воскрес».

Этот обряд св. Апостолы соблюдали и после того, как разошлись в разные стороны с проповедью Евангелия. В какой бы стране каждый из них ни был, во время трапезы он считал своей священной обязанностью оставлять место и хлеб в честь и память воскресшего Спасителя мира. По окончании трапезы эта часть хлеба возвышалась в знак присутствия Христа.

От святых Апостолов этот благочестивый обычай перешёл к последователям Христа и Святыми Отцами Церкви был приурочен к празднику Воскресения Христова, а переходя от одного поколения к другому, дошёл и до нашего времени. Вместе с христианской верой обычай освящать и раздавать артос верующим перешёл из Греции и утвердился в нашей Российской Православной церкви.

Самое слово «артос» в переводе с греческого языка значит «хлеб». В подражание Апостолам Церковь приготавливает артос, освящает его и полагает в алтаре в напоминание верующим о явлениях воскресшего Христа святым Апостолам. В молитве на освящение артоса Церковь молит Господа Бога благословить и освятить хлеб сей... в честь и славу и в воспоминание славного Воскресения Господа нашего Иисуса Христа и вкушающих от этого хлеба от всякой болезни и недуга сохранить.

В течение всей Светлой седмицы артос полагается или в алтаре, или на особо приготовленном столе вместе с иконой Воскресения Христова. В Светлую субботу над артосом читается особая молитва на раздробление его. В этой молитве испрашивается благословение Божие на хлеб сей, а вкушающим от него телесное и душевное благословение и здравие благодатию и щедротами Его чело-веколюбия. По прочтении этой молитвы артос раздробляется и раздаётся верующим.

Какое же значение имеет освящённый артос?

Как и всякий освящённый хлеб, так и артос нужно вкушать с благоговением прежде всякой другой пищи. Ни в коем случае нельзя придавать артосу такого значения, которого он не имеет. Некоторые в случае смертной опасности дают больному кусочек артоса с богоявленской водой и думают, что это равноценно причащению больного Святых Таин Тела и Крови Христовых. Это большое заблуждение. Никакая святыня не может сравниться по силе спасающей благодати со Святым Телом и Пречистой Кровью Христовыми.

Конечно, больному можно дать частицу освящённого артоса, но это его не освободит от грехов и не соединит со Христом, как в Таинстве Святого Причащения. Артос, как и святая богоявленская вода, с верою и благоговением принятые больным, могут облегчить его телесные страдания, успокоить его душу, но не могут иметь спасительного действия. Так и сказано в молитве на раздробление артоса: «Благослови (Боже) хлеб сей, яко да вкушающие от него телесного и душевного благословения и здравия сподобятся».

Сергей КОЧЕТКОВ (р. 1968)

24 февраля. 55 лет исполняется поэту и барду Сергею Николаевичу Кочеткову (р. 24.02.1968, г. Тейково Ивановской обл.). Детство и юность провёл в р. п. Сурское Ульяновской области. С 1993 года живёт в Ульяновске. Окончил Ульяновский педагогический университет. Член Ульяновского клуба авторской песни; участник фестиваля авторской песни имени В. Грушина; лауреат городских и областных конкурсов. Член Российского союза профессиональных литераторов (2001). Автор музыкальных альбомов «Облака» (2003), «Я тебе пропою» (2008), «Что искал» (2009). Печатался в альманахе «Карамзинский сад», журналах «Мономах», «Симбирскъ» и др. Автор поэтического сборника «Однажды» (2020).

ЖИВЁШЬ НЕ ЗРЯ

В ладонях пепел не храни
От всех несбывшихся надежд,
Добро и святость оброни
В сердца невежд.
Пусть зреют лепестки,
И жизнь даёт ростки,
Срывая лист календаря –
Живёшь не зря.

Дождём умытое стекло
И небо, яркое от звёзд,
Дыханье моря и тепло
Июль принёс.
В садах поёт свирель,
Любовь дарует Лель,
В окошко просится заря –
Живёшь не зря.

Ещё ликуют небеса,
Ещё бытуют чудеса,
И проживает человек
Короткий век.
Но лишь плотнее круг
От встреч и от разлук,
Пока на свете есть друзья –
Живёшь не зря.

Скажи, старик, в чём жизни соль?
Как в ней свою играют роль?
Ты видел мудрость, видел глупость,
Людскую щедрость, алчность, скупость.

Ну что ж, изволь!

Ты можешь слушать сотни фраз
Об этом до скончания лет,
Но только сам, стирая ноги
По бурной жизненной дороге,
Найдёшь ответ.

Твоя кожа пахнет мёдом,
Волосы – травой душистой,
Теплоту и нежность дарят
Рук твоих прикосновенья.

Красотою глаз лучистых
Любоваться не устану,
Целовать тебя хотел бы
С трепетаньем днём и ночью.

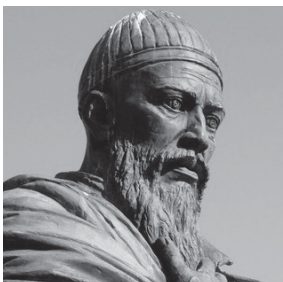
Для тебя – сияет солнце,
Небо – звёзды зажигает,
Твои плечи покрывает
Осень желтизною листьев.

И банальных фраз созвучья
Говорю тебе сегодня
С чистотой души и сердца:
Боже мой! Ты так прекрасна!

Йо ЛЕНДЛ (р. 1968)

28 февраля. 55-летний юбилей отмечает немецкий писатель Йо (Джо) Лендл (р. 28.02.1968, г. Оснабрюк, ФРГ). Вырос в Гёттингене. Изучал литературу, культурологию и философию в Хильдесхайме и Монреале. Окончил Немецкий литературный институт в Лейпциге. С 2014 года является издателем, редактором литературного журнала *Akzente*. Автор книги прозы «Среди куниц» (1999); романов «Космонавт» (2008), «Моя последняя попытка спасти мир» (2009), «Вся земля» (2011), «То, что мы называем любовью» (2013) и др. Приезжал в Ульяновск 17 декабря 2011 года по приглашению немецкого культурного центра имени Гёте; провёл литературный вечер в музее «Метеорологическая станция Симбирска».

Кул ГАЛИ (1183 – до 1240)

840 лет назад родился поэт Кул Гали (около 1183 – между 1233 и 1240). По одной из легенд, родился в Волжской Булгарии, был сыном правителя Болгара Абдуллы; владел арабским и персидским языками; окончил медресе в Хорезме, жил в Ургенче, затем вернулся на родину (не раз пересекал территорию нынешней Ульяновской области). Оказал сильнейшее влияние на формирование татарской письменной литературы, особенно поэзии. Автор лироэпической поэмы «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Юсуфе»), завершённой в 1233 году (известно более 250 её списков). У входа в Центр татарской культуры на проспекте Нариманова в городе Ульяновске в 2008 году установлен памятник Кул Гали (скульптор А.Х. Абдрашитов).

СКАЗАНИЕ О ЙУСУФЕ (отрывок)

Одиннадцати лет был праведный Йусуф,
Когда к Йакубу он прильнул, слегка вздремнув,
И он увидел сон, уже совсем уснув.

«Отец, – сказал он, – сон мне истолкуй теперь.
Блеск солнца и луны увидел я во сне,
Одиннадцати звёзд свет видел в вышине,
И все они земной поклон отдали мне.
Таков мой сон. Его ты истолкуй теперь.
Виденью моему истолкованье дай,
Что станет со мной – об этом знанье дай,
Во благо и в добро мне предсказанье дай, –
Пусть этот сон пошлёт надежду мне теперь!»

...Тогда истолковал Йакуб Йусуфа сон:

«Тебе, – он произнёс, – во благо будет он,
Ты милостью творца да будешь одарён,
Тебя ждут слава, власть – надеюсь я теперь.
Я верю: бог тебе владенья в дар пошлёт,
Богатство даст тебе он от своих щедрот,
И братья тебе честь окажут и почёт –
Послужат тебе все одиннадцать теперь.
Признают в мире все, что славой ты высок, –
Весь сонм земных владык,

весь Запад, весь Восток

До дня Суда ты чтим да будешь – вечный срок, –
Халил и сам Забих тебе под стать теперь».

...И братья обо всём, что было, разузнав,
На путь негодных дел наставили свой нрав,
В сердца их злость вошла, всё доброе поправ, –
Задумали они недоброе теперь.

Мы табуны, стада пасём и день и ночь,
Мы ходим за скотом, нам от трудов невмочь.
Йусуф, Рахили сын, до вещей снов охоч,
А больше, чем мы все, отцом любим теперь!
Давайте-ка сейчас мы все к отцу пойдём,
Йусуфа отпустить попросим, а потом
Куда-нибудь его подальше заведём –
Убьём или продадим, – решим же так теперь.

...С древнейших кладезь

тот существовал времён,

И вырыт был давно кяфиром Гадем он.
Он страшно был глубок и так был засолён,
Что воду его пить никто не мог теперь.
Со временем вода в колодце поднялась,
И змеи, пауки гнездились в нём, роясь,
Кишели твари там – вся мерзостная мразь,
И полон гадов был колодец тот теперь.
А братья, обвязав Йусуфа бечевой,
Сожгли свою любовь во злобе огневой.
Спеша его спустить в тот кладезь вековой,
Бранили все опять они его теперь...

Перевёл на русский язык
Сергей Иванов

Дмитрий ВОЛКОВ (1718–1785)

305 лет со дня рождения государственного деятеля, драматурга Дмитрия Васильевича Волкова (1718, с. Воскресенское, ныне Рузского р-на Московской обл. – 1785, с. Крест Велижского у. Полоцкого наместничества). Был личным секретарём императора Петра III. При Екатерине II был оренбургским генерал-губернатором. Летом 1767 года сопровождал императрицу в путешествии по Волге на галере «Тверь», во время плавания был привлечён ею к совместному переводу романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий»; с 5 по 8 июня находился в Синбирске. Автор комедии «Воспитание» (1774), поставленной в Московском театре. Есть мнение, что ему принадлежит анонимная одноактная пьеса «Народное игрище» (1774).

Сергей КОЗЬМИН (1723–1788)

300 лет назад родился тайный советник, переводчик Сергей Матвеевич Козьмин (1723, ? – 21.12.1788, ?). В 1762 году был произведён в статские советники, определён статс-секретарём Кабинета её императорского величества. Известны лишь его переводы с французского языка: «Опыт военного искусства» Л. Тюрпена де Криссе (1759), а также глава 3 «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля для издания, подготовленного во время путешествия Екатерины II по Волге; 5–8 июня 1767 г. находился с императрицей в Синбирске. Также готовил подстрочные переводы для Екатерины II, в числе которых были «Рассуждения о вельхах» из «Сказок Гийома Ваде» Вольтера. Предполагал также участвовать в переводе «Энциклопедии» Дидро-Д'Аламбера.

Николай РАДИЩЕВ (1778–1829)

245 лет со дня рождения поэта, переводчика Николая Александровича Радищева (1778, г. С.-Петербург – 1829, с. Верхнее Аблязово, ныне с. Радищево Кузнецкого р-на Пензенской обл.). Сын писателя А.Н. Радищева. Владел с братом именем в с. Дворянская Терешка (ныне р. п. Радищево Ульяновской обл.). В 1798–1799 гг. жил с отцом в Верхнем Аблязово. Издал «Богатырские повести в стихах» (1801), повесть в стихах «Друзья» (1802), «Собрание оставшихся сочинений покойного А.Н. Радищева» (1807–1811), книгу «Жизнь князя Я.П. Шаховского» (1810) и др. Оставил рукопись «О жизни и сочинениях А.Н. Радищева». В 1820-х гг. был предводителем дворянства Кузнецкого уезда, посещал Дворянскую Терешку.

НА СМЕРТЬ ПНИНА

Кого там с песнею унылой
Земле навеки предадут?
Над чьей мрачною могилой
Венки стелют музы вьют?
Что вижу! Пнин, мой друг любезный!
Во цвете лет ты смерть вкусил.
Пролейся ток горячий, слезный:
Во гробе тот, кто сердцу мил.

Вчера ещё ты, Пнин, с друзьями
Спокойно, кротко рассуждал,
Вчера своими ты словами
Их грусть жестоку улаждал.
Ударил час, и смерть, косою
Взмахнув, пресекла жизни нить:
Ты пал, и хладною рукою
Ещё претил нам слёзы лить.

Стремись в вечность довременну,
Там радость чистую вкушай
И горечь, с миром сотворенну,
В селеньях горних забывай.
Ты с жизнью вкусил печали,
Но твёрдо их умел сносить;
Тебя любили, почитали,
Несчастных ты умел любить.

Невинность смело защищая,
Ты предрассудки попирали;
Но сам, под игом их страдая,
Неробкой голос возвышал
К отраде тех существ невинных,
Не знающих родства, друзей,
Отцами, ближними гонимых
В несчастной участи своей.

На что ж труды твои служили?
Ты сам стал жертвой смерти злой.
Нет, нет, они соорудили
Тебе тот памятник святой,
Который время не свергает,
Что крепче мрамора стоит;
Пнина всяк добрым называет
И всякий – прах его почитит.

Покойся в мире, прах любезный,
Покойся, добрый человек.
Друзья! поток пролейте слезный,
Что столь его был краток век.
И я окончу песнь унылу,
Не возмущу я твой покой,
Слезами окропя могилу,
Повергну лиру пред тобой.

Иван ПУШКАРЁВ (1803–1848)

220 лет со дня рождения историка и писателя Ивана Ильича Пушкарёва (1803, г. Симбирск – 06.04.1848, г. С.-Петербург). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1823). Служил в Симбирском совестном суде, в канцелярии гражданского губернатора и Симбирской казённой палате. С 1834 года жил в С.-Петербурге. Трудился письмоводителем в инженерном училище, в Государственном контроле, в статистическом отделении МВД; коллежский асессор. Автор книг «Рассказы моего отца» (1836), «Историко-географическое описание городов Симбирской губернии» (1837), «Описание С.-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» (1840), «История Императорской российской гвардии» (1845) и др.

ОПИСАНИЕ ГОРОДОВ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (отрывки из сочинения)

Пользуясь доверенностью Царя Михаила Фёдоровича, Хитрово предположил основать город на западном берегу Волги, составил проект, к сожалению, затерянный, и поехал ко Двору в Москву. Здесь давно помышляли об устройстве приволжской стороны, но обстоятельства, в которых находилась Россия, не позволяли заняться сим предметом. С 1625 года наше отечество начало отдыхать от бранной тревоги, установилась политическая самобытность государства, и потребность размножения городов сделалась главной целью Правительства...

В эту эпоху явился Хитрово с проектом основания Симбирска. Немедленно назначены были для городского дела из окрестных поселений посошные и ясачные люди, и под главным наблюдением Хитрово на возвышенном берегу Волги окончен был построением в 7146 (1648) году городок Симбирск, небольшая крепостца, обнесённая рвом и деревянною стеною...

В том же году начали выводить земляной вал, дабы оградить места сии от набегов татар. В 1654 году вал был кончен, обведён глубокоим рвом, и на этой линии расставлены семь небольших крепостей... Вал простирался от Симбирска до реки Суры и далее, до Воронежской губернии... Он сохранил следы свои доныне только вёрст за пять за городом...

Число переселенцев в новый город в первые 50 лет было незначительно. Окрестные жители, татары, мордва и чувашы, не имевшие понятия о гражданской жизни и сильно привязанные к степям и лесам, расставались неохотно со своими старыми жилищами. Симбирск в начале XVIII столетия походил более на бедную деревушку, чем на город. На скате горы к Волге находилась куча безобразных изб; нагорная часть была пустая равнина, простиравшаяся до реки Свяги; от берегов её начинался густой лес...

В 1708 году, когда Пётр Великий разделил всю Великороссию на 8 губерний, Симбирск был приписан к Казанской губернии, и 10 пригородов причислены к нему... С 1717 года Симбирск отделили к Астрахани, назначенной особою губернией. С сего времени Симбирск стал возрастать многолюдством, промышленностью...

Екатерина II повелела в 1766 году созвать депутатов со всей Империи, дабы познать нужды и

новым Уложением даровать народу жизнь лучшую и пресечь злоупотребления. 7 ноября 1775 года явилось Учреждение об управлении губерниями. На основании сего Учреждения, в декабре 1780 года генерал-поручиком князем Мещерским открыто Симбирское наместничество, и Симбирск назначен губернским городом с причислением к нему 13 уездов... В том же году утверждён прежний герб Симбирска, изображающий в синем поле, на белом столбе, золотую корону.

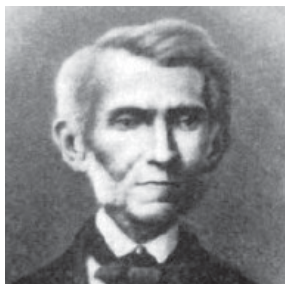
Это положение губернии изменялось неоднократно... Уже в царствование Александра I Симбирская губерния получила настоящее образование. Теперь она делится на 10 уездов...

Достигнув с 1780 года некоторой самостоятельности, Симбирск начал постепенно распространяться и украшаться зданиями. Купец Пустынников первый выстроил на нагорной части города каменный дом, прожектированный искусным архитектором в Москве. Как наружною красотою, так и внутреннею отделкою этот дом мало уступит отличным зданиям столиц. Пример его подействовал на жителей, которые мало-помалу перебрались на Венец и строили деревянные красивые домики. Вскоре усердием зажиточных людей воздвигнулись храмы, зачатки образованности, промышленности развивались быстро, население умножалось...

В начале 1836 года в Симбирске церквей: соборных 2, приходских 11, кладбищных 1, в монастырях 3, итого 17; монастырей 2: мужской и девичий, все каменные. Весьма хороший каменный гостиный двор, оконченный в 1835 году. Домов каменных: казённых 14, церковных 2, монастырских 4, общественных 2, обывательских 44; деревянных: общественных 2 и обывательских 1204; итого 1270 домов. Площадей 3, невымощенных. Сад публичный при заведении Приказа общественного призрения; садов частных 90, огородов 750. Улиц и переулков 45; мостов через реку Свягу 1, на оврагах 6...

Народонаселение к 1836 году состояло из 9226 мужского и 7777 женского пола, итого 17 003 души. Учебных заведений ещё немного: в 1835 году обучалось юношества в двух духовных училищах 352; в трёх светских казённых и пансионе при гимназии 297; итого 649 человек мужского пола; в Доме трудолюбия 20 девиц, бедных благородных сирот...

Павел МОРОЗОВ (1808–1881)

215 лет назад родился литератор, публицист Павел Тимофеевич Морозов (1808, с. Панциревка, ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. – 06.04.1881, там же). Окончил Московский университетский благородный пансион (1824). Работал в Одессе, после выхода в отставку жил в Панциревке. Занимался земледелием, 20 лет изучал климат Поволжья. Автор сочинений «Исторический взгляд на Одессу» (1831), «Борьба язычества и христианства» (1845), «Три семьи» (1872), «Предсказание и исследование бурь» (1877), «Из одесских воспоминаний» (1877), «Деревенские беседы» (1880) и др. О рассказе «Отдыхи жизни», напечатанном в 1840 году в «Одесском альманахе», с одобрением отозвался В.Г. Белинский.

НЕПОДВИЖНЫЕ ЗВЁЗДЫ И ПЛАНЕТЫ ПРАВСТВЕННОГО МИРА (отрывок из книги)

Человек свободен совершенствоваться или упасть духовно, желать зла или добра, любить и ненавидеть, но намерения его исполняются тогда только, когда совпадают с волею провидения. Если враги наши успевают лишить нас земных благ, то это лишение вошло в план Всемогущего: они орудия, употреблённые Богом для нашего исправления или наказания. Подобно искусному хозяину, который умеет употребить всякий окиснувший и повредившийся запас, Бог поставляет людей с повреждённой нравственностью там, где они творят его волю, думая преследовать частные цели.

Воля человеческая, говоря языком математическим, есть переменное независимое: происшествие – её функция. Природа и история всегда соответствуют состоянию духа человеческого и направлены к его усовершенствованию. Когда кончится долгая драма земного бытия нашего, тогда мы увидим, что в ней господствовало чудное единство цели и было сделано всё для возрождения человека без уничтожения свободной воли. Секты философические рассматривали человека всегда односторонне. Одни видели в нём только тело; другие полагали необходимым жить одною духовною жизнью, да и не всю духовную, а только умственную.

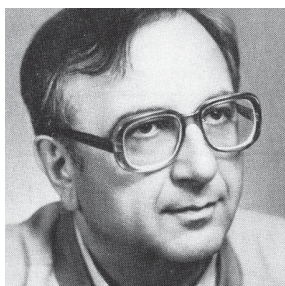
Учение Церкви в Ветхом Завете проповедовало необходимость современного, параллельного совершенствования всех стихий человеческой природы. Соломон говорил: в злохудожную душу не войдёт премудрость и не будет жить в теле, подвластном греху. В Новом Завете учреждение постов, важность, приписанная целомудрию, название вещественной оболочки человека храмом Святого Духа, обет воскресения ясно указали на участие тела в наших действиях. В сфере духовной Христианство требует соединять ум с сердцем и для силы первого предписывает заботиться о чистоте последнего. С религиозной точки зрения человек представляется каким-то музыкальным орудием, которое издаёт небесные звуки только при настроении всех струн своих. Постигать истину, когда кровь взволнована чувственностью, а сердце кипит страстями, так же удобно, как удобно делать астрономические наблюдения на корабле в бурю и в пожар.

При подобных обстоятельствах искали истины философы 18-го века. Чем более размышляешь, тем более удивляешься влиянию сердца на ум: последний всегда подчинён первому. Сколько доказательств находим мы в пользу любимых нами людей? В химии некоторые тела соединяются только тогда, когда бывают нагреты. Так и истина сливается с умом тогда, когда его греют чистые чувства; ему нужна известная температура. Всё великое и прекрасное постигнуто в восторженном состоянии духа. Только при этом состоянии развёрзаются глубины внутреннего мира и подобно огнедышащим горам, извергающим огонь и теплоту, заключённые в недрах земли, выбрасывают к нам произведения горней отчизны, аэролиты, чуждые земной атмосферы: таковы мысли Ньютона и Кеплера, очертания Буонаротти, аккорды Бетховена. Видя создания великих людей, мы спрашиваем с удивлением: откуда всё это? Откуда слова, образы и звуки, которым нет ничего подобного в предметах нас окружающих?

Итак, понятие о стихиях природы человеческой, проповедуемое Св. Писанием, было средоточием, около которого обращались философические мнения о том же предмете. Это средоточие заключается в глубоком учении о целостности. Дивное, всеобъемлющее учение! Без целостности нет совершенства ни в человеке, ни в его умственных произведениях. То же можно сказать о природе и искусстве. Во вселенной нет дробей: везде единицы и собрания единиц – числа. Химия не знает ни одного дробного соединения. В изящных произведениях величайшее разнообразие не может существовать без центра, хотя и отдалённого.

Крайностями в объяснении происшествий были два мнения: одни всё приписывали случаю; другие везде видели слепую судьбу. В средоточии этих мнений сияет учение о провидении. Для христианина всё делается по воле Всемогущего, не слепой, но мудрой и любящей, и делается без уничтожения свободы человеческой. Так отец окружает заблудшего сына всем, что может обратить его на путь истины; обратить не притворно и насильственно, но с сердечною любовью добра. Идею о слепой, немолимой судьбе поэзия древних ярко изобразила в Эдипе...

Левон МКРТЧЯН (1933–2001)

2 марта. 90 лет назад родился армянский писатель, критик и литературовед Левон Мкртычевич Мкртчян (02.03.1933, г. Ахалцихе, Грузия – 22.08.2001, г. Ереван, Армения). Окончил Ереванский государственный университет (1958), где работал до конца жизни; профессор (1973). Секретарь правления Союза писателей Армении (1975–1979). Автор 35 книг прозы, мемуарных очерков, публицистики: «О стихах и переводах» (1965), «Сладок свет» (1977), «Дом с открытыми окнами» (1989), «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» (1992), «Не хочу быть иностранцем в России» (2001) и др. В 1968 году несколько дней провёл в Ульяновске, где проходили Дни культуры Армении, выступал перед жителями города.

УРОКИ ЧУКОВСКОГО (отрывок из воспоминаний)

Летом 1963 года «Литературная газета» опубликовала серию статей Корнея Чуковского о художественном переводе. Я обнаружил, что идеи Чуковского могут многое объяснить в русских переводах из Аветика Исаакяна. Плодотворность идей, отстаиваемых Чуковским, проверялась переводами ещё из одного поэта. Я отважился послать ему свою книгу «Аветик Исаакян и русская литература» – в ней был раздел, посвящённый русским переводам из поэзии Исаакяна. Посылал книгу не без колебаний: а вдруг окажется, что мои рассуждения ошибочны... Вскоре, однако, пришло от Чуковского лестное для меня письмо. Чтобы я убедился, как внимательно он читал книгу и что хвалит её не из вежливости, Корней Иванович сообщал о двух опечатках, обнаруженных им.

В моей книге цитировалась поэма Ав. Исаакяна «Абул Ала Маари»:

«Недоуздок на воле, мчался верблюд,
бесшумно, безумно, рьяно вперёд,
В жёлто-пламенном поле, не ведая путь,
безраздумно, бездумно и пьяно вперёд».

Правильно: «...не ведая пут». И впрямь надо было очень внимательно читать книгу, чтобы обнаружить эту «скрытую» ошибку. Другая опечатка, тоже в поэме «Абул Ала Маари», была явной: «вместо «оковы и цепи» набрали «оковы и цепы».

Спустя несколько лет, в июле 1969 года, Корней Иванович дал мне посмотреть сигнальный экземпляр нового издания своей книги «Мой Уитмен». На

29-й странице в цитате была опечатка: «Кто был ты ни был...» Я показал Чуковскому лишнее «л».

– Ох, какой Мкртчян! Я думал, он из вежливости перелистывает книгу, а он ведь её изучает.

Я сказал Чуковскому, что в моей книге он нашёл две опечатки, поэтому я всё ещё в долгу перед ним.

– Должок у вас большой. Одна опечатка – это ведь немало, – ответил он.

Письмо Чуковского от 28 августа 1963 года содержало ещё одно замечание. В примечаниях к своей книге я писал о рецензии на сборник «Армянская муза», опубликованной в третьем номере «Вестника Европы» за 1907 год и подписанной Евг. Л. Мне показалось, что это мог быть Евгений Лундберг, но, так как не было полной уверенности, своё предположение я высказал в форме вопроса: Евг. Л(ундберг?). «Не вернее ли, – писал Чуковский, – Евг. Л(яцкий)». В то время литературным отделом «Вестника Европы» заведовал Евгений Александрович Ляцкий».

В письме Чуковского очень меня заинтересовало сообщение о том, что он «имел счастье встречаться с Аветиком Исаакяном». По предположению Арама Инджикяна, одного из самых преданных исаакяноведов, я попросил Корнея Ивановича написать об Исаакяне. «Зимой буду разбирать свой архив, – ответил Чуковский, – найду письмо Аветика Исаакяна и, если буду здоров, пришлю А. Инджикяну коротенькую памятку о Варпете» (памятка была написана и опубликована в альманахе «Прометей», 1966, кн. 1-я, с. 237).

В самом конце января 1968 года моё заочное знакомство с Чуковским перешло в личное. Я жил в переделкинском Доме творчества, недалеко от дачи писателя. Мы познакомились.

...Как-то гуляли по зимнему Переделкину. Корней Иванович расспрашивал об Армении.

Одна из писательниц решила поддержать наши «армянские» беседы и стала горячо говорить мне о Ереване.

Чуковский:

– Что же вы описываете ему Армению, он же от туда приехал...

С любовью говорил Корней Иванович о «миллой Звягинцевой».

– Кстати, она мне прислала, – заметил он, – свою новую книгу. Называется «Исповедь», вот я и не решаюсь открыть её.

Чуковский писал в «Высоком искусстве» о стихах Веры Звягинцевой, об её книге «Моя Армения». Отрывок из «Высокого искусства», относящийся к Звягинцевой, мы перепечатали в качестве небольшого предисловия ко второму изданию «Моей Армении». И хотя Чуковский дал на это своё согласие, однако, когда сборник Звягинцевой вышел в свет, он был недоволен.

– Почему вы издали Звягинцеву с моим куцым предисловием? Я мог бы написать о ней по-настоящему...

Николай ПАДЕРОВ (р. 1978)

3 марта. 45-летний юбилей отмечает поэт Николай Михайлович Падеров (р. 03.03.1978, р. п. Кузоватово Ульяновской обл.). Учился в местной школе №1; окончил Кузоватовский технологический техникум по специальности «бухгалтер-экономист». Первые стихи написал в 14-летнем возрасте, публиковался в местных газетах. Лауреат молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2014, Ульяновск). Один из авторов антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2015). Работал в Сызрани; в последние годы – учитель информатики, программист, педагог дополнительного образования в Безводовской средней школе Кузоватовского р-на и кузоватовской школе №3. Живёт в посёлке Кузоватово.

Первый снег, как небесная манна
после грязных и пасмурных дней,
оказался на редкость желанным,
хоть и стало ещё холодней.

Будто Бог расстелил одеяло,
голь земную с собой унеся.
Всё вокруг белизной засияло,
и свежо – надышаться нельзя...

Апостолами сходят месяца.
Считаю дни монетами Иуды...
«Мы все там будем» – слышу без конца.
Но только я боюсь, что там «не буду»...

Твоя любовь живёт за нас двоих.
И я никак не свыкнусь с парадоксом...
Молчит петух, дыханье затаив,
а я уже как будто бы отрёкся...

И всюду подозрительная тишь –
лишь редкий звон оброненной монеты...
И если даже ты меня простишь,
прощу ли я когда себя за это?

Обожаю метели и вьюги:
Всё бело и не видно ни зги.
Хлопья снега, как будто в испуге,
разлетаясь, рисуют круги.

И так хочется в радостном миге,
чтобы ветер попутный поднял
и, как лист недописанной книги,
зашвырнул прямо в небо меня!

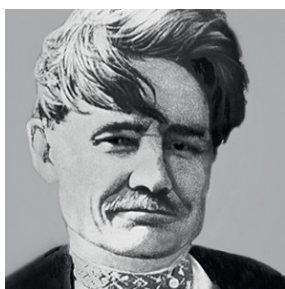
Но кружат в карусели снежинки,
унося в никуда времена.
Ты идёшь не спеша по тропинке.
Или дома сидишь у окна...

Я воюю в какой-то нелепой войне.
Дни, как пули, летят и сгорают в огне.
Непонятно, кто я и на чьей стороне,
и от этого мне беспокойно вдвойне.
Кто – стоит за спиной, кто – несёт на спине.
Нам сказали: припасов у всех наравне.
Люди рвутся в атаку, но кажется мне:
я иду нараспашку на тех, кто в броне...

Панически боимся быть собой.
Умрём, но раскрывать себя не будем...
Послушно соглашаемся с толпой –
а вдруг о нас плохое скажут люди?

К успешным набиваемся в друзья,
стыдимся неудачливых знакомых...
Нам хуже быть других никак нельзя,
в глазах людей иначе будем кто мы?

Шагнуть по головам? Мы только за!
У нас такой привычки не отнимешь...
И каждый – мастер пыль пускать в глаза.
Дела – ничто. Всего важнее – имидж...

Василий МИТТА (1908–1957)

5 марта. 115 лет назад родился чувашский поэт, переводчик и критик Василий Егорович Митта (05.03.1908, с. Большие Арабузи Буинского у. Симбирской губ., ныне с. Первомайское Батыревского р-на Чувашии – 10.06.1957, там же). Окончил Ульяновский педагогический техникум (1928); учился в Литературном институте имени А.М. Горького (1935–1937). Работал учителем чувашского языка, сотрудником Чувашского книжного издательства. Автор книг «Лирика» (1932), «Частушки» (1934), «От души» (1956), «Думы и мечты» (1959), «Думы мои, мечты мои» (1976), «Осенняя краса» (1978), «Я не даром эту песню спел» (1990) и др. В 1937 году был репрессирован; освобождён в 1954-м, реабилитирован в 1955 году.

НАД СВЯГКОЙ

Константину Иванову

Сонная окраина. На закате дня
Прогремит телега и стихнет вдали.
От пыльных деревьев из-за плетня
На пустую дорогу тени легли.

Всё, как и прежде. Шумит ветла,
Звонкие птицы в кустах поют.
Мост деревянный. Струёй стекла
Тусклые воды под ним текут.

Всё, как и прежде. Как будто вчера
Под этой ветлою он проходил.
В такие неяркие вечера
Бродить по берегу он любил.

И чудится, будто его следы
Впечатались в мокрую гладь песка,
И слышится голос сквозь шум воды,
Сквозь шелест редкого ивняка.

«Ну, как без меня вы живёте тут?
Что нового слышно в краю моём?
Какие песни теперь поют,
И пишут поэты теперь о чём?»

И я отвечаю в речную сонь,
И, кажется, кто-то внимает мне –
Язык наш живёт, и горит огонь
Любви негасимой к родной стране.

Судьба изменилась теперь у нас,
Голодная нас не пугает смерть.
Как был бы я счастлив, когда б сейчас
Ты мог вместе с нами и жить, и петь!

Мы в светлую жизнь отворили дверь,
Давно отступилась от нас беда.
И только обидно, что ты теперь
Уже никогда не придёшь сюда.

ДОЧЕРИ СИЛЬБИ

I
Утром волны катит Волга,
Вся от солнца золотая.
Ну, проснись, не спи так долго,
День нас новый ожидает.

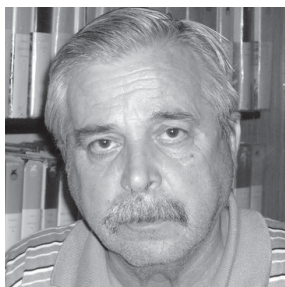
II
Блещет полдень. Тусклы воды.
Дали в мареве сгорают.
Неустанно пароходы
Дым над Волгой расстилают.

III
Вот и вечер. Тени чётко
Пали на воду с откоса.
Нас с тобой уносит лодка
К серебристым лунным плёсам.

IV
И плывём мы, с ветром споря,
Даль колышется волнами.
Даль, где скоро будет море,
Море – созданное нами.

*Перевёл с чувашского
Геннадий Фролов*

Ирек САЙФИЕВ (р. 1948)

5 марта. 75-летний юбилей отмечает журналист и литератор Ирек Завдатович Сайфиев (05.03.1948, с. Туйметкино, ныне Черемшанского р-на РТ). С 1968 года живёт в Ульяновской области. Окончил Казанский государственный университет (1970). Работал заместителем редактора газеты «Приволжская правда» (Чердаклы), собкором «Ульяновской правды» и «Народной газеты». Член Союза журналистов СССР (1984). Автор книг «Ступени роста» (1983), «Закир Кадыйри. Возвращение к истокам» (2013, соавтор Р.К. Вильданова), «Мечети Самарского края» (2018, соавтор Д.И. Сайфиев). Лауреат литературной премии имени Г. Кандаля. Член редакционного совета по созданию «Симбирской татарской энциклопедии».

СОЛОВЕЙ НАШЕЙ ПОЭЗИИ (отрывки из статьи)

В самом начале прошлого века на страницах татарских газет и журналов стали часто появляться стихи, подписанные Хадичэ Сөнгатьзадэ. Её имя в нашей семье овеяно легендами и никогда не предавалось забвению. Старшая сестра моего деда Рауфа Сайфетдинова – Хадича Сайфетдинова-Шаммасова – была одной из небольшой ещё тогда плеяды татарских женщин-литераторов и просветителей, смело заявивших о равных правах женщин-мусульманок с мужчинами во всех сферах общественной и культурной жизни...

Мой отец Завдат Рауфович Сайфиев (Сайфетдинов) успел до конца своей жизни составить подробную историю нашего рода – «до седьмого колена». У его деда Сунгатуллы-хазрата было четверо детей: двое сыновей и две дочери... Старшая дочь Хадича (родилась в 1875 году) обучалась под отцовским началом, а потом продолжила учёбу в селе Иске Кызылсу у своего дяди Жамали-хазрата.

Науки ей давались легко. Вскоре она уже могла в подлинниках читать стихи и прозу арабских и персидских поэтов и писателей и свободно говорить на этих языках. Общительная и любознательная, она жадно впитывала народные легенды, сказания, пословицы, поговорки, песни. Окружающих восхищало богатство речи молодой девушки, выдававшей её острый ум и глубокие познания. И уже тогда к ней пристало ласковое прозвище Былбыл – Соловей.

В 1897 году она вышла замуж за сына Насретдина-ахуна Мухаметгарифа Шаммасова и переехала к нему в село Старое Файзуллово, где стала обучать грамоте сельских девочек. В 1908 году Шаммасовы переехали в Татарский Калмаюр. Хадича-Былбыл и в родном селе продолжила педагогическую работу... В Калмаюре стали выпускать с общим участием рукописный журнал «Кармак» («Удочка»), а в Кызылсу – «Ыргак» («Крючок»). Они наполнялись эпиграммами, шутливыми стихами, историями. Непременным автором «Кармака» была Хадича-Былбыл.

Она несколько раз направляла свои стихи в разные издательства, но их возвращали обратно без внятных объяснений. И лишь только в 1913 году в Казани вышел первый сборник поэтессы «Кызлар бакчасы» («Девичий сад»), содержащий 29 произведений Сайфетдиновой-Шаммасовой. А в 1915 году увидел свет второй поэтический сборник «Таң жиле» («Рассветный ветер») с её 37 стихотворениями и поэмами. В 1917 году в том же издательстве

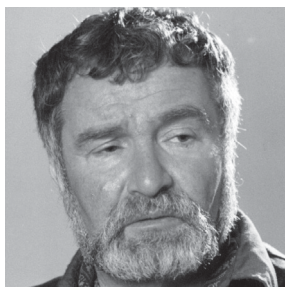
Каримовых в Казани была принята к печати её повесть «Гәүхәр түгел, Морат алданды» («Просчитался Морат, а не Гаухар»), но по неизвестным причинам книга не вышла, а рукопись пропала... Так же пропала ещё одна рукопись Х. Сайфетдиновой-Шаммасовой – автобиографическая повесть «Гафифэ белән Хәнифэ» («Гафифа и Ханифа»).

Как и все татарские люди, она тяжело пережила смерть своего кумира, любимого поэта Габдуллы Тукая. Всю свою горечь утраты она высказала в стихотворении «Нам үлмәс» («Имя его не умрёт»). Творчество Хадичи-Былбыл исполнено тревожными переживаниями. Она не приемлет царившую в те годы несправедливость, её волнует судьба татарского народа. Она всячески подчёркивает, что для возвышения и сохранения нации требуется в первую очередь единение всех её представителей, стремление к обогащению знаниями, высокие моральные качества. И главная её тема – неперенное равенство женщин и мужчин во всех сферах жизни. Обращаясь к татарским женщинам, она призывает их к чистоте помыслов и дел, напоминает об их высочайшей ответственности за судьбы будущих поколений.

В советские годы она не попала в разряд запрещённых к печати авторов, но о ней самой и её творчестве знали только немногие исследователи истории татарской литературы. И лишь в 1988 году в Татарском книжном издательстве вышел сборник произведений дореволюционных татарских поэтесс «Өмет йолдызлары» («Звёзды надежды»), составленный доктором филологических наук Мухаммедом Гайнуллиным, где вновь увидели свет некоторые стихотворения Хадичи Сайфетдиновой-Шаммасовой.

В советские годы Х. Сайфетдинова-Шаммасова всецело отдалась общественной и педагогической работе. Неустанно разъезжала по всем татарским сёлам губернии, разъясняя людям законы новой власти, много выступала перед женской аудиторией, помогала в организации учебного процесса в татарских школах.

Она умерла 9 мая 1944 года, могила её – в родном селе Татарский Калмаюр. Сельчане бережно чтут память Хадичи-Былбыл. В школьном краеведческом музее открыта посвящённая ей богатая экспозиция. Ещё живы и некоторые её ученики.

Эфраим СЕВЕЛА (1928–2010)

8 марта. 95 лет назад родился писатель, сценарист и кинорежиссёр Эфраим Севела, в советский период – Ефим Евелевич Драбкин (08.03.1928, г. Бобруйск, ныне Могилёвской обл. Республики Беларусь – 18.08.2010, г. Москва). В войну бродяжничал, пел песни в воинских эшелонах. В 1943 году на станции Глотовка Ульяновской области был определён в воинскую часть сыном полка. Окончил Минский университет (1948). В 1971 году был выслан из СССР, жил в Израиле; в 1990-м вернулся в Россию. Автор книг «Легенды Инвалидной улицы» (1977), «Мужской разговор в русской бане» (1980), «Викинг» (1982), «Всё не как у людей» (1984), «Почему нет рая на земле» (1994) и др. Жил в Нью-Йорке и в Москве.

БОЛЬШАЯ ВОЙНА МАЛЕНЬКОГО СОЛДАТА (отрывок из воспоминаний)

Я потерялся на второй день войны – 23 июня 1941 года. Перед самой войной мы приехали с мамой в гости в город Поставы на территории бывшей Польши. До сих пор помню озеро и старинный замок в этом городке, где жило много евреев. До войны жило много евреев! Поставы находились недалеко от тогдашней границы. Там муж маминой сестры был председателем горисполкома. Он жил в доме напротив единственного в городе радиур-пора. 22 июня утром я отправился на озеро ловить щучек на петлю. Я видел, как над городом пролетали какие-то самолеты. Пошёл домой... Дядя жил на втором этаже, и мама вышла на балкон, чтобы поговорить со мной: «Фима! Обед стынет!» А я не могу перейти улицу к нашему дому, потому что по ней идёт плотная колонна немецкой пехоты. И все хохочут. Они уже были в городе, а мы даже не знали ещё, что началась война. Я запомнил её начало, потому что опоздал на обед и получил взбучку от мамы.

Мы ещё обедали, когда дядя подогнал к дому машину, в кузове которой стоял ручной пулемёт, и, как сейчас помню, мы сели в машину, и старшина Гавриленко вывез нас из немецкого тыла. По дороге мы обгоняли немцев. Там был вообще слоёный пирог: отступающие наши, наступающие немцы – всё вперемежку. Гавриленко довёз нас до Полоцка. Посадил нас в железнодорожный состав, состоявший из открытых платформ, которые были нагружены прессованным сеном. Я, конечно же, забрался на него и смотрел на звёзды. Недалеко от Орши на эшелон налетели два фашистских самолёта и стали бомбить. От взрыва, который случился совсем рядом, я взлетел вместе с сеном в небо и приземлился на рельсах, а поезд умчался дальше. Мама была уверена, что я погиб – она видела, как мои ноги летели по небу. Я шёл на зарево пожара и дошёл до Орши пешком. Естественно, никому до меня там дела не было. Милиционеры мне сказали: «Мальчик, никого ты здесь не найдёшь, эшелоны здесь не останавливаются». И непрерывная бомбёжка. Так я блуждал от станции к станции.

Я побирался, ел, кто чего даст. На пунктах раздачи пищи (были такие в начале войны) скулил от голода. Меня жалели, давали хлеб и почему-то кисель. До сих пор очень люблю кисель. Так я дошёл до Гомеля. Уже после войны я узнал от отца, что в Гомеле мы с ним стояли рядом у громкоговорителя и слушали речь Сталина: «Братья и сёстры, к вам обращаюсь я, друзья мои...» Это было 3 июля 1941 года в 12 часов. Мы были рядом, но не видели друг друга. Папа был на фронте с первого дня

войны. И папу, и маму я увидел уже после того, как война закончилась...

В детстве я очень хорошо пел. Меня даже возили в Могилёв на областные смотры. Папа был военный спортсмен, борец в среднем весе... Я вообще редкий еврей – из семьи мускульной интеллигенции. Мама – чемпионка Белоруссии по бегу с препятствиями, я тоже со спортом дружил. Но ещё и пел в хоре при Доме офицеров нашего Бобруйска. У меня был очень редкий голос – дискант, но такой высокий, что другого такого не было в городе. Меня выставляли перед хором, и я пел:

*Не трава под ветром клонится,
Вышла красная, вышла конница...*

Позади меня стояли женщины из хора – жёны офицеров, – когда они набирали воздух, чтобы петь, то груди их вздымались, а потом опускались и каждый раз били меня по голове. Я уворачивался, крутился влево и вправо, тогда мне это ещё не нравилось. А мама сидела в первом ряду и сияла от гордости – она была очень тщеславная женщина. Так вот, когда я бродяжничал в начале войны, то пел песни из репертуара нашего хора. Такой кучерявый светленький мальчик душераздирающим тонким и чистым голосом пел жалобные песни. И солдаты давали мне еду. Они вспоминали о своих детях, оставленных дома...

Однажды на станции Глотовка в Ульяновской области я, как обычно, пел, зарабатывая себе кусок хлеба. Но дико хотелось сахара. А его никто не давал. И тогда я нанёс меткий удар в солдатское сердце – во всю силу своего высокого голоса запел: «Жена, как говорится, найдёт себе другого, а мать сыночка никогда!» И солдаты полезли в мешки и стали доставать сахар. В середине шестидесятых годов гениальный Михаил Ильич Ромм в доме отдыха в Болшево, услышав эту историю, сказал, что именно в этот момент во мне зародился режиссёр: «Не случайно ты стал петь именно с этой фразы, а не с начала песни... Да ещё с надрывом и именно этот репертуар. Ты прочувствовал момент, уловил, что нужно солдатам, что их тронет...» И тут на перрон вышел человек, похожий на молодого Брежнева, который сыграл огромную роль в моей жизни, – подполковник артиллерии Евгений Павлович Крушельницкий. Он не просил меня спеть. Он хотел, чтобы я прочёл «Чуден Днепр при тихой погоде». Услышал и взял меня к себе. Так я стал сыном полка и наблюдателем-корректировщиком артиллерии...

Николай АННЕНСКИЙ (1843–1912)

12 марта. 180 лет со дня рождения экономиста, публициста, переводчика Николая Фёдоровича Анненского (12.03.1843, г. С.-Петербург – 08.08.1912, там же). Брат поэта Иннокентия Анненского. Окончил Петербургский университет (1865). В 1880–1890-х гг. руководил статистическими работами губернского земства в Казани и Нижнем Новгороде. В конце июня 1891 года со своим другом В.Г. Короленко ездил в Самарскую и Уфимскую губ.; до Самары плыли на пароходе, останавливались в Симбирске. Автор сочинений «Письма из провинции» (1884), «Сорок лет назад» (1900), «Случайные заметки» (1905, совместно с В.Г. Короленко), «Памяти Н.К. Михайловского» (1910), «Воспоминания о Чернышевском» (1910) и др.

ПИСЬМО В.Г. КОРОЛЕНКО (отрывок)

21 декабря 1902 г.

Дорогой Владимир Галактионович.

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам несколько сведений о том, что происходит сейчас в Петербурге в литературных кругах. Вероятно, до Вас уже доходят об этом кое-какие слухи и, наверное, несколько фантастические. Могу сообщить не много, но достоверное. И пусть пока это достоверное останется между нами; в особенности не подлежат оглашению подробности разговора Николая Константиновича Михайловского с Плеве, касающиеся «Русского Богатства», – они должны оставаться строго в кругу лиц, близких к журналу.

Я уже писал Вам о проектах чествования 200-летия печати, довольно экспромтно возникших в половине ноября. Знаете Вы также и об образовании «частного комитета», одним из 40 членов которого состоите и Вы. От публикации об этом комитете сыр-бор и загорелся. В воскресенье, 8-го декабря, заявление о комитете появилось в петербургских газетах, а в понедельник, 9-го, Ник. Конст. получил приглашение к Плеве (на следующий вечер, 10-го). Аудиенция продолжалась с час. Его высокопревосходительство был утончённо любезен, но изпод бархатной лапки очень решительно выставлял когти. Беседа велась в монологической форме; Н.К., по его словам, едва мог вставить две-три кратких реплики.

Смысл речи Плеве был таков. Он считает литературу главной пружиной всего революционного движения последнего времени. Молодёжь, рабочие – всё это «пушечное мясо», а главный заводчик всего – сочинитель. И хронологически первым толчком к движению был акт литературы, или лучше литераторов, – это протест группы петербургских писателей по поводу неправильностей, допущенных будто бы при аресте Мих. Лар. Михайлова. Ту позицию, которую либеральные литераторы заняли 40 лет назад, они сохраняют и теперь.

То, что говорилось о литературе вообще, применялось в частности и в особенности и к «Русскому Богатству» – это, по словам Плеве, «штаб революции». На возражение Ник. Конст. по поводу крепких терминов министр согласился вместо «революционного» говорить «общественное» движение (разумея противоправительственное), но решительно настаивал на доминирующей роли во всём этом движении (включая сюда всё, до воронежского комитета) литературы и литераторов. В частности, на счёт «Рус. Бог.» ставился и Союз писателей

(основанный после победы «Р. Бог.» над марксизмом) и многое другое.

При всей этой зловредности литературы Плеве, однако, её терпит и не переходит в нападение. «Нападение, – по его словам, – свойственно слабости, а правительство – сила и потому ему приличествует спокойствие». И он, Плеве, поэтому же предпочитает до последней возможности оставаться в оборонительном положении и только охранять, а не нападать (!!!).

Но бывают, однако, положения, при которых он не может оставаться в роли свидетеля. Таковы те случаи, когда писатели прямо и непосредственно выступают на общественную арену, уже не в печати, а лично. К таким случаям относит он и образование «самочинного» комитета, который под предлогом чествования юбилея печати имеет в виду волновать общество и вызвать смуту. Он не остановится перед ссылками, если комитет эту смуту в самом деле вызовет или выступит с заявлениями по поводу свободы печати, в форме ли обращения к обществу или петиции к власти, безразлично. На замечание Мих[айловского], неужели же, в самом деле, он считает преступным актом даже петицию, ему поданную (хотя, добавил Н.К., он о такой петиции не слышал), Плеве ответил: да, ибо теперь ведь ни о каком практическом результате подобных петиций нельзя думать, при теперешних условиях ни на какие облегчения печать рассчитывать не может, – и следовательно петиция есть только маска той же общественной агитации.

Во время всей беседы Плеве был изысканно любезен, относился к своему собеседнику с подчёркнутым уважением, хотя прибавлял, что, как люди совершенно противоположных мирозерцаний, они только до известной меры могут понять друг друга, но в то же время в его словах слышались недвусмысленные намёки на всяких скорпионов. «Мне уже раз довелось сделать Вам зло, не хотелось бы причинить его ещё раз» и т. п.

«Остов» своей беседы Плеве уполномочил Н.К. передать ближайшим сотрудникам по редакции (к ним он причисляет Вас, меня, Александра и Мякотина); что касается комитета, то, – сказал Плеве, – «это дело директора департамента: я ему приказал вызвать к себе нескольких лиц, кто по его сведениям оказываются генералами или полковниками в этом деле, с Вами же я давно хотел лично познакомиться и поговорить». Так что Ник. Конст. выходит уже как бы вроде фельдмаршала...

Наталья СТРЕМИТИНА (р. 1958)

12 марта. 65 лет исполняется прозаику, поэту, публицисту Наталье Львовне Стремитиной, в замужестве – Шуриной (р. 12.03.1958, г. Москва). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей Москвы. С 1990 года живёт в Вене (Австрия). Автор книг прозы «Как быть любимой...» (1989), «Приключения Тела» (1995), «Рецепт для похудения» (2006), «Порыв» (2010), «Философ» (2011) и др. В 2015 году была в Ульяновске; 12 мая провела встречу УлГПУ им. И.Н. Ульянова, творческий вечер во Дворце книги; 15 мая побывала в Карсуне и Языкове, посетила Карсунскую центральную библиотеку имени Н.М. Языкова, детскую школу искусств имени А.А. Пластова, музей «Усадьба Языковых».

СОНЕТ

Круг одиночества никак не разомкнётся.
Любовь – как ваза с битыми краями.
Судьба твоя не поведёт бровями,
Когда закончишь ты свой бранный путь.

Но страха нет. День прожитый горит
Мгновеньем ярким, солнечным и строгим.
И мир людей к тебе благоволит,
Поскольку был ты долго одиноким.

Не тороплюсь, уже душа верней
Отмерит слово и поступок в мире.
И нет у совершенства лишних дней,
И путь твой бесконечен до могилы.

Назад, во тьму невежества и боли,
Не сделаю ни шага. Я на воле!

ИЩИ МЕНЯ

Ищи меня, укрытую словами.
Ищи меня и в смехе, и в слезах.
Ищи меня, и станут маяками
Мои глаза, всю боль твою приняв.

Лишь я пойму, что мучит и тревожит,
Твои печаль и радость мне видней.
И жизнь твоя преобразится сможет,
И так продлится до скончанья дней...

Ищи меня, когда совсем не веришь.
Ищи меня – сквозь ненависть и злость.
Ищи меня, со временем измеришь,
Какое счастье встретить довелось.

Лишь я пойму, что мучит и тревожит,
Твои печаль и радость мне видней.
И жизнь живую, новую стать сможет,
И так продлится до скончанья дней...

ДВОЕ

Мы не на острове,
Мы в маленькой тёмной комнате.
Пальмы не шумят над нашими головами,
И ветер не поёт нам своих песен,
Но мы стоим на пороге Бытия,
Мы вбираем его своими телами.
Мы поём могучую песнь Прикосновения.
Цивилизация с её опытом и пороками
Оставила нас,
Мы дышим глубоко и свободно.
Мы видим только друг друга.
Самая главная партия в дуэте любви –
Доверие.
Из молчания и нежности,
Как из первовещества,
Мы можем создать всё.
Это вечно, как солнце и свет.
Мы – победители сегодня.
Мы – счастливые дети.
И мы хотим только одного,
Чтобы нам не мешали...

Сергей МИХАЛКОВ (1913–2009)

13 марта. 110 лет со дня рождения поэта и драматурга Сергея Владимировича Михалкова (13.03.1913, г. Москва – 27.08.2009, там же). Автор книг «Тридцать шесть и пять» (1989), «Сказки для детей» (1995), «Щенок» (1996), «Упрямый козлёнок» (1998), «Фантик» (2001) и др. Приезжал в Ульяновск 23-24 мая 1950 года с 5-летним сыном Никитой; был в Доме-музее В.И. Ленина, оставил автограф в книге отзывов и подарил свою книгу стихов; выступил в здании Симбирской мужской гимназии. По итогам поездки написал стихотворение «На родине Ленина». Председатель Союза писателей РСФСР (1970–1990). Автор текстов гимна СССР (1943) и РФ (2000). В 2013 году его имя присвоено библиотеке №27 в Ульяновске.

НА РОДИНЕ ЛЕНИНА

Родился мальчик в тихом городке –
В Симбирске, что на Волге на реке...
Ещё никто не знал в тот день и час,
Кем будет он. Кем вырастет для нас...

Простые деревянные дома.
Они для нас – история сама,
Они для нас как памятник стоят –
Здесь Ленин жил сто лет тому назад.
Дом с мезонином. Маленький музей.
Сюда приходит множество гостей,
И здесь для них уже не первый раз
Звучит простой волнующий рассказ –
Рассказ о Ленине, мечтавшем с юных лет
Дать людям правду, дать им хлеб и свет,
Чтоб с плеч своих навеки сбросил гнёт
На всей земле трудящийся народ.

Мы входим в дом, дыханье затая,
В дом, где жила Ульяновых семья...
Вот спальня матери. Вот кабинет отца.
Воспитывая юные сердца,
Ульяновы старались детям дать,
Что только могут дать отец и мать.
Здесь жили скромно, в строгой простоте,
Здесь были Труд и Честь на высоте,
И каждый знал, что есть Добро и Зло,
И что живётся бедным тяжело,
И что для бедных Правда есть – одна,
Но у царей не в милости она.

Стоят на том же месте до сих пор
Подсвечник, лампа, письменный прибор.
Часы в столовой. Глобус расписной.
Ещё тогда не ведал мир земной,
Что слово ЛЕНИН прозвучит в веках
На всей земле на разных языках.
Брат Александр с Володей рядом жил.
Со старшим братом младший брат дружил.
Роднил двух братьев юношеский пыл,
И старший брат во всём примером был.

Два стула. Стол. Железная кровать.
Володя здесь любил один бывать.
Тут был его заветный уголок,
Где он мечтал и повторял урок...
Из этого раскрытого окна
Тропинка в сад была ему видна.
Он с книжной полки эти книги брал
И шахматами этими играл...
С тетрадками и книжками в свой класс
По этой улице шагал он много раз.
Мы входим в школу. В классе парта есть,
Сидеть за ней – особенная честь:
Сидел за ней Ульянов-гимназист,
Ульянов-Ленин, русский коммунист.

Родился Ленин в тихом городке –
В Симбирске, что на Волге на реке.
Теперь уже не тот Симбирск, не тот!
Он вширь и ввысь растёт из года в год.
И в честь Ульянова, что жил и вырос тут,
Его теперь Ульяновском зовут.

Валерий ВОЛЫНЦЕВ (1928–2020)

14 марта. 95 лет назад родился историк, краевед Валерий Алексеевич Во-лынцев (14.03.1928, ныне р. п. Карсун Ульяновской обл. – 12.05.2020, г. Ульяновск). С 1957 года жил в Ульяновске. Работал на приборостроительном заводе (1958–1973), в Ульяновском проектно-конструкторском бюро автоматизированных систем управления (1973–1988). Окончил заочно Московский историко-архивный институт (1972). Автор краеведческих изданий «Старый Симбирск в открытках» (2005), «История Карсуна в событиях и лицах» (2007), «Династия Зефириных в истории Карсуна» (2011). Состоял в правлении общественной организации «Карсунское землячество». Почётный гражданин Карсуна (2004) и Карсунского р-на (2008). Публиковался в журналах «Мономах» и «Симбирскъ».

Евгений ЛЯЦКИЙ (1868–1942)

15 марта. 155 лет со дня рождения писателя и литературоведа Евгения Александровича Ляцкого (15.03.1868, г. Минск – 07.07.1942, г. Прага). Один из самых глубоких исследователей творчества И.А. Гончарова, знавший писателя лично; оставил описания Симбирска и окрестностей. Автор книг «И.А. Гончаров. Критические очерки» (1904), «Гончаров: жизнь, личность, творчество» (1920), «Гончаров в кругосветном плавании» (1922), «Роман и жизнь: развитие творческой личности И.А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812–1857» (1925), «История русского языка» (1928) и др. После Октябрьской революции 1917 года эмигрировал в Финляндию, затем в Швецию. С 1922 года жил в Чехословакии.

РОМАН И ЖИЗНЬ (отрывок из книги)

Трудно одним словом определить Симбирск, каким он являлся лет сто назад. Высшая администрация края и присутственные места делали его губернским городом, средоточием общественно-политического и хозяйственного быта обширной области. Но обособленный, полуусадебный характер жизни отдельных дворов, обнесённых высокими заборами, пустыри и длинные глухие переулки, шедшие из самого центра, немощёные улицы, обилие садов и всякой другой живописной, в беспорядке растущей зелени, а главное – общая дрёма, нависшая над городом, налагали на него печать большой неуклюжей деревни, сонно расплывшейся по берегу многоводной и молчаливой реки.

И точно, каждый обыватель этого мирного города-деревни сознавал себя под кровлей своего дома скорее помещиком, чем горожанином: он жил не только своим домком, но и своим хозяйством, окружал свой дом флигелями, всякого рода службами, амбарами, кладовыми, погребями, банями, всем, что должно было быть в каждой порядочной вотчине. По улицам и переулкам бродили козы, у ворот дремали сытые добродушные псы; по вечерам из каждой усадьбы доносилось мычание коров.

Приезжие или соседи, желавшие навестить друг друга, должны были пробираться, смотря по времени года, или по сыпучим пескам, или по непролазной грязи. Но зато, попадая за ограду усадьбы, посетитель бывал вознаграждаем за свою отвагу: всюду царил чистота и порядок, дорожки перед домом и в саду были посыпаны песком, цветочные клумбы радовали глаз своим разнообразием и богатством, сады, парники, огороды – всё было щедро осыпано дарами земли и солнца. Даже крепостные парни и девки, выполнявшие нелёгкую хозяйственную работу, не имели вида заморенных помещичьих крестьян: меньше ли их было у каждого горожанина-вотчинника, легче ли была их работа, но они в большинстве случаев выглядели весёлыми, сытыми, здоровыми.

Чинно и тихо струилась жизнь внутри усадеб, но ещё тише, ещё глуше было на улицах и площадях. Посетителю, особенно если он видел шумные столичные города, полные жизни, Симбирск представлялся бесконечно пустынным и сонным.

Сверху, с горы, он рисовался глазу грудой разнохарактерных домов, лачужек, сбившихся в кучу, домиков с балконами, с маркизами, с бельведерами, с постройками, надстройками, с венецианскими окошками и едва заметными щелями вместо

окон, с голубятнями, скворешниками, с пустыми, заросшими травой дворами... всё это лепилось по высотам и низинам, спускаясь до самого дна оврага.

На заезжих путешественников прямые, широкие, песчаные улицы города, окаймлённые низенькими деревянными домиками и дощатыми тротуарами, производили впечатление грустного однообразия. Все старинные описания сходились в одном: при всей своей неподвижности город отличался живописнокартинностью благодаря роскошной зелени и садам, занимавшим склоны холмов. С высоты вид на чудную Волгу, с её островами, лугами, полями и лесами, должен был казаться в те годы ещё величественнее, ещё очаровательнее.

В конце города шла криво очерченная площадь, называвшаяся Венцом. Она занимала обширный земельный утёс, упирившийся прямо в Волгу. Оттуда открывалась восхитительная панорама на богатырскую реку и окрестные дали. Но и река, и дали, и живописная зелень не оживляли города. Они придавали только красоту грустному однообразию сонного царства.

Таков был Симбирск лет за сто до нашего времени.

Среди дворов-усадеб, из которых складывался старый Симбирск, заметно выделялась одна, – ей пришлось впоследствии занять почётное место в истории города. То была усадьба Гончаровых. Она была обширнее многих, расположенных по соседству: начинаясь в самом центре города, она широкой полосой подходила к берегу Волги. Берег в этом месте падал круто к реке, и там, где богатый фруктовый сад переходил в привольно раскинувшийся парк, эта крутизна обрывалась глубоким оврагом, густо заросшим диким кустарником и всякой лесной порослью. С противоположной, городской стороны за небольшой площадью поднималась колокольня старинной церкви Вознесенья, где в то время священнослужительствовал отец Михаил Байдеряковский; дьяконом был Александр Иванов, а дьячком Пётр Зиновьев, пономарём же при них состоял Сергей Андреянов.

6-го июня 1812 года они-то и были извещены о происшедшем в семье симбирского купца Александра Иванова Гончарова и супруги его Авдотьи Матвеевны о радостном событии: рождении второго сына – брата первенцу Николаю. 11-го июня отец Михаил совершил над новорожденным обряд святого крещения и нарёк Иваном...

Николай ЯЗЫКОВ (1803–1847)

16 марта. 220 лет назад родился поэт Николай Михайлович Языков (4(16) марта 1803, г. Симбирск – 26 декабря 1846 (07 января 1847), г. Москва). Окончил Дерптский университет (1829). В 1831 году вместе с П.В. Киреевским начал собирать материалы по русской народной поэзии. Первую книгу своих стихов издал в 1833 году. В течение пяти лет жил в имении Языково Симбирской губернии, куда в сентябре 1833-го дважды приезжал А.С. Пушкин. Автор книг «56 стихотворений Языкова» (1844), «Новые стихотворения» (1845). Его именем названы улица и переулок в Заволжском районе Ульяновска, средняя школа в р. п. Языково (1998), центральная районная библиотека в р. п. Карсун (2003). В Языково открыт музей «Усадьба Языковых» (1993), в Ульяновске работает Литературный музей «Дом Языковых» (с 1999 года).

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды –
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, –
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,

И люди мирно обрелись
Непринуждённому забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

1825

ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу: ни облачка в небесной синеве!
Цветёт зелёный луг; чистейший воздух горной
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, и полон я весной!
И вот певец её летает надо мной,
И звуки надо мной весёлые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

1843

Иван ЮРКИН (1863–1943)

16 марта. 160 лет со дня рождения чувашского писателя Ивана Николаевича Юркина (16.03.1863, с. Бюрганы, ныне Буинского р-на Татарстана – 11.09.1943, г. Ульяновск). Учился в Симбирской чувашской школе. Член Симбирской учёной архивной комиссии (1897). Служил в Симбирском акцизном управлении (до 1918) и Симбирском губернском статистическом управлении (1918–1926). Занимался этнографией, фольклористикой, историей. Очерки и рассказы публиковал в первой чувашской газете «Хыпар». Автор книг «Повести, стихи в прозе, очерки, воспоминания» (1986), «Повести» (2010). На собственные средства издал брошюры «Шутки», «Сказания», «Пословицы и поговорки», «Сказки».

Саша КОВАЛЬЧИК (р. 1993)

17 марта. 30 лет исполняется поэтессе Татьяне Витальевне Кудряковой, творческий псевдоним – Саша Ковальчик (р. 17.03.1993, г. Новоульяновск Ульяновской обл.). Окончила историко-филологический факультет УлГПУ имени И.Н. Ульянова. Стихи начала писать с 9-летнего возраста. Публиковалась в журналах «Бельские просторы» (Уфа), «Молодёжная волна» и «Русское эхо» (Самара), «Симбирскъ» (Ульяновск), в коллективных сборниках. Лауреат областного молодёжного литературного конкурса «Первая роса» в номинации «Поэзия» (2014, Ульяновск), фестиваля университетской поэзии «Мяуфест» (2014, Уфа). С 2018 года – аспирант УлГТУ по специальности «Языкознание и литературоведение».

И каждый раз,
когда бесметных мыслей рать
Берёт в полон, и умерщвляет дух и тело,
И пьёт за разум, до которого нет дела,
Я прячу гордость под железную кровать.

И вот, пока она под ней лежит и спит,
Я сторожу сей сон
под зорким чёрным оком.
И всё опять не так, и всё выходит боком,
И всё глаза твои, что словно малахит...

Завлекала тебя: «Сладкие, с маком»,
Говорила, что пеку сама.
И то, что ещё не сошла с ума,
Мать считала особым знаком.
И будто обухом по дрянным нервам:
«Приду!»
Вписавшись в проём дверной
С трудом и уже становясь дурной,
Мечусь: «Не успел бы он первым!»
Могу уверить, ни один астроном
Не считал так свои планеты,
Как считала каждый пройденный метр
Я на долгом пути в гастроном.
И когда, ворвавшись в заветную дверь,
Я двинулась к широкой тётке,
Вместо пряников хотелось водки,

Хочешь, верь мне, а хочешь – не верь:
Ты. Улыбнулся с усмешкою, криво,
Произнёс, преградив собой путь:
«С маком нет. Можешь домой повернуть».
И у тётки потребовал пива.
Смеялись звёзды, становясь моложе,
Даже луна, забавы ради!
И астрономы, на звёзды глядя,
На земле улыбались тоже.
Избегала тебя. Сладкие, с маком
Научилась всё же печь сама.
И то, что ещё не сошла с ума,
Мать считает особым знаком...

Сколько есть до тебя столбов дорожных,
Столько есть для тебя новостей.
И приехать к тебе сейчас не можно,
И не нужно тебе гостей.

И пишу: «Расскажи, душа русалья,
Всё ли огненные волоса?»
Небо выкрасить голубой эмалью,
Чтоб точь-в-точь как твои глаза!

И бежали меня все сны – не жаль их,
И слепило глаза – больно зреть...
Но я видела, как волос русальных
Отливала на солнце медь.

Исидор ШТОК (1908–1980)

19 марта. 115 лет назад родился драматург и актёр Исидор Владимирович Шток (19.03.1908, г. С.-Петербург – 18.09.1980, пос. Переделкино, Москва). Был заведующим литературной частью, драматургом в Московском цыганском театре «Ромэн». Участвовал в работе 3-й областной конференции Ульяновского отделения Союза писателей СССР 26-28 августа 1952 года; руководил секцией драматургов, выступал на итоговом заседании. Член правления Союза писателей РСФСР (1965–1970). Автор книг прозы «Рассказы о драматургах» (1967), «Премьера. Рассказы» (1975); пьес «Земля держит» (1931), «Гастелло» (1947), «Победители ночи» (1950), «Чёртова мельница» (1953), «Земля Замоскворецкая» (1970), «Рейс» (1982) и др.

ПРЕМЬЕРА (отрывок из воспоминаний)

Шестидесятилетие своё я отпраздновал на операционном столе.

До этого меня долго готовили к операции, днём я гулял по Серпуховке, и по Павловской улице, и по переулкам Замоскворечья, долго сидел на лавочке под сиреневыми кустами на Мемориальном сквере возле завода имени Владимира Ильича, недалеко от камня, поставленного на том месте, где пролилась кровь Ильича от предательского выстрела террористки...

Иногда вечерами я тоже, улизнув из палаты и одевшись в партикулярное платье, рассматривал окна домов на площади, стараясь угадать, что происходит там, в квартирах людей. Два прожектора освещали памятник. Он как бы парил в воздухе. Невдалеке катились троллейбусы, автобусы, автомобили... Я даже начал сочинять песню – слова и музыку к ним.

Есть в Москве земля Замоскворецкая, улицы Люсиновка, Щипок, Серпуховская, Старая Кузнецкая, Павловский зеленый тупичок...

И дальше: Есть в Москве земля Замоскворецкая, // Мне на ней знакомы люди все, // Там шумит дорога Павелецкая, // Там бежит Варшавское шоссе.

Сочинил всю песню до конца. Будто пишет письмо в стихах с Дальнего Востока молодой солдат своей матери, живущей здесь, на Серпуховке, вон за тем окном.

С этой женщиной я познакомился позавчера в больнице, играл в подкидного в холле, который во время обеда превращался в столовую, а потом опять в игорный клуб. Играли на деньги, только на очень маленькие, больше тридцати копеек никто не проигрывал. Женщина была славная, весёлая, хохотушка, азартная и, видно, совсем недавно очень красивая. Её готовили к сложной операции. К ней приходила девчушка лет восемнадцати, её дочь, приносила еду и цветы. В холле они долго о чём-то шептались.

Мой сосед по палате, армянин, общительный и наблюдательный, инженер и дипломат, объехавший полмира, работавший на Асуане в Египте, и на Суэце, и на Кубе, и в странах Южной Америки, рассказал мне, что эта женщина знатная фрезеровщица с завода Ильича, сын её в армии, на самой границе. Вот от имени этого сына я и сочинял письмо в стихах.

А потом в институт привезли тяжело раненного ножом мужчину. Какой-то бандит ночью в сквере ударил его ножом в живот, проткнул брюшину,

задел печень... Ночью делали операцию, но пациент умер. Шура, так звали мою соседку, рассказала мне по секрету, что умерший несколько лет назад работал на их заводе, потом перевёлся в Подольск... Напал на него бывший рабочий, уволенный с завода, сидевший в исправительной колонии, недавно вышедший оттуда и сведший старые счёты с бывшим начальником... Вот какие ужасные истории случаются на свете... Шура несколько лет была народным заседателем в суде, а теперь её выдвигают депутатом в районный Совет... Шура была прекрасная женщина, добрая, остро переживающая чужое горе. Если бы я не был влюблён в мою жену Шуру, влюблён долго и прочно, я бы обязательно влюбился в Шуру-фрезеровщицу.

А потом резали меня. Операция прошла прекрасно, но после неё я стал «отдавать концы». Отказали почки, сделался послеоперационный шок, и в течение месяца больной, то есть я, находился, что называется, между жизнью и смертью. Надежды на выздоровление было совсем мало.

И тут за меня вступилась медицина, весь институт во главе с великим хирургом Александром Александровичем Вишневым. И они победили смерть. За что я им благодарен по гроб жизни, который они отодвинули на много лет.

После того как меня неоднократно таскали на руках и на каталках в другой корпус, в лабораторию искусственной почки, после того как день и ночь для меня перестали существовать и я плохо понимал, кто я такой, где нахожусь и что со мной происходит, и летальный (смертельный) исход был уже предопределён, мне вдруг пригрезилось детство, и театр, в котором я провёл всю жизнь, и Петроград, и Псков, и Харьков, и «Зелёный попугай», и Митя Багров...

– Постой, – сказал я Мите, – ведь ты умер давно, ещё в двадцать шестом году, и тебе было тогда только девятнадцать лет, – как же ты очутился здесь, в послеоперационной?

Ну конечно, теперь, спустя много лет, я не смогу дословно записать нашу беседу с Митей. Но я ясно помню, как он укорял меня, долго и строго чего-то требовал. Теперь я думаю, что он требовал, чтоб я ещё пожил на свете, за него и за себя. А потом мы, как всегда, когда бывали вдвоём, говорили о театре, только о театре, ни о чём больше мы с ним не говорили. Театр был нашей жизнью, нашей целью, нашей страстью...

Сергей КАЗНАЧЕЕВ (р. 1958)

19 марта. 65-летний юбилей отмечает прозаик, поэт, литературовед и публицист Сергей Михайлович Казначеев (р. 19.03.1958, с. Ундоры Ульяновского р-на Ульяновской обл.). Учился в Ундоровской средней школе, затем трудился в ней библиотекарем (1975–1976). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1983) и аспирантуру при нём (1995); с 1997 года преподаёт здесь. Член Союза писателей России (1992). Кандидат филологических наук (1997). Автор книг стихов и прозы «Незавершённые уроки» (1989), «Утопия» (1998), «Апология литературоцентризма» (2000), «Записки советского миллионера» (2002), «Современные русские поэты» (2012) и др. Живёт в г. Дзержинском Московской области.

ДЕД ФЁДОР

Скрипели вёстры, как полозья в декабре.
Обваливалась глина по откосам.
Дед Фёдор перед смертью подобрел
И отвечать стал бабам на расспросы.

Меж тем как сам он телом холодел,
Сказать о чём-то главном захотелось.
Племянница спросила: «Дед, а дед,
Сто лет ты прожил. Чай, уж надоело?»

Он был суров, но острое словцо
Всегда ценил дороже отговорки.
А тут вздохнул и просветлел лицом:
– Эх, внучка, как на санках съехал с горки.

* * *

Мой отец – не мастак вспоминать о войне,
Значит, было в ней нечто такое,
Что сегодня тревожит и ранит вдвойне,
А для нас непонятнее втрое.

И когда из окрестных домов пацаны
Любопытством своим донимают,
Он не в силах поведать им правду войны,
Лишь кривится да слёзы роняет...

Но тоске и слезам мы дадим окорот
(Мало ль что на душе накопело!).
В День Победы не митинг у нас – огород,
Там поэмо уже к сроку пришло.

Знать, доньше воюет в душе ветеран,
И слышны ему взрывы, бомбёжки...
На Девятое Мая осушим стакан
И как надо посадим картошку.

СТАНСЫ

Утки уткнулись в стекло
Сонного озера. Тихо.
Светит под острым углом
Солнечная земляника.

Ждут караси и гольцы
Щуку, как деспот свободу.
От недостатка пыльцы
Бабочка села на воду.

Вечер глухой, как старик.
Стадо вошло по колено
В зыбкую воду, на миг
Ставшую бледной от пены.

Небо сошло с вышины,
Чтоб в тишине помолиться.
Здесь и видны, и слышны
Богу молитвы и лица.

* * *

Мне в жизни надобно немного:
Ни благ, ни счастья – ничего
Я не прошу себе у Бога.
Моё моление таково:

Пытай меня бедой люблюю,
О Боже, Господи Ты мой!
Не обдели меня любовью,
Не обойди меня тоской!

Корнилий БОРОЗДИН (1828–1896)

21 марта. 195 лет назад родился прозаик и мемуарист Корнилий Александрович Бороздин (21.03.1828, с. Нестягино, ныне урочище Нестюгино в Опочецком р-не Псковской обл. – 13.11.1896, г. Санкт-Петербург). Детство провёл в родовом имении на Псковщине, а также в Архангельской и Симбирской губерниях, переезжая по месту службы отца. Служил чиновником особых поручений при губернаторе в Ярославле и Симбирске. Автор сочинений «Алазанская долина» (1886), «И.С. Аксаков в Ярославле» (1886), «Три столетних старца» (1888), «Из моих воспоминаний» (1889), «Переселенцы в Закавказье» (1891), «Из рассказов старика-черкеса» (1892), «Отрывок из фамильных воспоминаний» (1902) и др.

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ (отрывок)

Когда мы уже сидели в столовой и, попивая чудесный кофе со сливками и сдобными булочками, весело болтали, в передней раздался звонок, и через минуту вошёл к нам офицер небольшого роста, коренастый, мешковатый, в какой-то странной, никогда не виданной мною армейской форме. Хозяйка стремительно бросилась к нему навстречу и, протягивая ему руку, сказала с тоном упрека:

– Наконец-то и меня вы вспомнили.

– Знаете, ведь это всегда так бывает, – отвечал он, целуя её руку и усаживаясь возле неё. – Когда хочешь кого-нибудь увидеть поскорей, непременно увидишь нескоро. Сам к вам рвался, да мешали все эти несносные обязательные визиты.

Разговор начался и шёл у них всё время по-французски. Я написал карандашом на клочке бумажки вопрос: «Кто это?» и передал бумажку Унковской. Она вернула мне её с ответом: «Лермонтов».

Меня так и обожгло. Лермонтов! Боже! Какое разочарование! Какая пропасть между моею фантазией и действительностью! Корявый какой-то офицер – и это Лермонтов! Я стал его разглядывать и с лихорадочною жадностью слушал каждое его слово.

Сколько ни видел я потом его портретов, ни один не имел с ним ни малейшего сходства, все они писаны были на память, и никому не удалось передать живьём его физиономию, как то сделал, например, Эммануил Александрович Дмитриев-Мамонов в наброске своём карандашом портрета Гоголя. Но из всех портретов Лермонтова приложенный к изданию с биографическим очерком Пыпина самый неудачный. Поэт представлен тут красавцем с какими-то колечками волос на висках и с большими, вдумчивыми глазами, в действительности же он был, как его метко прозвали товарищи по школе, Маёшка, то есть безобразен.

Огромная голова, широкий, но невысокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивающееся узким подбородком, угрюмое и желтоватое, нос вздёрнутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики и волосы на голове, коротко остриженные. Но зато глаза!.. я таких глаз никогда после не видал. То были скорее длинные щели, а не глаза, и щели, полные злости и ума. Во всё время разговора с хозяйкой с лица Лермонтова не сходила сардоническая улыбка, а речь его шла на ту же тему, что и у Чацкого,

когда тот, разочарованный Москвою, бранил её беспощадно. Передать всех мелочей я не в состоянии, но помню, что тут повально перебирались кузины, тётеньки, дяденьки говорившего и масса других личностей большого света, мне неизвестных и знакомых хозяйке. Она заливалась смехом и вызывала Лермонтова своими расспросами на новые сарказмы. От кофе он отказался, закурил пахитосу и всё время возился со своим неуклюжим кавказским барашковым кивером, коническим, увенчанным круглым помпоном. Он соскакивал у него с колен и, видимо, его стеснял. Да и вообще тогдашняя некрасивая кавказская форма ещё более его уродовала.

Визит Лермонтова продолжался с полчаса. Взглянув на часы, он заторопился, по словам его, ему много ещё предстояло концов, опять поцеловал руку Натальи Ивановны, нас подарил общим поклоном и уехал. Хозяйка так усердно им занялась, что о нас позабыла и ему не представила.

Впечатление, произведённое на меня Лермонтовым, было жуткое. Помимо его безобразия, я видел в нём столько злости, что близко подойти к такому человеку мне казалось невозможным, я его струсил. И не менее того увидеть его снова мне ужасно захотелось. Когда я всё это передал матушке и настоятельно просил её поскорее отвезти меня к Арсеньевой, она снова обещала и действительно выполнила своё обещание в следующую же субботу; как только я пришел из Peter-Schule, она взяла меня с собой ко всеобщей в церковь Всех Скорбящих, там мы нашли старушку Елисавету Алексеевну и после окончания службы направились к ней.

Она жила в одноэтажном деревянном сереньком домике с подъездом посередине, с улицы, а в pendant к нему и рядом с ним стоял такой же точно домик. Их разделяли ворота. В другом жила Кайсарова, тоже старушка, дочь с левой стороны графа Валериана Зубова, известного красавца, брата фаворита Екатерины II. Эти два домика-могикана существовали на Шпалерной ещё лет двадцать тому назад, а теперь их стёр с лица земли какой-то выступивший на их месте колосс в четыре или пять этажей. Так у нас нещадно исчезают все жилья людей, имеющих историческое значение. В этом домике много лет прожил Лермонтов со своей бабушкой...

Дмитрий ВОЛКОГОНОВ (1928–1995)

22 марта. 95 лет со дня рождения историка и писателя Дмитрия Антоновича Волкогорова (22.03.1928, станица Мангут Кыринского р-на, ныне Забайкальского края – 06.12.1995, г. Москва). В 1949–1952 гг. учился в Ульяновском танковом училище. Генерал-полковник (1986), доктор исторических наук (1990). До 1988 года не раз приезжал погостить в Инзу Ульяновской обл., где проживали родители жены; выступал перед общественностью города. Автор книг «Феномен героизма» (1985), «Советский солдат» (1987), «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина» (1989), «Ленин. Политический портрет» (1994), «Троцкий. Политический портрет» (1994) и др. Полемизировал с Ж.А. Трофимовым.

ЛЕНИН. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (отрывок из книги)

У всех у нас в памяти фотографии пухленького милого мальчика, а затем снимки гимназиста с умными глазами. Но нам очень трудно представить Ленина молодым; он как-то сразу из юноши превратился в зрелого, усталого, пожилого человека. Роясь в книгах, я неожиданно нашёл подтверждение этого моего впечатления у А.Н. Потресова, очень близкого знавшего Ленина в молодости.

Когда Александр Николаевич Потресов, рыцарь российского легального марксизма, встретился с Лениным, тому было 25 лет. Однако, вспоминал Потресов, Ульянов «был молод только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока – тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сиплый голос... У молодого Ленина, на моей памяти, не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в петербургском «Союзе борьбы» того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его, по годам молодого, звали стариком, и мы не раз шутили, что Ленин даже ребёнком был, вероятно, такой же лысый и старый...»

Стоит отметить, что Ленин, как и его отец, был человеком большой мыслительной силы, что обычно приходит с годами. Но интеллектуальное развитие этих людей было ранним. Я не уверен, что это имело роковые последствия, но и отец, и сын умерли от болезни мозга; первый от кровоизлияния в 54 года, второй от склероза мозга в 53 года. Может быть, это дело исторического случая, но нельзя отделаться от мысли, глядя на фотографии Ленина, где он всегда выглядит много старше своих лет, что его мозг постоянно работал с перегрузкой, обязательно с кем-то воюя, борясь в очередной складке (его любимое слово) с теми, кто думал иначе, чем он. Не думаю, что это обязательно признак гениальности. Но так или иначе Ленин, даже будучи по житейским меркам довольно молодым человеком, всегда предстал перед нами в образе усталого пожилого человека.

Давайте попытаемся, освободившись от чар сусальных мифов, взглянуть на того Ленина, который начал свой долгий путь, закончившийся большевистским триумфом, к октябрю тысяча девятьсот семнадцатого года. Проследим некоторые истоки

этого пути, исхоженного и истоптанного тысячами партийных исследователей и официальных биографов. Все они, однако, осторожно обходили «партийные заповедники», куда могли входить только «главные ленинцы».

Тихий, зелёный и глубоко провинциальный городок Симбирск, что на Средней Волге, стал колыбелью будущего отца русской революции и основателя первого в мире социалистического государства. «Губернские ведомости» Симбирска в конце прошлого века сообщали, что в 1897 году в городе насчитывалось сорок три тысячи жителей, в том числе 8,8 процента – дворяне, 0,8 процента – духовенство, 3,2 процента купцов и почётных граждан, мещан – 57,5 процента, крестьян – 11, военных – 17 и остальные-прочие... Типичный мещанский город России. В нём находилось две гимназии (мужская и женская), кадетский корпус, духовные училище и семинария, ремесленное училище графа Орлова-Давыдова, фельдшерская школа, чувашская учительская школа, татарское медресе, несколько приходских школ, Карамзинская библиотека, бесплатная народная библиотека имени Гончарова. Были здесь и водочный, пивомедоваренный, винокуренный, воскосвечный, мукомольный заводы. Немало было в крохотном городке и благотворительных заведений: христианского милосердия, попечительства о бедных, братства Преподобного Сергия Радонежского, Святого Николая Чудотворца, Марии Магдалины...

Основанный на нагорной стороне реки в 1648 году боярином Хитрово как форпост от набегов кочевников, город скоро превратился в типичный тихий провинциальный российский городок, каких было немало. Утопающий в зелени садов, деревянный Симбирск жил на границе веков как бы в полудрёме: размеренно, спокойно, неторопливо, без потрясающих новостей.

Я знаю этот город не по словарям и не понаслышке: в 1949–1952 годах в Ульяновске (бывшем Симбирске) оканчивал танковое училище, бывал здесь и позже. Со временем город стал идеологической Меккой большевизма. Рассматривая старые фотографии города и сравнивая их с тем, каким он стал к столетию рождения В.И. Ульянова-Ленина, поражаешься фанатичной настойчивости тех, кто десятилетиями превращал его в идеологический храм вождя...

Владимир КОРНИЛОВ (1923–2002)

22 марта. 100 лет назад родился прозаик, публицист Владимир Григорьевич Корнилов (22.03.1923, г. Петроград, ныне С.-Петербург – 19.07.2002, г. Кострома). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1952). Член Союза писателей СССР. В 1952–1960 гг. работал ответственным секретарём Куйбышевского отделения Союза писателей СССР, на учёте в котором в 1954–1960 гг. «за малочисленность состава» состояли и писатели Ульяновска. Редактировал альманах «Волга». Бывал проездом в Ульяновской области. Автор книги «О людях хороших и разных» (1956); трилогии «Семигорье» (1974), «Годины» (1984) и «Идеалист» (1999). Лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького (1985).

ГОДИНЫ (отрывок из романа)

Паровоз дотянул эшелон до полустанка. Объявили приказ о выгрузке. Уже сняты были растяжки, уложены стальные ленты, приставлены шпалы к последней платформе, на которой стояла их новенькая «тридцатьчетвёрка», Макар уже готовился залезать в свой люк и задержался: такой спокойной, мягкой тишины он не слышал за многие дни торопливого пути сюда, на фронт. Пели птицы. Он хорошо помнил, что птицы пели в частых елях, подступающих к разъезду с восточной стороны. В другую сторону, под низкое солнце, уходило открытое поле; высокая, уже в колосе, ржица спокойно стояла, дожидаясь своего срока. «Дозреть-то дозреешь. Найдутся ли руки тебя убрать?..» – думал Макар; безлюдно было вокруг, покинутым гляделся и единственный на станции домик, с растворёнными окнами, с распахнутой дверью. А ржица стояла, она была из той, ещё мирной, жизни, и грустно было смотреть на поспевающие в безлюдье хлеба.

Рядом, на броне, был командир, молоденький их лейтенантик. На спешной формировке и на пути сюда, к фронту, Макар так и не определился в своём отношении к новому для него человеку. Понимал: бой – это не поле пахать, в бою каждый из них, втиснутый в своё место, будет поступать уже не по своему разумению – будет под властью ума и умения командира. А вот какой ум и умение у мальчишки в неполные девятнадцать – этого-то Макар с твёрдостью определить и не мог. И хотя сам был аккуратен в своих водительских обязанностях, исполнитель в командах, думал, наблюдая губастенького, с нежной застенчивостью в глазах лейтенанта: «Не командир ещё!..» Скребла по сердцу мыслишка – как ещё скребла! – не по опыту, не по возрасту доверили машину: «тридцатьчетвёрка» всего-то на весь эшелон было четыре!..

Потому Макар как-то даже оторопел, услышав доверительный голос: «Хорошо-то как, Разуваев! Косить – самая пора...» Какое-то созвучие тому, что было у него на душе, услышал Макар в голосе лейтенанта, хотел было по-доброму ответить, да – выбрала же война минуту! – на дальнем краю поля, ниже багрового, расплывшего к заходу солнца, замелькали быстрые огни.

Что это за огни, он понял, когда рвануло насыпь у колёс соседней платформы, и тихий вечер взвыл, и земля захрохотала от падающих на полустанок снарядов. Макар не помнил, как оказался за рычагами, как запустил мотор, сквозь гул и удары донёсся до него, словно задавленный в горле, испуганный крик;

– Пошё-ёл!..

Макар двинул танк на косо приставленные к платформе шпалы; заставил себя на минуту забыть об огне, озаряющем всё вокруг, сосредоточенно свёл машину и, когда траки лязгнули о рельсы и танк осел, рванул его к откосу и дальше вниз, в затишье низины. Что было потом, вспоминалось Макару не само по себе, всё накрепко связалось каким-то особенным образом с лейтенантом, с молоденьким их командиром. Пока, подхлестнутый испуганным его криком, Макар гнал танк, прикрываясь спасительной высотой насыпи, лейтенант как будто срывал с мальчишеской своей души всё, что было на ней прежде, что мешало, как хорошие одежды мешают в чёрной работе: растерянность, мягкость, робость непривычной власти. Первая же его команда: «Стой, Разуваев! Куда?!», в которой ещё слышался казнящий себя стыд за испытанный страх, объявила в нём командира.

– Через насыпь, Разуваев! Во фланг! – скомандовал вдруг ожесточившимся голосом лейтенант, и Макар с готовностью подчинил себя почувствованной командирской воле.

Он запомнит на всю жизнь то, что увидел с высоты насыпи.

По открытому разливу хлебов широким полукругом шли к железнодорожному разъезду чужие танки, покачивали тёмными угловатыми лбами, на ходу жалили густой вечерний воздух языками огня. На полустанке пылали платформы. В пламени стояли танки; их пушки, повёрнутые в сторону поля, стреляли, – там, в огне, в бою, погибал их эшелон. На что-то надеясь, Макар придержал машину, увидел, как с задней, ещё не разбитой платформы сполз танк соседа Артюхова, тут же, словно пластаясь по насыпи, понёсся по шпалам к ним. Выползла из пламени на заднюю платформу ещё одна «тридцатьчетвёрка» – Коноваленко. Но полыхнувший взрыв подломил угол платформы, танк Коноваленко осел, как тонущий корабль.

– Артюхов!.. Артюхов!.. – кричал лейтенант. Рация Артюхова не отвечала, Артюхов как будто не слышал, не видел. Танк его не дошёл до них какой-то сотни метров, круто развернулся, бросился вниз по откосу навстречу немецким танкам.

– Вперёд! – крикнул лейтенант. Макар, стараясь не терять из виду Артюхова, сорвал танк с насыпи, погнался вслед. Но Артюхов, как ослеплённый зверь, нёсся напролом, и напрасно взывал к нему осипшим голосом лейтенант...

Игорь НЕВЕРЛИ (1903–1987)

24 марта. 120 лет назад родился польский писатель Игорь Николаевич Неверли (24.03.1903, хутор Зверинец в д. Беловеж, Царство Польское, Россия – 19.10.1987, г. Варшава). Сын русского офицера Николая Абрамова и полячки Марии-Терезии Неверли. В 1918-м переехал в Симбирск, где мать организовала польский детский дом на Старом Венце; учился в школе №7, участник первой губернской комсомольской конференции (1919). В 1920 году уехал в Киев, затем в Варшаву. Автор повестей и романов «Парень из Сальских степей» (1948), «Лесное море» (1960), «Живые связи» (1966), «Разговор в саду пятого августа» (1978) и др. Симбирск описал в романах «Под фригийской звездой» (1955), «В минуты роковые» (1991).

ЛЕСНОЕ МОРЕ (отрывок из романа)

Дождь перестал так же внезапно, как начался. Буйный и тёплый, он в этот день был не похож на июньские «цветные» ливни Маньчжурии – струи его не переливались всеми цветами радуги и цветочной пылью.

Ветер дул из-за гор, с Жёлтого моря, и нагонял стаи туч, тяжёлых, сплошных, без единого просвета. Солнце бесследно скрылось за сопкой на западе, а месяц ещё не серебрил воды Муданьцзяна. На тайгу, медленно наполняя её сумраком и шелестами лесными, сошла ночь, сошла незаметно, мало чем отличаясь от дня.

В вышине, по кронам деревьев, под взлохмаченным сводом лесной чащи гулял ветер. В глубину её он не проникал, и глубина эта, сумрачная и днём, а теперь черневшая густым мраком бездны, была недвижима. В душном и влажном воздухе одуряюще благоухали ландыши, черёмуха, азалии – казалось, все запахи здесь сгущались во что-то осязаемое и туманом стлались над землёй.

Дождь давно прошёл, но капли, падая с деревьев на дно этого лесного моря, на мхи, на мокрые, допьяна напившиеся папоротники, всё ещё долбили тишину однозвучным, дробным плеском.

Сквозь этот глухой, немолчный и таинственный шум, вливавшийся в обманчивую тишину, как тихий ропот волн, как жужжание мух, только тигр мог что-нибудь расслышать. И тигр слышал. Различал неподалёку, в зарослях рододендрона, едва уловимое движение чего-то живого. В такую слепую ночь только тигр мог что-нибудь увидеть.

Олень сосредоточенно и старательно обгрызал кусты, лакомясь липкими почками и нежными бархатистыми лепестками распутившихся цветов. Но вдруг к их пряному и сладкому аромату примешалось что-то нечистое. Олень вскинул голову, и когда в его раздутые ноздри ударил запах тигра, он, застонав от ужаса, метнулся в чащу – только треск пошёл по кустам. А тигрица лапой, уже согнутой для прыжка, царапнула мох раз и другой, потом выпрямилась, постояла мгновение – и пошла дальше.

Скользя между деревьев, появляясь внезапно из-за стволов, она шла вперёд легко и бесшумно, как призрак. Вслушивалась. Где-то завозились кабаны, но как только она стала к ним подкрадываться,

одна из самок тревожно зафыркала, и все бросились бежать. Не везло сегодня тигрице: слишком душно было в лесу и уже издали животные чуяли её запах, особенно острый теперь, когда она кормила детёнышей. Соски её набухли, бока немного запали.

Она притаилась на краю оврага, зная, что внизу её труднее учуять, да и прыжок сверху вернее. Недвижной глыбой нависла над тропинкой, и только хвост качался, как маятник, выдавая её неистовое напряжение. Тигрица подстерегла добычу – живое мясо, горячую кровь. И вот...

Приблизилась дичь – и не какая-нибудь, а крупная.

Шли люди. Гуськом. Передний держал ружьё наперевес и то и дело светил вокруг фонариком. За ним мерно шагали остальные с ружьями и походными мешками. В конце плелись двое, у которых руки были связаны в локтях: женщина и хромающий мужчина. А при них – конвоир, последний солдат, замыкавший шествие.

Эти люди проходили один за другим раздражающе близко к тигрице, ничего не подозревая, не чуя, что смерть – тут, над их головами, в каких-нибудь двух метрах. Они были глупее самого глупого поросёнка!

И так бы и ушли. Но последний вдруг остановился. Только на одну минуту, за малой нуждой. Он был уверен, что успеет догнать остальных. Но не догнал...

Что-то обрушилось сверху. Позади – сдавленный крик. В передних рядах замешательство. Что это? Тигр? Хунхузы? Раздалась команда:

– Томарэ! Фусэ!

А позади обрывающийся мужской голос настойчиво молил по польски:

– Беги! Ради Витека! Спаси Витека!

– Уттэ! – донеслась новая команда.

И стрельба, ожесточённая, беспорядочная...

Солдаты палили во все стороны, больше всего туда, где в кустах словно что-то зашевелилось. Но лес молчал, и они успокоились. Старший побежал назад и водил фонариком вокруг, пока не увидел на тропинке шапку и лужу крови. Было ясно, что конвоира унёс тигр, а женщина сбежала. Как её найдёшь? Кругом тайга, а ночь – хоть глаз выколи...

Иван УМОВ (1883–1961)

27 марта. 140 лет со дня рождения поэта Ивана Павловича Умова (27.03.1883, село Умовка, позже деревня Старомайнского р-на Ульяновской обл., ныне не существует – 07.03.1961, г. Александрия, Египет). Окончил Симбирский кадетский корпус. В 1900 году читал свои стихи перед посетившим Симбирск князем К.К. Романовым, который помог начинающему поэту с публикацией. В первой поэме «воспевал Волгу и очарование прибрежных лесов». С 1913 года – вице-консул России в Александрии. За рубежом издал три сборника стихов, в т. ч. «Незримый гость» к 150-летию А.С. Пушкина (1949, США). В эмиграции его называли «александрийским Тютчевым», творчество высоко ценил И.А. Бунин. В 2020 году издательством «Алдоор» выпущена книга: Иван Умов «Всё тот же сон... Стихи, воспоминания, биография».

ПРЕДКИ

От кристаллов камней драгоценных
Мы храним любовь к прямым углам:
Прям и остр и угол хат смиренных,
И веков величественных храм.

От цветов нетленное наследство –
Склонность к краскам, к радугам лучей,
И растений мирное соседство –
Лист зелёный – радость для очей.

Мы, как рыбы, любим дождь и воды,
Океаны, дали без границ,
И приемлем в счастья свободы
Мир созвучий от весёлых птиц.

И готовы мы раскрыть объятья
Тварям всем, породам всех зверей;
Чада праха – все родные братья,
Круг единый матери морей.

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Мы дети России, бездомные птицы,
Мы бедствуем всюду, под небом всех стран.
Летят разорённых скитальцев станицы
В Египет, в Алжир, на седой океан.

Нас видели в Смирне у дряхлой мечети,
И в римском палаццо, в старинном окне,
А матери наши, а малые дети
Тоскуют о нас в незабвенной стране.

И мучит нас вечным, безмолвным укором
То матери облик во мраке ночном,
То призрак сестры с угасающим взором,
То с плачем о хлебе дитя под окном.

Стучат, глядят в моё окно
Друзья, умершие давно.
Во тьме несутся мимо
И стыд, и боль души моей –
Всё, что в дымах сожжённых дней,
Увы, непоправимо!

Но впереди сияют дни.
Не все потушены огни,
И божий мир не тесен.
Я знаю: дань отдав страстям,
Ещё взлечу я к небесам
На крыльях вольных песен.

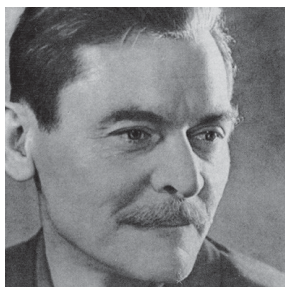
DER DICHTER SPRIGHT (ГОВОРIT ПОЭТ)

Поэт говорит о природе,
О тайнах вседневных чудес,
О вечной духовной свободе
И чистой лазури небес.

Поэт говорит, но не внемлю
Словам необычных речей:
Сердца закоснелые дремлют
Под плесенью будничных дней.

Лишь тихо деревья вздыхают,
Когда в их тени он бредёт,
И в лад головами качают
Под песню, что странник поёт.

Александр ЯШИН (1913–1968)

27 марта. 110 лет со дня рождения поэта и прозаика Александра Яковлевича Яшина, настоящая фамилия – Попов (27.03.1913, д. Блудново, ныне Никольского р-на Вологодской обл. – 11.07.1968, г. Москва, похоронен в Блудново). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1941). Член Союза писателей СССР (1934). В 1942 году был направлен в штаб Волжской военной флотилии в Ульяновск; встречался с читателями – студентами, рабочими, детдомовцами; сотрудничал с газетой «Пролетарский путь», где печатал стихи и очерки; выступал на молодёжном митинге в Ульяновске 19 апреля 1943 года. Автор сборников стихов «Северянка» (1938), «Земляки» (1946), «Свежий хлеб» (1957), «Совесть» (1961) и др.

ОБСТРЕЛ

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу, на мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк –
Атланты грохнулись у тротуара;
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг.
Труба печная подняла кулак,
Грозя врагам неотвратимой карой.

Ещё один – в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар.
Над тёмной башней занялся пожар.
Опять пожар! И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутись?..
Враги из дальнобойных бьют орудий.
Смятенья в нашем городе не будет:
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

1942

Очень много солнечного света,
Над землёй стоит голубизна.
Мнится мне: в сиянье разодела,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далёкая, плывёт,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень, кажется, поёт.

Мимо сосен, и дубов, и туи
С сизых скал срываются ключи,
Водопад – светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми, зыбкими столбами
С облаками лес соединён.
Над морским раздольем, над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю: таким – зимою? Летом? –
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Всё сиянье неба и земли.

1943

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови –
Донесётся, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождём на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой –
Хоть на миг сдержи суховея,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду – теплом повея.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны –
Я почувствую, оживу.

1943

Екатерина ДАШКОВА (1743–1810)

28 марта. 280 лет назад родилась княгиня, мемуаристка, литературный деятель Екатерина Романовна Дашкова (28.03.1743, г. С.-Петербург – 16.01.1810, г. Москва). Имеет симбирские корни: внучка Ивана Михайловича Сурмина, владельца рыбных промыслов на Волге и имения в с. Сурмино Симбирской провинции; дочь симбирской дворянки Марфы Сурминой. Возглавляла Российскую академию наук; на заседании в 1783 году предложила использовать печатную букву «ё». Писала стихи на русском и французском языках. Автор комедии «Тоисёков, или Человек бесхарактерный» (1786), драмы «Свадьба Фабиана» (1799), мемуарных «Записок» (1805) и др. Её дочь вышла замуж за дядю поэта Д.В. Давыдова.

ЗАПИСКИ (отрывок из воспоминаний)

С этого дня императрица не упускала ни одного случая, чтоб дать новое направление моим мыслям, и я, разумеется, не была равнодушна к такой доброте.

Однажды утром мы были наедине. Екатерина попросила меня написать маленькую драму на русском языке для Эрмитажного театра. Напрасно я уверяла, что у меня нет и тени таланта для такого сочинения. Государыня настаивала и сказала мне, что подобное занятие, как она убедилась по собственному опыту, заинтересует и развлечёт меня.

Наконец я была вынуждена согласиться, с одним, однако, условием, что императрица просмотрит первые два акта и поправит их или просто велит бросить в огонь.

Таким образом, договорившись, я принялась за работу в тот же вечер. На следующий день я окончила первые два действия и отвезла их императрице. Пьеса была названа именем главного лица Н... Это название, выражавшее действующий характер, никого не оскорбит, полагала я, тем более, что мой герой был самым общим местом, то есть человек во все без характера. Такими-то бесцветными существами и наполнено наше петербургское общество.

Императрица отвела меня в свой кабинет и поставила тут же прочитать, что было слишком почётно для моего сочинения. Над многими сценами она хохотала и, по снисхождению или по особенному расположению ко мне, произнесла самый лестный отзыв о моём опыте. Я обрисовала план третьего акта, где готовилась развязка драмы. На это она возразила и настаивала на пяти актах. По моему мнению, такая пьеса оказалась бы слишком растянутой и, не говоря о моей усталости, ослабила бы интерес к действию. Но я послушалась и поспешила окончить её, потом два дня употребила на чёткое переписывание и отдала её императрице. Вскоре затем пьесе сыграли в Эрмитаже, и было приказано её напечатать.

В начале следующего года я испросила у государыни позволения уволить моего сына в отпуск на три месяца для путешествия в Варшаву, где он должен был расплатиться с долгами своей сестры и проводить её на родину. По этому случаю я отдала все свои деньги и шесть месяцев жила долгами, пока не собрала свои доходы.

Сын мой съездил, исполнил поручение и перевёз сестру в Киев, где он квартировал. Из Киева я узнала обо всех этих подробностях. Казалось, многие годы я не получала от детей ни одной строчки, а так как никто и ничто не вытеснило их из моего сердца,

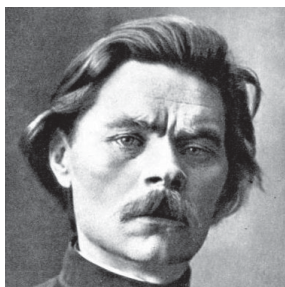
легко представить, насколько тяжело для меня было это отчуждение.

Брат мой Александр имел у себя на службе в Коммерческом департаменте и таможне молодого человека, Радищева, получившего образование в Лейпциге и особо уважаемого Воронцовым. Однажды в Российской академии появился памфлет, где я была выставлена как доказательство, что у нас есть писатели, но они плохо знают свой родной язык: этот памфлет был написан Радищевым. В нём заключалась биография и панегирик Ушакову, товарищу автора по Лейпцигскому университету. В тот же вечер я сказала об этом сочинении своему брату, который немедленно послал в книжную лавку за памфлетом. По моему мнению, Радищев обнаружил в своей брошюре притязание на авторство, но в ней не было ни слога, ни идеи, за исключением кое-каких намёков, которые в ту пору могли показаться опасными. Спустя несколько дней мой брат заметил мне, что я слишком строго осудила Радищева. Прочитав его, он находит, что автор слишком превознёс своего героя, ничего замечательного не сделавшего и не сказавшего за всю свою жизнь, что вместе с тем нельзя обвинить книгу ни в чём дурном.

«Может быть, действительно, – сказала я, – мой суд слишком строг. Но так как вы любите автора, я должна вам сказать, что особенно озадачило меня при чтении его произведения: если человек жил только для того, чтобы есть, пить и спать, он мог найти себе панегириста только в писателе, готовом сочинять всё очертя голову. И эта авторская мания, вероятно, со временем подстрекнёт вашего любимца написать что-нибудь очень предосудительное».

Так это и случилось. В следующее лето, когда я жила в Троицком, брат известил меня письмом, что моё предсказание относительно Радищева вполне оправдалось: он написал сочинение такого свойства, что его приняли за набат к революции, вследствие чего он был арестован и сослан в Сибирь.

Нисколько не радуясь исполнению своего зловещего предсказания, я искренне сожалела о судьбе Радищева, особенно потому, что брат принимал живое участие в положении этого молодого человека и, следовательно, был глубоко огорчён его неосторожностью и гибелью. В то же время я предвидела, что теперешний любовник постарается при этом удобном случае обвинить покровителя за счёт покровительствуемого. Попытка была сделана ловко, но не достигла своей последней цели: ум Екатерины ещё не совсем покорился господствовавшей над ней партии...

Максим ГОРЬКИЙ (1868–1936)

28 марта. 155 лет назад родился писатель и драматург Максим Горький, настоящее имя – Алексей Максимович Пешков (28.03.1868, г. Нижний Новгород – 18.06.1936, пос. Горки Московской обл.; похоронен на Красной площади). Один из самых издаваемых в СССР писателей. В августе 1888 года посетил Симбирск, отправившись на барже из Казани на Каспий. В 1890-м побывал в колонии толстовцев в с. Архангельское (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). В 1895, 1928, 1929, 1934 и 1935 годах бывал на пристани нашего города, путешествуя на пароходе по Волге. Его именем названы улица, площадь и два переулка в Ульяновске; в 2021 году на площади установлен памятник писателю взамен утраченного.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ (отрывок из трилогии)

Он медленно, широко развёл руки, опустился на колени и, касаясь руками «конторки», точно распытый, повторил:

– Дайте от греха бежать!

В голосе его, странно глубоко, было что-то потрясающее, раскинутые руки, длинные, как вёсла, дрожали, обращены ладонями к людям. Дрожало и его медвежье лицо в косматой бороде, кротовые, слепые глаза тёмными шариками выкатились из орбит. Казалось, что невидимая рука вцепилась в горло ему и душит.

Мужики молча расступились пред ним, он неуклюже встал на ноги, поднял узел, сказал:

– Вот – спасибо!

Подошёл к борту и с неожиданной лёгкостью прыгнул в реку. Я тоже бросился к борту и увидел, как Петруха, болтая головою, надел на неё – шапкой – свой узел и поплыл, наискось течения, к песчаному берегу, где, встречу ему, нагибались под ветром кусты, сбрасывая в воду жёлтые листья. Мужики говорили:

– Одолеет себя всё-таки!

Я спросил:

– Он – сошёл с ума?

– Зачем? Нет, это он – души спасенья ради...

Петруха уже выплыл на мелкое место, встал по грудь в воде и взмахнул над головою узлом. Матросы закричали:

– Проща-ай!

Кто-то спросил:

– А как же без пачпорта он?

Рыжий, кривоногий матрос рассказывал мне с удовольствием:

– У него, в Симбирске, дядя живёт, злодей ему и разоритель, вот он и затеял убить дядю, да, однако, пожалел сам себя, отскочил от греха. Зверь мужик, а – добрый! Он – хороший...

А хороший мужик уже шагал по узкой полосе песка, против течения реки, и – вот он исчез в кустах.

Матросы оказались добрыми ребятами, все они были земляки мне, исконные волгари; к вечеру я

чувствовал себя своим человеком среди них. Но на другой день заметил, что они смотрят на меня угрюмо, недоверчиво. Я тотчас догадался, что чёрт дернул Баринова за язык и этот фантазёр что-то рассказал матросам.

– Рассказал?

Улыбаясь бабьими глазами, смущённо почесывая за ухом, он сознался:

– Рассказал немножко!

– Да – я ж тебя просил молчать?

– Ведь я и молчал, да уж больно история интересна. Хотели в карты играть, а рулевой захватил карты, – скушно! Я и того...

Из расспросов моих оказалось, что Баринов, скуки ради, сплёл весьма забавную историю, в конце которой Хохол и я, как древние викинги, рубились топорами с толпой мужиков.

Бесполезно было сердиться на него, – он видел правду только вне действительности. Однажды, когда я с ним, по пути на поиски работы, сидел на краю оврага в поле, он убеждённо и ласково внушал мне:

– Правду надобно выбирать по душе! Вон, за оврагом, стадо пасётся, собака бегаёт, пастух ходит. Ну, так что? Чем мы с тобой от этого попользуемся для души? Милый, ты взгляни просто: злой человек – правда, а добрый – где? Добро-то ещё не выдумали, да-а!

В Симбирске матросы очень нелюбезно предложили нам сойти с баржи на берег.

– Вы нам люди неподходящие, – сказали они.

Свезли нас в лодке к пристаням Симбирска, и мы обсохли на берегу, имея в карманах тридцать семь копеек. Пошли в трактир пить чай.

– Что будем делать?

Баринов уверенно сказал:

– Как – что? Надо ехать дальше.

До Самары доехали «зайцами» на пассажирском, в Самаре нанялись на баржу, через семь дней почти благополучно доплыли до берегов Каспия и там пристроились к небольшой артели рыболовов на калмыцком грязном промысле Кабанкул-бай.

Константин СТАНЮКОВИЧ (1843–1903)

30 марта. 180 лет со дня рождения писателя Константина Михайловича Станюковича (30.03.1843, г. Севастополь – 20.05.1903, г. Неаполь, Италия). Ранней весной 1891 года, в самую распутицу, был проездом в Симбирской губернии, когда отправился в имение Н.Е. Гарина-Михайловского за Самарой. Автор романов «Без исхода» (1873), «В мутной воде» (1879), «Наши нравы» (1879), «Два брата» (1880), «Омут» (1881), «Первые шаги» (1891), «Откровенные» (1894), «Жрецы» (1897) и др. Среди прочих использовал псевдоним К. Симбирский. Родом из Симбирской губернии были и персонажи его произведений – Федос Чижик (рассказ «Нянька», 1895) и Николай Козельский (роман «Равнодушные», 1899).

ВОЛК (отрывок из рассказа)

Однажды, под вечер воскресного дня, баркас с матросами первой вахты пристал к левому борту парусного корвета «Гонец», стоявшего на севастопольском рейде.

В числе возвратившихся с берега пожилой формарсовой Лаврентий Чекалкин, носивший кличку «Волка», поднялся со шлюпки озлобленный, мрачный и бледный. Голова его была обмотана тряпичей, пропитанной кровью.

Другой матрос, тоже пожилой формарсовой, Антон Руденко, поднялся на палубу, прихрамывая на одну ногу. Вспухшее его лицо было окровавлено. Половина уха была оторвана.

– Это что такое? – сердито спросил старший офицер Пётр Петрович старшину баркаса.

– Передрались, ваше благородие.

Быстрый и решительный во всяких случаях, Пётр Петрович крикнул боцману Гордеенку:

– Завтра до флага перепороть обоих!

– Есть, ваше благородие! Но...

– Какие там «но»? Я тебе «но» пропишу на морде!

– Слушаю, ваше благородие. Однако дозволейте переждать порку.

– Почему?

– Волк быдто поранен ножом, а Руденко вовсе измят. И ноги, должно быть, перелом.

– Были вдребезги?

– Выпимши, но при полном рассудке, ваше благородие!

Старший офицер изумился. Оба матроса были исправные и приятели.

– И вдруг так изувечили друг друга? Из-за чего?

– Не могу знать, ваше благородие. Должно, из-за этой самой Феньки, – со снисходительным презрением к женщинам прибавил боцман.

– Какая такая Фенька?..

– Молодая вдовья матроска.

– Ну, так что ж?

– С Волком два года путалась и в один секунд: «Отваливай! Очертел, мол, сразу». Беда какие торопливые есть матроски! – насмешливо промолвил боцман.

– Так, значит, Руденко не зевал на брасах... А Волк приревновал?..

– Не должно... Фенька в Симферополь утекла. Новый город пожелала увидеть. Любопытная, видно! – усмехнувшись, пояснил старый боцман.

– Ничего не понимаю! – воскликнул Пётр Петрович.

– Как баба облестит – никакого не выйдет понятия, ваше благородие!

– Тоже нашли – из-за бабы драться! А ещё хорошие матросы! Позови-ка их сюда! – приказал Пётр Петрович.

Он решительно был изумлён романической историей, и у кого же? «У пожилого умного Волка, казалось, не способного на такие штуки!» – подумал старший офицер, питавший некоторую слабость к лихому марсовому. Уж очень хорошо он вязал штык-болт на ноке формарса-реи и вообще был «отчаянный» в работах матрос... Первый на «Гонце». И вдруг – скажите пожалуйста! Через минуту оба матроса подошли на ют, где стоял старший офицер.

– Так как же, Волк? Обезумел, что ли, под старость?

– Никак нет, ваше благородие! – застенчиво промолвил Волк.

– Хорош: «Никак нет!» Полюбуйтесь оба на себя. Доктор сейчас осмотрит. Нечего сказать: старые петухи! А ещё приятели!.. Прежде пьянствовали вместе... А теперь, видно, отстал пить?

– Отстал, ваше благородие...

– Ну, говори, Волк, чтобы мне знать, как вас выдрать после починки. Из-за чего разодрались?

– Так, ваше благородие! Из-за разговора.

– Не ври, Волк... Из-за Феньки?.. Сказывай!

Волк молчал.

– Точно так, ваше благородие! С позволения сказать, из-за непутящего ведомства и вышла раздрайка! – проговорил виновато Руденко.

Волк только презрительно взглянул на приятеля.

– И ты, Волк, из-за бабы изувечил Руденку? А эта злая скотина пырнул тебя? Кто зачинщик?

– Я, ваше благородие! – безучастно вымолвил Волк...

Жан БЛО (1923–2019)

31 марта. 100 лет со дня рождения французского писателя и переводчика Александра Арнольдовича Блока, творческий псевдоним – Жан Бло (31.03.1923, г. Москва – 26.12.2019, г. Париж). Сын русского эмигранта. Жил в Париже, встречался с И.А. Бунинным, Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, В.Ф. Ходасевичем, В.В. Набоковым. Приезжал в Ульяновск с В.П. Жобер в сентябре 2004 года в дни памяти И.А. Гончарова; провёл презентацию своей книги «Иван Гончаров, или Недостижимый реализм»; посетил музей писателя, побывал в Винновской роще. Автор исследований и эссе «Космополиты» (1993), «Набоков» (2000), «Солнце заходит на Востоке» (2005), «Александр Блок, поэт Невского проспекта» (2006) и др.

НАБОКОВ (отрывок из книги)

В книге, посвященной Гоголю, Набоков хвалит последнего за то, что тот подобрал для своих персонажей фамилии, похожие на «клички, которые мы нечаянно застаём в тот самый момент, когда они превращаются в фамилии». «Всякую метаморфозу так интересно наблюдать», – добавляет Набоков. Я усматриваю в этом позволение взяться за расшифровку фамилии, которую ему предстояло проиллюстрировать. И так, бок, на обочине, а Набоков – производное этой обочинной позиции. Иными словами, человек, который не впереди, не в центре, но на обочине, в стороне от этой позиции «или находится в ней и иллюстрирует её в той мере, в какой её представляет».

Можно было бы упрекнуть меня за такое толкование. Однако судьба писателя заслуживает прозвища, которое можно обнаружить в его фамилии; и как человек, а равно и как писатель, он всегда будет одновременно типичным и поразительным, блестяще иллюстрируя другую сторону – то есть – боковую, обочину, скрытую сторону очевидного. Человек? Русский до кончиков ногтей, но из другой России, выбранной им с полным основанием как условность, как архетип; истинный аристократ, но наследник и защитник интересов либеральной буржуазии; образованный, космополитичный, демократичный, утверждающий, что принадлежит к «великой бесклассовой интеллигенции России», ограбленный эмигрант, перемещённое лицо без средств и в этом качестве символическая жертва века, но с рисовкой, с блеском, с высокомерием, которое превращает казнимого в героя, а казнь в удачу.

Писатель? Прежде всего поэт, но более озабоченный точностью наблюдений и математическим расчётом, нежели романтикой и чувствами; поэт, отводящий первостепенное место языку, отчего произведение столько же зависит от ритмических и музыкальных свойств составляющих его слов, сколько от их значения, однако не поколебавшийся в определённый момент сменить язык и оставить русский, который он боготворит, перейти на английский, став писателем англо-американским; «геометрический» ум, ищущий на основе реальности формы, а не сущности, придавший даже судьбе и прочим фантастическим и иррациональным понятиям достоинства гармонии и показательной симметрии, предпочитавший связи и взаимоотношения элементам и составным частям, и при этом чемпион в части безудержной креативности,

свободный и изобретательный аллюр которой должен обгонять реальность и раскрывать её смысл; светский мыслитель, падкий до любовных игр ума, но охотно принимающий, а иногда далее выбирающий в качестве основы вдохновения магические или мистические идеи; писатель, решительно противящийся втягиванию в политику, неистощимый в сарказмах над теми, кто занимается ею и принимает её, он, тем не менее, оказался одним из немногих западных интеллектуалов, кто никогда ни в чём не поддавался сиренам из Москвы, не пошёл ни на малейший компромисс и стал для современной русской молодёжи образцом, вожатым, маяком...

И однако же, он постоянно озабочен тем, чтобы показать своим примером, своим творчеством, своей мыслью, что иллюстрируемые им противоречия всего лишь видимые, что рядом существует другая истина, которую он должен срочно явить, не меняя, однако, своей сторонней, то есть боковой, природы, потому что это означало бы потерю шаловливой свободы, которой она как раз обязана своим сторонним, боковым положением, означало бы сведение ликующей и подпрыгивающей словоохотливости к мрачному и торжественному продвижению по королевской дороге... Но это значит чрезмерно злоупотребить неизбежно кратким мигом, когда «кличка превращается в фамилию».

Было ли что-нибудь боковое в обрусевшем татарском князе Набок-Мирзе, от которого, если верить семейной традиции и изысканиям родственника писателя Владимира Голубцова, любителя составлять родословные, в XIV веке пошёл род Набоковых? Неизвестно. Якобы век спустя появляется упоминание о трёх сыновьях некоего Луки Набокова, обвинённых в захвате земель соседей, и только к концу XVIII века с именем генерала Александра Набокова, который командовал в царствование Павла I Новгородским полком, мы переходим от легенды к истории. Благодаря этому военному род оказывается среди того дворянства, которое получает вместе с землями и состояние за военную службу царю. Однако у Набоковых это продлится всего одно поколение.

Уже начиная со следующего, проявляются отклонения. Утверждается мятежный дух. Иван – тоже генерал, но он женится на сестре Пущина, одного из героев декабрьского восстания против Николая I, и это он водружает родовой штандарт в лагере либералов, и штандарт так там и останется...

Алексей РЕКЕЕВ (1848–1932)

175 лет назад родился чувашский педагог, переводчик, этнограф Алексей Васильевич Рекеев (?..03.1848, с. Кошки-Новотимбаево, ныне Тетюшского р-на РТ – ?..10.1932, с. Байглычево, ныне Яльчикского р-на Чувашии). В октябре 1868 года пришёл пешком в Симбирск; стал первым учеником Симбирской чувашской школы. Окончил Симбирское уездное училище (1870) и педагогические курсы при нём (1872). Помогал И.Я. Яковлеву в составлении нового чувашского алфавита, первых чувашских букварей. Работал учителем в Средних Тимерсянах. Автор сочинений «Из чувашских преданий и верований» (1898), «Разные чувашские моления» (1898), «Симбирская чувашская школа в её первоначальном виде» (1910) и др.

ИЗ ЧУВАШСКИХ ПРЕДАНИЙ И ВЕРОВАНИЙ (отрывок из сочинения)

По понятиям чуваш, прежде в мире были только одна вода и небо со всеми светилами. Земли нигде не было видно. Она была под водой на неизмеримой глубине. Был единый Бог со своими ангелами. Да ещё был с Ним один дьявол, шуйтан, который постоянно домогался вредить Богу и обманывать Его. Вот единый Бог задумал создать землю видимую, чтобы можно было ходить по ней. Для этого Ему непременно нужно было достать из-под воды немножко грязи, но Сам почему-то доставать Он не хотел. Плавая на лодке, Бог не раз посылал своих ангелов доставать со дна грязи. Ангелы много раз ныряли, и всё-таки ни один из них достать земли не мог.

Дьявол всё около Бога увивался и брался непременно достать земли. Бог не доверял ему и отказывался от его услуги. Наконец Бог решился допустить дьяволу достать землю. Дьявол тотчас же нырнул в воду и вынес во рту грязи, выплюнул её Богу на ладонь, а Бог эту землю рассеял во все стороны. Все упавшие частички земли тотчас же везде начали быстро увеличиваться. Вдруг Бог видит, что у дьявола верхняя губа что-то надувается. Оказалось, что дьявол не всю землю выплюнул, а частичку утаил. Догадавшись, в чём дело, Бог ударил дьявола по верхней губе. У дьявола губа рассклалась, оттуда выпала затвердевшая земля и потекла кровь. Куда кровяные брызги упали, там везде народились новые дьяволы; и так их много тогда народилось, что и счёту им не стало. А прежде был только один дьявол. Хотя дьявола Бог не любил, а всё-таки за его услугу позволил ему жить в воде и в земле, но выходить часто на землю не велел.

Прежде небо было так близко, что его свободно можно было доставать с крыши домов. Люди кусками неба лечились от разных наружных болезней. Такая близость неба служила особой милостью Бога к людям. Но впоследствии у одной неряшливой женщины обмарался ребёнок; вытерла его пелёнкой и воткнула эту грязную пелёнку в небо сушить. Видя такой дерзкий поступок, Бог быстро, с шумом, поднял небо так высоко, что люди уже не могут касаться его.

О сотворении Богом человека я не слышал. Может быть, об этом тоже есть особые рассказы, но я не знаю. Только чуваша говорят, что Бог рождающемуся человеку хотел дать такую же способность,

как и детёнышам многих животных, т. е. чтобы дитя по рождении прямо могло ходить само без помощи матери. Но этому делу повредила сама же женщина. Дело было так: первой женщине Бог стал давать с неба ребёнка. Он должен был сверху бросить ребёнка для того, чтобы тот сам встал на землю и пошёл ходить. А мать, видя падение ребёнка, сжалившись, подставила подол. Таким образом ребёнок упал ей в подол. За такое недоверие Бог сказал женщине: «Пусть ребёнок до трёх лет не сходит с твоего подола». Вот поэтому теперь женщинам и приходится нянчить своих детей на руках до трёхлетнего возраста.

Первые люди жили попарно со своими родными сёстрами. Первый брак с чужой явился следующим образом: в одном семействе были сын и дочь, но мать была им не родная, а мачеха; она отвела этих детей в лес и там оставила в разных местах, так что они друг друга не нашли. Сын добрёл до какой-то деревни, а девочке в лесу попала какая-то незнакомая девица, которая и увела её к себе. Впоследствии эти две девушки пришли в какую-то деревню и там встретились с братом заблудившейся. Но ни брат, ни сестра друг друга не узнали, а всё-таки друг друга подозревали. Молодцу обе девицы понравились. Он и задумал одну из них взять себе в жёны, но боялся, как бы не напасть на свою родную сестру. Ему первому пришла мысль, что непристойно жениться на своей родной сестре.

Тогда он пошёл к йумзи – знахарю, надеясь, что тот научит его, как узнать свою сестру. Йумзя сказал: «Ты при этих двух девушках начни работать топором, да нарочно и порежь свой палец. Тогда твоя сестра сжалится над тобой и подбежит к тебе первая. Таким путём ты и узнаешь свою сестру». Молодец так и сделал. Когда он порезал палец, его родная сестра сейчас же закричала: «Ох, братец! Ведь ты сильно порезал палец свой?!» Тогда молодец ясно узнал свою сестру, а другую девушку взял за себя за муж. С тех пор люди не стали брать своих сестёр в жёны, а стали жениться на чужих.

Сначала человека Бог сотворил бессмертным. Но по прошествии многих лет оказалось много таких старых и дряхлых стариков, которые надоели Богу своими просьбами о смерти. Тогда Бог сжалился над этими дряхлыми старцами и сотворил для таких лиц смерть – есрейле...

Пётр СУШКОВ (1783–1855)

240 лет со дня рождения литератора Петра Васильевича Сушкова (1783, ? – 1855, ?). Сын симбирского губернатора В.М. Сушкова и писательницы М.В. Сушковой; отец поэтессы Е.П. Ростопчиной. С 1803 года находился на службе. Жил в Москве и Петербурге, много разъезжал по России. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Любил театр и даже пробовал играть актёрские роли. В 1812 году отправил жену с новорожденной дочерью в д. Талызино Симбирской губ., где они прожили до отступления Наполеона из Москвы. В 1826–1833 гг. – директор Оренбургского таможенного округа. С 1836 года – действительный статский советник. Автор романа; писал стихи. Вёл переписку с поэтом Николаем Гнедичем.

Николай ЛУШНИКОВ (1808–?)

215 лет назад родился поэт-обличитель Николай Фёдорович Лушников (1808 или 1809, Симбирская губ. – не ранее 1856, ?). Сын симбирского землемера. Окончил Симбирскую гимназию. В 1826 году приехал из Симбирска для поступления в Московский университет. В 1827-м стал одним из организаторов «Тайного общества братьев Критских». Предлагал написать прокламации к жителям Москвы и положить на памятник Минину и Пожарскому. Был арестован, содержался в тюрьмах. Надеялся на поддержку «симбирского губернатора, предводителя дворянства Баратаева и генерала Ивашева». Стихи публиковались в сборнике «Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века» (1970).

МЕЧТЫ

В жилище грозного тирана
Всё запустело, всё молчит;
Лишь вещей крик ночного врана
Ему песнь гибели звучит...

Упьётся месть в крови злодея,
Мне голос сердца говорит, –
И терем страшный, запустея,
Как башня рухнув, загремит!

Заезда свободы оживит
Родную сторону мою.
Но что? Увы! – мечта летит;
А я сижу – и слёзы лью.

ПЕСНЬ РУССКОГО

Слишком долго мрак убийственный
Мою душу омрачал,
Слишком долго рок таинственный
Меня в жертву назначал.

Но при слове «гибнет родина!»
Загорелось сердце русского,
Как воинственный дух воина
Пред толпами войска прусского.

Казнь позорная свершилась
Над великими сынами,
И Россия подклонилась
Вместе с жалкими рабами
Под тяжёлый скипетр тираний.

Друзья, нерусский нами правит,
Нормандец нам подаст закон,
Он Русь святую так бесславит,
Как обесславлен теперь он.

Да свергнет бог с него корону,
Пришлец он низкий – он немчин,
Пусть русские падут к Романову закону,
Ему ль носить столь знатный чин?

Да водворится в нас свобода!
Пусть рабства цепь не тяготит
Издавна славного народа,
Привыкшего своих любить.

Весна 1827

Иван ПАТРИЖИЦКИЙ (1868–?)

155 лет со дня рождения сказочника Ивана Георгиевича Патрижицкого (1868?, Ставропольский у. – начало 1900-х, г. Мелекесс, ныне Димитровград Ульяновской обл.). По окончании школы работал учителем в Мелекессе. По семейному преданию, полученному от его внучатой племянницы З.В. Коробковой, сочинял сказки, рукопись которых отправил писательнице А.Л. Бостром в с. Архангельское под Симбирском. Её сын А.Н. Толстой в 1910 году приезжал в Архангельское к деду Л.Б. Тургеневу и якобы нашёл сказки на чердаке дома, литературно обработал и издал как народные под своим именем. Подтверждений этому пока не найдено. В Димитровграде на улице Тухачевского, 141 сохранился дом сказочника.

Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед